

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2016

№ 3 (35)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Щербинин А.И. (Томск, Россия) – редактор

Скочилова В.Г. (Томск, Россия) – ответственный секретарь

Аванесова Е.Г. (Томск, Россия)

Щербинина Н.Г. (Томск, Россия)

Юсубов Э.С. (Томск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Малинова О.Ю. (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва)

Соловьев А.И. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва)

Чахор Рафал (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники (Польковице, Польша)

Шестопал Е.Б. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва)

Шуберт Клаус (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD

Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) – Editor

Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) – Executive Editor

Avanesova E.G. (Tomsk, Russia)

Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia)

Usubov E.S. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Malinova O.Y. (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow)

Soloviov A.I. (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow)

Czachor Rafal (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice Poland)

Shestopal E.B. (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow)

Shubert Klaus (Westphalian Wilhelm University, Muenster, FRG)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Карачканов А.А. Множественность представлений об организационной культуре: понятие, сущность и структурно-функциональное содержание.....	7
Князева Е.Н. Возвращение к единству: методологические аспекты эволюционного холизма	23
Корниенко Ан.А. Когнитивный менеджмент как инновационная стратегия управления в обществе знания: концептуальный аспект.....	36
Левин С.М. Коллективное сознание и моральная ответственность политологии	46
Рубанов В.Г., Рубанова Е.В. Основные положения ноосферной концепции В.И. Вернадского	54
Севостьянов А.В. Позиционирование инновационного города: философия и практика	66
Хамитов Р.М. Переживание в структуре гуманитарного знания В. Дильтея.....	76

СОЦИОЛОГИЯ

Кравченко Н.Ю. Трехкомпонентная модель формирования гражданской идентичности: возможности и ограничения	82
Скрипник А.В., Корнилова Д.Д.-Н. Маркетинговые и культурологические составляющие имиджа города (на материале г. Томска и Иркутска).....	91
Трошкина И.Н. Динамика ценностных ориентаций и типов семьи (на примере хакасского этноса).....	99
Филькина А.В., Булатова Т.А., Берестнева О.Г. Культурная активность населения Томской области в контексте культурного капитала и инновационных модернизационных процессов.....	108

ПОЛИТОЛОГИЯ

Акматалиева А.М. Реализация энергетических проектов CASA-1000 и TAPI в рамках инициативы Новый Шелковый Путь США	126
Гребенкина Е.В. Трансформация дипломатии в рамках сетевой структуры мира	138
Грицан А.В. Основные тенденции и проблемы информационного развития в Российской Федерации	145
Данилова Е.А. Инновационный дискурс российского национального бренда: к постановке проблемы	154
Довгаль Г.В. О зрелости власти и ее первоочередных задачах в России	163
Звягина Д.А. Pacta sunt servanda или, О доверии в международных отношениях	171
Кирдяшкин И.В., Скочилова В.Г. Структура политической ментальности студенческой молодежи в культурно-символическом контексте политической социализации: региональный аспект	178
Колядин А.М. «Группа интересов» против «элиты»: теория А. Бенгли в контексте взглядов элитистов (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс)	186
Полякова Н.В. Политика памяти в современной Франции: между коллаборационизмом и сопротивлением.....	192

Пустовойт Ю.А., Мартыненко-Фриауф А.А., Антидзе Т.Н. Формирование, развитие и распад локального политического режима (опыт выявления структуры власти в крупном индустриальном центре)	200
Руми Ф., Матвеев А.С. Концептуальные подходы к изучению двусторонних российско-иранских связей	209
Сдельников В.А. Роль личности президента В.В. Путина в современном имидже России	217
Скиперских А.В. Бунт как преодоление тесноты: размышления о некоторых особенностях русской культуры	226
Суздалева Т.Р. Миграционные процессы в контексте геополитики	237
Трифонов Ю.Н. О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия	245
Щербинина Н.Г. Политико-культурные коды и конструктивное творчество современной российской власти	255
Щербинин А.И. Патриотизм как номенклатурный конструкт	264

CONTENTS

PHILOSOPHY

Karachkanov A.A. The article examines the multiplicity of views of the phenomenon of organizational culture in the framework of modern socio-humanitarian knowledge	7
Knyazeva H.N. Return to unity: the methodological aspects of evolutionary holism	23
Korniienko A.A. Cognitive management as an innovative management strategy in a knowledge society: the conceptual aspect	36
Levin S.M. Collective mind and moral responsibility	46
Rubanov V.G., Rubanova E.V. The main thesis of the V.I. Vernadsky noospheric concept	54
Sevostianov A.V. Positioning of an innovative city: philosophy and practice.....	66
Ramil K.M. Experience in dilthey's structure of the humanities.....	76

SOCIOLOGY

Kravchenko N.Y. Three-component model of civil identity's formation: opportunities and restrictions.....	82
Skripnik D.A., Kornilova V.D.-N. Marketing and cultural components of the image of the city (on the basis of Tomsk, Irkutsk). Part 2. Research of population's awareness about the image of the city	91
Troshkina I.N. Dynamics of value orientations and types of a family (on the example of the khakass ethnos)	99
Filkina A.V., Bulatova T.A., Berestneva O.G. Cultural activity in Tomsk region in the context of the cultural capital concept and innovation modernization processes.....	108

POLITICAL SCIENCE

Akmatalieva A.M. Implementation of the energy projects CASA-1000 and TAPI within the New Silk Road Initiative of the US	126
Grebenkina E.V. Transformation of diplomacy: inside of a network structure of the world	138
Gritsan A.V. Main trends and problems of information development in the Russian Federation	145
Danilova E.A. The search of Russian national branding idea under the logic of a multipolar global world forming.....	154
Dovgal G.V. The main tasks of the political elite in Russia.....	163
Zvyagina D.A. Pacta sunt servanda или о доверии в международных отношениях	171
Kirdjashkin I.V., Skochilova V.G. The structure of the political mentality of the students in the cultural-symbolical context of political socialization: the regional dimension	178
Kolyadin A.M. "Interest groups" versus "elite": theory of A. Bentley in the context of classic elitist views (G. Mosca, V. Pareto, R. Michels).....	186
Poliakova N.V. The politics of memory in modern France: between collaboration and resistance.....	192

Pustovoit Yu.A., Martynenko-Friauf A.A., Antidze T.N. The formation, development and decay of the local political regime (the experience of revealing the structure of power in the large industrial centers).....	200
Roomi Farshad, Matveev A.S. The conceptual approaches to the study of bilateral Russian-Iranian relations.....	209
Sdelnikov V.A. Role of personality of the President V.V. Putin in the Modern Image of Russia.....	217
Skiperskikh A.V. Revolt as overcoming the tightness: reflections on some of the features of Russian culture.....	226
Suzdaleva T.R. Migratory processes in the context of geopolitics	237
Trifonov Yu.N. About patriotic ideology in the ideological diversity	245
Scherbinina N.G. Political and cultural codes and constructive creativity of contemporary Russian power	255
Scherbinin A.I. Patriotism as a nomenclature construct	264

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/35/1

А.А. Карачканов

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Анализируется множественность представлений феномена организационной культуры в рамках современного социально-гуманитарного знания. Обосновывается необходимость более целостного рассмотрения данного феномена при использовании философского методологического аппарата. Кратко описывается генезис концепта организационной культуры и его основные факторы актуализации. Феномен организационной культуры рассматривается в рамках двух принятых в научной литературе подходов: рационально-прагматическом и феноменологическом.

Ключевые слова: культура, организационная культура, понятие, сущность, структурно-функциональное содержание.

Разобраться в сущности организационной культуры и дать ее определение весьма сложно. Во-первых, в силу полидисциплинарного характера её изучения. Специалисты, так или иначе связанные с феноменом организационной культуры (культурологи, социологи, экономисты, психологи, философы, политологи и т. д.), склонны давать свое определение организационной культуры, исходя из дисциплинарной специфики изучения культурных явлений. Во-вторых, в отсутствие комплексных академических работ, носящих целостный философский характер, что связано, видимо, с короткой историей изучения данного феномена в России. До сих пор остается не ясным конкретное место и статус организационной культуры в системе философско-культурологических представлений о культуре вообще.

Современные исследователи понимают культуру как таковую многопланово: как искусственную среду, созданную человечеством; как способ и результат всей человеческой деятельности; как специфическую форму существования этносов, которая обеспечивает выживание человеческого сообщества в конкретных условиях региональных особенностей планеты. Вместе с тем культура представляет собой также совокупность общечеловеческих норм, ценностей и значений, интересов и потребностей, которые реализуются в деятельности разнообразных экономических, политических, социальных и духовных институтов, учреждений и организаций, созданных людьми.

Развитие научно-технической революции XX в. вызвало переворот в материальных условиях существования и развития общества. Это привело к качественным преобразованиям и изменениям во всех сферах и элементах

общественного производства. К числу наиболее характерных направлений этих изменений могут быть отнесены следующие: комплексная автоматизация, кибернетизация, компьютеризация, создание новых технологий и т.п. Тем не менее в США уже в 70-е гг. был выявлен тот факт, что информационные и кибернетические подходы в управлении, присущие предыдущему десятилетию, не дали значительных результатов. Обеспечить функционирование производства и повысить его эффективности, опираясь главным образом на технические средства и методы рациональности, не реализуя при этом в полной мере человеческие ресурсы организации, удавалось все реже и реже.

В XX в. понятие «культура» стали применять менеджеры и исследователи организаций; оно обозначает общий климат организации и характерные методы работы, а также провозглашаемые ею ценности. Под влиянием социально-экономических факторов середины XX в., научных исследований, прежде всего хоторнских экспериментов, проведенных под руководством Э. Мейо, и не в последнюю очередь введения в 1956 г. Т. Парсонсом в научный лексикон понятия «организационная культура» оно становится самостоятельным объектом изучения. В конце 70-х гг. XX в. зашли в тупик исследования в области стратегического управления, теории организации. Выход из кризиса теории в области менеджмента увидели в развитии концепции организационной культуры. И уже к 80-м гг. XX столетия в США была разработана концепция организационной культуры. Связано это было прежде всего с потребностью крупного и среднего бизнеса, которому понадобились новые подходы к управлению, чтобы поднять эффективность труда, задействовав при этом не только способы материально-денежной стимуляции, но и охватив глубинные уровни человеческой потребности в самоактуализации (А. Маслоу).

Можно выделить несколько исторических причин широкого распространения в это время нового понимания организации, связанного с концептом организационной культуры.

Во-первых, не вся организационная реальность могла быть эксплицирована и формально описана с использованием существовавших в то время инструментов исследования организаций. Формализованные описания охватывали бизнес-процессы, процессы трансформации (технологические процессы), нормы и правила регулярного менеджмента, организационную структуру, в некоторой степени – неформальную структуру и каналы коммуникаций (социометрия).

Все остальное в организации существовало в «неписаном» виде. При этом сотрудники организации прекрасно знали, как действовать в различных ситуациях, хотя эти действия не регулировались никакими писаными правилами, регламентами и прочими документами. Вполне естественно возникла идея описать как некоторое целое неписанный свод норм, ценностей, знаний, которые действительно регулируют поведение сотрудников внутри организации, в их ролевом и сверхролевом контексте. Для этого как раз и подошло понятие культуры как концепта, охватывающего достаточно широкий класс феноменов организованной реальности.

Во-вторых, на этот период пришелся подлинный расцвет транснациональных компаний. Одна из серьезнейших проблем, с которыми столкнулись эти компании, – необходимость использовать рабочую силу в любых странах планеты. Если освоение технологий работы сотрудниками из этих стран существенных проблем не составило, то трудовые отношения, специфичные для этих стран, оказались «камнем преткновения» и сразу породили множество проблем. Возник вопрос, насколько культуру транснациональной компании можно транслировать на ее филиалы в различных странах. Ответ на этот вопрос предполагал, что мы знаем, что такое организационная культура, умеем ее «измерять», а также определять ее «дистанцию» от культуры национальной, т.е. возможные границы ассимиляции местных работников. Многие талантливые руководители и менеджеры, сами того не подозревая, создавали организации с сильным ценностным и идейным ядром, выраженным в специфической корпоративной идеологии, которые впоследствии транслировались работниками далеко за пределы их внутриорганизационного пространства. По сути, работники зачастую начали руководствоваться в своей личной и бытовой жизни нормами и правилами их профессиональной этики.

Введение нового концепта «организационная культура» позволило разработать новые инструменты управления организацией. Ключевые области приложения новых инструментов: организационные интервенции и внедрение изменений (сопротивление и модификация организационной культуры), оценка и снижение рисков слияния и поглощения разных по культуре компаний, кросс-культурный менеджмент, программы отбора и адаптации новых сотрудников, программы «управления по ценностям».

В свою очередь, в организационной культуре могут содержаться и содержаться специфические нормы и ценности, разделяемые только представителями данной организации. Организационные ценности и нормы могут быть согласованы с общечеловеческими, а могут и противоречить им в том случае, когда цели деятельности организации носят асоциальный либо антисоциальный характер. Данное обстоятельство определяет характер соотношений общей и организационной культур. В том случае, если значимость организационных ценностей для субъекта деятельности превышает значение общечеловеческих, организационные интересы реализуются в ущерб общественным, а организационная культура приобретает статус контркультуры по отношению к культуре как целому.

Для современного развития общества характерно наличие большого количества разного рода структурных элементов социума, к числу которых относятся и организации, понимаемые как упорядоченные и обладающие четкой внутренней дисциплиной учреждения, созданные для реализации каких-либо конкретных видов деятельности. Будучи основанными на определенных нормах, соблюдение которых обеспечивает эффективную деятельность, каждая организация обладает и определенной культурой, в которой раскрывается степень социального и интеллектуального развития организации, обеспечивающая ее достижения в производственной, социальной и интеллектуальной сфере. Носителями культуры организации являются люди, однако в условиях стабильного существования культура организации становится ее атрибутом и оказывает активное обратное воздействие на членов организации и их по-

ведение, модифицируя его в соответствии с нормами и ценностями, лежащими в основе культуры организации.

Главными функциями организационной культуры являются: выражение индивидуальности организации, т. е. ее уникальности; отражение здравого смысла организации, что выражается в стандартах поведения, вырастающих из культурных традиций; обеспечение коллективной преданности организации, т. е. патриотизма или лояльности всех работников; стабилизация морально-психологического климата в организации, обеспечиваемая миссией организации и ее идеологией.

В исследованиях, посвященных организационной культуре, существует огромное множество определений. Проблематика организационной культуры в научной литературе представлена с точки зрения двух подходов: рационально-прагматического и феноменологического.

Согласно рационально-прагматическому подходу, культура рассматривается как инструмент повышения эффективности деятельности организации и проводник организационных изменений. Отличительной чертой этого подхода является его ориентация на управление культурой. Характерно рассмотрение руководства (или создателей организации) как лиц, формирующих или селекционирующих культуру. Интерес к этому подходу определяется теми возможностями эффективных решений проблем управления, которые могли бы быть достигнуты с его помощью. Данный подход представлен теорией организации, лежащей на пересечении ряда научных теорий: теории менеджмента (целенаправленном воздействии субъекта управления на объект управления с целью достижения определенных практико-ориентированных результатов); теорией экономики (наука о получении определенных результатов с заданной эффективностью); социальной социологией, теорией управления персоналом (дисциплины, учитывающей важность человеческого фактора в менеджменте); общей теории систем, кибернетики; теории информации; теории моделирования организованных систем. В последние годы особенно отчетливо проявляет себя научное изучение организационных систем, на котором сказывается специальная теория организации, синергетика и общая теория систем.

Феноменологический же подход понимает и анализирует организационную культуру посредством интерпретации ее проявлений. Речь идет о способе трактовки организационной культуры для обозначения сути организации. Исходя из этого, организационная культура не свойство, которым обладает организация, а то, чем она по существу является. Этот подход чаще всего ассоциируется с феноменологической моделью организации, когда организации понимаются и анализируются главным образом не в экономических или материальных терминах, а в терминах экспрессивных, мыслительных или символических. Авторы, придерживающиеся этого подхода, как правило, отрицают возможность целенаправленного прямого воздействия на формирование организационной культуры. Наиболее известными сторонниками данного подхода являются К. Вейк и Д. Силверман.

Так, по мнению Т.Ю. Базарова, «организационная культура – интегральная характеристика организации (ее ценностей, образцов поведения, способов оценки результатов деятельности), данная в языке определенной типоло-

гии (исторические типы организационных культур: органическая, предпринимательская, бюрократическая, партиципативная)» [1].

В.В. Рудницкий в своё понимание феномена организационной культуры включает два взаимосвязанных измерения: макроэкономическое, охватывающее общественную организацию как целое (система хозяйствования), и микроэкономическое, характеризующее конкретные организационные структуры (формы) хозяйствования на уровне предприятия (фирмы). В первом случае акцент делается на сохранение традиций и опыта, исходя из принципа «не навреди»; во втором главным является гибкость реагирования на новое в науке и технике, на изменение спроса и предложения [2]. Организационная культура, по мнению В.В. Рудницкого, наряду с национальными традициями и опытом, мотивациями и образом действий, стереотипами поведения включает в себя обществоведческие знания, восприимчивость к новациям, умение использовать экономическую теорию, квалифицированное управление, а также наличие (воспитание) лидеров – перестройщиков, способных обеспечить реальный процесс внедрения нового интуитивно или на свой страх и риск.

Крайне интересная точка зрения зарубежных исследователей на феномен организационной культуры. Так, американский экономист П. Галиарди определяет организационную культуру как «конкретную систему стоимостных установок и основополагающих ценностей, которые позволяют отличать социально-экономические интересы одной группы общества от другой и ориентируют его (общество) хозяйственные решения».

Польский учёный А. Козминский выделяет «нормы и ценности, стереотипы поведения, традиции и опыт, создающие историю данной организации, хозяйства, её эффективность» [2, С. 12–14], сводя определение к сути общего понимания культуры организации. В.В. Рудницкий же не акцентирует внимание на культуре отдельной организации как таковой. Он рассматривает её как часть системы хозяйствования в обществе, поэтому организационная культура важна для него как культура хозяйствования, как наличие организационных структур (в том числе и на уровне предприятия), обеспечивающих функционирование хозяйства общества, страны.

Е.А. Литвинцева выделяет две точки зрения на феномен организационной культуры. Одна точка зрения отражает мнение авторов, рассматривающих организационную культуру в форме базовых принципов и представлений, принимаемых и разделяемых всеми членами организации. Именно эта своеобразная «философия» организации задает людям ориентиры их поведения и действий. Вторая точка зрения связывает феномен организационной культуры, прежде всего, с деятельностными параметрами организации [3].

По мнению А.И. Пригожина, организационная культура понимается как нечто спонтанное, образующееся в результате взаимодействия деловой культуры макросреды (континента, страны, региона, вида бизнеса, отрасли, профессии) и своеобразия индивидуальных культур участников организации. В развитии организационной культуры ключевая роль, видимо, отводится руководящему составу, который, умело определяя функции сотрудников, повышая их мотивацию, вовлекая их в выработку общих целей, спо-

способствует развитию корпоративной культуры на основе сложившейся организационной [4].

А.И. Пригожин считает, что при сочетании этих двух условий в организации складывается высокая степень интеграции персонала с фирмой, т.е. организационная культура. Она существенно повышает жизнедеятельность организации, её деятельностный инновационный потенциал. Если такой культуры нет, то при появлении у организации трудностей работники стремятся покинуть ее, если же она есть, – они пытаются дополнительными усилиями помочь преодолеть трудности. Другими словами, организационная культура – естественно-искусственное образование, характеризующее наиболее развитую личность организации. Но самый высший уровень её развития – разработка идеологии организации, своеобразной корпоративной религии и толкование её миссии, дающей ей духовный и эмоциональный подъем, высокую идентификацию персонала с организацией и соответствующую этому трудовую отдачу.

Ж.Т. Тощенко и Н.Н. Могутнова определяют организационную культуру как элемент структуры организации наравне со стилистикой документов, приказов руководства, обязательных к исполнению. Отличительная черта организационной культуры – это ценности, которые формирует у работников чувство сопричастности к организации (чувство «общей судьбы») [5]. На наш взгляд, такой подход близок к трактовке организационной культуры как процесса «организовывания» (организация как одна из общих функций управления, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого) или как результат «организовывания», организованности (организация как внутренняя упорядоченность частей системы) [6].

А.Э. Капитонов и Э.А. Капитонов выделяют феномены корпоративной и организационной культуры, соотнося их с типами развития экономики – индустриальным и постиндустриальным. Индустриальному типу развития соответствует экономическая организация с характерной для нее организационной культурой. Организационная культура выступает, по мнению авторов, как качественное состояние устройства организации, система управления, способ освоения экономических ресурсов, осуществления хозяйственных усилий в производстве товаров и услуг, а также взаимодействия с внешней средой. То есть организационная культура – это совокупность базовых представлений, приемов и правил управленческих действий, условий труда, направляющих поведение на рабочем месте и определяющих отношения с окружающей средой, которые задают формальные руководители, лидеры всех уровней. В условиях постиндустриального общества (с 80-х гг. XX в.) доминирующим организационным ресурсом становится информация, знания, высокие технологии; человеческие ресурсы приобретают стратегическое назначение для организации. Это обуславливает формирование организационной культуры, когда люди в организации образуют единый социальный организм: организация должна обогащать тех, кто с нею связан, а работающие в ней – получать удовлетворение от своего дела [7]. Исходя из данной позиции, организационная культура есть отражение более высокой ступени развития организации вообще.

Отечественный социолог Г.П. Зинченко считает организационную культуру выражением ценностей, воплощенных во взаимоотношениях внутри

организации [8]. В данном определении речь идет об организационной культуре как о вместилище сущности культуры организации вообще (трудовая, производственная и другие культуры).

Можно отметить, что общее направление в определении феномена организационной культуры есть, но не обнаруживается единый подход к основаниям разграничения организационной культуры. И, как уже отмечалось выше, организационная культура является в основном объектом внимания исследователей, которые занимаются вопросами менеджмента, управления персоналом, управления организацией, организационного поведения. Понятие организационной культуры в рамках философии практически не разработано.

Один из современных зарубежных исследователей Э. Шейн понимает организационную культуру как «паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых группой (организацией) при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» [9].

По мнению Э. Шейна, основополагающей частью организационной культуры являются базовые представления (basic assumptions) – убеждения, особенности восприятия, мысли и чувства, которые действуют на подсознательном уровне и воспринимаются как само собой разумеющееся отношение сотрудников организации к себе и окружающему миру. Набор базовых представлений определяет: 1) в чем состоит смысл тех или иных явлений; 2) какой должна быть эмоциональная реакция на происходящее; 3) какие действия следует предпринимать в той или иной ситуации; 4) как относиться к таким фундаментальным аспектам существования, как природа времени и пространства; природа человека и человеческой активности; природа истины и способы её обретения; правильные взаимоотношения индивида и группы; относительная важность работы, семьи и саморазвития; обретение мужчинами и женщинами своей истинной роли и природа семьи. Базовые представления отражаются в поведенческих моделях, приобретенных группой в процессе выживания и борьбы с внешними и внутренними проблемами. Этот более глубокий уровень культуры следует отличать от поверхностного внешнего, наблюдаемого уровня, который проявляется в ценностях и артефактах. Данный уровень – это уровень культурных архетипов, которые с трудом поддаются анализу со стороны людей, для которых эти же архетипы носят основообразующий характер.

Ценности, нормы и правила поведения определяются лидером, элитой организации, и при условии своей действенности они принимаются группой и становятся коллективными представлениями. Они являются ориентиром в сложных или неопределенных ситуациях.

Артефакты (материальное окружение организации, ее язык, технологии, продукты деятельности, стиль одежды, манера общения, мифы и истории, ритуалы, церемонии и т. д.) – это поверхностный, явленный уровень культуры организации; то, что можно непосредственно наблюдать, но очень сложно интерпретировать, не зная сути базовых представлений.

Такое понимание организационной культуры принято многими её исследователями, что указывает на его продуктивность, теоретическую и практическую ценность, хотя не лишено вопросов.

Согласно Л. Смирнич [10], существующие определения организационной культуры можно объединить в три подхода: 1) культура как независимая внешняя составляющая, внесенная в организацию извне; 2) культура как внутренняя составляющая организации; 3) культура как суть организации.

В соответствии с первым подходом организационная культура рассматривается как совокупность представлений и ценностей, которые формируются у человека под влиянием общества, общественной деятельности и социального взаимодействия. Этот подход рассматривает организацию лишь как контекст, в котором проявляются ценности и нормы национальных культур. Таким образом, в соответствии с ним организационная культура должна быть схожей для всех организаций, существующих в рамках национальной культуры, исключение составляют лишь транснациональные корпорации. Однако каждая организация формирует свою индивидуальную культуру.

Второй подход основан на том, что организации сами создают свои культуры. Для примера, руководство организации с помощью определенных правил, структуры, норм и целей создает среду, в которой появляются уникальные ритуалы, легенды и церемонии.

Отечественный исследователь С.В. Щербина предлагает объединить два обозначенных подхода в рационально-прагматический, в соответствии с которым культура рассматривается как одна из подсистем организации (наряду с технологической, административной и т. д.), которая выполняет функции адаптации организации к окружающей среде и идентификации её сотрудников [11]. В этом смысле данный термин описывает атрибут или свойство группы, совокупность поведения, символов, ритуалов и мифов, которые соответствуют ценностям данной организации. Формирование культуры связывается по преимуществу с процессами, происходящими внутри организации, хотя последние могут побуждаться и изменениями среды.

Третий подход рассматривает организационную культуру как суть организации, а не как отдельную составляющую организации. Этот подход можно обозначить как феноменологический [11. С. 38]. Специфика феноменологического подхода – в понимании и анализе организационной культуры посредством интерпретации её проявлений. Культура организации определяется здесь как система ценностей и представлений, задающих рамки индивидуального поведения членов организации, т.е. формируется модель восприятия и интерпретации ситуации. Как правило, отрицается возможность целенаправленного прямого воздействия на формирование и изменения организационной культуры. Источником формирования культуры организации представители данного подхода рассматривают сочетание внутренних и внешних факторов. Феноменологический подход к культуре организации развит мало в силу его трудоемкости. По мнению С.В. Щербины, исследователи чаще отдают предпочтение рационально-прагматическому подходу.

Различия в подходах к феномену организационной культуры порождают большое количество определений. На основании вышеизложенных подходов можно попытаться дать собственное определение этого явления. Организа-

ционная культура – это совокупность разделяемых группой людей в рамках определенной организации целей, ценностей, норм, традиций, сформированных под воздействием внутренних и внешних факторов, обеспечивающих уникальность, самосохранение и развитие организации.

Формирование организационной культуры изначально несет важный экономический смысл в силу того, что организация функционирует в условиях конкуренции: чем успешнее будет объединение сотрудников для достижения организационных целей, чем уникальнее будет представлена организация во внешней среде, тем более устойчивой и жизнеспособной с точки зрения конкуренции она может быть. Таким образом, в организационной культуре и составляющих ее ценностях, нормах, идеологии должны быть учтены требования рыночной конкуренции. Еще одним важным моментом является основополагающая роль организационной культуры в формировании общеорганизационной системы коммуникаций: общий код для передачи информации, общая схема интерпретации сигналов внутренней и внешней среды снижают издержки передачи информации, согласований, принятия решений. Кроме того, особенностью организационной культуры является принуждение личности, вызванное необходимостью унифицировать поведение сотрудников в рамках организации на пути к достижению общей организационной цели, повышая предсказуемость их реакций в новых ситуациях.

В соответствии с подходом Л.Н. Когана к культуре мы можем рассматривать организационную культуру как своеобразную человекотворческую подсистему общества, следовательно, её основной социальной функцией является формирование определенного типа личности, необходимого для конкретной организации. Через усвоение системы знаний, норм, образцов, ценностей формируется определенный способ мышления и мировоззрения, образ и стиль деятельности, нравственные, эстетические установки, характерные для организации. Благодаря им представители данной организации так или иначе выделяются в социальной среде, что можно обозначить как процесс самоидентификации.

Таким образом, структурный и сущностный анализ организационной культуры показывает, что данный тип культуры выступает средством социализации и индивидуализации человека. Его можно рассматривать как механизм производства и воспроизводства специфического типа личности, социальной группы.

В соответствии с подходом Л.Н. Когана функции организационной культуры можно рассмотреть с точки зрения человекотворчества, которая конкретизируется в ряде других [12]. Их можно условно сгруппировать следующим образом.

Первую группу составляют функции интегративного характера:

– интегративная функция – формирование механизмов и оснований для обеспечения устойчивых форм совместной деятельности членов организации (единые для всех цели, общие интересы и потребности, система значимых образов, символов, моделей), которые становятся основой для интеграции людей во внутренней среде организации и самоидентификации во внешней среде;

– аксиологическая функция – воспроизводство лучших элементов накопленной культуры, продуцирование новых ценностей и их накопление; орга-

низационная культура влияет на мировоззрение человека, зачастую организационные ценности превращаются в ценности личности и коллектива либо вступают с ними в конфликт;

– идеологическая функция – наличие определенной уникальной идеи или миссии деятельности, определяющей отличие одной организации от другой;

– функция самосохранения – обеспечение поддержания стабильности в организации, сохранение её уникальности и целостности, внутренней сплоченности;

– функция унификации – обеспечение единообразия в ориентациях, поведении членов организации.

Трудовая деятельность имеет большое значение в жизни человека. Коллектив организации вырабатывает механизмы и основания для обеспечения устойчивых форм совместной деятельности группового существования. Таковыми являются единые для всех цели, общие интересы и потребности. В организационной культуре закрепляются наиболее эффективные из них.

Вторую группу составляют функции организации как процесса, целеполагания, поддержания и регуляции жизнедеятельности коллектива:

– функция целеполагания – ценности, нормы и традиции как элементы организационной культуры определяют допустимые цели второго порядка относительно основной цели существования организации;

– нормативная функция – следование нормам и правилам, принятым в организации;

– оценочно-нормативная функция – соотнесение реального поведения индивидов, группы с нормами культурного поведения, с идеалами организации;

– регулятивная – регламентирующая и регулирующая функция культуры, т. е. применение культуры как индикатора и регулятора поведения;

– стратификационная функция – формирование иерархических отношений между членами организации, обусловленное структурой должностей и неравным доступом к ресурсам организации.

Третья группа функций организационной культуры – те, которые обеспечивают накопление и передачу социального опыта в организации:

– адаптационная функция – познание и усвоение организационной культуры, осуществляемое на стадии адаптации работника, способствует его включению в жизнь коллектива, в коллективную деятельность и определяет его успешность;

– коммуникативная функция – через ценности, принятые в организации, модели поведения и другие элементы культуры, которые формируют некий код интерпретации внутренних и внешних сигналов, обеспечивается взаимопонимание работников и их взаимодействие;

– трансляционная функция – передача опыта организации, социальная память (через язык, символику, праздники, обряды, традиции, памятные даты, документы и др.);

– рекреативная функция – восстановление физических, интеллектуальных, эмоциональных сил личности в процессе восприятия элементов культурной деятельности организации за счет внутриорганизационных мероприятий, которое возможно в случае причастности работника к ней и деления её ценностей;

– игровая функция – участие в различного рода соревнованиях (конкуренция), связанное с потребностью совершенствования мастерства и повышением эффективности деятельности на рабочем месте.

Воспроизводство коллектива организации, качество его деятельности напрямую зависят от того, насколько эффективно выполняются данные группы функций.

Итак, можно заключить, что предназначение организационной культуры в сплочении членов организации, в использовании их общего потенциала для достижения организационных целей, в формировании лояльности; в отделении одной организации от других; в унификации ориентаций, установок, моделей поведения членов организации как во внутренней, так и во внешней среде; в установлении эффективной системы коммуникаций посредством выработки общего кода для передачи информации и интерпретации сигналов.

Поскольку организационная культура является подсистемой культуры в целом, то для построения ее структурной модели целесообразно воспользоваться принципом уровневого подхода.

Согласно подходу, разработанному Л.Н. Коганом [13], структуру организационной культуры составляют специальные знания, умения, навыки, а также организационные ценности, служащие основой для своего рода организационного мировоззрения, представления о значимых для данной организации качествах субъекта деятельности.

Знания, умения индивида, определяющие уровень развития производительных сил и способностей индивида, приобретенных профессиональных знаний в специальных учебных заведениях, продолжают и после включения человека в трудовую деятельность. Образовательный потенциал должен соответствовать требованиям культуры данного вида труда (уровню техники, технологии и т.д.) и обеспечивать эффективное выполнение организационных задач.

Смысловым ядром организационной культуры являются организационные ценности. Они «спускаются сверху» или создаются самим коллективом сотрудников организации с течением времени. Организационные ценности в широком смысле можно трактовать как значимость явлений и предметов в действительности с точки зрения их способности удовлетворять потребности организации. Организационные ценности иногда называются «организационной ДНК», поскольку ценности определяют отличительные черты данной организации, её особый стиль внутренней жизнедеятельности и проявляются в узнаваемом имидже организации. Ценности организации декларируются и культивируются управленцами, руководством, а также поддерживаются большинством персонала [14].

Ценности организационной культуры, как и любая другая система ценностей, изменяются чрезвычайно медленно. Чем теснее связь организационных и общечеловеческих ценностей, тем труднее происходит их трансформация.

К этому же блоку следует отнести и миссию организации, и ее цели. Миссия представляет собой качественно выраженную совокупность основных целей и намерений организации, детализирует ее статус и обеспечивает направление и ориентиры для определения целей и стратегии на различных уровнях развития [15]. Существует широкое и узкое понимание миссии. В случае широкого понимания миссия рассматривается как констатация

идеологии и предназначения, смысла существования организации. Философия организации определяет ценности, верования и принципы, в соответствии с которыми организация намеревается осуществлять свою деятельность. Предназначение определяет действия, которые организация намеревается осуществлять, и то, какого типа организацией она намеревается быть.

В том случае, если имеется узкое понимание миссии, она рассматривается как сформулированное утверждение относительно того, для чего вообще или по какой причине существует организация, т.е. миссия понимается как утверждение, раскрывающее смысл существования организации, в котором проявляется отличие данной организации от ей подобных. Правильно сформулированная миссия делает организацию уникальной в своем роде.

Миссия организации обычно является отражением баланса интересов инвесторов и акционеров, менеджеров и сотрудников, общества и правительства и т.д. [9]. В рамках миссии существует набор определенных целей, которые конкретизируют ее и способствуют нахождению средств ее исполнения. Они, как правило, представлены в виде определенного результата, достигнутого за конкретный период времени. Из этого можно заключить, что цели в отличие от миссии имеют свойства меняться и должны формулироваться с учетом временного аспекта.

Опираясь на выводы Г. Саймона, отметим, что «цель организации – это одна из важных ценностных предпосылок... основное мерило правильности любого предложенного образа действий – будет ли он способствовать достижению целей организации» [16]. Организация получит поддержку от групп, которые одобряют её цель. На тех же, кто организационные цели не признает, рассчитывать не приходится.

Второй – поведенческий – блок организационной культуры составляют элементы, регулирующие поведение и деятельность в организации – нормы, обычаи, ритуалы, традиции. Эти элементы содержат в обобщенном виде требования общества и организации к личности. К этому же блоку относятся мотивационные механизмы – потребности и интересы сотрудника.

Нормы, действующие в сфере организационной культуры, представляют собой разновидность групповых социальных норм. Они складываются в результате практики на основе представлений о должном, допустимом, ценном и являются отражением социальных отношений, которые сложились в данной организации, коллективе.

Являясь в структурном отношении срезом социальных норм общества, они получают специфическое содержание в условиях той или иной организации. Нормы организационной культуры могут иметь структурные различия или занимать разные позиции в иерархической системе. Однако все они характеризуются жесткой заданностью, необходимой для достижения целей и задач, поставленных перед субъектом – носителем организационной культуры. При использовании «произвольных» норм может произойти видоизменение или нарушение деятельности организации.

Поведение и деятельность организации регламентируются правовыми, этическими, эстетическими, административными и другими видами деятельности. Приведенные в соответствие с требованиями к качеству и содержанию деятельности в той или иной организации организационные нормы состав-

ляют структуру нормативной системы организационной культуры. В ее основе лежат деонтические представления – представления об идеале, в котором выражены реальные потребности организации. В организационной культуре формируются образцы, модели, стандарты, до которых возвышается деятельность отдельных сотрудников. Степень усвоения идеальных представлений характеризует включенность индивида в организованную группу в соответствии с уровнем его организационной культуры.

Как все социальные нормы, организационные имеют потенциальный характер. Реальными регуляторами поведения индивида они становятся только в случае интериоризации индивидом. Усвоение норм связано с освоением человеком определенной роли. Ее содержание в случае организационной культуры составляют требования и ожидания организации по отношению к своим сотрудникам. С помощью нормативной системы организационной культуры эти требования и ожидания передаются от группы к индивиду.

Нормы организационной культуры выполняют ряд важных функций. Во-первых, они обеспечивают сотрудников организации наиболее эффективными моделями поведения, отношений и взаимодействий. Во-вторых, они служат интеграции и сплочению коллектива организации, формируя условия для осуществления совместной деятельности.

Организационные нормы могут быть формализованы в различных нормативных документах – уставах, кодексах, законах. Не менее важную роль играют нормы, бытующие в виде обычаев, традиций, т.е. неформализованные организационные нормы.

Складывающиеся с течением времени, передаваемые от сотрудников со стажем «новичкам», стереотипные формы деятельности в организации закреплены в обычаях организационной культуры. Действие обычая направлено прежде всего на область межличностного общения и подкреплено эмоционально-психологическими переживаниями субъектов взаимодействия. В этом качестве могут выступать корпоративные праздники, специфические формы внутриорганизационного взаимодействия (соревнования и т. д.). Как элемент организационной культуры обычай служит средством самореализации сотрудника в организации, приобщения его к социокультурному опыту организации. Он также является формой социального контроля и способом поддержания групповой сплоченности.

С помощью традиций гармонизируются отношения между поколениями сотрудников организации, поддерживается связь прошлого, настоящего и будущего. С одной стороны, традиции являются механизмом культурной регуляции профессионального поведения, и их с полным правом можно отнести к поведенческому блоку организационной культуры. С другой стороны, традиции выступают в виде идей, взглядов, ценностей и могут быть отнесены к когнитивному блоку организационной культуры.

Понятие культуры – родовое по отношению к понятию организационной культуры. Поскольку источником культуры является общественная практика, включающая в себя различные виды социальной (в том числе и организационной) деятельности, то культура и ее виды соотносятся между собой как целое и части и имеют черты сходства и различия.

Взаимосвязь общей культуры и организационной культуры определяется тем, что организационная культура выступает как особый вид или как подсистема культуры. Как элемент большей по масштабам системы организационная культура обладает по отношению к ней структурным подобием.

В содержательном плане понятие общей культуры значительно шире. Стержнем, объединяющим общую и организационную культуру, являются общечеловеческие нормы и ценности, смысловым ядром которого выступает базовая триада: труд, мораль и творчество. Данная триада выступает основообразующей, где труд ориентирует на настоящее, являясь одним из основных интеграционных факторов; мораль же выступает ориентацией на прошлое и кумулирует в себе традиции, нормы, правила и деятельностные практики, полезность которых не ставится под сомнение; творчество позволяет видеть перспективу и осуществлять функцию предвидения или предвосхищения, направленного в будущее. Это все вместе лежит в основе культуры любой организованной общности. Из этого возникает необходимость в отнесении организационной культуры как явления к блоку проблем, которые носят концептуально очень пластичный характер, во многом из-за большого внимания со стороны социально-гуманитарных наук, но по-прежнему требуется целостное и всестороннее философское исследование с использованием философско-методологического инструментария этого, еще сравнительно очень молодого культурного феномена.

Литература

1. Базаров Т.Ю. Управление персоналом. М.: ЮНИТИ, 1998. С. 410, 413.
2. Рудницкий В.В. Культура общественной организации и экономические отношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 6.
3. Литвинцева Е.А. Профессиональная деятельность государственных служащих: культурологический подход // Социология власти. 2001. № 1. С. 5–20.
4. Пригожин А.И. Организационная культура и ее преобразование // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 12–22.
5. Тоценко Ж.Т., Мозутнова Н.Н. Новый взгляд на понятие «корпоративная культура» // Социс. 2005. № 4. С. 48.
6. Троицкая О.В. Теоретико-методологические основы социологического изучения организационной культуры предприятия // Ломоносовские чтения 2003 г. Аспиранты. Т. 1 // Интернет-ресурс: <http://lib.socio.msu.ru/library>
7. Капитонов Э.А., Капитонов А.Э. Корпоративная культура и PR. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 266–269.
8. Зинченко Г.П. Социология для менеджеров. Ростов н/Д: Феникс, 2001. С. 76.
9. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. С. 31–44.
10. Smircich I. Concepts of Culture and Organizational Analysis // Administrative science Quarterly. 1983. № 28, P. 339-358 // Интернет-ресурс: <http://www.emeraldinsight.com/Insight>
11. Щербина С.В. Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // Социс. 1996. № 7. С. 47–55.
12. Флиер А.А. Функции культуры // Культурология. XX век: Энцикл. В 2 т. СПб.: Университет. кн., 1998. Т. 2. С. 321–323.
13. Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. С. 9–12.
14. Яхонтов Е.С. Управление ценностями как элемент управления человеческими ресурсами компании // Менеджмент в России и зарубежом. 2003. №4. С. 73–81.
15. Корпоративный менеджмент: Справочник для профессионалов / Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г. и др.; под общ. ред. И. И. Мазура. М.: Высшая школа, 2003. С. 190.
16. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях. М.: Экономика, 1995. С. 47–55.

Karachkanov Arman A. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: arman5879@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 1

THE ARTICLE EXAMINES THE MULTIPLICITY OF VIEWS OF THE PHENOMENON OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE FRAMEWORK OF MODERN SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE.

Key words: culture, organizational culture, concept, essence, structure-functional content.

The necessity for a more holistic consideration of the phenomenon using philosophical methodologies. Briefly describes the Genesis of the concept of organizational culture and main factors of its actualization. The phenomenon of organizational culture is considered in the framework adopted in two scientific approaches: rational-pragmatic and phenomenological.

According to the rational-pragmatic approach, organizational culture is thought of as a tool to improve the efficiency of the organization. The distinguishing feature of this approach to install on the ability to manage culture in the aspect of creating and modifying its value in the kernel. This approach is widespread among theorists and practitioners of management.

The phenomenological approach is understood as the essence of any social organization. The aim of this approach is the interpretation of the various manifestations of organizational culture. I.e. in the framework of the phenomenological approach to organizational culture is not a property, which has the organization and what it essentially is. In this vein, the management culture is being someone, not to mention creating or editing its value in the kernel.

The classical interpretation of organizational culture is the definition of foreign specialist Shane E. in his work "Organizational culture and leadership". Where the organizational culture is a set of basic concepts (basic assumptions), which operate at the subconscious level and are taken for granted the attitude of the staff yourself and the outside world for the purpose of internal integration and external adaptation. The basic concepts are cultural archetypes, they represent the core of organizational culture and are difficult to analyze by people for whom these archetypes are of a fundamental nature.

Consideration of this problem requires a holistic view of the organizational culture as part in the system of General ideas about the culture in General. The General culture is thus considered as a special *chelovekovedeniya* subsystem of society that reveals itself through its functional content. These functions can be subdivided into three groups.

The first group includes the functions of the integrative nature, which also includes axiological, ideological, as well as the function of self-preservation and unification.

The second group includes function as a process of goal-setting, maintenance and regulation of vital functions of the team.

The third group of functions are those that provide accumulation and transmission of social experience in the organization.

Organizational culture in structural-funkcionalna aspect is cut of the General culture or broader culture (national culture). Core bringing together a common culture and organizational culture are universal norms and values. The semantic kernel which is the basic triad: labour, morality and creativity. This triad serves as the underlying, where the work focuses on the present, as a major integration factor; the morality of acts is the focus on the past and *koumouliruet* in yourself to tradition, rules, regulations and practices of the activity, the usefulness of which is not questioned; creativity allows you to see the future and to realize the function of foresight or anticipation, directed to the future. This together lays the Foundation for the culture of any organized community. From this arises the need to classify organizational culture as a phenomenon to the set of problems that are conceptually very plastic in nature, largely due to the great attention from the social Sciences and Humanities, but still required a holistic and comprehensive philosophical investigation using philosophical and methodological tools that, until comparatively a very young cultural phenomenon.

References

1. Bazarov, T.Yu. (1998) *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. Moscow: YuNITI. pp. 410, 413.
2. Rudnitskiy, V.V. (1991) *Kul'tura obshchestvennoy organizatsii i ekonomicheskie otnosheniya* [The culture of social organization and economic relations]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Litvintseva, E.A. (2001) *Professional'naya deyatelnost' gosudarstvennykh sluzhashchikh: kul'turologicheskii podkhod* [Professional career of civil servants: The cultural approach]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 1. pp. 5–20.

4. Prigozhin, A.I. (2003) Organizatsionnaya kul'tura i ee preobrazovanie [The organizational culture and its transformation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 12–22.
5. Toshchenko, Zh.T. & Mogutnova, N.N. (2005) Novyy vzglyad na ponyatie "korporativnaya kul'tura" [A new look at the concept of "corporate culture"]. *Sotsis*. 4. p. 48.
6. Troitskaya, O.V. (2003) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy sotsiologicheskogo izucheniya organizatsionnoy kul'tury predpriyatiya* [Theoretical and methodological bases of the sociological study of the enterprise organizational culture]. [Online] Available from: <http://lib.socio.msu.ru/library>.
7. Kapitonov, E.A. & Kapitonov, A.E. (2003) *Korporativnaya kul'tura i PR* [Corporate culture and PR]. Moscow: Rostov-on-Don: MarT.
8. Zinchenko, G.P. (2001) *Sotsiologiya dlya menedzherov* [Sociology for Managers]. Rostov n/D: Feniks.
9. Shane, E. (2002) *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. Translated from English by S. Zhiltsov, A. Chekh. St. Petersburg: Piter.
10. Smircich, I. (1983) Concepts of Culture and Organizational Analysis. *Administrative Science Quarterly*. 28(3). pp. 339–358. DOI: 10.2307/2392246
11. Shcherbina, S.V. (1996) Organizatsionnaya kul'tura v zapadnoy traditsii: priroda, logika formirovaniya i funktsii [Organizational culture in the Western tradition: Its nature, form and logic functions]. *Sotsis*. 7. pp. 47–55.
12. Flier, A.Ya. (1998) Funktsii kul'tury [The functions of culture]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek* [Culturology. The Twentieth Century]. Vol. 2. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 321–323.
13. Kogan, L.N. (1992) *Sotsiologiya kul'tury* [The Sociology of Culture]. Ekaterinburg: Urals State University.
14. Yakhontov, E.S. (2003) Upravlenie tsennostyami kak element upravleniya chelovecheskimi resursami kompanii [The value management as an element of human resource management of the company]. *Menedzhment v Rossii i zarubezhom – Management in Russia and Abroad*. 4. pp. 73–81.
15. Mazur, I.I., Shapiro, V.D. & Olderogge, N.G. (2003) *Korporativnyy menedzhment: Spravochnik dlya professionalov* [Corporate Management: A Guide for Professionals]. Moscow: Vysshaya shkola.
16. Simon, G., Smitburg, D. & Thompson, V. (1995) *Menedzhment v organizatsiyakh* [Management in organizations]. Translated from English by L. Kalinkina, G. Kvashnin, V. Lakeev. Moscow: Ekonomika. pp. 47–55.

УДК 141.155
DOI: 10.17223/1998863X/35/2

Е.Н. Князева

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЕДИНСТВУ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИОННОГО ХОЛИЗМА*

Эволюция есть по сути холистическое понятие, и Вселенная в процессе эволюции есть холистическая вселенная. Эволюция и холизм должны быть поняты вместе. Невозможно изучать холизм, не изучая эволюцию, так как эволюция есть процесс олицетворения холизма.

Г. Сеттани

Исследуются представления эволюционного холизма в онтологическом, когнитивном и методологическом аспектах. Показывается, что холизм становится новой фундаментальной научной парадигмой, определяющей стратегии научных исследований, при этом осуществляется возврат к целостности знания и жизненных ориентаций, существовавших с древних времен. Идеи холизма становятся руководящими для креативно мыслящих людей, являющихся флагами социального прогресса и определяющих будущее цивилизации.

Ключевые слова: коэволюция, креативность, междисциплинарный синтез знания, синергия, сложность, холизм, эволюционное мышление, эмерджентность.

1. Холизм как стратегия мышления XXI века

Исследование сложных структур и процессов в мире, в котором мы живем, оказывается невозможным без холистического, т.е. целостного, интегрального, взгляда на мир и познающего субъекта в нем. Холизм сегодня претендует на то, чтобы стать доминирующей парадигмой в философии и науке. Прошло время разделения и дифференциации на отдельные дисциплины и сферы человеческой активности, настало время их соединения и интеграции.

Современный холизм опирается на идеи глобального (универсального) эволюционизма [1], т.е. становится эволюционным. Можно говорить и о холистическом мышлении, которое сопряжено с мышлением эволюционным. Будучи рассмотренным в онтологическом аспекте, холизм связан с пониманием целостности структур в бытии, а также способов соединения элементов во все более сложные формообразования. В эпистемологическом аспекте холизм предстает как интегральное, целостное видение сложных феноменов познания и творчества: циклической взаимной детерминации субъекта и объекта познания, взаимосвязи знаний и умений (know how и know what), восприятия и мышления, логики и интуиции, рационального и внерационального, анализа и синтеза и т.п. В методологическом аспекте холизм заключается в наведении мостов между естественными науками, с одной стороны, и социальными и гуманитарными науками – с другой, наукой и техникой (осмысленные современные феномены технауки), наукой и культурой, в том числе

и конвергенция высших ценностей человеческого существования – истины, добра и красоты.

Холистические мотивы можно усмотреть в философии Платона, который понимал весь космос как единое самоопределяющееся целое, использующее только свои собственные ресурсы. Это единое целое уподобляется живому существу, а ведь именно для жизни *par excellence* характерны способность самоподдержания целостности и самодостраивания при ее нарушении, как сейчас бы сказали, жизни присущи автопоэтические свойства. Согласно Платону, «живому существу, которое должно содержать в себе все живые существа, подобают такие очертания, которые содержат в себе другие... [Тело космоса] было искусно устроено так, чтобы получать пищу от своего собственного тления, осуществляя все свои действия в себе самом и через себя» [2. С. 473].

Во многих аспектах в древности понимание места человека в космосе основывалось на единстве и глубокой взаимосвязи его с космическим целым. Древний человек был, как бы, разлит в космосе, в своем природном и социальном окружении. Животное вообще ни коим образом не отделяет себя от окружающей среды, оно не рефлексирует и не способно посмотреть на себя со стороны. Древние индийцы рассматривали четыре стихии (землю, воду, огонь-жар и ветер-воздух) как составные части самого себя; они считали, что существует глубинное сродство человека и космоса. До сих пор на этом основаны принципы, прописанные в Аюрведе, привлекающей и сегодня в свои ряды немало сторонников. Древние греки понимали природу человека как микрокосм, т.е. как неотъемлемую часть большого космоса и несущего в себе его природу. Отпадение от ритмов космоса ведет к разгармонизации психической и телесной деятельности человеческого организма, к неадекватности поведения и неправильным результатам познания. Телесная активность не отделена от умственной: в здоровом теле – здоровый дух, а тренировка ума на занятиях математикой и философией не отделена от тренировки тела, от гимнастики. Разработка процедур рационального мышления, способов определения общих понятий отчасти в школах досократической философии, а в полной мере в эпоху становления классической философии Древней Греции была связана с развитием научного знания в его целостности. Со времен Античности вплоть до становления науки Нового времени все науки развивались под крылом философии. С развитием классической науки и появлением в ней высокоабстрактных и идеализированных объектов постепенно происходило размежевание естественных наук, забиравших для изучения свой фрагмент природы, а также складывалось понимание существенных различий между методами естественных наук и методами социальных наук. Дисциплинам нужно было разъединиться, чтобы развить и отточить специфические методы анализа своего фрагмента природы или своего аспекта общества, чтобы во второй половине XX века и сегодня, в XXI веке, возник тренд к соединению. Одно из проявлений этого тренда – современная «мода» в науке на междисциплинарные и трансдисциплинарные проекты, о которой еще пойдет речь ниже.

Один из ведущих специалистов в области исследования систем Э. Ласло в своей книге «Точка хаоса. Мир на перекрестках» рассматривает холизм как новую фундаментальную научную парадигму, определяющую методы

и стратегии научных исследований. «Холизм присутствует сегодня не только как философия внутри общих рамок науки, если использовать выражение Смэтса (Ян Х. Смэтс – южноафриканский государственный деятель и философ, автор книги «Холизм и эволюция (1926). – Е.К.), но и как новая фундаментальная парадигма: основная отличительная черта самих научных теорий. Это продвигает новые науки значительно ближе к многообещающим субкультурам в обществе, конвергенция, которая тем более значительна, поскольку она прокладывает путь к цивилизации, в которой холистическое мышление охватывает все вещи в науке и обществе» [3. С. 80].

2. Холизм в бытии

Холизм и сложность. Исследование сложности (complexity studies), к которому подошла наука во второй половине XX века, превратившись в один из важнейших междисциплинарных проектов современности, потребовало развития холистического мышления. Накопившиеся в ходе развития философии и культуры идеи холизма, такие, как «всё во всём», монады как элементы мира, «целое больше суммы частей», «достижение цели есть построение целого» и т.п., переосмысливаются в контексте современных достижений в исследовании законов эволюции сложных систем.

П. Ковеней и Р. Хайфилд в своем исследовании отмечают, что изучение «сложности нуждается в холистической перспективе вместе с ее проникновением в целый ряд таких сложных понятий, как жизнь, сознание и интеллект, которые последовательно ускользали от науки и философии» [4. С. 13].

Таким образом, исследование сложности в холистической перспективе включает в себя ряд взаимосвязанных аспектов: 1) исследование эмерджентностей, качественных скачков к повышающейся сложности: к жизни, к сознанию, к сверхразуму (сетям коллективного разума) в связи с расширенной формулировкой антропного принципа [5], 2) решение проблемы морфогенеза, внутренних механизмов усложнения структур по кающемуся заранее заданному плану, того, что Аристотель называл энтелехией (т.е. того, что имеет цель внутри себя), 3) разгадывание загадки монадности мира, а именно того, почему часть может быть сложнее целого, и 4) изучение способов соединения, синтеза сложных структур в еще более сложные структуры и образования.

Холизм и коэволюция. Современная теория эволюции сложных систем, которую в России принято называть синергетикой, открывает закономерности «сборки» сложного эволюционного целого (системы) из частей (элементов) [6]. Выражаясь иначе, она устанавливает конструктивные правила нелинейного синтеза сложных структур в сверхсложные устойчиво развивающиеся комплексы, и эти правила можно использовать как метод эффективной управленческой деятельности.

Во-первых, определяющим для интеграции элементов в систему является *темп развития*. Объединяясь, элементы (подсистемы) попадают в один *темпомир*, начинают развиваться с одной скоростью. Отнюдь не всё может быть соединено со всем, отнюдь не любое сцепление элементов будет устойчивым. Отдельные элементы, структуры, подсистемы могут быть несоизмеримы по интенсивности жизни, по темпу развития, тогда медленные из них вскоре станут слабым, едва различимым фоном для развития быстрых элементов.

Во-вторых, не элемент (подсистема), развивающаяся с минимальной скоростью, является определяющей при построении целого, как это утверждал в своей тектологии А.А. Богданов в 1920-х гг., а элемент (подсистема), развивающийся *с максимальной скоростью*. Именно к самому быстрому элементу (подсистеме) подстраиваются все остальные, именно он задает общий тон и определяет жизнь системы как целого.

В-третьих, выгодно «жить» и развиваться вместе. При конфигурационно правильном, резонансном объединении частей в целое в более или менее дальней исторической перспективе происходит ускорение развития целого. И, напротив, если топологическая организация элементов будет неправильной, нерезонансной, то образуемая сложная структура будет неустойчивой и вскоре развалится. Объединять элементы нерезонансно – значит действовать впустую.

Синергетические принципы нелинейного синтеза, коэволюции диссипативных структур в сложное целое могут быть суммированы в виде следующих ключевых представлений:

- именно *общий темп* развития является ключевым индикатором связи структур в единое целое, показателем того, что мы имеем дело с целостной структурой, а не с конгломератом разрозненных фрагментов;

- способ сборки целого из частей *неединствен*; всегда существует целый набор возможных способов сборки;

- целое собирается *не по крохам, а большими кусками, крупными блоками*, оно собирается не из отдельных элементов, скажем атомов, а из промежуточных сред, выстраивающихся – в случае прогрессивной эволюции – в виде иерархии сред, обладающих разной нелинейностью;

- структуры-части входят в целое не в неизменном виде, но определенным образом *трансформируются, деформируются* в соответствии с особенностями возникающего эволюционного целого; возникающее целое обретает новые, доселе невиданные, эмерджентные свойства;

- сложность образуется *четными структурами* (структурами с четным количеством максимумов интенсивности); четные структуры расходятся, образуя в центре пустоту; с этой точки зрения выглядит отнюдь не случайным предположение, что в центре нашей галактики – черная дыра и что, как говорил Ж.-П. Сартр, человек несет в себе дыру, размером с Бога;

- максимумы интенсивности притягиваются, сливаются в единое целое, а максимум и минимум интенсивности отталкиваются – в противоположность закономерностям электродинамики, где одноименные заряды отталкиваются, а разноименные притягиваются;

- *величины максимумов* интенсивности процессов *согласованы* с их *расстоянием* от центра симметрии; большие максимумы располагаются на большем расстоянии от центра;

- для объединения «разновозрастных структур» (как бы структур прошлого, структур настоящего и структур будущего) в единую устойчиво эволюционирующую структуру необходимо *нарушение симметрии*; путь к возрастающей сложности мира – это путь увеличения моментов нарушения симметрии в конфигурации сложных структур;

- при возникновении и сборке сложных структур в открытых и нелинейных средах *нарушается закон роста энтропии*: происходит одновременно и

рост сложности организации, и рост энтропии, диссипации, рассеяния, дезорганизации; сложные структуры сильнее «портят», разрушают, дезорганизуют окружающую среду;

- жизнь сложного поддерживается благодаря *переключению режимов* быстрого роста и спада активности, возобновления старых следов, иначе при приближении к моменту обострения оно подвергается угрозе распада, деградации смерти; «всё, что продолжает длительно существовать, регенерируется» (Г. Башляр); сложные структуры имеют «память», ничто в них не проходит бесследно, периодически процессы протекают «по старым следам»;

- для образования устойчивой целостной структуры важна надлежащая *топология* соединения структур (скажем, в случае структуры горения нелинейной диссипативной среды – правильное конфигурационное распределение максимумов и минимумов интенсивности горения структуры);

- для сборки новой сложной структуры, для перекристаллизации среды требуется создать ситуацию «*на краю хаоса*», когда малые флуктуации способны инициировать фазовый переход, сбросить систему в иное состояние, задать иной ход процесса морфогенеза, иной способ сборки сложного целого. «Сама природа коэволюции заключается в достижении этого края хаоса» (С. Кауфман)

Коэволюция есть «искусство жить в едином темпомире», не свертывая, а поддерживая и развивая разнообразие на уровнях элементов и отдельных подсистем. А значит, нужно культивировать у каждого чувство ответственности за целое в плюралистичном и объединенном мире. «Искусство жить вместе» – это искусство поддержания единства через разнообразие, возвращения самости, своего неповторимого личностного Я путем одновременно обособления от среды и слияния с ней. Каждый элемент (личность, семья, этнос, государство) сложной коэволюционирующей целостности операционально замкнут, поддерживает свою идентичность. Каждый элемент творит себя через целое и преобразует целое, творя самого себя. Он должен забыть себя, чтобы найти себя, обнаружить свое сродство с миром, чтобы познать самого себя, построить самого себя по-новому.

Холизм и эмерджентность. В процессе самоорганизации и эволюции сложных систем имеют место каскады бифуркаций, сопровождаемые скачкообразно возрастающей сложностью. При этом происходят неожиданные повороты, свершаются непредсказуемые события и рождаются новации. Самоорганизация и эмерджентность в сложных системах – это сопутствующие друг другу феномены. Самоорганизация приводит к появлению эмерджентных свойств у целого, которых прежде у него не было. Но и часть, став частью целого, изменяется, обретает эмерджентные качества, начинает нести в себе природу целого (полностью или частично). Самоорганизация означает, что хаос на уровне элементов приводит к образованию структур на уровне системы как целого. Например, поведение каждого отдельного муравья хаотично, а поведение колонии муравьев организовано, в ней наблюдается циклическое поведение, в частности временные циклы подъема и спада активности длительностью около 25 минут [4. С. 272].

Эволюция является творческой (А. Бергсон), в ходе эволюции строятся целостности, обретающие эмерджентные качества. Эмерджентность – это не-

сводимость, нередуцируемость свойств целого (системы) к свойствам частей (элементов или подсистем), а также несводимость более организованного к менее организованному, сложного к более простому, более высокого уровня иерархии к более низкому. Эволюция происходит скачками, на каждом витке эволюции появляются новые лидеры. Иначе говоря, в ходе эволюции имеют место фазовые переходы, эмерджентные трансформации, в которых творятся ранее неизвестные свойства.

Существует и второй смысл эмерджентности. Это способ рождения новизны в процессе эволюции природы и общества. Взаимная активность системы и среды и согласованное и взаимообусловленное возникновение новых свойств и в системе и в среде можно назвать ко-эмерджентностью. Один из наиболее известных создателей теории сложных адаптивных систем, профессор психологии и компьютерной науки Джон Г. Холланд предлагает назвать этот феномен взаимно отражающей эмерджентностью (*echoing emergence*), эффектом эхо в эмерджентности [7].

3. Холизм в познании

Одной из наиболее многообещающих концепций в современной когнитивной науке и эпистемологии является концепция телесного, ситуационного и энактивного познания (*embodied, situated and enactive cognition*). Ее начало было положено работой Ф. Вареля, Э. Томпсона и Э. Рош «Отелесненный разум» [8]. В рамках этой концепции развивается интегральный, холистический взгляд на познание, отстаивается неразрывная связь познания и действия, познающего субъекта (в более общем плане – когнитивного агента) и среды его активности, субъекта и объекта познания [9–10].

Эта концепция, по сути, возвращает эпистемологию к ее собственным истокам. В создаваемой этой концепцией проблемном поле осуществляется выход:

– во-первых, за пределы дихотомии субъекта и объекта. Поскольку субъект и объект находятся в циклическом, взаимно определяющем отношении, то трудно провести различие между тем, что идет от одного, и тем, что идет от другого. Субъект и объект являются, выражаясь метафорическим языком, взаимным эхом друг друга, со-возникающими и взаимно обновляющимися эмерджентностями;

– во-вторых, за пределы дихотомии тела и ума, поскольку ум, или разум, телесен, телесно детерминирован, а тело разумно, оно активно, оно живет, действует и познает; познавательная активность исходит не локализованно от мозга, но от всего тела, от его моторной активности, связанной с деятельностью мозга;

– в-третьих, за пределы дихотомии живого организма и познаваемой и осваиваемой им среды, за пределы жесткого разграничения внешнего и внутреннего. Это широко развиваемая ныне позиция *extended mind*. Тело живого организма распределено, оно встроено в окружающую среду, которая является отчасти миром, созданным им самим, переделанным под его нужды. К примеру, где кончается тело паука, сидящего на сплетенной им паутине? А среда тоже интеркорпоральна, построена согласованными, притертыми друг другу, коэволюционировавшими действиями живых существ с их определенной, эволюционно сложившейся телесной организацией и определен-

ными, эволюционно отточенными когнитивными способностями. Если речь идет о человеке, то эту позицию можно обрисовать так: я в мире, который во мне; мир полностью внутри меня, а я всецело «окутан миром», «пронизан им»; я вбираю в себя мир, «всплеском» или «вспышкой» которого я являюсь;

– в-четвертых, за пределы различения познания и жизни. Прежнее понимание, что только человек познает, а животные просто шевелятся. Шевелясь, двигаясь, они осваивают, а значит, в определенном смысле и познают, окружающую их среду. Познание рассматривается как подобное жизни, а жизнь – как подобная познанию. Тем самым наполняется новым содержанием представление, идущее от основателя эволюционной эпистемологии Конрада Лоренца, что жизнь тождественна познанию (*life is cognition*). Жизнь самоподдерживается циклами обратной связи, гомеостаза, она самореферентна, автопоэтична. Автопоэтично и познание. Познавательная активность направлена на то, чтобы выявить недостающее, пробел и достроить целостную систему знания, насколько она в данный исторический момент возможна. Концептуальная позиция *extended mind* дополняется позицией *extended life*;

– в-пятых, за пределы строгого различения реального и виртуального, физического и эндофизического (того, что идет от субъекта). Животные, осваивая окружающую их среду, испытывают ее, а одновременно и себя в этой среде, выбирая лучшее место для гнезда, отмечая свою территорию и т.д. Этот элемент случайности, незапрограммированности, случайных блужданий особенно характерен для молодых особей. Ребенок как познающий субъект, играя, пробует мир, не различая реальное и вымышленное, нереальное или могущее быть или стать реальным. Дикарь или туземец живет в измышленных им образах, для него вообще нет виртуальной реальности, но всё есть реальные события. «Первобытное мышление не привычно к представлению “как если бы”». Обычно оно его даже не понимает» [11. С. 128]. Творящий ученый пролифелирует гипотезы, умножает проблемность мира, пробует разные пути решения проблемы, т.е. увеличивает разнообразие в поле поиска, тем самым нередко добиваясь решения научной проблемы. Вычленение общих характеристик функционирования сознания в онтогенезе и филогенезе человека, а также психики животных в процессе индивидуального развития особей и эволюции биологических видов становится ныне важным аспектом интегративных, междисциплинарных аспектов научных исследований и получает название *eco-evo-devo-perspective*.

Субъект и объект, тело и разум, организм и среда, жизнь и познание, реальное и виртуальное – все эти пять пар понятий находятся во взаимной циклической детерминации, обуславливают друг друга, составляют единый процесс, в который втянуты всякий раз обе из этих сторон. Положение о циклической детерминации внутри сложной системы, а также системы и окружающей ее среды составляет основу кибернетического понимания мира. В данном случае речь идет о биокибернетическом понимании мира или о понимании его с точки зрения сложных самоорганизующихся адаптивных систем или сетевых структур, как выразился Ф. Капра, о паутине жизни и познания [12].

Почему я утверждаю, что развитие концепции телесного, ситуационного и энктивного познания возрождает интегральное видение мира или, иначе,

возвращает эпистемологию к ее собственным основаниям, истокам? Потому что на первоначальных этапах развития культуры познающий субъект был слит с миром, не отделен от него, его восприятия были телесными. Основу духовных практик дикаря нередко составляли определенные телесные действия, например, дикарь мог обратиться к колдуну, который научил бы его «отрыгнуть веру» или «смыть любовь». Сначала нужно было возвысить свой разум и вознести до предела свою гордыню, воспарить над миром, его анализируя, занять позицию сидящего в кресле, выкуривающего трубку и спекулирующего о мире философа, чтобы теперь вновь осознать свою телесность, «свою телесную мезокосмическую обреченность», энактивную вплетенность в мир, войти в состояние партнерства и диалога с природой, снова начав соединять и синтезировать. Причем синтез теперь не стихийный, а осознанный, необходимый, ценностно значимый. Таков путь человека, и в плане индивидуального онтогенетического развития, и в плане филогенеза, развития рода человеческого. Сейчас мы находимся именно на этом повороте к синтезу и эволюционному холизму, и рассматриваемая концепция находится именно в этой методологической и концептуальной струе.

Философия недualьности становится ныне предметом специального рассмотрения в сообществах философов-сторонников конструктивизма [13]. Недualьность субъекта и объекта познания, или, выражаясь шире, когнитивного агента и познаваемой им среды, влечет за собой иные неразличимости, стирание жестких дихотомий:

- между чувственным, сенсорным и ментальным (обсуждение ментальных образов, визуального мышления – актуальная сейчас проблематика),
- между утверждением и критицизмом,
- между классическим анализом реальности и онлайн-овым, виртуальным экспериментированием,
- между сохранением идентичности (личности, социальной группы, бренда) и ее изменением с целью продолжения существования,
- между взаимодополнительностью, взаимопомощью и соревнованием, конкуренцией,
- между миром культурных событий и их визуализацией или интерпретацией в медиа среде,
- между внешним контролем и саморегуляцией,
- между частью общества и обществом в целом (рождение intersubjectивности как партисипационное производство смыслов).

Итак, в рамках концепции телесного и энактивного познания строится целостная картина когнитивных процессов, в которой мозг как часть тела, само тело как инструмент познания, ищущий и познающий отелесненный разум и познаваемая им окружающая среда, когнитивное усилие как активное действие рассматриваются во взаимно обуславливающей, синергичной связке. Субъект познания, или когнитивный агент, будь то человек или животное, рассматривается как активный и интерактивный: он активно встраивается в среду, его когнитивная активность совершается посредством его «вдействия» в среду или ее энактивирования. Познание, причем и восприятие, и мышление, и воображение, сопряжено с действием. Активность исходит и от субъекта познания и от среды, которая предоставляет субъекту

возможности (понятие *affordances* Дж. Дж. Гибсона) для ее познания и открывается для его деятельности.

Холизм в познании в современной науке и культуре проявляется также в заметной тенденции к наведению мостов между дисциплинами, к реализации целостности знания в организационном плане, к осуществлению междисциплинарного синтеза знания (создания метаязыка, команд для междисциплинарных исследований и т.д.). Междисциплинарность становится значимым трендом в плане эффективных и отвечающих уровню сегодняшнего дня стратегий научного исследования. Междисциплинарные исследования распространяются как спрут. Для каждого ученого в наши дни «существует мощный стимул назвать свое исследование междисциплинарным» [14]. Еще более продвинутым способом организации научных исследований становится трансдисциплинарность [15]. Между этими терминами есть различия, но в рамках данной статьи я буду условно использовать их как синонимы.

Трансдисциплинарность – это исследовательская стратегия, которая пересекает дисциплинарные границы и развивает холистическое видение исследуемых явлений, событий или процессов. Трансдисциплинарность в узком смысле означает интеграцию различных форм и методов исследования, включая специальные приемы научного познания, для решения научных проблем. Трансдисциплинарность в широком смысле означает единство знания за пределами конкретных дисциплин. Термин «трансдисциплинарность» ввел в научный оборот Жан Пиаже в 1970 г. Трансдисциплинарным он назвал свой Международный центр генетической эпистемологии, основанный им в Женеве в 1955 г. Он привлекал для сотрудничества ученых из самых разных научных дисциплин, в числе которых был И. Пригожин, создатель теории открытых неравновесных систем.

Трансдисциплинарность означает стимулирование синергии между дисциплинами и подлинную интеграцию знания. Она лежит в русле нынешней практики трансформации знания, поиска конструктивного решения проблем и вовлечения ученых в решение проблем реального мира. Трансдисциплинарность предполагает, что эксперты, проводящие анализ, ученые-исследователи, деятели в сферах социальной практики, политические лидеры соединяют свои усилия, чтобы решить проблему. Но эта практическая ориентация трансдисциплинарных исследований не исключает, а, напротив, базируется на их фундаментальности, на холистическом видении реальности и попытке схватить реальность в ее универсальных (эволюционных, сложных, поведенческих и т.п.) паттернах. Трансдисциплинарность предполагает креативный подход к решению проблем, рациональность открытого, творческого ума (*open-mind rationality*).

Синтетические устремления трансдисциплинарности заключаются в том, что благодаря ей устанавливается связь между естественными и гуманитарными и социальными науками, а также искусством, литературой, поэзией и иными сферами духовного опыта. Трансдисциплинарность может выступать основой для конвергенции науки, технологии, искусства, исследования сознания и духовных практик.

Таким образом, трансдисциплинарность – это теоретическая попытка «трансцендировать» дисциплины и тем самым отреагировать на гиперспе-

циализацию – процесс, ведущий к драматическому росту фрагментации и раздробления знания. Сначала, в эпоху Нового времени, нужно было разграничить различные дисциплины, чтобы сегодня, в XXI веке, понять необходимость наведения мостов между ними. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии становятся в полной мере действенными только тогда, когда вырабатывается общий трансдисциплинарный язык – метаязык, а это не такая простая задача. Кросс-фертилизация, взаимное оплодотворение различных дисциплин способны создать новое интеллектуальное пространство.

4. Холизм в обществе

Холизм в социальном плане проявляется, во-первых, в эффекте синергии и кооперации, когда $1+1 > 2$, во-вторых, холистической индивидуализации, когда целое не подавляет и нивелирует индивидуальность, а дает ей расцвести.

Феномен синергии оказывается сегодня в фокусе внимания не только социологии и социальной философии, но и социобиологии и эволюционной психологии. Синергия связана с явлениями кооперации, взаимной адаптации и даже альтруизма, истоки которого можно обнаружить в мире живой природы. Синергия представляет собой эффект холизма, когерентности, кооперативных эффектов, когда целое больше суммы частей, когда социальная или коммуникативная система порождает то, что иначе не возникнет у каждого из элементов. Кооперация означает достижение результата выживания меньшими усилиями. Небезынтересно, что синергия возникает уже на уровне простейших организмов. Микробу «выгодно» быть членом микробной колонии. В микробной колонии или биопленке индивидуальные клетки наслаждаются «выгодами социального образа жизни», такими, как повышенная устойчивость к антибактериальным агентам (щелочь, хлорамин) и более эффективное использование питательных ресурсов [16]. С продвижением по эволюционной лестнице эффект синергии оказывается более разнообразным и масштабным. Хищники получают преимущество в охоте при увеличении масштаба стаи, стада или прайда, они могут распределять издержки и риск, делясь с сородичами полученной добычей, они способны обмениваться информацией или разделять функции для более эффективного нахождения и использования источников питания или охраны социальной группы от внешних опасностей, кроме того, кооперируясь, они могут модифицировать окружающую среду, приспособливая ее к своим нуждам.

Синергии, возникающие в мире живой природы, находят существенное дальнейшее развитие в человеческих обществах и, как показала известная антрополог Р. Бенедикт (1887–1948) в своей работе «Patterns of Culture» (1934), в особых формах социального холизма, когда эгоистические действия индивида работают на социальный альтруизм и способствуют развитию социального целого. Для понимания этого феномена она ввела специальный термин «синергизм» (от греч. *συν-εργος* – работать вместе). Синергизм определяется через «социально-институциональные условия, способствующие слиянию эгоизма и альтруизма таким образом, что когда я преследую свои “эгоистические” цели, я автоматически помогаю другим, а когда я стараюсь быть альтруистическим, меня неминуемо ждет поощрение, – словом, когда

преодолевается и разрешается дихотомия, противоречие между эгоизмом и альтруизмом» [17. С. 152].

Синергия в ее социальном и этическом смысле раскрывает тайну сборки субъектов в социальной среде, когда разделение труда или работа команды (teamwork) дают неоспоримое преимущество какой-либо социальной группе (или государству) и выдвигают ее на экономическом рынке, политической арене или геополитическом пространстве.

Социальные образования с высокой синергией, иными словами, с оптимальной, правильной сборкой, сводят агрессию до минимума и доводят сотрудничество до максимума. Они отличаются большим доверием, меньшей централизацией (т.е. большим внутренним разнообразием) и большим чувством ответственности. Основатель синергетики, немецкий профессор Герман Хакен, рисуя картину желаемого общества, построенного на принципах самоорганизации, отмечает: «Каждый отдельный человек вносит вклад в коллективное поведение, которое действует как параметр порядка и в конечном счете – совершенно в духе синергетики – затягивает на этот путь все большее количество индивидов, даже, выражаясь несколько резко, «порабощает» их в своих действиях... В качестве общего знаменателя может быть взят как существенный принцип ответственности Ханса Йонаса в самом широком смысле. Достойное человека самоорганизующееся общество может продолжительно существовать только тогда, когда каждый поступает так, как если бы он в рамках своей собственной деятельности был ответственен за целое» [18. С. 134, 136].

Абрахам Маслоу подчеркивал, что в обществе с высокой синергией «заведен такой порядок вещей, при котором действия индивидуума, направленные на достижение личной выгоды, выгодны обществу в целом... Такое общество лишено агрессивности не потому, что люди неэгоистичны и ставят социальные интересы выше своих личных, а потому, что при данном социальном устройстве эти интересы оказываются неразрывными» [19. С. 66]. В этом смысле диспозиции индивида к действию, познанию и творчеству вливаются в подвижки социальной структуры, работают на нее, стимулируя обратным влиянием действия каждого индивида.

Холистическая перспектива в организации и управлении социальными общностями, разумеется, не означает, что целое (общество) – это всё, а часть (индивид) – это ничто, как это имело место в обществах тоталитарного типа. Общество как целое, построенное на принципах демократии и плюрализма, есть условие саморазвития и самореализации индивида как личности, являющейся частью этого общества. Эволюционный холизм, фундированный на теории сложности, показывает нам, что часть может быть сложнее целого, поскольку она обретает свойства целого как эмерджентные качества, но при этом сохраняет и свои собственную, неповторимую индивидуальность. Именно таков человек. Он свертывает в себе социальное целое, выполняет различные социальные роли, но в то же время обладает сложными индивидуальными свойствами и демонстрирует более сложные паттерны и режимы поведения, чем социальное целое. Он способен мыслить холистически и действовать синергично, а значит спо-

способствовать становлению гармонично и устойчиво развивающегося социального целого.

Литература

1. Князева Е.Н. Универсальный эволюционизм: паттерны, которые связывают // Философские науки. 2015. № 3. С. 90–103.
2. Платон. Тимей. 33b, 33d. / Платон. Сочинения. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. С. 455–541.
3. *Laszlo E.* The Chaos Point. The World at the Crossroads. London: Piatkus, 2012.
4. *Coveney P., Highfield R.* Frontiers of Complexity. The Search for Order in a Chaotic World. London: Faber and Faber Limited, 1996.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 62–79.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. Изд. 2. М.: КомКнига, 2011.
7. *Holland J.H.* Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. Readings (MA), 1995.
8. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991; Cambridge: MIT Press, 1991. (7th printing 1999).
9. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–104.
10. Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.
11. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
12. *Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Киев: София; М.: ИД «Гелиос», 2002.
13. Constructivist Foundations. 2013. Vol. 8, N 2. Special issue: “Non-dualism: A Conceptual Revision”.
14. *Ledford H.* How to Solve the World’s Biggest Problems // Nature. 2015. Vol. 525, N 7569. P. 308–311.
15. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 193–201.
16. *Олескин А.В.* Биосоциальность одноклеточных (на материале исследования прокариот) // Журнал общей биологии. 2009. Т. 70, № 3. С. 225–238.
17. *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издательская группа Евразия, 1997.
18. *Хакен Г.* Самоорганизующееся общество / Пер. Е.Н. Князевой // Синергетика. Антология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 116–136.
19. *Вайнцвайг П.* Десять заповедей творческой личности. М.: Прогресс, 1990.

Knyazeva Helena N., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation) E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№2

RETURN TO UNITY: THE METHODOLOGICAL ASPECTS OF EVOLUTIONARY HOLISM

Key words: co-evolution, creativity, interdisciplinary synthesis of knowledge, synergy, complexity, holism, emergent properties.

Some notions of the evolutionary ontological holism in ontological, cognitive and methodological aspects are discussed in the article. It is shown that holism becomes a new fundamental scientific paradigm that determines research strategies, while we return to the integrity of the knowledge, of life and activity orientations existed since ancient times. The ideas of holism become guidelines for creative minds that are flagships of social progress and determine the future of civilization.

References

1. Knyazeva, E.N. (2015) Universal'nyy evolyutsionizm: patterny, kotorye svyazyvayut [Universal Evolutionism: Patterns That Bind]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 3. pp. 90–103. (In Russian).

2. Plato. (1971) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 455–541.
3. Laszlo, E. (2012) *The Chaos Point. The World at the Crossroads*. London: Piatkus.
4. Coveney, P. & Highfield, R. (1996) *Frontiers of Complexity. The Search for Order in a Chaotic World*. London: Faber and Faber Limited.
5. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (1997) Antropnyy printsip v sinergetike [The anthropic principle in synergy]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 62–79.
6. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2011) *Sinergetika: nelineynost' vremeni i landshafty ko-evolyutsii* [Synergetics: the non-linearity of time and landscape of coevolution]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
7. Holland, J.H. (1995) *Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity*. Readings (MA).
8. Varela, F.J., Thompson, E. & Rosch, E. (1991) *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge (MA): The MIT Press.
9. Knyazeva, E.N. (2013) Enaktivizm: kontseptual'nyy povorot v epistemologii [Enactivism: A conceptual turn in epistemology]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 91–104.
10. Knyazeva, E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A new form of constructivism in epistemology]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
11. Levy-Bruhl, L. (1937) *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow: OGIZ.
12. Capra, F. (2002) *Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyykh system* [The Web of Life. New scientific understanding of living systems]. Translated from English by V.G. Trilis. Kiev: Sofiya; Moscow: Gelios.
13. *Constructivist Foundations*. (2013). 8(2). Special issue: Non-dualism: A Conceptual Revision.
14. Ledford, H. (2015) How to Solve the World's Biggest Problems. *Nature*. 525(7569). pp. 308–311. DOI: 10.1038/525308a
15. Knyazeva, E.N. (2011) Transdisciplinary research strategies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 10. pp. 193–201. (In Russian).
16. Oleskin, A.V. (2009) Biosotsial'nost' odnokletochnykh (na materiale issledovaniya prokariot) [Biosocial of the unicellular (a case study of prokaryotes)]. *Zhurnal obshchey biologii – Journal of General Biology*. 70(3). pp. 225–238.
17. Maslow, A.G. (1997) *Dal'nie predely chelovecheskoy psikhiki* [The farthest limits of the human psyche]. St. Petersburg: Izdatel'skaya gruppa Evraziya.
18. Haken, G. (2013) Samoorganizuyushcheesya obshchestvo [The self-organizing society]. Translated by E.N. Knyazeva. In: Prigogine, I., Haken, H., Ebeling, W., Mainzer, K. Morin, E., Petitot, J. & Varela, F. *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 116–136.
19. Weinzwieg, P. (1990) *Desyat' zapovedey tvorcheskoy lichnosti* [The Ten Commandments of Personal Power]. Translated from English by Sergey Loyko, Feliks Sarnov. Moscow: Progress.

УДК 1:316

DOI: 10.17223/1998863X/35/3

Ан.А. Корниенко

КОГНИТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Анализируется процесс оформления когнитивных стратегий управления в обществе знания, раскрыта специфика обозначенных стратегий, охарактеризован их потенциал. Раскрыто значение управления посредством использования знаниевых массивов как ресурса, обладающего способностью релевантного воздействия. Обозначен тезис о том, что проблема неизбежного старения знания может найти свое эффективное решение посредством обращения к механизмам инновационного развития. Доказано, что оценка роли инноваций, предлагаемая в проблемном поле когнитивного менеджмента, создает предпосылки для релевантной оценки знания как доминирующего фактора общественного развития, позволяет адекватно оценить статус знания в увеличении ценности интеллектуального потенциала личности.

Ключевые слова: знание, общество знания, цивилизация знания, инновационные стратегии управления, когнитивные стратегии управления, механизмы забывания, интеллектуальный капитал.

В современной теории управления активно используется термин «стратегия», что связано с необходимой для процесса управленческого действия способностью своевременного и адекватного воздействия, того воздействия, за которым может быть рассмотрена перспектива развития объекта. Сам же выбор стратегии управления (для того, чтобы управленческое воздействие было максимально эффективным) должен быть ресурсно обеспеченным. В обществе знания таким ресурсом является знание.

Трансформация статуса знания в цивилизации знания приводит к смене управленческих стратегий. Важно при этом исходить из той роли, которую играют в обществе знания инновации, внедряемые в организации, социальные институты и общности общества знания. По сути своей общества знания – «это обучающиеся, стремительно развивающиеся общества, основой которых является воспроизводство и распространение знаний. При этом происходит ускорение процесса появления новых знаний и в то же время рост интереса к новым знаниям со стороны общества, возрастает скорость потребления знаний. Основной проблемой становится высокая скорость морального устаревания знаний. Поэтому культура общества знания основывается не на принципах постоянства и воспроизводства, но на принципах творчества и обновления» [1. С. 144].

Проблема неизбежного старения знания может найти свое эффективное решение посредством обращения к механизмам инновационного развития. На рубеже XX–XXI вв. инновации являются тем, что создает для социальных систем возможность адаптации в ситуации, когда среду отличает высокий уровень динамики и комплексность рисков. В обществе знания идея инноватики проявляет себя во всех без исключения сферах социума. Поднимая во-

прос о специфике исследовательских стратегий изучения проблемы инноваций в контексте концепции общества знания, следует говорить о социокультурном эффекте феномена инновации. Смысл этого эффекта, проявляющего себя, на наш взгляд, только в обществе знания, заключен в той диффузии, которой подвержены новшества в цивилизации знания. Диффузия происходит как в пределах отдельных областей, так и касается сложных междисциплинарных взаимодействий, что вызывает синергию отраслей знания. И социокультурный эффект явления инновации заключен в способности инноваций инициировать трансформации в знаниях, вызывающих преобразования социальных структур и процессов. Всем проявлениям реальности свойственны не только появление нового и его распространение в среде, но и качественное обновление всей сферы действия инноваций.

Что представляет собой инновация как фактор развития общества? Первые попытки ответить на этот вопрос предприняли экономисты, обратившись к потенциалу теории циклов Н.Д. Кондратьева, позволившей развести представление о таких явлениях, как «новшество» и «нововведение»; Н.Д. Кондратьев охарактеризовал и роль масштабных изобретений как предпосылки промышленных революций; он также обосновал в работе «Основные проблемы экономической статики и динамики» тезис о социальном эффекте динамики экономического цикла, как обосновал и идею зависимости экономических циклов от динамики тех масштабных технических изобретений, на которые ориентировано производство. Й. Шумпетер, обратившись к вопросу об источниках экономических циклов, определил инновацию как средство, которое используется в период экономической депрессии, – используется с целью обновления производства, его изменения. Именно Й. Шумпетер в «Истории экономического анализа» впервые в экономической науке осуществил классификацию инноваций, представил теорию «инновационных пакетов». Й. Шумпетер увидел, что смена фаз экономического цикла в своей основе имеет трансформацию производства под влиянием кардинальных технических инноваций, при этом новые коммерческие организации, новые товары, процесс накопления денежной массы – всему этому также предшествуют технические инновации. Й. Шумпетером выявлены и проанализированы волнообразные циклы, в основе которых – обращение к возможностям паровой машины (1792–1842 гг.), железнодорожного транспорта (1843–1897 гг.), электричества и автомобильного транспорта (1898–1949 гг.). Инновационные процессы представлены Й. Шумпетером как потенциал, позволяющий преодолеть спад в экономике и осуществить переход к новому циклу развития, к новой фазе экономического подъема (подробно проблема исследовательских стратегий изучения проблемы инноваций в экономической науке рассмотрена Н.В. Басовым, В.Н. Костюком, В.Л. Романовым, Ю.В. Яковцом). Мы полагаем, что именно в 60-е гг. XX в. была предпринята попытка увидеть предпосылки экономического развития не только в прежнем темпе роста экономики и в скорости технологического прогресса (эту идею десятилетием ранее, исследуя циклы товарного обращения, обосновал М. Калецки), но и в использовании потенциала научного знания. Начало этой концепции было положено Р. Слоу в 1956 г., и уже в работе «Исследование различий в темпах экономического роста» Э. Денисон сумел обосновать тезис о том, что сово-

купное воздействие таких факторов, как образование и использование научного знания, определяет 40 % национального продукта. В 70-е гг. Г. Менш определил ряд «вершин» инновационной активности, назвав 1764, 1825, 1886 и 1935 гг. Г. Меншем также осуществлен прогноз, в соответствии с которым следующий всплеск инновационной активности приходился на 1995 г., когда заявили о себе успехи генной инженерии, когда были найдены до сих пор неизвестные энергетические ресурсы, наконец, – что очень важно для нас, поскольку мы попытаемся рассмотреть проблему инноваций в контексте становящегося общества знания, – Г. Менш связывает всплеск инновационной активности 1995 г. с успехом микропроцессорной техники. Чуть позднее, в 90-е гг. XX в., Б. Санто, выявляя характерные черты современной экономики и общие закономерности инновационного процесса, называет прогресс науки мощнейшим фактором экономического прогресса. Среди специфических черт инновационного процесса Б. Санто выделяет цикличность, расчлененность функциональных организационных единиц, системность и рост экономического и научно-технического потенциала (предпосылки технологического обновления производства).

Инновационная экономика, полагает Б. Санто, в качестве нового основания выбирает науку. Мы полагаем, что, хотя именно в традициях экономического подхода следует видеть базу для интерпретации инновации в качестве доминирующей ценности общества знания, экономический подход недостаточно широк для того, чтобы именно в контексте цивилизации знания интерпретировать весь диапазон проявлений и последствий инновационных процессов. Подобна нашей и позиция Н.В. Басова. Автор полагает, что «...в рамках экономических теорий рассматривается лишь макроуровень общественной реальности. В связи с этим (хотя такая необходимость уже осознана) почти не анализируется субъективная творческая роль человека как агента общественных преобразований, создающего новые идеи и внедряющего инновации, что особенно важно для интерпретации феномена инновации, формирующейся в русле концепции общества знания. Поэтому подход к осмыслению инновации с точки зрения экономического знания весьма ограничен в плане возможностей раскрыть специфику данного феномена» [2. С. 153].

В 80-е гг. XX в. попытка преодоления односторонности экономического подхода к инновациям была предпринята в проблемном поле менеджмента; практика управления инновационными процессами активно изучалась инновационным менеджментом, в проблемном поле концепции самообучающихся организаций, эволюционным менеджментом, наконец, менеджментом знаний. Нам представляется, что именно подход к инновациям, сформировавшийся в границах когнитивного менеджмента, позволяет адекватно оценить статус знания как доминирующего фактора общественного развития, базовой ценности общества знания, наконец, оценить роль знаний в увеличении ценности интеллектуального потенциала личности.

Какую роль играют инновации в обществе знания? Если понимать под инновациями новые и значимые для общества формы социальной практики (Е.Н. Князева), то управление в обществе знания должно соответствовать таким критериям, как креативность и инновационность. Как считает Е.Н. Князева, процесс онтологизации (становления идеи или проекта новой

социальной реальности) основан на определенных принципах управления процессом, внедрения социальных инноваций [3. С. 231–232]. И эти принципы – «фундаментальные регулятивы управленческой деятельности» – в современном обществе в достаточной мере и степени трансформированы. Социальное управление должно быть мировоззренчески ориентированным, рефлексивным («способным антиципировать будущее»), синергетическим («нелинейным и резонансным» – термины Е.Н. Князевой), конструктивистским, экологическим (что связано со способностью управления учитывать своевременность воздействия управленческого действия – Э. Морен); в его основе должны лежать навыки глобального мышления; наконец, управленческие действия и воздействия должны отличаться креативностью.

Синергетика как постнеклассическая парадигма научного знания позволяет взглянуть на субъект и объект управленческой деятельности как на находящиеся в отношении «нелинейной обратной связи».

Отношение субъекта и объекта управления. Как пишет Е.Н. Князева, в условиях постнеклассической науки – ядром этой науки является синергетика – изменяется понимание отношения субъекта и объекта управления: «Субъект управления встроен в ситуацию управления: он строит ситуацию, но и она строит его. Стратегии его деятельности с необходимостью претерпевают изменения и получают корректировки с изменением ситуации. Субъект управления созидает, со-переустройствает, творит ближайшую и более отдаленную социальную среду, но и среда творит его... Это новое представление об инактивации, «вдействовании» субъекта в среду, заимствованное из современной эпистемологии и переинтерпретированное в контексте современной теории управления» [3. С. 233].

Синергетикой открыты конструктивные принципы коэволюции сложных систем. С.П. Курдюмов ранее характеризовал эти принципы конструктивными, так как их можно использовать в управленческой деятельности; их эффективность С.П. Курдюмов рассмотрел в стратегическом видении будущего, в планировании на перспективу. Синергетические принципы коэволюции ориентированы на будущее [3].

Платформой социальных инноваций в обществе знания является креативная управленческая деятельность. Сегодня можно говорить о методах стимулирования креативного мышления. В числе этих методов, наряду с хаотизацией состояния сознания и мышления для преодоления стереотипов мышления, с тренировкой перцептивного мышления, Е.Н. Князевой предложен метод тренировки дивергентного мышления как метод креативного познания и действия. «В то время как конвергентное мышление, – пишет Е.Н. Князева, – идет от первоначально поставленной задачи через серию предписанных операций к единственно правильному решению, дивергентное мышление позволяет проводить исследование в разных направлениях от первоначально поставленной задачи, для того чтобы выдвинуть целый ряд возможных идей и их комбинаций, которые могли бы служить решениями проблемы и лечь в основу созидательного действия» [3. С. 246]. Автор пишет о необходимости для управленческих воздействий быть встроенными в среду, об интерактивных действиях как об условии эффективности управленческих воздействий. Эта встроенность в среду означает умение кон-

текстуализировать используемые в процессе управления знания: «Мыслить и действовать интерактивно и оказывать управляющие воздействия адекватно складывающейся ситуации означает, стало быть, понимать неоднозначность и относительную непредсказуемость получаемого отклика от среды, от организации, на которую осуществляется управляющее воздействие, отдавать себе отчет о сложности и нелинейности устанавливающихся обратных связей, допускать определенную долю хаоса, внутренней подвижности и гибкости в складывающейся системе интерактивных связей, а также уметь использовать правила резонансного встраивания в среду для образования единого устойчиво эволюционирующего целого» [3. С. 242].

Мы отмечали выше, что выбор стратегии управленческого воздействия способен обнаружить максимальную эффективность в том случае, если этот выбор окажется ресурсно обеспеченным. Таким ресурсом в обществе знания является знание, обретшее статус источника развития социальной и культурной сферы. Последнее обстоятельство объясняет возможность обращения в обществе знания к потенциалу стратегии когнитивного менеджмента.

Общество, в котором доминирующим ресурсом становится знание, формирует и инновационные стратегии управления. Такой стратегией является когнитивный менеджмент, выступающий в обществе знания новой теорией управления. Сам термин «управление знаниями» возник в конце XX в. – он был введен Карлом Вингом в 1986 г. Внимание к этой проблеме обусловлено тем, что сегодня глобализация, создание технологий, интенсификация конкуренции снижают роль материальных ресурсов. Безусловно, земля, труд и капитал по-прежнему имеют значимый статус. Однако в обеспечении конкурентоспособности на лидирующие позиции выходит знание: побеждает тот, кто лучше знает, как применить материальные ресурсы. Знание превращено в ресурс в экономическом плане и смысле. Знание – особый ресурс, имеющий специфическую динамику формирования и требующий особых управленческих действий. Авторы монографии «Управление знаниями» полагают, что управление знаниями – это междисциплинарный подход к достижению системы целей через наиболее эффективное использование знаний [4–11]. Управление знаниями позволяет отыскать необходимые знания, приобрести эти знания, применить их для реализации стратегии общества. Управление знаниями в обществе знания приобретает статус идеологии, она пронизывает все сферы деятельности общества. В науке появилось множество терминов, включивших в себя термин «knowledge» в атрибутивной позиции: knowledge assets, knowledge resources, knowledge economy, knowledge work, knowledge worker, knowledge-based theory of the firm, knowledge-intensive firm, knowledge sharing, explore/exploit knowledge. Активно обсуждается спиралевидная модель создания знания (И. Нонака), обсуждаются механизмы, обеспечивающие передачу знания (Л. Арготэй, П. Инграм), процесс создания научающихся структур (Д.А. Гарвин), роль знания в управлении забыванием (П. де Холан, Н. Филипс, Т. Лоренс), диагностика культурных барьеров в управлении знаниями (Д.У. Делонг, Л. Фейхи), модели, используемые для измерения интеллектуального капитала (Н. Бонтис), человеческий фактор в управлении знаниями (Дж. Барлинг), роль знания в динамике роста (П.-М. Ромер).

Проблемы когнитивного менеджмента требуют четкого различения таких понятий, как данные (data), информация (information), знания (knowledge). Проводя это различие, Д.У. Делонг и Л. Фейхи, решая проблему диагностики культурных барьеров в управлении знаниями, видят специфику этого различия в следующем. Данные, по мнению авторов, это необращенные или несокращенные описания прошлых, настоящих, будущих событий; информация интерпретируется как модели, обнаруживаемые в данных. Знание же интерпретируется как тот ресурс, который зависим от контекста и заключен в сложившейся практике. Воплощаясь в языке, знания играют роль фактора принятия решений и действий. При этом следует принимать во внимание различие знания явного (закодированного и отраженного в формальных правилах, инструментах, процессах) и знания неявного (это то, что мы знаем, но объяснить не можем) [4]. Неявное (tacit) знание, по мнению исследователей, – знание в высшей степени личностное; это знание неформализуемо и трудно передаваемо. Зачастую неявное знание представлено техническим мастерством. Последнее являет собой тип неформального трудно передаваемого и столь же трудно выразимого знания («ноу-хау»). Это знание по сути особого когнитивного измерения, оно основано на пронизательности, интуиции, предчувствии и укоренено в идеалах, ценностях, эмоциях. Неявное знание имеет два среза – технический (неформализованные знания и умения, «ноу-хау») и когнитивный (представления, идеалы, ценности, ментальные модели) (См. об этом подробнее в работах И. Нонаки и Н. Конно [5–7]). И сам процесс создания знаний – расширение границ знания – взаимодействие явного и неявного знания, имеющее форму спирали. Авторы предлагают модель такого взаимодействия, названную SECI. SECI – производное от терминов социализация (socialization), экстернализация (externalization), комбинация (combination), интернализация (internalization). И. Нонака и Н. Конно описали четыре способа преобразования знания, четыре этапа процесса преобразования знания. Авторы считают модель SECI общей схемой процесса создания знания, полагая идею расширения границ знания абстрактной, хотя эта модель может найти воплощение на практике [5].

Д.У. Делонг и Л. Фейхи, говоря о роли знания в процессах управления знанием, выделяют такие типы знания, как:

- человеческое знание (human knowledge), это индивидуальное знание, проявляющееся в навыках и профессиональных компетенциях и сочетающее в себе явное и неявное знание;
- социальное знание (social knowledge), существующее во взаимоотношениях между индивидуумами или внутри групп. Социальное знание преимущественно неявное, оно принадлежит членам группы и развивается только в результате совместной работы. Этот тип знания определяет способность индивидов к эффективному сотрудничеству;
- структурированное знание (structured knowledge) воплощено в системах, процессах, инструментах и сложившихся практиках. Знание в этом случае является явным и основано на правилах. Основное отличие структурированного знания от первых двух типов знаний заключается в том, что оно считается существующим независимо от людей-носителей знаний. Этот тип знания представляет собой важнейший ресурс [4. С. 245–246).

Когнитивный менеджмент, являясь новой стратегией управления в обществе знания, имеет в своей основе два принципа: управление знаниевыми ресурсами и управление посредством знаниевых ресурсов. Когнитивный менеджмент как новая парадигма управления в обществе знания проявит свою эффективность в большей мере и степени, если будет разработана стратегия управления знанием и с помощью знания. Что же представляет собой стратегия? В 1971 г. вышла в свет книга К.Р. Andrews «Концепция корпоративной стратегии», в которой автор использует подход к стратегии (SWOT-анализ) как к искусству ведения руководства; в основе этого искусства лежит анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз. Проведение SWOT-анализа требует знания внутренних способностей объекта (к примеру, фирмы), его сильных и слабых сторон, возможностей и угроз конкурентной среды. Стратегия ориентирована на действия, которые способствуют обеспечению устойчивости объекта, избежанию угроз, использованию потенциала объекта. М. Зак предлагает рассматривать стратегию как балансирование между внешней средой (ее потенциалом и угрозами) и внутренним потенциалом управляемого объекта [8. С. 164].

Помимо SWOT-стратегии известна стратегическая модель «пяти сил» М. Портера, делающая акцент на том, что способствует появлению возможностей и угроз. А, кроме того, – ресурсная стратегия (В. Коугт, Н. Кулатилака). В этой стратегии объект стратегически позиционирован, и исходным пунктом этого позиционирования являются ресурсы. Эффективность же избранной стратегии определяется ресурсным основанием объекта.

Таким ресурсным основанием для общества знания является знание, называемое стратегическим ресурсом общества знания, в силу того, что этот интеллектуальный ресурс позволяет, аккумулируясь, поддерживать конкурентные преимущества. Что позволяет знанию обеспечивать устойчивость подобных преимуществ? М. Зак, к примеру, полагает: «Знания, в особенности зависящие от контекста, неявные знания, заключенные в сложных организационных процессах и полученные в результате опыта, как правило, уникальны – их сложно имитировать. В отличие от многих традиционных ресурсов, их невозможно приобрести на рынке в готовой к применению форме. Чтобы приобрести подобные знания, конкуренты должны приобрести тот же опыт. Однако приобретение знаний через опыт требует времени, и конкуренты не могут ускорить процесс научения, только лишь увеличив инвестиции» [8. С. 166].

Помимо этого, устойчивость основанных на знаниях конкурентных преимуществ связана со спецификой «научающейся организации» – «чем больше фирма знает, тем большему она может научиться». Огромную роль в обеспечении устойчивости играет возможность синергии знаний, организация знаний через синергетическую интеграцию, – такова, к примеру, способность полученных экспертным путем знаний о будущих рисках интегрироваться с уже существующими «метазнаниями», создавая эффект синергии знаний. Он заключен в явлении «возрастающей отдачи» (П. Ромер), смысл которого заключен в возрастающей отдаче знания по мере его использования, и это, по мнению П. Ромера, порождает самоусиливающийся цикл. При этом стратегически важные сферы знаний интегрируют присущий этим сферам когнитивный опыт в «критическую научающую массу», используя массивы знаний в ответах на стратегические вызовы времени [9].

В целом же знаниевая стратегия характеризует подход к приведению знаниевых ресурсов в соответствие с интеллектуальными требованиями стратегии. Знаниевую стратегию, считает М. Зак, можно описать различным образом. К примеру, указав на ту степень, в которой объект (к примеру, фирма) генерирует знания. Кроме того, оценив источник знаний (внутренний, внешний).

Применение термина «знаниевая стратегия» требует уточнения через отнесение этой категории с категорией «стратегия управления знаниями», – это разнопорядковые понятия. Знаниевая стратегия основана на знании, она является конкурентной стратегией, в ее основе – когнитивные ресурсы. М. Зак считает, что «знаниевая стратегия ориентируется на понимание, какие знания и почему являются стратегическими», в то же время стратегия управления знаниями «направляет и определяет процессы и инфраструктуру (организационную и технологическую) для управления знаниями» [10. С. 193]. Автор выделяет различные виды управления знаниями – к примеру, управление стратегическими знаниями, управление операционными знаниями (рутинные действия и процессы). И если в ходе управления стратегическими знаниями решается проблема обеспечения информацией для принятия стратегических решений, то в процессе управления операционными знаниями реализация стратегии осуществляется в полной мере.

Примечательно, что возможна такая модель знаниевой стратегии, которая включает в себя «положительный разрыв в знаниях». Это та ситуация, когда организация знает «больше» того, что нужно для реализации стратегий (есть патенты, но они не используются и не отдаются по лицензии). Возможна и противоположная ситуация. Однако в целом управление знаниями (термин возник в начале 90-х гг. XX в.) – комплекс процессов, ориентированных на развитие и эффективное управление знаниями. Говоря о процессе управления знаниями, следует принять во внимание, что этот процесс включает в себя и управление профессиональным интеллектом, это особенно важно в экономике постиндустриализма. Морфология профессионального интеллекта включает в себя такие блоки, как когнитивное знание (базовый уровень владения дисциплиной), продвинутые навыки («как», know-how), системное понимание («почему», know-why), самомотивированное творчество («зачем», care-why). И если три первых блока в морфологии профессионального интеллекта отражены в системах, базах данных и операционных технологиях, то последний блок такой важнейшей компоненты знания, как профессиональный интеллект, отражен, как считают Дж. Куинн, Ф. Андерсон, С. Финкельштейн [11. С. 226], в корпоративной культуре.

Выбор стратегии управленческого воздействия проявляет свою максимальную эффективность лишь в той ситуации, когда этот выбор ресурсно обеспечен. Таким ресурсом в цивилизации знания является знание. В обществе знания оно обрело статус источника развития социальной и культурной сферы, что формирует необходимость обращения к возможностям когнитивных стратегий управления, – последние по своей природе и механизмам являются стратегиями инновационными. Такой стратегией является когнитивный менеджмент. Автор пытался обосновать тезис о том, что знание, превращенное в ресурс, в экономическом смысле является специфическим ресурсом. Оно, имея особую динамику формирования, нуждается в специфических управленческих действиях и механизмах. Реализация же знаниевых

стратегий в управлении массивами знаний возможна лишь на платформе междисциплинарного подхода. Он позволяет добиться достижения системы целей посредством эффективного использования знаний. Само управление знаниями в обществе знания превращено в идеологию. Сформирован и особый категориальный аппарат, в котором термин «knowledge» применен в значении атрибута, – knowledge assets, knowledge worker, knowledge resources, knowledge sharing и т.д. Автор полагает, что анализ природы, специфики и потенциала когнитивных стратегий управления явится той теоретической платформой, на которой возможно осуществить анализ ряда важнейших проблем, связанных с управлением знаниями. Это анализ моделей создания знаний, создания научающихся структур, механизмов передачи знаний и механизмов забывания; это изучение культурных барьеров в управлении знаниями, исследование моделей оценки интеллектуального капитала, наконец, анализ роли знания в динамике роста, и все иное, связанное со знанием как важнейшим ресурсным фактором общества знания.

Литература

1. Janszen F. The Age of Innovation. London: Prentice Hall, 2012. 232 p.
2. Басов Н.В. Исследовательские стратегии изучения социальных инноваций в контексте концепции общества знания. В: Общество знания: от идеи к практике: Кол. монография: в 3 ч. Ч. 1: Основные контуры концепции общества знания / под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб.: Скифия-принт, 2008. С. 144–203.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб.: Алетей, 2012. 414 с.
4. Делонг Д.У., Феихи Л. Диагностика культурных барьеров в управлении знаниями. В: Управление знаниями: Хрестоматия. 2-е изд. / пер. с англ. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 243–274.
5. Нонака И., Конно Н. Концепция ба: организационный механизм создания знаний. В: Управление знаниями: Хрестоматия. 2-е изд. / пер. с англ. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 275–292.
6. Нонака И. Компания – создатель знаний. В: Управление знаниями: Хрестоматия. 2-е изд. / пер. с англ. СПб. «Высшая школа менеджмента, 2010. С. 66–82.
7. Nonaka I., Takeuchi H. The knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. Oxford: Oxford University Press. 2008. 231 p.
8. Зак М.Х. Разработка знаниевой стратегии. В: Управление знаниями: Хрестоматия. 2-е изд. / пер. с англ. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 162–188.
9. Ромер П.М. Экономика знаний. В: Управление знаниями: Хрестоматия. 2-е изд. / пер. с англ. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 19–36.
10. Зак М.Х. Разработка знаниевой стратегии (эпилог). В: Управление знаниями: Хрестоматия. 2-е изд. / пер. с англ. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 189–204.
11. Куини Дж.Б., Андерсон Ф., Финкельштейн С. Управление профессиональным интеллектом. В: Управление знаниями: Хрестоматия. 2-е изд. / пер. с англ. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 225–242

Kornienko Anna A., Tomsk polytechnic university (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 3

COGNITIVE MANAGEMENT AS AN INNOVATIVE MANAGEMENT STRATEGY IN A KNOWLEDGE SOCIETY: THE CONCEPTUAL ASPECT

Key words: knowledge, knowledge society, knowledge civilization, innovative management strategies, cognitive management strategies, mechanisms of forgetting, intellectual capital.

The article analyzes the process of formation of cognitive management strategies in knowledge society. The specific character of these strategies is identified, its potential is characterized. The article touches upon the issue of meaning of management through knowledge arrays as a relevant impact

resource. Transformation of knowledge status into knowledge civilization leads to a change in management strategies. It is affirmed that the role of innovations is very important in the knowledge society, introduced in enterprises, social institutions and communities of knowledge society. Bringing up an issue of strategy specifics of innovation problem investigation in the context of knowledge society concept, it is worth paying attention to socio-cultural effects of the phenomenon of innovation. The sense of this effect, which in our opinion is manifested in knowledge society, consists of the diffusion, to which innovations in knowledge civilization are exposed. Diffusion takes place within certain areas as well as it touches complex interdisciplinary interactions, which causes synergy of subject areas. Sociocultural effect is also consists of innovation ability to initiate transformations of knowledge, which cause reformations of social structures and processes. We outline the idea that the problem of inevitable knowledge obsolescence can find its effective solution through addressing to the mechanisms of innovative development. By virtue of the ability of innovation to generate in social systems the opportunity to adapt to a situation, where environment has high level of dynamics and risks complexity, in knowledge society the ideas of innovation manifest themselves in all social spheres. It is proved that evaluation of the role of innovation, proposed in the problem field of cognitive management creates preconditions for relevant assessment of knowledge as dominant factor of social development and dominant values of knowledge society, as well as gives an opportunity to evaluate adequately the status of knowledge in value increasing of individual intellectual potential. The analysis of nature, specifics and potential of cognitive management strategies is the theoretical platform on which it is possible to analyze a number of important issues related to knowledge management. This is analysis of models of knowledge creation, teaching structures creation, knowledge transfer mechanisms and mechanisms of forgetting. This is study of cultural barriers in knowledge management, the research of intellectual capital evaluation models, and finally, the analysis of knowledge role in growth dynamics and everything, associated with knowledge as the most important resource factor in knowledge society.

References

1. Janszen, F. (2012) *The Age of Innovation*. London: Prentice Hall.
2. Basov, N.V. (2008) Issledovatel'skie strategii izucheniya sotsial'nykh innovatsiy v kontekste kontseptsii obshchestva znaniya [Research strategies for the study of social innovation in terms of the concept of the knowledge society]. In: Vasilkova, V.V. & Verbitskaya, L.A. (eds) *Obshchestvo znaniya: ot idei k praktike* [Society of knowledge: From ideas to practice]. St. Petersburg: Skifiya-print. pp. 144–203.
3. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2012) *Osnovaniya sinergetiki* [The basis of synergy]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Delong, D.W. & Fahey, L. (2010) Diagnostika kul'turnykh bar'erov v upravlenii znaniyami [The diagnosis of cultural barriers in knowledge management]. In: Andreev, T.E. & Gutnikov, T.Yu. (eds) *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Translated from English. 2nd ed. St. Petersburg: Higher School of Management. pp. 243–274.
5. Nonaka, I. & Konno, N. (2010) Kontseptsiya ba: organizatsionnyy mekhanizm sozdaniya znaniy [The concept of “ba”: Organizational mechanism of knowledge creation]. In: Andreev, T.E. & Gutnikov, T.Yu. (eds) *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Translated from English. 2nd ed. St. Petersburg: Higher School of Management. pp. 275–292.
6. Nonaka, I. (2010) Kompaniya – sozdatel' znaniy [The knowledge-creating company]. In: Andreev, T.E. & Gutnikov, T.Yu. (eds) *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Translated from English. 2nd ed. St. Petersburg: Higher School of Management. pp. 66–82.
7. Nonaka, I. & Takeuchi, H. (2008) *The knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation*. Oxford: Oxford University Press.
8. Zak, M.Kh. (2010) Razrabotka znanievoy strategii [Knowledge development strategy]. In: Andreev, T.E. & Gutnikov, T.Yu. (eds) *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Translated from English. 2nd ed. St. Petersburg: Higher School of Management. pp. 162–188.
9. Romer, P.M. (2010) Ekonomika znaniy [The knowledge economy]. In: Andreev, T.E. & Gutnikov, T.Yu. (eds) *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Translated from English. 2nd ed. St. Petersburg: Higher School of Management. pp. 19–36
10. Zak, M.Kh. (2010) Razrabotka znanievoy strategii (epilog) [Knowledge development strategy: An epilogue]. In: Andreev, T.E. & Gutnikov, T.Yu. (eds) *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Translated from English. 2nd ed. St. Petersburg: Higher School of Management. pp. 189–204.
11. Quinn, J.B., Anderson, F. & Finkelstein, S. (2010) Upravlenie professional'nym intellektom [Professional intelligence management]. In: Andreev, T.E. & Gutnikov, T.Yu. (eds) *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Translated from English. 2nd ed. St. Petersburg: Higher School of Management. pp. 225–242.

DOI: 10.17223/1998863X/35/4
УДК 172

С.М. Левин

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*

Обсуждается вопрос о коллективной моральной ответственности и зависимости от него от наличия у групп коллективного сознания. Утверждается, что наличие коллективного сознания не есть необходимое условие коллективной моральной ответственности. Для обоснования этого тезиса автор обращается к условиям моральной ответственности, предложенным Кристианом Листом и Филипом Пети. Такими условиями называются нормативная значимость, способность суждения, достаточность контроля. Показывается, что не только индивидуумы, но и группы могут удовлетворять данным условиям, а наличие коллективного сознания не упрощает и одновременно с этим не усложняет удовлетворение как всех трех условий вместе, так и по отдельности каждого. Следовательно, возможность моральной ответственности групп не зависит от наличия или отсутствия у них коллективного сознания.

Ключевые слова: коллективное сознание, философия сознания, моральная философия, функционализм, социальная онтология.

1. Введение

Можно ли считать, что организация несёт моральную ответственность сама по себе? Оправданно ли приписывать моральную ответственность группам в целом, независимо от ответственности её членов? Многие современные философы отвечают отрицательно на эти вопросы. Одним из оснований для отрицательных ответов будет то, что у групп отсутствует коллективное сознание, т.е. группы не думают сами, не принимают решения и не действуют, их решения и действия – это всегда лишь наша интерпретация действий участников этих групп, каждый из которых может обладать сознанием. Согласованных действий разумных членов группы недостаточно для появления коллективного сознания группы, без которого разговор о моральной ответственности нельзя считать оправданным.

Коллективное сознание в буквальном смысле означает наличие ментальных состояний у групп. Подразумевается, что ментальные состояния свойственны группе как целому, и они необязательно должны совпадать с ментальными состояниями членов группы. Если бы у групп было коллективное сознание в указанном смысле, значит, была бы возможна ситуация, в которой группа может иметь осознанный мотив к совершению того, к чему не стремится ни один из её членов. Наличие осознанного мотива упростило бы приписывание моральной ответственности. Однако широко распространена точка зрения о том, что коллективное сознание невозможно, как следствие, разговор о желаниях и ментальных состояниях групп – это метафора, которая

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Коллективные сознания», проект № 14-23-18000.

отсылает к ментальным состояниям членов групп. Группы не могут быть субъектами морального выбора, так как они не субъекты в широком смысле этого слова, отсылающем к наличию перспективы первого лица, у них нет сознания, нет таких ментальных состояний, как желание, боль, страх, надежда и так далее.

В статье утверждается, что возможность моральной ответственности групп не зависит от наличия или отсутствия у них коллективного сознания. Под группами в данной статье будет пониматься не любое собрание людей, а устойчивая организация разумных индивидуумов со своими целями и средствами их достижения. Примерами могут быть корпорации, церкви, партии, банды, армии и некоторые другие государственные структуры.

2. Моральная ответственность

Дистрибуция наказания и похвалы кажется осмысленной только в том случае, если возможно объяснить, как те, кому назначается наказание или поощрение, связаны с тем, что произошло. При этом причинная связь с последствиями действия не оправдывает наказание или похвалу автоматически, для этого необходимо ещё назначить деятеля ответственным за произошедшее. Ответственность за действия – неотъемлемое условие морального и юридического дискурса, каждый из которых содержит свои механизмы назначения ответственности. Моральная и юридическая практика могут иметь пересекающиеся, но не тождественные критерии ответственности применительно к индивидам и группам. Одно из существенных отличий моральной ответственности от юридической в целом заключается в том, что механизмы определения последней нагружены формальными условиями [1. С. 170]. Юридическая ответственность может отличаться в зависимости от страны юрисдикции. В легальном поле можно найти примеры приписывания ответственности как физическим лицам, т.е. отдельным индивидуумам, так и юридическим лицам, за которыми могут в свете соответствующих правовых теорий стоять не только индивиды, но и группы, коллективы, организации и их интересы. Но означает ли это, что группы, коллективы, организации наравне с индивидуумами обладают моральной ответственностью или это лишь удобная фикция?

Моральную ответственность можно разделить на индивидуальную ответственность и коллективную ответственность двух видов. Индивидуальная моральная ответственность за поступки представляется самым простым случаем для анализа. Например, если известно, что человек совершает некоторое действие, ему приписывается ответственность за это действие, пока не доказано обратное. Такие доказательства могут быть весьма разнообразны, от указания на недееспособность агента до обнаружения непреодолимого внешнего влияния [2]. Конечно, обсуждение проблемных случаев индивидуальной ответственности может быть сколь угодно обширным, но не менее обширен список случаев, в которых назначение индивидуальной моральной ответственности не представляет практической проблемы.

Коллективная моральная ответственность кажется гораздо более сложным концептом, у которого можно выделить два основных значения. В первом значении коллективная моральная ответственность – это ответствен-

ность, распределенная между членами коллектива. По большому счету, это лишь сложный случай дистрибуции индивидуальных ответственностей, для которых дополнительным фактором выступает то, что действие было совершено совместно с другими. Второе значение более экзотично и исходит из того, что группа людей может быть ответственна как целое, даже если ни один её членов не совершал того, за что ответственна группа. Уместность такого понимания коллективной моральной ответственности вызывает сомнение, так как многим кажется, что подлинной моральной ответственностью могут обладать лишь индивиды, но никак не совокупность индивидов. Например, допустимо считать морально ответственными отдельных преступников a , b , c , совершивших некоторый поступок X . Считается, что моральная ответственность преступников, действующих по предварительному сговору, увеличивается, так как это свидетельствует о преднамеренности их поступков. Следовательно, если a , b , c вместе совершили X , то их наказание возрастает. Менее очевидным, но всё ещё понятным кажется приписывание ответственности отдельным преступникам за действия их подельников, которые они не совершали непосредственно. Так, a может быть ответствен за X , даже если не принимал в его совершении непосредственного участия, но состоял в группе (a,b,c) и знал, что X – это значимая цель группы. Наименее же ясной выглядит гипотетическая ситуация, в которой моральная ответственность за X приписывается группе (a, b, c) в целом, и никто из a , b , c в строгом смысле за X морально не ответствен.

Зачем вообще нужна коллективная моральная ответственность во втором смысле? Может быть, достаточно распределять ответственность за действия группы между её членами? Необходимость коллективной моральной ответственности объясняется наличием у групп моральных обязательств и ситуациями дефицита ответственности.

Считается, что корпорации обладают моральными обязательствами: они не должны лгать, убивать, воровать и так далее [3. Р. 241]. Невыполнение моральных обязательств влечет за собой моральную ответственность. Но тот факт, что мы хотим возлагать на корпорации моральные обязательства, не означает, что они в принципе способны их выполнять и являются моральным субъектом их выполнения. Возможно, что эти обязательства – это просто удобный способ описания обязательств членов этих корпораций или даже неудачное наделение обязательствами таких сущностей, которые никогда бы и не могли их исполнить. Так, ребёнок может наделять своих кукол какими угодно обязательствами, но от этого у кукол не появится ни моральных обязательств, ни моральной ответственности.

Дефицит моральной ответственности – это такая ситуация, которая возникает если совокупная ответственность индивидов неадекватна совершенному группой действию [4. Р. 165–167]. Необязательно, чтобы члены группы при этом не совершили ничего предосудительного и были полностью невиновны, достаточно, чтобы они не делали того, что сделала вся группа в целом. Если нельзя приписать ответственность ни отдельным индивидуумам, ни группе в целом, то возникает дефицит моральной ответственности – наказывать некого.

Обыденным примером ситуации, в которой возникает дефицит ответственности, может послужить работа некоторых государственных органов. Обращаясь в них, человек может столкнуться с ситуацией, когда относительно него поступают явно несправедливо – не выдают документ, отказываются предоставлять некоторое заслуженное благо и т.д. Но при совершении этой несправедливости каждый отдельный сотрудник организации действовал в соответствии со своими должностными инструкциями и готов был помочь настолько, насколько это возможно в рамках существующих правил. И эти правила не являются откровенно аморальными. Если никто из конкретных людей не виноват в том, что произошло, мы либо вынуждены будем признать произошедшее стечением обстоятельств и трагической случайностью, в которой никто не виноват, либо, чтобы закрыть дефицит ответственности, от ветчиком должна выступить организация как таковая, а не отдельные её представители.

В поисках примера ужасного действия группы стоит помнить, что ответственность группы необязательно означает полной невиновности её членов. В ситуации, когда некоторая политическая партия повинна в геноциде, её члены могут нести персональную ответственность за множество отдельных эпизодов, но это не означает, что у партии нет ответственности. Ведь в случае отрицания ответственности групп, когда наказания отдельных членов нацистской партии было бы достаточно, а сама партия оказывалось не несла никакой ответственности ни за что.

3. Аргумент от сознания

Одним из возражений против оправданности применения категории моральной ответственности к группам может быть то, что группы не обладают сознанием. Аргумент противников коллективной моральной ответственности будет выглядеть следующим образом:

- (1) Группы не обладают сознанием.
- (2) Сознание – это необходимое условие моральной ответственности.
- (3) Следовательно, группы не могут быть морально ответственными.

Для опровержения вывода о том, что группы не могут быть морально ответственными, можно предположить: либо что сознание не является необходимым условием моральной ответственности, либо что группы могут обладать сознанием.

Первая посылка (группы не обладают сознанием) считается сегодня чем-то само собой разумеющимся в философии сознания. Коллективное сознание, сознание групп кажутся метафизическими отголосками немецкого идеализма [5]. Хотя уже появились книги и статьи, утверждающие обратное и при этом находящиеся в рамках натуралистических, материалистических и функционалистских представлений о сознании [6, 7, 8, 9]. Если бы тезис о потенциальной возможности или актуальном существовании коллективного сознания оказался бы верным, то моральная ответственность групп и организаций представлялась бы менее проблематичной. Во-первых, можно было бы утверждать, что у групп есть мотивы, и действия групп было бы оправданно интерпретировать как настоящие целенаправленные действия, а не как объединение в удобную категорию онтологически разрозненной суммы событий

общественной жизни. Во-вторых, наказание и похвала групп обретали бы для них эмоциональную ценность. Если бы коллективное сознание по своим феноменальным и когнитивным аспектам было бы сопоставимо с сознанием индивидуальным, то, конечно, наказание и награда были бы буквально приятны группам и, как следствие, могли бы корректировать их поведение.

Опровержение первой посылки, даже несмотря на обилие современных источников, представляется более амбициозной задачей, чем второй, на которой мы и сосредоточим своё внимание. Вторая посылка данного рассуждения, на первый взгляд, не противоречит здравому смыслу. Моральная ответственность предполагает в том числе наказание за поступки, нарушающие моральные нормы. Наказание может показаться уместным лишь относительно тех систем, которые, по нашему мнению, обладают сознанием. Существует распространенное убеждение в том, что осознанность поступка – это необходимое условие его моральной значимости [10. Р. 14–37]. Тот, кто отрицает, что сознание есть необходимое условие моральной ответственности, как будто бы подобен царю Ксерксу, который потребовал высечь море за то, что оно погубило его флот.

Как мы уже писали, в каждой конкретной ситуации для субъекта моральной ответственности может найтись огромное число извиняющих его факторов, например не зависящая от него нехватка знаний. Машиниста не будут упрекать за то, что он не начал экстренное торможение задолго до того, как увидел человека, выскочившего на рельсы. Машинист не мог знать, что это произойдет. Если же оперативное управление движением автоматизировано, поездами управляет компьютер, и кто-то прыгнул на рельсы, вопрос об извинении компьютера даже и не поднимается, так как не нужно оправдывать того, кто изначально не был моральным субъектом.

Можно привести множество примеров неодушевленных вещей, приписывание моральной ответственности которым абсурдно. Однако такие примеры сами по себе не доказывают, что сознание – это необходимое условие моральной ответственности, которое предшествует всем остальным. Относятся ли группы к классу объектов, о моральной ответственности которых говорить изначально абсурдно, подобно тому, как абсурдно говорить о моральной ответственности моря или системы торможения электропоезда? На наш взгляд – нет.

4. Критерии моральной ответственности и коллективное сознание

Существует несколько способов опровержения второй посылки:

(2) Сознание – это необходимое условие моральной ответственности.

Остановимся на опровержении, которое исходит из того, что группы удовлетворяют всем условиям моральной ответственности, соблюдение которых требуется, чтобы индивид был признан морально ответственным. Если окажется, что группа удовлетворяет всем условиям моральной ответственности, которые мы выдвигаем для индивидов, значит, группа также может быть морально ответственна.

В книге «Коллективный агент» (Group Agency) предлагаются следующие условия нормативной ответственности:

«**Нормативная значимость.** Агент сталкивается с нормативно значимым выбором, включающим в себя возможность совершения чего-либо хорошего или плохого, правильного или неправильного.

Способность суждения. Агент может понимать и ему доступны сведения, которые требуется для вынесения нормативных суждений о возможных вариантах действий.

Достаточность контроля. Агент обладает контролем, необходимым для выбора между вариантами действия» [4. Р. 155].

Эти критерии могут применяться не только в моральном, но и в юридическом дискурсе. Предложенные критерии, с одной стороны, представляются необходимыми и достаточными условиями ответственности. Авторы книги, Кристиан Лист и Филип Пети, утверждают, что не только индивиды, но и группы могут удовлетворять всем трем условиям. Оспаривание этих критериев заключалось бы в поиске контрпримера, когда перед нами был некто, удовлетворяющий всем трем критериям моральной ответственности, но при это не способный её нести. Если согласиться с предложенными критериями относительно индивидуумов, то нахождение хотя бы одной группы, удовлетворяющей им, будет означать, что группы могут быть носителями ответственности. Проверим их на примере какой-либо корпорации, в разрезе морального выбора.

Возьмем корпорацию Газпром. Сталкивается ли Газпром с ситуациями выбора, решения по которым можно оценить как хорошие или плохие, правильные или неправильные в этическом смысле? Да, безусловно. Доступны ли Газпрому сведения для вынесения взвешенных суждений относительно вариантов решения? Конечно, штат аналитиков, советников предоставляет такие сведения и способен к их адекватному пониманию. Обладает ли корпорация Газпром достаточным контролем хотя бы в некоторых случаях относительно своего выбора? Да, есть морально значимые ситуации, в которых именно Газпром обладает достаточным контролем относительно своих действий. В некоторых ситуациях именно Газпром, а не внешние неподвластные ему факторы, определяет, какой вариант действий будет предпочтен. Могут ли быть такие ситуации, в которых Газпром удовлетворяет всем трем условиям одновременно? Судя по всему, да.

Допустим, Газпром стоит перед выбором, куда направить часть средств: на поддержку университета или футбольного клуба? Для того, чтобы удовлетворять перечисленным условиям ответственности, в указанной ситуации необязательно предполагать наличие у Газпрома коллективного сознания. Если Газпром как корпорация удовлетворяет этим условиям, то можно оправданно приписывать ему коллективную моральную ответственность во втором смысле. Пройдем по всем трем критериям. В такой ситуации выбор Газпрома может быть морально значим, и он может оказаться правильным или неправильным. Газпром располагает сведениями, необходимыми для принятия решения. Органам управления корпорацией, руководству Газпрома известны или могут быть известны при малейшем желании последствия вложения денег в развлечения и профессиональный спорт или в науку и образование. Вполне вероятно, что факты могут сложиться таким образом, что Газпром может контролировать, какое решение будет в итоге принято

коллегиальным образом, в соответствии с принятыми в организации процедурами и без принуждения извне.

Означает ли, что за решение корпорации Газпром в равной степени несут ответственность все её сотрудники, включая охранников? Нет, речь идет о моральной ответственности корпорации как отдельной сущности дополнительной к составляющей её членам. Нечто совершила корпорация, и она может быть ответчиком как в юридическом, так и в моральном смысле помимо отдельных её членов.

Возражение к нашему выводу может заключаться в том, что предложенный список условий не полон, и есть неучтенные условия, которым группы не могут удовлетворить. Либо возражение будет состоять в том, что данные условия в принципе неприменимы к группам. Но пока такие дополнительные условия ответственности не названы и пока не доказано, что какие-то из перечисленных условий неприменимы к группам, эти возражения остаются лишь потенциальными.

5. Вывод

Бывают действия, относительно которых группы удовлетворяют всем условиям моральной ответственности, и для этого не нужно постулировать наличие у них коллективного сознания. Если группа может удовлетворить всем условиям ответственности, то логично предположить, что в таком случае группе можно приписать моральную ответственность. Значит, наличие у групп коллективной моральной ответственности не зависит от наличия у них коллективного сознания.

Литература

1. Дидикин А.Б. Причинность и ответственность: философско-правовой анализ // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. 2015. № 4. С. 170–174.
2. Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 151–161.
3. Hess K.M. The free will of corporations (and other collectives) // Philosophical Studies. 2014. Vol. 168, № 1. P. 241–260.
4. List C., Pettit P. Group agency: The possibility, design, and status of corporate agents. Oxford: Oxford University Press, 2011.
5. Tuomela R. Who Is Afraid of Group Agents and Group Minds? // The Background of Social Reality / ed. by Schmitz M., Kobow B., Schmid H. B. New York: Springer. 2013. P. 13–35.
6. Tollefsen D.P. From extended mind to collective mind // Cognitive systems research. 2006. Vol. 7, № 2. P. 140–150.
7. Huebner B. Macrocognition. A Theory of Distributed Minds and Collective Intentionality. New York: Oxford University Press, 2014.
8. Schwitzgebel E. If materialism is true, the United States is probably conscious // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172, № 7. P. 1697–1721.
9. Левин С.М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. № 18. С. 142–155.
10. Levy N. Consciousness and moral responsibility. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Levin Sergei M. National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)

E-mail: serg.m.levin@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 4

COLLECTIVE MIND AND MORAL RESPONSIBILITY

Keywords: collective mind, philosophy of mind, moral philosophy, functionalism, social ontology

In the paper, I discuss the question of moral responsibility and dependence of the answer on the existence of collective mind. I argue that collective mind is not a necessary condition for collective moral responsibility. For thesis justification, I take responsibility conditions proposed by Christian List and Philip Pettit. Responsibility conditions are normative significance, judgmental capacity and relevant control. It is shown that not only individuals, but groups as well may satisfy such conditions. The presence of collective mind does not make any difference in satisfying all three conditions together or each one separately. Therefore, the possibility of collective responsibility for groups does not depend on the presence of collective mind.

References

1. Didikin, A.B. (2015) Causality and responsibility: philosophical and legal analysis. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(32). pp. 170–174. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/32/19
2. Sekatskaya, M.A. (2014) Moral'naya otvetstvennost' bez svobody voli. Argument v pol'zu naturalisticheskoy etiki [Moral responsibility without free will. The argument in favor of naturalistic ethics]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 151–161.
3. Hess, K.M. (2014) The free will of corporations (and other collectives). *Philosophical Studies*. 168(1). pp. 241–260. DOI: 10.1007/s11098-013-0128-4
4. List, C. & Pettit, P. (2011) *Group agency: The possibility, design, and status of corporate agents*. Oxford: Oxford University Press.
5. Tuomela, R. (2013) Who Is Afraid of Group Agents and Group Minds? In: Schmitz, M., Kowbow, B. & Schmid, H.B. (eds) *The Background of Social Reality*. New York: Springer. pp. 13–35.
6. Tollefsen, D.P. (2006) From extended mind to collective mind. *Cognitive systems research*. 7(2). pp. 140–150. DOI: 10.1016/j.cogsys.2006.01.001
7. Huebner, B. (2014) *Macro cognition. A Theory of Distributed Minds and Collective Intentionality*. New York: Oxford University Press.
8. Schwitzgebel, E. (2015) If materialism is true, the United States is probably conscious. *Philosophical Studies*. 172(7). pp. 1697–1721. DOI: 10.1007/s11098-014-0387-8
9. Levin, S.M. (2015) Kollektivnoe soznanie i desubstantivatsiya mental'nogo [The collective consciousness and mental desubstantivation]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. 18. pp. 142–155.
10. Levy, N. (2014) *Consciousness and moral responsibility*. Oxford: Oxford University Press.

DOI: 10.17223/1998863X/35/5
УДК 504.3:165

В.Г. Рубанов, Е.В. Рубанова

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ НООСФЕРНОЙ КОНЦЕПЦИИ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Анализируются основные положения ноосферной концепции В.И. Вернадского, которые раскрываются не только в философских работах. Показано принципиальное отличие естественнонаучного, материалистического подхода В.И. Вернадского от идеалистического Тейяра де Шардена в отношении роли науки, научной деятельности и научно-технического прогресса в становлении и развитии ноосферной парадигмы мышления.

Ключевые слова: природа, человек, научное мировоззрение, наука, деятельность, ноосфера, экология, экспансия.

12 марта 2013 года исполнилось 150 лет со дня рождения В.И. Вернадского. 2013 год объявлен годом Вернадского. Труды великого ученого и мыслителя привлекают внимание многих исследователей в области геологии, историографии, биологии, космобиологии и т.д. В.И. Вернадскому под силу были философские решения многих вопросов, касающихся проблем человека, взаимоотношений Человека и Природы.

Однако обилие литературы не дает оснований говорить о всестороннем изучении феномена ноосферы. С нашей точки зрения, она пока не получила достаточного философского осмысления. Особое место в философских работах ученых отводит проблемам ноосферы, которые не потеряли своей актуальности и сегодня. Мы хотели бы остановиться на некоторых основных положениях этого учения. Для этого рассмотрим следующие вопросы: а) каким образом в ноосферной концепции В.И. Вернадского осуществлялась преемственная связь с диалектико-материалистическими принципами, б) в чем принципиальное отличие подходов В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена к проблеме места и роли человека в мире. Анализ ноосферной концепции В.И. Вернадского предпочтительнее всего начинать с генезиса понятия «ноосфера». Как известно, в обращение это понятие вводит Э. Леруа, а содержательно обосновывает Тейяр де Шарден в 20-е гг. XX столетия. По этому поводу В.И. Вернадский писал: «То же явление (ноосфера. – В.Р., Е.Р.) точнее, мне кажется, было выражено в 1927 г. в Париже философом (бергсонянцем) и математиком Э. Леруа на лекциях в Collège de France как новое геологическое состояние биосферы, в котором выступает на видное место геологическая работа человечества. Это новое состояние биосферы было названо ноосферой, т. е. такой биосферой, в которой проявляется как мощная все растущая геологическая сила роль человеческого разума (сознание) и направленного им человеческого труда, ранее отсутствовавшая до XIX–XX столетия в понимании человечества» [1. С. 86]. Однако есть свидетельство тому, что Э. Леруа в процессе работы над этой проблемой использовал материалы лекций В.И. Вернадского, которые он посещал в Париже. В одной из работ Э. Леруа

пишет: «Что касается химии биосферы, то я не смог почерпнуть более интересные сведения, нежели в работах В. Вернадского» [2. С. 42].

Если обратиться к публикациям В.И. Вернадского периода 1912–1922 гг., то увидим, что он отмечает факт появления в последнем веке такой человеческой деятельности, которая способна изменить соотношение свободных химических элементов на земной поверхности. В 1921 году на заседании физико-математического факультета Масарика университета в Брно и Ленинградского общества естествоиспытателей он отмечал: «Не случайно и то, что в течение долгих миллионов лет в химии земной коры, в истории химических элементов эволюция органического мира не отражалась заметным образом, и только теперь, в нашу геологическую эпоху, мы видим резкое изменение в этом отношении, связанное с появлением нового организма – человека, создавшегося длинным эволюционным путем и оказывающегося небывалым раньше в истории планеты геологическим фактором. Появление на Земле культурного человечества, овладевшего благодаря земледелию основным субстратом живой материи – зеленым растительным веществом, начинает менять химический лик нашей планеты, конца, размеров и значения чего мы не знаем» [3. С. 158].

В 1922–1923 годах В.И. Вернадский читает курс лекций по проблемам геологии и биогеологии, которые слушают Тейяр де Шарден и Э. Леруа. Через несколько лет появляются работы Тейяра де Шардена «Феномен человека» (1930–1940 гг.), где раскрывается его видение феномена ноосферы, и В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» (1938 г.), которая, к сожалению, не была завершена. В ней раскрывается материалистическое понимание генезиса и развития ноосферы, а также ее влияния на окружающую среду. В этих работах некоторые положения схожи, но между ними существует и принципиальное различие. Оно заключается не только в том, что В.И. Вернадский излагает свою точку зрения с позиции материализма, а Тейяр де Шарден с позиции идеализма, но и по самому духу изложения. «"Феномен человека", – как отмечает И.В. Кузнецов, – так же как и многие другие произведения западных авторов, полны пессимистических предчувствий относительно будущего Мира. Книга В.И. Вернадского оптимистично, убежденно говорит о все возрастающей силе Разума и является подлинным гимном свободной научной мысли» [4. С. 460–461].

Остановимся на некоторых основных положениях подходов В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена, которые, как мы считаем, представляют наибольший интерес при рассмотрении феномена ноосферы. Прежде чем переходить к характеристике ноосферной концепции, необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что В.И. Вернадский не был последовательным материалистом-диалектиком. Как пишет Б.М. Кедров, «... научный характер марксистской философии остается вне поля зрения В.И. Вернадского, а стихийно-материалистические философские воззрения естествоиспытателей он не отделял от самого естествознания» [4. С. 457]. К методологическим выводам, как мы уже отмечали, В.И. Вернадский пришел самостоятельно. В материализме он видит только социально-экономическое и политическое учение. Для него остается непонятным, что марксистская философия выступает методологией, логикой, мировоззрением и тесным обра-

зом связана с естественными науками. В письме к Б.Л. Личкову он признается: «Я мало знаю Маркса, но думаю, что ноосфера всецело будет созвучна с его основными выводами. Образование ноосферы вне воли людей и не может быть остановлено человеческой историей: оно следствие неизбежное полного заселения всей планеты» [5. С. 40]. Хотя, когда В.И. Вернадский касается экономических вопросов, он отмечает: «В действительности значение науки как основы социального переустройства в социальном строе будущего выведено Марксом не из философских представлений, а в результате научного анализа экономических явлений. Маркс и Энгельс правы в том, что эти учения положили реальные основы научного (не философского) социализма, так как путем глубокого научного исследования экономических явлений они, главным образом Маркс, выявили глубочайшее социальное значение научной мысли, которое философски интуитивно выявилось из предшествующих исканий “утопического социализма”» [4. С. 94].

Действительно, некоторые положения его философских размышлений уходят от диалектико-материалистических принципов и базируются на позиции натуралиста. Однако основные положения концепции В.И. Вернадского не расходятся с диалектикой и материализмом. С первых страниц работы «Научная мысль как планетное явление» во взгляде автора чувствуется явно выраженная связь с материализмом. Опираясь на весь предшествующий опыт геологической науки, В.И. Вернадский формулирует тезис, который стал стержнем в его учении. «Человек, – пишет он, – как всякое живое природное (или естественное) тело неразрывно связан с определенной геологической оболочкой нашей планеты – биосферой» [4. С. 22]. Начиная с древних философов, мыслители пытались определить начало всего сущего, связывали свои поиски с элементами, которыми располагает Земля или окружающая ее оболочка: земля, огонь, вода, воздух и т. д. Опираясь на диалектические принципы развития, В.И. Вернадский отстаивает точку зрения, согласно которой биологическая среда находится в постоянном изменении. Она представляет собой такую оболочку земной коры, в которой сосредоточена жизнь. Человек появился в результате длительного эволюционного развития природы. Если в «Феномене человека» Тейяр де Шарден представляет человека как цель – финал эволюции, как пассивный продукт развития природы, то у В.И. Вернадского человек – это активное существо. Творческое начало деятельности человека не может появиться в изоляции, у человека как атомарного существа. Свою активность он проявляет в обществе. В этом положении В.И. Вернадский существенным образом расходится с Тейяром де Шарденом, который утверждал: «Исключая случаи, в которых играют роль или половые факторы, или временно какая-нибудь общая исключительная страсть, люди продолжают оставаться враждебными друг другу или по крайней мере обособленными друг от друга. Как порошок, крупинки которого как бы их ни сжимали, не вступают в молекулярный контакт, люди всем своим существом, изо всех сил отстраняют и отталкивают друг друга» [6. С. 202].

В.И. Вернадский считает, что человечество существует как единое целое. Человек практически знает, что он не отделен от человечества. Идти против принципа единства всех людей – значит идти против закона природы. Совершенствование человеческого труда, развитие мысли приводят к тому, что

человечество изменяет биосферу. Под влиянием труда и научной мысли биосфера превращается в ноосферу. Нам хорошо известен тезис Ф. Энгельса о роли труда в процессе развития человека. В.И. Вернадский в этом вопросе отстаивает материалистическую позицию в противовес позиции Тейяра де Шардена, который утверждал, что человек в том виде, как его представляет наука, не отличается от животного. Новое геологическое явление – ноосфера, представляет собой такую оболочку Земли, которая создается в условиях совершенствования научной мысли. Появление ноосферы было обусловлено рядом существенных предпосылок, взаимосвязанных между собой. Как уже отмечалось выше, человечество в своем развитии представляет единое целостное образование. Его жизнь основывается на преемственности между его членами. Человек использует технические средства и приспособления, знания для более полного освоения земного шара. Процесс взаимосвязи, обмена опытом между людьми с появлением телеграфа, телефона, радио, аэропланов становится более простым и быстрым. В.И. Вернадский подчеркивал, что в освоении биосферы люди не только едины, но и равны между собой. Единство их заложено в самой сути человека, оно послужило одной из предпосылок появления ноосферы. «Реально, – пишет он, – это единство человека, его отличие от всего живого, новая форма власти живого организма над биосферой, большая его независимость, чем всех других организмов, от ее условий, является основным фактором, который, в конце концов, выявился в геологическом эволюционном процессе создания ноосферы. В течение долгих поколений единство человеческих обществ, их общение и власть – стремление к проявлению власти над окружающей природой – проявлялись случайно, прежде чем они выявились и были осознаны идеологически» [4. С. 42]. В ходе освоения биосферы человек использует различные виды энергии. Сначала была применена мускульная энергия. «Проявление биогеохимической энергии первого рода, без которой нет жизни, является неотделимым от человека, – отмечает В.И. Вернадский. – Но человек с самого своего выделения из массы жизни на планете, обладал уже орудиями, хотя бы очень грубыми, которые позволяли ему увеличить свою мускульную силу и явились первым проявлением современных машин, что отличало его от других живых организмов ... Медленно, в течение долгих поколений вырабатывалось умение в изготовлении и использовании этих орудий, оттачивалось умение – разум в его первом проявлении» [4. С. 137–138].

Значительным шагом в преобразовании человеком биосферы было использование огня. Это, как говорил В.И. Вернадский, было первым случаем, когда человек стал хозяином природной силы. Изменяя свое положение в живой природе, люди изменялись и сами. Дифференциация человеческого труда, появление земледелия, приручение животных с последующим их вовлечением в процесс труда позволили получать независимую от природы пищу, а также ускорили перемещение человека на Земле. Прирученные животные явились новым более совершенным видом энергии, который позволял прокормить большее число населения. Человек как бы стал независимым от природы, но в то же время не выходил за ее пределы. В течение десяти тысячелетий и в пределах живого вещества создается новый вид энергии, более интенсивный и сложный, который был связан с жизнедеятельностью челове-

ческих обществ, рода Номо и других (гоминид). «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией, – пишет В. И. Вернадский, – является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу ... Она связана с психической деятельностью организмов, с развитием мозга в высших проявлениях жизни и сказывается в форме, производящей переход биосферы в ноосферу только с появлением разума» [4. С. 132].

Расселение людей на планете происходило в течение длительного периода. Освоение различных ее регионов способствовало изменению биосферы в целом. В.И. Вернадский говорил о том, что зарождение ноосферы не было локальным. Оно было планетным явлением. По мере роста культуры, усложнения деятельности человека создавалась вторичная природа. Изменение биосферы приобрело всеобщий характер. «Человек, – говорит В.И. Вернадский, – впервые реально понял, что он житель планеты и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте. Он, как все живое, может мыслить и действовать в планетном аспекте только в области жизни – биосфере, в определенной земной оболочке, с которой он неразрывно, закономерно связан и уйти из которой он не может. Его существование есть ее функция. Он несет ее с собой всюду. И он ее неизбежно, закономерно, непрерывно изменяет» [4. С. 35].

Проблемы науки и научного творчества в работах В.И. Вернадского занимают значительное место. Сама наука представляет собой результат творческого преобразования биосферы. Она подготовлена развитием человеческой культуры. Как социокультурное явления наука связана с жизнью человека. «Наука, – отмечает он, – есть создание жизни. Из окружающей жизни научная мысль берет приводимый ею в форму научной истины материал. Она – гуца жизни – его творит прежде всего. Это есть стихийное отражение жизни человека в окружающей человека среде – в ноосфере. Наука есть проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли» [4. С. 53].

Сравним теперь позицию В.И. Вернадского о роли науки в жизни человека с точкой зрения Тейяра де Шардена, который утверждал, что человек в определенные периоды своего развития не может управлять, да и понимать новые силы, которыми его вооружила наука. В понимании нового люди приходят к следующему: новое – это получение старых вещей, только иным способом. Уподобив науку крылатому Пегасу, Тейяр де Шарден пишет: «Мы запрягаем Пегаса в плуг. И Пегас хиреет, если только, закусив удила, не понесется вместе с плугом. Наступит момент – он необходимо должен наступить, – когда человек, понуждаемый очевидным несоответствием упряжи, признает, что наука для него не побочное занятие, а существенная форма деятельности, фактически естественный выход, открытый для избытка сил, постоянно высвобождаемых машиной» [6. С. 219].

Проблема становления личности увлекает и Тейяра де Шардена. Он исследует взаимоотношение индивидуального и общего. Человек как результат развития биологического отличается от животного рефлексией, т.е. способ-

ностью сосредоточиваться на самом себе и овладением самим собой как предметом. Путем индивидуализации человек превращается в «точный центр». В силу такого сосредоточения возникает способность развиваться в новой сфере. «В действительности, – пишет Тейяр де Шарден, – это возникновение нового мира. Абстракция, логика, обдуманый выбор и изобретательность, математика, искусство, рассчитанное восприятие пространства и длительности, тревоги и мечтания любви... Вся эта деятельность внутренней жизни – не что иное, как возбуждение вновь образованного центра, воспламеняющегося в самом себе» [6. С. 136]. В отличие от В. И. Вернадского, который признавал связь науки с деятельностью людей, Тейяр де Шарден считал, что наука тесно связана с религией. Наука и религия являются фазами или сторонами одного и того же акта познания действительности. В соединении разума и мистики человеческому духу дано найти высшую ступень прорицательности. В органическом единстве антагонистических сил человек познает высшее состояние эволюции – точку Омега, в которой «суммируется и собирается в своем совершенстве и в своей целостности большое количество сознания, постепенно выделяемого на Земле ноогенезом» [6. С. 206].

Позиция В.И. Вернадского в отношении науки основывается на том, что наука в своем развитии имеет периоды, в которых она находится в состоянии относительной устойчивости, но она всегда несет в себе неограниченные возможности дальнейшего совершенства. Это необратимый процесс. Научные исследования открывают перед человеком неизвестные горизонты. Старые, ранее «незыблемые основания точного знания подверглись коренной ломке, пишет В.И. Вернадский, и мы не видим конца, где остановится сокрушительная сила и в то же время созидательная работа человеческой мысли, пошедшей по новому пути» [7. С. 18]. Под влиянием науки и активной человеческой деятельности биосфера перешла в свое новое состояние – ноосферу. Ноосфера является единством общества и изменяемой им природы. Ноосфера является результатом развития науки. При таком подходе он остается натуралистом. Он пишет, что «взрыв» научной мысли XX столетия подготовлен всем прошлым биосферы и имеет глубочайшие корни в ее строении. Он не может остановиться и пойти назад. Он может только замедлиться в своем темпе. Ноосфера – биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшими сотнями миллионов, может быть миллиардов, лет, процессом, создавшим *Homo sapiens faber*, не есть кратковременное и преходящее геологическое явление... Цивилизация “культурного человечества” – поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, – не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы» [4. С. 46].

Это правильно. Действительно, ноосфера образуется в биосферной оболочке Земли. Общество существует, действует в биосфере, но сводить все закономерности общественного развития, систему отношений общества и природы, общества и человека к биосферным закономерностям, на наш взгляд, неправильно. Если биосфера в своем развитии перешла на качественно новый уровень, то, естественно, появляются и новые закономерности раз-

вития этого состояния. С появлением социального организма начинают действовать социальные законы. В обществе действуют люди как активные, творчески мыслящие личности, а у В.И. Вернадского человек выступает «как и все живые организмы, как всякое живое вещество, есть определенная функция биосферы, в определенном ее пространстве-времени» [4. С. 46]. В конечном итоге человек не только порождение биосферы, но и социума. Он не является частью среди частей, например, вирусами, животными и т.д. Именно люди, в силу «энергии человеческой культуры» и создают ноосферу. Однако необходимо отметить, что, несмотря на натуралистический подход к человеку, точка зрения В.И. Вернадского отличается от позиции Тейяра де Шардена, который считал, что «личность – специфически корпускулярное и эфемерное свойство, тюрьма, из которой нужно стремиться бежать... Мысль может экстраполироваться лишь в направлении сверхмышления, то есть сверхперсонализации» [7. С. 204]. У В.И. Вернадского человек выступает тружеником, который преобразует биосферу и ноосферу. Человек в своей бесконечно изменяющейся деятельности подчиняет себе все новые и новые области биосферы. Он должен заботиться о будущем, т.е. после себя он должен оставить биосферу в надлежащем для потомков виде. В.И. Вернадский не исключает выход человека в космическое пространство, то есть за пределы биосферы. Он уверен в том, что будущее человечеству обеспечено, «... оно в наших руках, – говорит он, – мы его не выпустим» [1. С. 220]. Эта уверенность ученого основывается на его понимании науки как интернационального явления. Она должна служить всем людям, а ученые чувствовать ответственность за результаты своего труда. «Характер научного интернационала неизбежно должен быть иным, чем тот, каким был скрывавшийся в мусульманской и католической среде, носивший личину правоверия, больше философский, чем научный, круг поколений средневековых ученых. Сейчас ученые являются реальной силой; специалисты, инженеры и экономисты-теоретики, прикладные химики, зоотехники, агрономы, врачи (игравшие и прежде основную роль) составляют основную массу и представляют всю творческую силу водителей народов», – пишет В.И. Вернадский [4. С. 51].

Не остались в стороне от основной проблематики ноосферной концепции В.И. Вернадского вопросы войны и мира. Накануне Великой Отечественной войны он попытался с позиции натуралиста обосновать объективную необходимость уничтожения войн. С геологической точки зрения, как говорил В.И. Вернадский, пройдет ничтожное время, и войны как пережитки варварства будут уничтожены. Он верил, что это возможно осуществить и в современных условиях: «Возможности, чтобы этого не было, сейчас находятся уже в руках человека, и разумная воля неизбежно пойдет по этому пути, так как он отвечает естественной тенденции геологического процесса» [4. С. 135].

Зная разрушительную силу атомной энергии, которую человек использует в своих целях, В.И. Вернадский призывает к ее разумному применению. «Мы должны быстро решить вопрос, стоим ли мы, как я и некоторые другие геохимики и физики думают, что стоим перед новой эрой человечества, использования новой формы атомной энергии, или нет. Ввиду огромных разрушений народного богатства и народного труда фашистскими варварами мы

должны быстро выяснить, насколько это действительно удобно и реально использование этой формы атомной энергии», – пишет он [4. С. 208].

Проблема будущего занимает и Тейяра де Шардена. Но если В.И. Вернадский верит в человеческий разум, в то, что наука дает очень многое для его развития, ее достижения, переходящие от поколения к поколению ведут к прогрессу ноосферы, то Тейяр уверен в конце света. Он считает, что идее бесконечности прогресса противоречит существование конвергентности ноогенеза. Не бесконечный прогресс, «а экстаз вне размеров и рамок видимого универсума. Экстаз в согласии или раздоре, но как в том, так и в другом случае при внутреннем избытке напряженности. Это единственный биологический выход, подходящий и мыслимый для феномена человека» [7. С. 227].

Таким образом, мы рассмотрели некоторые проблемы ноосферной концепции В.И. Вернадского и считаем, что, хотя в ней многие вопросы исследуются с натуралистических позиций, она имеет позитивное значение. Учение В.И. Вернадского содержит в себе уверенность в будущем человечества, торжестве разума. Большую роль в преобразовании ноосферы ученый отводит народным массам. Как известно, у В.И. Вернадского нет единственного, окончательного определения понятия «ноосфера» или условий ее существования. Ноосфера представляется ученому как состояние планеты, при котором человек становится преобразующей геологической силой; как объект активного проявления научной мысли; как основной фактор качественной перестройки биосферы. Это говорит, с одной стороны, о сложности исследуемого объекта, а, с другой стороны, о поиске ученым ответа на проблему.

Среди современных исследователей наследства В.И. Вернадского нет единого мнения в выделении основных характеристик ноосферы. В своих работах мы останавливались на тех, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее существенными:

1. Заселение человеком всей планеты.
2. Единство человечества, которое обусловлено формами жизни.
3. Преобразование средств связи и обмен между странами Земли.
4. Открытие новых источников энергии.
5. Равенство всех людей.
6. Свобода научной мысли и научного искания от давления религиозных, философских и политических построений.
7. Исключение войн из жизни общества.
8. Расширение границ биосферы и экспансия человека в космос [8].

Продолжая и развивая традиции русского космизма, представленные Н.А. Радищевым, Н.Ф. Федоровым, К.Э. Циолковским, В.И. Вернадский обращает свое внимание на проблему связи биосферы, человека и космоса. Он отмечал органическую связь биосферы и космоса. «Человек, биосфера, земная кора, Земля, Солнечная система, ее галаксии (мировой остров Солнца), – пишет он, – являются естественными телами, неразрывно связанными с собою» [4. С. 162].

Как известно, В.И. Вернадский является сторонником концепции единства живого вещества с космическими процессами. Поэтому для него экспансия человека в космос – это не фантастика, а реальность будущего времени. Он

понимает, что процесс переселения человека связан с высоким уровнем развития ноосферы, в которую человечество только вступило.

Решение этой сложной проблемы усложняется отсутствием такого вида энергии, который способствовал бы выводу человека за пределы земного притяжения, а с другой стороны, человек должен перейти от автотрофного способа существования к гетеротрофному.

В данном контексте рассуждений интересным является позиция В.И. Вернадского относительно связи науки и техники, сущности научных революций. Отмечая динамичность научной мысли, ученый подчеркивает преемственность между различными историческими этапами становления науки. Если Т. Кун в ходе революционных изменений в науке отрицает старые парадигмы, то В.И. Вернадский включает ее в структуру нового научного знания, но качественно преобразованную. И, как он отмечает, в новом старое освещается, причем ранее невидимое становится видимым [3. С. 215–216].

В «Феномене человека» Тейяр де Шарден акцентирует внимание на атомарное существование человека, т.е., с его точки зрения, ни при каких условиях человечество не может быть представлено как единое целое. В.И. Вернадский отстаивает позицию, согласно которой труд человека по своей сути общественный, коллективный, а особенно научный, который является фундаментом преобразования биосферы в ноосферу.

Исследуя проблемы закономерности развития природы, В.И. Вернадский особое место отводит вопросу гармонии в природных процессах. В различных философских концепциях гармония получала свое освещение. Так, пифагорейцы находили гармонию в простых численных соотношениях одного предмета с другими, которые образуют с ним правильную геометрическую фигуру. Постигание этого процесса достигалось путем самоуглубленного проникновения в тайники души. Теологи находили гармонию в деянии творца. Что касается науки, то в XVII–XIX вв. она видела гармонию в математических формулах. На этот счет В.И. Вернадский отвечал следующими словами: «Нет никаких оснований думать, что при дальнейшем развитии науки все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы или под так или иначе выраженные числовые правильные соотношения; нельзя думать, что в этом заключается конечная цель научной работы» [9. С. 54].

Таким образом, рассматривая гармонию как внутреннюю упорядоченность, как установку культуры, которая направлена на глубокое осмысление мироздания, мы видим гармонию мироздания в его закономерности, а гармонию ноосферы в единстве и взаимодействии всех духовных образований, науки, философии, религии, культуры. «Научное мировоззрение, – пишет В.И. Вернадский, – есть создание и выражение человеческого духа; наравне с ним проявлением той же работы служат религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание. Подобно этим крупным отражениям человеческой личности, и научное мировоззрение меняется в разные эпохи у разных народов, имеет свои законы изменения и определенные ясные формы проявления» [10].

Мы отмечали выше оптимистический характер позиции В.И. Вернадского и пессимистическое настроение концепции Тейяра де Шардена. У Тейяра де

Шардена это явно прослеживается в его оценке роли научно-технического прогресса в развитии человечества. Процесс роста научно-технических достижений остановить невозможно, но этот процесс неуправляем. Эсхатологичность рассуждений Тейяра де Шардена ярко выражена в его заключении, в котором научно-технический прогресс философ уподобил Пегасу, не имеющему перспектив развития:

«Мы запрягаем Пегаса в плуг. И Пегас хиреет, если только, закусив удила, не понесется вместе с плугом. Наступит момент – он необходимо должен наступить, – когда человек, побуждаемый очевидным несоответствием упряжи, признает, что наука для него не побочное занятие, а существенная форма деятельности, фактически естественный выход, открытый для избытка сил, постоянно вырабатываемых машиной» [6. С. 219].

Тейяр де Шарден по-своему решает вопрос взаимоотношения науки и религии. С его точки зрения, современный мир возник из антирелигиозного движения. Однако наука и религия должны стремиться к синтезу знания. Наука и религия являются неразрывными сторонами одного и того же полного акта познания. Во взаимодействии науки и религии, « в соединении разума и мистики человеческому духу самой природой его развития предназначено найти высшую ступень своей пронизательности вместе с Максимом своей жизненной силы» [6. С. 223].

Что же ждет человечество? Каковы его перспективы? Тейяр де Шарден считает, что, во-первых, органические возможности Земли убавляются, во-вторых, осуществляется внутренний раскол сознания, разделяющегося к двум противоположным идеалам эволюции, в-третьих, неизбежное положительное привлечение центром центров сердец, которые к нему обратятся [6. С. 226]. В конечном итоге, считает философ, физическая гибель человека должна стать началом его духовного слияния с точкой Омега, т.е. Богом.

Оптимизм В.И. Вернадского основывается на его вере в человека, в его разум. Наука как геологическая и историческая сила изменяет биосферу и человеческую жизнь. Она является основополагающим звеном, углубляющим единство биосферы и человечества. Как неоднократно отмечалось в работах В.И. Вернадского, наука не является результатом кабинетного ученого, она приобретает статус вселенской, мировой науки, которая охватывает всю планету Земля. По своему содержанию наука гуманистична, однако ученые должны чувствовать ответственность за применение научных открытий. Эта ответственность многократно увеличивается в связи с современной антропогенной нагрузкой на Природу человеческого Общества.

Резюме. Проблемы формирования и развития биосферы в ноосферу, которым посвятил свои философские и естественнонаучные труды В.И. Вернадский, не потеряли своей актуальности и сегодня. Современное состояние ноосферы привлекает внимание не только философов. Это сложный феномен, требующий всестороннего, системного исследования всей совокупности научного знания. Ноосфера включается в систему бытия человека, его планетного существования, поэтому мыслить и действовать он должен с позиции строго научного и разумного понимания процессов, происходящих в Природе и Обществе.

Литература

1. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Проблемы биогеохимии / Труды биогеохимической лаборатории. М.: Наука, 1980. Вып. 16. 320 с.
2. Le Roy E. Les origines humaines et l' evolution de l' intelligence. P, 1928. 376 p.
3. Вернадский В.И. Статьи по биогеохимии. Начало и вечность жизни (лекция, прочитанная в мае 1921 г. в Доме литераторов в Петрограде). Петроград, 1922 // В.И. Вернадский. Избр. соч. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 5. 212 с.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Вернадский В.И. – Личкову Б.Л., 1 ноября 1940 // Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым, 1930–1944. М.: Наука, 1980. 223 с.
6. Тейяр де Шарден. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
7. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1965. 271 с.
8. Рубанов В.Г., Рубанова Е.В. Преемственность научных идей в контексте экологического сознания. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 248 с.
9. Вернадский В.И. О размножении организмов и его значении в строении биосферы (речь, прочитанная в январе 1926 г. на заседании физико-математического факультета Масарика университета в Брно и в апреле 1926 г. на заседании Ленинградского общества естествоиспытателей в Ленинграде // В.И. Вернадский. Избр. соч. М., 1960. Т. 5. 212 с.
10. Вернадский В.И. О научном мировоззрении // Вопросы философии и психологии. 1902. № 65. <http://elibrary.ru/books/vernadsky/1.1.1.htm>

Rubanov Vitalij G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: rubanw@tpu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 5

Rubanova Elena V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: rubanowaelena@tpu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 5

THE MAIN THESIS OF THE V.I. VERNADSKY NOOSPHERIC CONCEPT

Keywords: nature, people, world view, science, scientific work, noosphere, ecology, expansion.

In the situation of human impact on nature, the most important is redefining the very essence of human worldview. The globalization of environmental issues, its decisions with catastrophic scale often not under force to one country, requires global efforts on the economic, political, legal, ideological direction. The globalization of environmental problematics, its decisions with catastrophic scale often not beyond to scope for one country. It is essential that global efforts concentrate on the economic, political, legal, ideological direction.

Thinkers were interested in the interrelationship of Man and Nature for a long time. They have received the philosophical understanding in the works of V. I. Vernadsky, Le Roy and Teilhard de Chardin. The proposed concepts were based on different positions. The theory of V. I. Vernadsky is based on the scientific material, Le Roy and Teilhard de Chardin took religious and idealistic postulates as a bases.

By its orientation, the position of V. I. Vernadsky is optimistic, he believes in the future of Man; the concept of Teilhard de Chardin is based on the eschatological conclusions. Characteristics of the main statement of the noosphere, the place of science, scientific progress in the study of the system "Nature-Man", considered by V. I. Vernadsky, in its essence echo the conclusions of many scientists materialists.

The fundamental nature of the noosphere teaching of V. I. Vernadsky is confirmed by its present relevance.

An ecological world view formation is a complex, contradictory process that has its own historical and socio-cultural levels.

Active, creative human activity based on scientific knowledge, it capable to transform the biosphere into the noosphere. Modern science is an essential element of human existence on planet Earth. The study of noospheric concept of V. I. Vernadsky can become the foundation of a scientific, coherent representations in the relationship between Nature and Society.

References

1. Vernadsky, V.I. (1980) Avtotrofnost' chelovechestva [Autotrophic humanity]. In: Neapolitanskaya, V.S. (ed.) *Trudy biogeokhimicheskoy laboratorii* [Proceedings of the biogeochemical laboratory]. Vol. 16. Moscow: Nauka.
2. Le Roy, E. (1928) *Les origines humaines et l' evolution de l' intelligence* [Human origin and evolution of intelligence]. Paris: Boivin & Cie.
3. Vernadsky, V. I. (1960a) *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Vol. 5. Moscow: USSR Academy of Sciences.
4. Vernadsky, V.I. (1988) *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of a naturalist]. Moscow: Nauka.
5. Vernadsky, V.I. (1980) *Perepiska V.I. Vernadskogo s B.L. Lichkovym, 1930–1944* [Correspondence between V.I. Vernadsky and B.L. Lichkov, 1930–1944]. Moscow: Nauka.
6. Teilhard de Chardin, P. (1987) *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Moscow: Nauka.
7. Vernadsky, V.I. (1965) *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya* [The chemical structure of the Earth's biosphere and its environment]. Moscow: Nauka.
8. Rubanov, V.G. & Rubanova, E.V. (2008) *Preemstvennost' nauchnykh idey v kontekste ekologicheskogo soznaniya* [The succession of scientific ideas in the context of environmental awareness]. Tomsk: TML-Press.
9. Vernadsky, V.I. (1960b) *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Vol. 5. Moscow: USSR Academy of Sciences.
10. Vernadsky, V.I. (1902) O nauchnom mirovozzrenii [On the scientific worldview]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 65. [Online] Available from: [http:// elibrary.ru/books/vernadsky/1.1.1.htm](http://elibrary.ru/books/vernadsky/1.1.1.htm).

УДК 114; 659; 339.138
DOI: 10.17223/1998863X/35/6

А.В. Севостьянов

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ГОРОДА: ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА

Рассматриваются философские основания внешнего позиционирования инновационного города, их прямое или латентное влияние на прикладные исследования в данной сфере. Иллюстрация конкретных авторских проектов демонстрирует направления, по которым формируется и продвигается бренд инновационного города на примере университетского Томска.

Ключевые слова: позиционирование, инновации, идентичность, бренд города, позиционирование, проектная деятельность.

Работа по созданию и продвижению бренда региона и города, как показывают и прикладные исследования, и сама практика, вполне соответствует задачам философского осмысления динамичного характера социальных отношений в современном мире, значения образа в экономике знаний. Она непременно должна быть основана на креативном подходе к позиционированию инновационного города и шире – региона.

Значение региональной составляющей позиционирования инновационного города не вызывает сомнения уже по той причине, что на уровне субъекта властных отношений принимаются законы, разрабатывается стратегия хозяйственного развития, формируется бюджетная политика в отношении города, находящегося в областном подчинении. Отметим, что Томская область выступила сама новатором в законодательном оформлении инновационной политики, о чем говорит ОЗ N 13-ОЗ от 2 июня 1999 года «Об инновационной деятельности». Для сравнения в качестве федерального старта инновационной политики исследователи рассматривают «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», принятые в 2002 г. на совместном заседании Совета Безопасности, Президиума Госсовета и Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям, где инновационная политика определялась как составная часть государственной научно-технической и промышленной политики. Особого внимания заслуживает положение данного документа, где речь идет о создании региональных и отраслевых фондов поддержки инноваций, «включая фонды стартового финансирования и венчурного предпринимательства» [1. С. 149–152]. Последнее создавало прецедент для успешного позиционирования регионов со сложившимся научным и образовательным имиджем и инновационным заделом. Не случайно «Российская газета» писала: «Если в Подмосковье основным драйвером стало "Сколково" – проект, продолжающий генерировать вокруг себя значительные ожидания, то в Томской области ситуация уникальна. В отличие от многих территорий здесь инновационная активность не монополизирована каким-либо "локомотивом", источником новостей выступают различные вузы, компании, научные институты» [2].

Научно-образовательный «ландшафт», базирующийся на «экономике знаний», основой и изначальным конкурентным преимуществом которого стали два первых российских университета, открытых за Уралом еще до революции, должен наполняться событийной динамикой, чтобы стать заметным брендом в складывающейся инновационной системе страны. С 1998 г., когда в Томске прошел первый отечественный инновационный форум, и до 2016 г. можно выстроить логику лидерства и уверенной отстройки от конкурентов. Как отмечалось, в 1999 г. принят региональный закон об инновационной деятельности, в 2000 г. – складывающаяся инновационная экономика области включается в эксперимент по реформированию госсектора экономики страны. В 2001 г. область подключается к проекту ТАСИС «Роль наукоградов в инновационном развитии регионов России». 2002 г. ознаменовался принятием «Инновационной стратегии Томской области». Область первой в стране заявила о готовности решать задачи создания и развития «экономики знаний». С 2003 г. регион позиционирует себя как экспериментальную площадку по реализации модели «территории инновационного развития». 2004 г. – первый студенческий бизнес-инкубатор России открыт в Томске. В 2005 г. область выиграла конкурс на создание особой экономической зоны технико-внедренческого типа (ОЭЗ ТВТ) и приняла «стратегию инновационного развития 2020», в 2006 г. она воплощается в целевую программу развития инновационной деятельности. В 2006–2007 гг. ТУСУР, ТГУ и ТПУ выигрывают гранты в рамках нацпроекта «Образование» и внедряют инновационные образовательные программы. 2008 г. ознаменован открытием Центра инноваций и технологий на Южной площадке ОЭЗ, зарегистрировано 37 резидентов особой экономической зоны. 2009–2010 гг. – ТПУ и ТГУ получают статус Национальных исследовательских университетов. В Томске прошло заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России под председательством Президента РФ Д.А. Медведева. В 2011 г. постановлением Правительства РФ утверждена концепция создания в Томской области Центра образования, исследований и разработок «ИНО Томск'2020». В 2012 г. создается Томский консорциум научно-образовательных и научных организаций (семь университетов и Томский научный центр СО РАН). В 2013 г. заложен Томский промышленный парк в составе промышленного и пищевого кластеров. 2014 г. для Томска стал одним из наиболее значимых в плане международного позиционирования: состоялся саммит Сети главных городов Азии – Asian Network of Major Cities 21, на который съехались более 80 иностранных участников из крупнейших азиатских мегаполисов. Томск – единственный город России, входящий в организацию наряду с Токио, Сеулом, Сингапуром, Ханоем, Улан-Батором, Бангкоком. В 2015 г. Томск продолжил череду инновационных прорывов: Дмитрий Медведев утвердил обновленную концепцию «ИНО Томск» и «дорожную карту» по ее реализации. Что касается финансовой конкретизации в виде государственных и частных вложений в инновационный территориальный центр до 2020 года, то их объем составит более 200 млрд рублей [3]. Таким образом, данная динамика показывает, что в регионе были заложены основы инновационного развития и от стратегического планирования осуществлен переход на качественно

иной уровень реализации поставленных задач. Соответственно, в медийном пространстве формировался инновационный образ региона.

Однако жители города должны стать ключевым элементом стратегии его позиционирования. Причем речь в этом случае идет не об арифметической сумме горожан, а о городском сообществе, которое не равно механическому конгломерату индивидов и социальных совокупностей. В данном случае возникает последовательно решаемая задача внутреннего позиционирования, которая включает в себя, во-первых, формирование локальной идентичности, во-вторых, достижение определенного консенсуса по поводу бренда города, в-третьих, собственно процесс позиционирования города во «внутреннем пространстве». Для решения первой задачи недостаточно официального статуса, отраженного в регистрационном документе горожанина. Чтобы создать локальный вариант «воображаемого сообщества», нужны те же механизмы, о которых писал Бенедикт Андерсон применительно к конструированию нации, а именно так называемый «печатный капитализм» [4], призванный объединять индивидов, проживающих в одном городе, в сообщество. Помимо СМИ, сюда относятся и книги по истории, мифологии, культуре города, художественная литература о городе и горожанах.

Можно предположить, что понятие «воображаемое сообщество» оперирует не только образом городской комьюнити, но и образами города в целом. А. Бергер поставил знак равенства между двумя действиями «видеть – значит верить», сформулировав кредо визуальной коммуникативистики и шире – ее возможностей в рамках визуальной антропологии [5]. Практически же такой подход послужил основанием для конструирования городской идентичности и, в частности, был реализован в нашем фотопроекте «Я из Томска». Фотоконкурс «Я из Томска», стартовавший в 2008 г., не акцентировал внимания на памятниках архитектуры города или портретах выдающихся томичей, его задача была более «духовной» – через портреты простых горожан выразить свое позитивное отношение к городу. Если в конкурсе, который продолжался в течение пяти лет, приняли участие тысячи фотографов-любителей, то на баннерах, украсивших улицы (вместо навязчивой коммерческой рекламы), сотни тысяч томичей и гостей города увидели лицо томича «не общим выраженьем». «Круглогодичные выставки портретов томичей под открытым небом стали неотъемлемой частью жизни города... Ни в одном городе страны и мира такого не придумали. Потому что Томск один такой, и перманентная демонстрация городского патриотизма возможна только в этом чудесном месте». Для городской идентичности важно то, что «совсем не медийные и большей частью безвестные герои пятилетки определяют на самом деле лицо Томска» [6].

Давая оценку проекту «Я из Томска», исследователи видят в нем проявление визуальной политики власти, которая «навязывает смысл через репрезентацию города, олицетворенную в фотографических изображениях жителей. Тем самым власть проводит визуальную конструктивную политику» [7. С. 56]. Авторы делают вывод о том, что магические свойства фотографии особого мира «Я из Томска» не подвергаются критическому анализу и поэтому «программа может быть воспроизведена снова и снова по мифосхеме “вечного возвращения”» [7. С. 56].

Возможно, это связано с тем феноменом, в частности фото, суть которого В. Беньямин определил так: «Ориентация реальности на массы и масс на реальность – процесс, влияние которого на мышление и на восприятие безгранично» [8. С.25]. В своей работе по фотографии Беньямин делает вывод о том, что достаточно быстро эстетическая функция фото заменяется социальной – люди с большим вниманием созерцают фотографии своих близких и себя. Беньямин констатирует, что исследование фотографии «только из этой позиции ... может продвигаться дальше», тем самым подчеркивая доминирующую социализационную роль фото [9. С.85]. Следовательно, даже не обладая функционалом рекламного плаката, социальные фотопортреты как разновидность медиа будут оформлять социальное пространство, в нашем случае – города Томска, позиционируя его как «город людей». Социализационная роль фотопроекта «Я из Томска» на фоне тотальной доступности встроенных в мобильные телефоны фотокамер, возможности запечатлеть себя, объекты и события, заключается в том, что нами задается «рамка» видения города, а не себя (индивида) на фоне города, т. е. речь идет об известном столкновении социализации с индивидуализацией, «присвоением» города. Слова Беньямина стали пророческими: «Говорят, что "неграмотным в будущем будет не тот, кто не владеет алфавитом, а тот, кто не владеет фотографией"». Технологическая простота в обращении с камерой, с другой стороны, еще не делает человека грамотным в выборе объекта фотографирования – фотоприсвоения, тем более понимания, особенно когда речь идет о таком сложном объекте, каким является город. Идентичность, заданная фотопортретами, презентованными публично в городском пространстве, порождает чувство причастности и теплоты, как писала Сьюзен Сонтаг о выставке 1955 г. «Семья человеческая», на которой было представлено свыше пятисот работ 270 мастеров из 68 стран. Они, «собранные вместе, должны были доказать, что человечество "едино"» [10. С. 48]. Конечно, для города задача формирования чувства идентичности количественно проще. С другой стороны, представление о городе через портреты горожан в силу масштаба будет более конкретным и эмоционально окрашенным, нежели представление о Человечестве или Гражданине Мира. В целом же такого рода визуальная политика прижилась в Томске и работает на формирование общегородской идентичности, конструируя социальную реальность.

Для Томска как университетского города «экзамен» на эффективное формирование идентичности приходится сдавать постоянно, поскольку сейчас уже свыше 70% студентов, обучающихся в его университетах, являются иногородними. Уже по этой причине город наряду с другими субъектами социализации (вузы, молодежные организации, учреждения культуры) работает по формированию томской идентичности. В условиях демографической «ямы» проблема выбора томских университетов в качестве места обучения стала особенно острой. Следует добавить к этому новый качественный уровень двух ведущих университетов – НИ ТГУ и НИ ТПУ, вошедших в программу «5 в 100», в чьи стратегические задачи вошло привлечение иностранных преподавателей и студентов как показатель повышения конкурентоспособности. Доля иностранных студентов к 2020 г. для ТГУ должна составить 15%, для ТПУ – 25%.

К решению этих задач уже на уровне реализации концепции «ИНО Томск 2020» подключается Администрация Томской области, которая видит в привлечении талантливых студентов важный инструмент включения Томска в топ-50 мировых городов-университетов.

В аспекте экономики студенты рассматриваются как стабильный инвестор, ежемесячно приносящий городскому, региональному и федеральному бюджету около 700 млн рублей. Иногородние студенты тратят около 6 млрд рублей в год, что составляет 70% от расходов всех студентов (8,5 млрд).

С точки зрения позиционирования выпускники томских университетов, работая в компаниях России и мира, становятся своего рода «агентами влияния», повышая узнаваемость города и региона, укрепляя авторитет томского образования в академическом сообществе и среди работодателей.

Наш проект «Учись в Томске» был построен как комплекс мероприятий по привлечению в Томск студенческой и научной молодежи, основанный на позиционировании Томска, его инфраструктуры и, конечно, вузов для продвижения в среде иногородних и иностранных абитуриентов. Реализация комплекса мероприятий «Учись в Томске» началась в 2013 г., наиболее активный этап пришелся на 2014 г. Исходя из потенциала и стоящих перед областью и Томском стратегических задач, осуществлялось привлечение для обучения в университетах Томска студентов, магистрантов и аспирантов из регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, а также позиционирование Томска как привлекательной территории для получения качественного и доступного высшего образования, построения карьеры, реализации научно-исследовательских проектов, основания и развития технологических стартапов.

Пропуская детализацию задач, отметим на генерализирующем уровне лишь две, имеющие отношение к теме данной статьи:

- укрепление и обновление имиджа Томска как студенческой столицы Сибири, города с уникальной университетской средой и одного из ведущих образовательных центров России;
- формирование единого бренда «Учись в Томске».

Стратегически достижение данной цели строилось вокруг консолидации потенциалов шести томских университетов по продвижению образовательных возможностей университетского Томска. На уровне субъекта проекта – Администрации области, соответственно, шла мобилизация ресурсов подразделений, связанных с наукой, образованием, экономикой, международными и межрегиональными отношениями, информационной политикой. Из федеральных ресурсов были подключены Министерство образования и науки РФ, Россотрудничество, Фонд содействия развитию малых предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия), «Российская венчурная компания», другие крупные компании.

Адресатом проекта стали, прежде всего, страны и регионы, у которых с Томской областью сложились многолетние устойчивые связи – из российских это ХМАО и Саха-Якутия, из зарубежных – Казахстан и среднеазиатские государства СНГ, Монголия, Китай и страны Восточной и Юго-Восточной Азии. В России это традиционные Дни Томской области, включающие в себя и продвижение университетского комплекса как регионально-конкурентного преимущества. В зарубежных образовательных выставках

в дополнение к экспозиции Томской области разработана программа семинаров, мастер-классов, посещения местных университетов, встреч со школьниками и т.п.

С целью привлечения студентов из дальнего зарубежья телекорпорация ВВС сняла ролик и по каналам ВВС World News в целевых странах осуществила продвижение Томска как города молодежи, образования и науки, тем самым был обеспечен широкий охват аудитории [11]. Работа над рекламным видеороликом стартовала после предварительных консультаций весной 2014 г. Департамент информационной политики подготовил бриф, по которому были разработаны креативные концепции видеоролика. В выбранном сценарии видеоряд строится на расшифровке букв в названии города Tomsk: T – Technology, O – Oil, M – Medicine, S – Sport, K – Knowledge. Слоган кампании – Tomsk. Get inspired!

Съемки видеоролика проходили в течение трех дней летом 2014 г. Съемочная группа ВВС работала на улицах и площадях города, в томских университетах, на промышленных предприятиях, в особой экономической зоне, в массовых сценах было задействовано около 50 студентов. Оператором-постановщиком ролика выступил Денис Аларкон, среди последних проектов которого телевизионный фильм «Перевал Дятлова» и телесериал «Бесы». 30-секундное видео смонтировано в двух вариантах: на английском и русском языке.

Первый прокат видеоролика состоялся в сентябре 2014 г., накануне Пленарной встречи Сети главных городов Азии в Томске, по каналам ВВС World News в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и на платформе bbc.com. В дальнейшем видео используется для рекламных, презентационных и других целей. Широко распространен ролик и в социальных сетях, на YouTube. Рекламный ролик такого типа позволяет показать широкой целевой аудитории Томск как город будущего. Причем сделано это, во-первых, в привычной для нероссийской аудитории форме продвижения «продукта». А, во-вторых, Томск и его университетский комплекс подаются не как российская или региональная экзотика, а как одна из мировых научно-образовательных площадок, где формируется будущее.

Насколько эффективно работает комплексный проект «Учись в Томске», можно судить по качественным сдвигам и рейтинговым местам в масштабах России. В 2013 г. в рейтинге привлекательности *сибирских вузов* для абитуриентов («Эксперт – Сибирь»; учитывается количество поданных заявлений и средний балл ЕГЭ поступающих) первое место занял ТПУ, третье – ТГУ. В рейтинге 2014 г. ТПУ сохранил лидерство, а ТГУ поднялся на вторую позицию.

В рейтинге *вузов стран СНГ*, составленном в 2014 г. агентством «Эксперт РА», ТГУ и ТПУ вошли в группу В (в общем списке – 153 вуза, в группе А – только МГУ им. М.В. Ломоносова, в группе В – 18 вузов), ТУСУР – в группу С, СибГМУ – в группу D. Кроме того, ТПУ вошел в группу лидеров по количеству студентов из-за рубежа, а ТУСУР – в топ-20 вузов, лидирующих по числу привлеченных магистрантов из других стран. Рейтинг опирается на статистические данные и результаты опросов 5,5 тыс. респондентов – преподавателей, работодателей, ученых, студентов и выпускников [12]. Ко-

нечно, бренд Томска как лучшего города для получения высшего образования нуждается в дальнейшем развитии. Сегодня в качестве такого направления Администрацией Томска (в рамках развития внутреннего и въездного туризма) предложен зонтичный бренд, включающий и студенческую тематику. Но этого, очевидно, недостаточно, и есть необходимость позиционировать Томск не как простую арифметическую сумму университетов, деревянного зодчества и т.п., а на основе более глубокой методологии брендинга. К числу таковой, получающей признание в России, можно назвать формирование бренда на основе архетипов, предложенное М. Марк и К. Пирсон [13. С. 34–57]. На этой основе возможно выстраивание бренда Томска как университетского города [14. С. 53–58]. Следует отметить, что проект «Учись в Томске» стал обладателем Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный лучник» (номинация «Лучший проект развития и продвижения территорий», Москва, 18–19 февраля 2015) и победителем Международного фестиваля территориального маркетинга и брендинга «OPEN» (номинация «Проект, событие, кампания», Минск, июнь 2015).

Составной частью проекта «Учись в Томске» и вместе с тем большим самостоятельным направлением в деятельности по позиционированию Томска на протяжении 17 лет стало проведение ежегодных инновационных форумов (Инновус и Юновус). Особое внимание на этом направлении позиционирования нами акцентируется в связи с тем, что этот сегмент брендинга, связанный с эвент-менеджментом и медиасопровождением события, целенаправленно и последовательно работает на бренд инновационного города [12]. Д. Сиваев, выделяя в числе характеристик мегасобытий «способность привлекать внимание глобальной аудитории», что надо учитывать и «экономику» имиджевого эффекта события, которое в привлекательном свете подает город, для последнего событие это своего рода рупор, «через который он расскажет миру» [15. С. 57, 61, 62]. Конечно, Инновус и Юновус не дотягивают до масштаба «мегасобытия» типа олимпиады или ЧМ по футболу, но в своем сегменте (науки и образования) создают устойчивый и динамичный образ инновационной территории. С другой стороны, у Томска есть целевая аудитория, университетская имиджевая «история» в отличие от других городов, которые начинают с нуля работу над событием как формой продвижения города. Например, речь может идти о сиднейском «Фестивале света, музыки и идей», который призван подчеркнуть «креативность Сиднея – свободомыслие города и отсутствие ограничений», проводимой там же международной выставке стиля жизни «Желания Сиднея» или даже о фестивале татуировок, который проводится в Эдинбурге [16]. Примером может служить и позиционирование ирландского города Лимерика как центра языкового мастерства, в основе бренда которого лежит стишок из пяти строк – лимерик [17. С. 68]. То есть не всегда надо ждать мегасобытия или бороться за него, главное уметь работать в событийной сфере, что и демонстрируют в нашем случае Инновус и принявший от него эстафету молодежный форум Юновус. Если в 1998 г. на первом Инновусе были делегаты из 4 регионов, то первый Юновус уже охватывал аудиторию в 12 тыс. участников, а в деловой программе форума – 1200 человек. И это при том, что форум стал исключительно молодежным. Используя конкурентные преимущества, накопленные Инновусами, Томск

в условиях нарастающей конкуренции пошел на опережение, связав стратегию инноваций с перспективной группой – молодежью. Обладание таким ресурсом, каким является молодежь, дает больше шансов инновационному развитию.

Юновус полезен не только общением со сверстниками и обменами идеями, но и особой возможностью для развития креативности у участников. Сошлемся на Н.В. Мешкову, которая опирается на опыт китайских исследователей, изучающих влияние сторонних экспертов на повышение уровня креативности студентов. Она пишет, что студенты, которые «контактировали с экспертами из сторонних организаций, имели более высокий уровень креативности по сравнению с теми, кто не смог взаимодействовать с экспертами, и даже с теми, кто был вовлечен в интенсивный контакт с другими студентами, но не контактировал с экспертами» [18. С. 12]. Сама Н.В. Мешкова видит в модели коммуникации «сторонний эксперт – студент» наиболее перспективное направление в повышении креативности. Разнообразные площадки нашего молодежного форума дают уникальную возможность теоретикам, разработчикам, предпринимателям найти друг друга или обменяться идеями, изучить опыт.

Постоянной составляющей форумов являются лекции ведущих отечественных и зарубежных ученых, включая и лауреатов Нобелевской премии (в 2016 г. это Дан Шехтман – израильский физик и химик), а также проектных менеджеров, предпринимателей, образовательные площадки для всех желающих. В то же время коммуникативная среда форума постоянно меняется: презентации молодежных платформ, креативная игра Science Game, проходящая в разных городах России, соревнования Science Slam, инженерный квест «Инженерные кадры решают все», техновечеринки, Открытый российский этап международного чемпионата по робототехнике – «RoboCup-2016», «Ночь науки», Школа Future Factory и т.п.

Как мы видим только по краткому анализу молодежных форумов двух последних лет, Томск становится более привлекательным и раскрывает свои грани инновационного города. Сами инновационные форумы, особенно молодежные, дают основания рассматривать данное направление если не как бренд города и региона, то как несомненную составную часть бренда «умного города». В свою очередь, данный бренд влияет на позиционирование региона, подчеркивая своеобразие экономики знаний. Поддержанные государственной политикой и конструируясь как драйверы национальной экономики, инновационные города становятся базовыми субъектами регионального развития, меняя экономические и социальные отношения. Таким образом, от креативных программ и отдельных «точек роста» происходит качественный переход к конституированию региональной инновационной системы [19]. То, что в книгах О. Тоффлера расценивалось как праптопия [20], в настоящий момент стало реальностью. При этом меняется не только экономика, но экономика знаний придает динамичный характер и образу мира, и бренду самого инновационного города. Сохраняя базовые характеристики, этот бренд призван меняться, чтобы быть понятным и востребованным и в меняющемся мире, и в самом городе, демографически, социально, экономически и информационно обновляющемся.

Последнее означает, что процесс позиционирования должен быть, во-первых, поставлен на научную основу, учитывать состояние дел у конкурентов, настроения городского сообщества, инвесторов и т.п. Во-вторых, быть непрерывным и профессиональным (лаборатории, бюро и т.п.).

Литература

1. *Сунгуров А.Ю.* Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям. СПб., 2012.
2. Прически мысль. В Томске стартует XIV Инновационный форум // Российская газета. 20 июня 2011.
3. *Линдт Маргарита.* Вспомнить все [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2015/20/vspomnit-vse/> (дата обращения: 05.05.2016).
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
5. *Бергер А.* Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. 2-е изд. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.
6. *Севостьянов А.* Из Томска... в Томск // Я из Томска. С. 4–5. (на правах рукописи).
7. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Фотопроект «Я из Томска» как программа магического поведения жителей города // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 55–56.
8. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996. С. 15–65.
9. *Беньямин В.* Краткая история фотографии // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996. С. 66–91.
10. *Сонтаг С.* О фотографии. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
11. Tomsk get inspired [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DYKF2RpMjJs> (дата обращения: 8.05.2016).
12. *Табакеев Ф.К., Севостьянов А.В.* Технологии эвент-менеджмента и медиасопровождения городских имиджевых проектов: томский кейс// http://ispn.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_24_2199/Konvent/2016/Mega-events/Tabakaev_and__Sevastyanov_Mega-Events_Conference_Ekaterinburg_23-24_March_2016.pdf
13. *Щербинина Н.Г.* Конструирование виртуальной реальности и героический брендинг политического товара // Политический маркетинг. 2009. № 2. С. 34–57.
14. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* К постановке проблемы внешнего позиционирования университетского города // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 53–58.
15. *Сиваев Д.* Мегасобытия: панацея или контрольный выстрел для города // Стимулы, парадоксы, провалы: Город глазами экономистов. М.: Strelka press, 2015. С. 54–73.
16. *Кейт Динни.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013. Гл. 26, 29.
17. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
18. *Мешкова Н.В.* Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 2. С. 8–21.
19. *Creative Regions: Technology, culture and knowledge entrepreneurship.* Edited by Philip Cooke and Dafna Schwartz. NY: Routledge, 2007.
20. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.

Sevostianov Alexey V. Tomsk oblast Administration (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: 9410@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 6

POSITIONING OF AN INNOVATIVE CITY: PHILOSOPHY AND PRACTICE

Key words: positioning, innovation, identity, city brand, positioning, project activities.

The article deals with the philosophical basement of the external positioning of an innovative city and their direct or latent influence on applied research in this area. The illustration of real author's projects demonstrates the directions in which the brand of an innovative city is formed and promoted by the example of academic Tomsk.

References

1. Sungurov, A. Yu. (2012) *Novovvedeniya i sreda: na puti k politicheskim innovatsiyam* [Innovation and environment: on the way to political innovation]. St. Petersburg: Higher School of Economics.
2. Rossiyskaya gazeta. (2011) *Pricheshi mysl'. V Tomske startuet XIV Innovatsionny forum* [Brush up your mind. Tomsk gives start to the 14th Innovation Forum]. 20th June.
3. Lindt, M. (2015) *Vspomnit' vse* [Remember all]. [Online] Available from: <http://expert.ru/expert/2015/20/vspomnit-vse/>. (Accessed: 5th May 2016).
4. Anderson, B. (2011) *Vooobrazaemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole.
5. Berger, A. (2005) *Videt' – znachit verit'. Vvedenie v zritel'nyuyu kommunikatsiyu* [Sein is believing. Introduction to visual communication]. 2nd ed. Moscow: Vil'yams.
6. Sevostyanov, A. (n.d.) *Iz Tomska... v Tomsk* [From Tomsk . . . to Tomsk]. In: *Ya iz Tomska* [I am from Tomsk]. pp. 4–5. (Manuscript).
7. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2013) Fotoproekt “Ya iz Tomska” kak programma magicheskogo povedeniya zhitel'ey goroda [The photo project “I am from Tomsk” as the program of magical behavior of the city residents]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 55–56.
8. Benjamin, W. (1996a) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [A Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected essays]. Translated from German by S.A. Romashko. Moscow: Medium. pp. 15–65.
9. Benjamin, W. (1996b) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [A Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected essays]. Translated from German by S.A. Romashko. Moscow: Medium. pp. 66–91.
10. Sontag, S. (2013) *O fotografii* [About photography]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Ad Marginem Press.
11. Youtube. (n.d.) *Tomsk get inspired*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=DYKF2RpMjJs>. (Accessed: 8th May 2016).
12. Tabakaev, F.K. & Sevostyanov, A.V. (2016) *Tekhnologii event-menedzhmenta i mediasoprovozhdeniya gorodskikh imidzhevnykh proektov: tomskiy keys* [Event-management and media-support of urban image projects: the Tomsk case]. [Online] Available from: http://ispn.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_24_2199/Konvent2016/Mega-events/Tabakaev_and_Sevostyanov_Mega-Events_Conference_Ekaterinburg_23-24_March_2016.pdf.
13. Shcherbinina, N.G. (2009) *Konstruirovaniye virtual'noy real'nosti i geroicheskiy brending politicheskogo tovara* [Constructing virtual reality and heroic branding of political goods]. *Politicheskii marketing*. 2. pp. 34–57.
14. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2012) *K postanovke problemy vneshnego pozitsionirovaniya universitetskogo goroda* [On external positioning of a university city]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 359. pp. 53–58.
15. Sivaev, D. (2015) *Megasobytiya: panatseya ili kontrol'nyy vystrel dlya goroda* [Mega-events: a panacea or a control shot to the city]. In: Auzan, V. (ed.) *Stimuly, paradoksy, provaly: Gorod glazami ekonomistov* [Incentives, paradoxes, failures: A city through the eyes of economists]. Moscow: Strelka press. pp. 54–73.
16. Dinni, K. (2013) *Brending territoriy. Luchshie mirovye praktiki* [Branding territories. The world's best practice]. Translated from English by V. Sechnaya. Moscow: Mann, Ivanov i Farber.
17. Kotler, F., Asplund, K., Rein, I. & Heider, D. (2005) *Marketing mest. Privlechenie investitsiy, predpriyatiy, zhitel'ey i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy* [Marketing Places: How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe]. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.
18. Meshkova, N.V. (2015) *Modern Foreign Research in Creativity: The Social Psychological Aspect. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 6(2). pp. 8–21. (In Russian).
19. Cooke, P. & Schwartz, D. (eds) (2007) *Creative Regions: Technology, culture and knowledge entrepreneurship*. New York: Routledge.
20. Toffler, E. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/35/7

Р.М. Хамитов

ПЕРЕЖИВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В. ДИЛЬТЕЯ

Рассмотрено развитие дильтеевской исследовательской борьбы за эмансипацию гуманитарного знания, в которой постоянно происходит одновременно и высвобождение истории из-под гнета естественнонаучных методов, и поглощение истории остальными дисциплинами, предметом которых выступает человек, представлена антипсихологическая позиция позднего Дильтея, перемещающая исследовательский акцент в сторону герменевтики.

Ключевые слова: антипсихологизм, герменевтический круг, эмансипация гуманитарных наук, исторический метод.

Большой прорыв в сторону решения проблемы познания исторического в своей исследовательской деятельности сделал В. Дильтей. Его исходной точкой было противопоставление предмета человеческого мира и предмета природы, их принципиальное различие в гносеологическом отношении. Сначала В. Дильтей, полагаясь на эмпатию, базировал науки о духе на психологии, но, когда познакомился с работами Э. Гуссерля, критиковавшего психологизм, он пытался отойти от прошлого видения проблемы. Его герменевтика обрела иной характер, текст истории стал пониматься, исходя из человеческой коммуникации. Э. Кассирер разделял позицию Дильтея относительно несоответствия естественнонаучного и исторического исследовательского видения своих предметов, в «Опыте о человеке» он писал: «Историческая и естественнонаучная мысль различимы не по их логической форме, а по их целям и содержанию. При описании этого различия недостаточно сказать, что ученый имеет дело с объектами настоящего, а историк – с объектами прошлого: такое различие будет ошибочным. Подобно историку, ученый может очень хорошо проникать в происхождение вещей...» [1. С. 649]. Историк, продолжал Кассирер, «стремится раскрыть не прежние, более ранние состояния физического мира, а предшествующие стадии человеческой жизни и культуры» [1. С. 650]. Главное место здесь занимает интерпретация, с помощью которой предметы приобретают свою жизнь, будучи расшифрованными в рамках человеческой культуры, ведь именно она и составляет главный интерес исследователя.

Замысел освободить гуманитарное знание от гегемонии естественных наук, от экстраполяции их метода на сферу культурных инстанций, рассмотрение внешнего мира, при изоляции субъективного, означали стремление приблизить исследователя к истине в области наук о человеке и человеческом. Дильтей настаивал на том, что истина в науках о духе достижима другим путем, нежели посредством естественнонаучного эксперимента. Его решение вопроса об истине в науках о духе опиралось на описательную психологию и антипсихологизм Гуссерля. Они способствовали, как считал Дильтей, при-

ближению к человеческому миру, к возможности понять жизнь как взаимосвязь всего, что заполняет духовный мир. Эта позиция, исходящая из самой жизни, нивелировала проблему декартовского дуализма, упраздняла разделение между телом и духом как субстанциями.

Отказ от интроспекции привёл Дильтея к тому, что он обратился к методу понимания. Всё, что относилось к сфере гуманитарных наук, рассматривалось теперь как текст, т.е. нечто, хотя и поддающееся схватыванию, но вечно продолжающееся, что делало невозможным или нецелесообразным начинать каждый раз заново. Следовало использовать все человеческие ресурсы как в пространственном, так и во временном отношении, иначе – всегда придется изобретать новые методы понимания. Причем эти методы могут и не отличаться от предыдущих, они будут лишь отстоять от них дальше во времени. Поэтому необходимо иметь в виду культурное наследие, которое будет планом действий с всевозможными иллюстрациями, способствующими продолжению пути с того момента, где решение проблемы представляется наиболее перспективным. Иначе и невозможно построить не то что науки о духе, но и их составляющие.

Вопрос состоял в сохранении, развитии, реконструкции данных истории как основной науки о духе. Она бралась как текст, в ней возможна антиципация, хотя философии истории, по мнению В. Дильтея, не имелось и быть не могло, всё же возможность предсказывать те или иные события с некоторой долей вероятности существовала. Отметим также неприязнь Дильтея к гипотезам, ибо они вводили историю от статуса научности. При всей устремлённости к научности в историческом познании есть доля ненаучного материала. Это представлено у Дильтея при рассмотрении автобиографии. Автобиография вполне может быть художественным произведением, в которое автор может примешивать свои мысли к опорным пунктам своей жизни, эти мысли будут играть роль для следующих поколений, интересующихся жизнью героя автобиографии. Если он политический деятель или совершил что-то, внёсшее изменение в будущее положение дел, то его труд может служить источником исторических работ. Созвучно этим соображениям высказывание Кассирера: «Какое-то письмо Гёте или замечание, брошенное им в разговоре, не оставили следа в истории литературы – и тем не менее они кажутся нам значительными и памятными. Даже если это письмо или высказывание и не имели важных практических последствий, они могут занять свое место среди документов, из которых складывается исторический портрет Гёте» [1. С. 671].

Феномен автобиографии для исторического исследования, по Дильтею, представлял собой склеивание определенных моментов жизни, которые оказывали сильное влияние на дальнейшее ее развитие, при этом остальное либо умышленно не сообщалось, либо забывалось из-за своей частой периодичности, за которой нельзя маркировать событие временным маяком. «Различные виды единства имеют форму переживаний; из их бесконечного, бесчисленного множества осуществляется выбор того, что достойно описания» [2. С. 249], – писал Дильтей. Ценность в автобиографии имеет субъективный характер, но он обладает качеством соединять события в единое целое. Понимание достигалось обращением к цели жизни, на этом пути могли возникать различные препятствия, в форме задач, их решения и неудачи.

Впоследствии этот путь описывается с помощью означивания тех точек жизненного пути, которые создают целостную картину, понятную для стороннего взгляда, здесь в силу вступает другая категория – значение. Дильтей подчеркивал внутреннее происхождение автобиографии, акцентируя внимание на самоосмыслении, придающем прошлому форму литературного произведения, из которого берут истоки дальнейшие сюжеты книги истории. Он писал: «Связь этого самоосмысления с безграничной потребностью посвящать себя другому существу вплоть до утраты собственной самости и отличает великого историка» [2. С. 249].

Историческое приобретало здесь объективный характер, в силу максимального самоотстранения субъекта от предмета исследования, в качестве его потребителя. Им осуществлялась попытка удовлетворять интерес другого, но при этом его вход в автобиографию начинался из собственной жизни.

Относительно ценностей имеет смысл различать их по градации восприятия во времени, осуществлен ли объект оценивания или ему еще придется пройти сквозь массу препятствий, осуществиться или оказаться нереализованным. В том или ином случае важна лишь позиция, осуществлен ли проект или нет, принципиальным это становится лишь с точки зрения субъекта описывающего события. «Собственные ценности, которые познаются в переживании настоящего и только в нем, – это первично постигаемое, однако эти ценности обособлены друг от друга. Ведь каждая из них возникает из актуального отношения субъекта к некоему наличному предмету» [2. С. 250]. В любом случае за исходную точку каждого исторического исследования принимался настоящий момент, относительно которого и бросается взгляд в прошлое или будущее и, как уже отмечалось, с помощью категории значения и воспоминания происходит выбор материала, вплетаемый в структуру истории.

Жизнь сама по себе необъяснима, она может быть только описана путем ссылки на какого-нибудь референта, в автобиографии – это личность, оказавшая значительное влияние на ход исторических событий, она знаменует начало эпохи или меняет ее своими идеями или реализацией их, которая впоследствии переворачивает привычный жизненный уклад. Но жизнь понимается из самой себя, и это понимание, согласно В. Дильтею, осуществлялось благодаря конгениальности людей. Отрицание причинности, присутствовавшей в естественнонаучном методе, целесообразно потому, что взаимосвязь в человеческом мире постигается из факта переживания, которое всегда имеет внутри себя цель, ради которой происходил процесс, начинающийся с переживания и в нем же проявляющийся и так до бесконечности. Такое же свойство в дильтеевском определении переживания отмечал Г.-Г. Гадамер: «Говоря, что то, что манифестируется в переживании, и есть жизнь, мы скажем не более, нежели если будем утверждать, что последнее – это то, к чему мы возвращаемся» [3. С. 110].

Рассмотрение переживания как понятия у Дильтея происходит в контексте соотношения его со временем. Он считал, что история исследуется из настоящего. Отзвук такого представления позже, но вполне чётко выразил Кассирер: «Историческое знание есть ответ на определенные вопросы, ответ, который может дать прошлое; но сами вопросы порождены и продиктованы

настоящим – нашими настоящими интеллектуальными интересами, равно как и современной нравственной жизнью и социальными потребностями» [1. С. 651].

Настоящее через мгновение становится прошлым, т.е. круг объектов гуманитарного исследования с каждой секундой расширяется. Историк из всего этого непрерывного потока обращает внимание на те явления, что стимулируют исторический процесс. Вместе с тем сам историк, находясь в гераклитовом потоке, каждый раз имеет перед собой не только другой материал, но по-другому смотрит на него, ибо он имеет уже количественно и качественно иную информацию.

Здесь вступает в силу метод, который используется, в том числе и в автобиографических трудах, когда из непрерывного потока данных берутся материалы, являющиеся элементами проекта истории. Строителем, связкой этих элементов выступает переживание как соотношенность со своим прошлым опытом, оно дает возможность абстрагироваться от неактуального, обращая внимание исследователя на нечто, имеющее значимость для развития целого.

Понимание у Дильтея является попыткой охватить всю многомерность исторического поля, формирующегося на фоне нашего прошлого опыта, что очевидно, поскольку предметом истории по большому счету является прошлое. В итоге воспоминание становилось еще одним инструментом постижения действительности. Данное, таким образом, имело в себе множество нюансов того, что когда-то происходило, эти привязанные к настоящему моменту детали превращались в указатели, делающие процесс восприятия прошлого возможным, но возникало опасение, что они могут сбить нас с пути постижения данного. Избавиться от негативного влияния настоящего (случайностей настоящего момента) относительно восприятия прошлого можно, заменив данное восприятие другим, которое основывалось лишь на нашем переживании прошлого, в котором мы занимали место очевидцев, при этом высвобождая свое отношение к исследуемому в интеллектуальной форме путем обращения внимания на форму происходившего и ассоциируя воспоминание с восприятием.

Важным являлся этап устранения индивидуального опыта из процесса исследования. Это помогало в дальнейшем отличать воспринимаемое прошлое от примешиваемого к нему. Результат, полученный в процессе такого «рафинирования», есть переживаемое из данного момента, составляющее основу всего нашего познания. Сложность состояла в том, что неспособность отделить это настоящее, примешиваемое к прошлому, от чистого прошлого вела к возникновению проблемы детерминации актов воспоминания и восприятия.

Дильтеевским решением становился первый и, пожалуй, самый важный член триады – переживание, которое в своей длительности, фокусируя внимание на множестве деталей, производило их перевод в восприятие и воспоминание. Переживание, выхватывая эти моменты, стягивало действительность внутри себя. Восприятие этим путем становилось воспоминанием, но только после его внедрения в структуру опыта. Этими способами смешивания восприятия и воспоминания вместе со связыванием множества деталей переживание осуществляло познание вещей исторического мира.

С помощью герменевтического круга в полученном целом нужно обратить внимание на его части, устанавливая правильность выводов, в этом пункте стоит внимательно рассмотреть от начала до конца наши данные, очистить их от возможных неточностей, постоянно обращаясь к целому. Решая эту исследовательскую задачу, наш взгляд, очищенный от влияния внешних проявлений настоящего, получал возможность ясного видения определенной исторической проблемы, а, стало быть, позволял лучше понять текущий момент. Но, несмотря на то, что в настоящем имеются факторы, мешающие постижению исторических событий, все-таки «факты философского прошлого учений и систем великих мыслителей не имеют никакого значения без их интерпретации. А этот процесс интерпретации никогда полностью не останавливается. Как только в познании возникает новое видение, новый взгляд на вещи, так мы должны пересматривать наши суждения <...> Даже политическая история – не исключение из этого общего методологического правила» [1. С. 653–654].

Познание исторических событий происходит при активном участии герменевтики, которая имеет все основания считаться наукой. Она обладает объективностью, к интерпретации предъявляется определенный набор правил, герменевтический метод осуществляется в несколько этапов. Более широкий обзор и многочисленные проверки на истинность добытых герменевтикой данных, по мнению Дильтея, позволяют избавиться от субъективности в исследованиях.

Мы открываем в себе что-то затаенное, когда переживаем то, что было пережито историческими героями в минувшие эпохи. «Всякая герменевтика выступает пониманием себя через понимание другого» [4. С. 56]. Данная установка была решающей для отказа Дильтея от приоритета интроспекции в исследовании жизненной взаимосвязи. Философ полагал, что только в сравнении с другими возможно познание самого себя. Уже в описательной психологии его отказ получил свою формулировку: «Что такое человек, можно узнать не путем размышлений над самим собой, и даже не посредством психологических экспериментов, а только лишь из истории» [5. С. 28]. История, а не психология выступала тем связующим звеном, посредством которого осуществлялось познание человеческой действительности, психологическая ориентировка могла выступать лишь вспомогательным элементом.

В. Дильтей – яркий представитель философии жизни, ученик Ф. Шлейермахера, полагаясь на переживание как на исходный и важнейший элемент структурной связи, позволявший осязать все человеческое, – порой преувеличивал значение психологии, превращая переживание в единственный компонент, обеспечивающий все возможности познания в гуманитарных науках, тем самым в них вносилась большая доля субъективности. В дальнейшем, при развитии этих своих идей, он осознал подводные камни такой одномерности, добавил к переживанию такие элементы, как выражение и понимание, которые в совокупности характеризовали коммуникативную связь между людьми, выступали принципом гуманитарного знания, вносили ощутимую лепту в объективность исторических исследований. Рассмотрение статуса и роли переживания не исчерпывает темы отношения В. Дильтея к психологизму и его преодолению. Исследование вклада В. Дильтея в формирование

гуманитарных наук будет продолжено нами с учётом разработки им проблемы структуры гуманитарного знания в соотношении переживания, выражения и понимания.

Литература

1. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
2. *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // В. Дильтей. Собрание сочинений в шести томах. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. 419 с.
3. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
5. *Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.

Khamitov Ramil. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: rams2601@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№7

EXPERIENCE IN DILTHEY'S STRUCTURE OF THE HUMANITIES

Key word: *antipsychologism, hermeneutic circle, emancipation of humanities, historical method.*

The article considers the development of Dilthey's research struggle for the emancipation of the humanities which is characterized by both the liberation of history from the yoke of natural science and the absorption of history by the other disciplines which deals with human being. The anti-psychological position of late Dilthey, shifting the research focus to hermeneutics is presented.

References

1. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected works. An Essay on Man]. Translated from German by S.O. Kuznetsov, B. Vimer. Moscow: Gardarika.
2. Dilthey, W. (2004) *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Selected works in 6 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Tri kvadrata.
3. Gadamer, G.G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Translated from German by B.N. Bessonov. Moscow: Progress.
4. Ricoeur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy* [The conflict of interpretations]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
5. Dilthey, W. (1996) *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Translated from German. St. Petersburg: Aleteyya.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.37(470+571)

DOI: 10.17223/1998863X/35/8

Н.Ю. Кравченко

ТРЕХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Демонстрируются возможности применения авторской модели формирования гражданской идентичности на материале массовых опросов, проведенных крупными социологическими центрами Российской Федерации. В результате автор приходит к выводу об эвристическом потенциале предложенной модели. Спектр применения достаточно широкий: от исследования гражданской идентичности индивида до составления стратификационной структуры населения по критерию состояния гражданской идентичности.

Ключевые слова: *модель формирования гражданской идентичности.*

Формированию гражданской идентичности в нашей стране в последние годы уделяется повышенное внимание. Это обусловлено ее значением в процессе формирования граждан, соответствующих принципам гражданского общества, отличных от подданных СССР. Для того чтобы этот сложный многофакторный процесс был запущен, необходимо соблюдение определенных условий во внешней среде и определенные предпосылки на субъектном уровне. Рассмотрим их, применив трехкомпонентную модель формирования гражданской идентичности индивида и проанализируем ее возможности и ограничения.

Разрабатывая данную модель в теоретико-методологическом плане, мы опирались на трехкомпонентные структуры индивидуального субъекта (З.Фрейд, Э. Эриксон, О. Конт) и положения «Я-концепции» (И.С. Кон, Л.М. Митин, Т. Шибутани). Э. Эриксон идентичность трактует как сложное образование, представляющее собой многоуровневую структуру, повторяющую три базовых уровня анализа человеческой природы: индивидуальный, личностный и социальный.

Нашу задачу мы видели в акцентировке внимания на социальной природе гражданской идентичности, которую мы понимаем как социально обусловленное позиционирование индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности компонентов «Я-телесного», «Я-психического» и «Я-рационального».

Эмпирической базой исследования послужили данные массовых опросов, проведенных Аналитическим центром Юрия Левады, Российским союзом промышленников и предпринимателей; материалы исследования «Будущее России: взгляд из центра и регионов. Социальная сфера общества» (2006 г.), в котором автор принимал непосредственное участие.

В выборе данных по годам мы исходили из исследовательских задач и объекта исследования, так как в первую очередь нас интересует российская гражданская идентичность, а не динамика процесса¹.

Итак, рассмотрим компоненты модели формирования гражданской идентичности.

Первый компонент мы обозначаем как «Я – рациональное», он включает комплекс знаний о взаимоотношениях между гражданами, гражданами и государством. Л. М. Дробижева доказывает, что исторически в России сложилось понимание нации как этнокультурной общности. В постсоветское время «в политический и научный лексикон вошло понимание нации как граждан государства» [1], т. е. в настоящее время формируется именно государственно-гражданская идентичность.

В основании компонента лежит положительный или отрицательный опыт отстаивания прав и выполнения обязанностей, который усиливает или ослабляет уже сложившийся у гражданина образ взаимоотношений с гражданами и государством. Движущая мотивирующая сила этих действий – частный интерес, гегелевская формулировка: «Действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов» – останется неизменной [2. С. 20].

Должна сложиться ситуация рациональной заинтересованности в статусе гражданства, при которой выгодоприобретателями в результате становятся все граждане государства (Р. Вольф) [3. Р. 132]. Для возникновения и подкрепления гражданской идентичности необходимо, чтобы у индивидов были общие частные интересы, которые они хотели бы отстаивать, в первую очередь это касается предпринимателей. За последние годы показатель среднегодовой численности занятых в экономике в частной форме собственности (частной, иностранной и совместной российской и иностранной) на предприятиях увеличился с 2005 по 2014 г. на 5746,7 тыс. чел. [4]. Несмотря на это, роста числа предприятий малого и среднего бизнеса ожидать не стоит, Российский союз промышленников и предпринимателей делает неутешительные выводы о состоянии делового климата в России в 2014 г. [4].

Мы понимаем, что наши предположения об относительной независимости и большем свободолобии занятых не в бюджетной сфере, а в частной условны. Во-первых, формирование гражданской идентичности – сложный процесс, зависящий от многих факторов, например, фактор внутренней свободы не взаимосвязан с формой занятости и может оказать решающее влияние. Во-вторых, в ситуации негетерогенной, мозаичной экономики (рыночной, раздаточной и т.д.) частные предприниматели могут быть зависимы не в меньшей степени, чем государственные служащие.

Также для формирования гражданской идентичности важна определенная экономическая независимость, гражданское общество начинается только то-

¹ Нас будут интересовать материалы за 1996–1999 гг. – конец ельцинской эпохи, период характеризуется относительной стабильностью в начале, кризисом 1998 г. и послекризисным 1999 г. Далее мы выбрали данные 2007 г., помимо того что это докризисный период, нас он привлекает возможностью сопоставления данных: вторичных и тех, в которых автор принимал участие; также рассмотрим данные за послекризисный 2010 г. Мы будем анализировать материалы за последние пять лет (2012–2016 гг.), при выборе года будем исходить из доступности информации.

гда, когда у граждан есть материальный достаток и досуг¹. Материальный достаток есть у 15,6 % россиян, помимо этого мы видим, что среднедушевой доход свыше 45 000 рублей в Саратовской области у 4,9 % населения, что в десять раз меньше, чем в столице (42,1 %) [4]. Большая гражданская активность отмечается у жителей крупных городов, яркий пример тому протестные движения (2011–2013 гг.). Несмотря на большой разрыв в материальном благосостоянии у жителей различных субъектов, однозначно говорить о взаимозависимости материального положения и гражданского поведения не приходится. Одним из парадоксов гражданского общества является слабая предсказуемость его развития и невозможность четкого прогноза развития. Как отмечал Й. Зигерт: «Экономический подъем может помешать развитию гражданского общества ничуть не меньше, чем экономический кризис» [5]. При этом если большая часть населения находится в режиме выживания, гражданские действия могут проявиться не в становлении гражданского общества, а в деструктивных и бесконтрольных процессах.

Необходимо рассмотреть, в каком качестве входит в компонент «Я-рациональное» представление о взаимоотношениях граждан и государства и соответствует ли оно требуемому. По мнению опрошенных, государство выполняет обязанности перед гражданами в меньшей мере, чем граждане перед государством. Такая ситуация не может не вызывать опасений, и мы понимаем, что «как только государство забывает о своём назначении, гражданин освобождается от политической обязанности» [6. С. 12]. Самый распространенный вариант ответа на вопрос: «В какой мере государство выполняет сейчас свои обязанности перед гражданами России?», его выбрал 41 % опрошенных в 2014 г. – «сколько выполняют, столько и не выполняют» [7. С. 46]. Изменение мнения опрошенных относительно выполнения государством обязанностей, считающих, что государство выполняет свои обязанности в полной мере, носит позитивную направленность, процент растет от 1 % в 1998 г. до 4 % в 2014 г., тем не менее остается низким [7. С. 46].

Рационально обусловленные взаимоотношения между гражданами страны и государством значимы для незначительного количества опрошенных. Мы видим, что с каждым годом все большее количество респондентов надеются только на самих себя – с 36 % в 1996 г. до 70 % в 2014 г. Несколько вырос процент рассчитывающих на родственников и друзей – с 54 % (1996, 2007, 2012 гг.) до 60 % в 2014 г. Количество опрошенных, полагающихся только на самих себя, выросло по сравнению с 1996 г. почти в два раза. На помощь общественных организаций в разные годы рассчитывали менее 1 % или максимум 1 %. Этот факт, что граждане не видят гражданского общества как силы, способной помочь, является очень важным показателем [7. С. 24]. Для того чтобы гражданская идентичность начала формироваться, необходим опыт взаимодействия граждан с общественными организациями, на данном этапе мы не видим даже интенции подобной практики.

¹ Далее было бы целесообразно показать мнение опрошенных – потенциальных граждан (имеющих частную собственность или финансовые накопления), но поскольку мы не располагаем такой информацией, будем говорить о мнении всех опрошенных ВЦИОМ и Левада Центром, за исключением исследования «Будущее России», здесь покажем данные по этой категории опрошенных.

Второй компонент гражданской идентичности мы обозначили «Я-психическое». Он включает различные чувства по отношению к гражданам, государству, стране, Родине, природе, землякам, стране, культурно-историческому контенту, которые можно подразделить следующим образом:

- чувство ответственности за страну, государство;
- переживания гордости или стыда, обиды, разочарования;
- ощущение пессимизма или энтузиазма [1].

Базовые чувства, присущие гражданину, отличающие его от подданного, – чувства уважения и равнодушия. Чувство собственного достоинства к 2014 г. немного окрепло, но показатель тем не менее остается низким (12 %). Чувство безразличия несколько уменьшилось, но испытывает его каждый четвертый (25 %). Ответственности за происходящее в стране респонденты практически не ощущают. Чувство гордости достигло не высокого, но рекордного показателя (11 %), по всей вероятности, это связано с фиксируемым исследователями всплеском патриотических настроений в связи с воссоединением с Крымом. Данные опроса свидетельствуют, что, несмотря на положительную динамику по некоторым показателям, настроение опрошенных довольно пессимистичное [7. С. 16].

Как было сказано выше, чувство уважения – основа гражданской идентичности. По мнению более половины респондентов (55 %, опрос августа 2014 г.), люди в России, в большинстве своем, относятся к себе с уважением [7. С. 16]. Этот результат можно трактовать как позитивный для развития гражданских практик.

Результаты опросов показывают, что у граждан России чувство гордости современной страной немного ниже, чем Россией в целом, в 2014 г. эти показатели были 22 % и 37 % соответственно [7. С. 16]. Однозначно сказать, что подобные различия могут быть вызваны недовольством настоящим государственным и общественным устройством, нельзя. Также они могут говорить о переживании ностальгии по ушедшим эпохам, будь то СССР или дореволюционная Россия.

В этой связи интересно посмотреть, чем именно гордятся соотечественники. Факторами, вызывающими гордость в наименьшей степени, оказались экономические достижения, облик городов и сел, политический строй. Таким образом, в 2006 г. большую гордость у населения вызывали достижения предыдущих поколений, эпох [8. С. 26].

Ниже мы бы хотели рассмотреть патриотизм как чувство, влияющее на формирование гражданской идентичности. Здесь важно сказать, что патриотизм – сложное социокультурное явление, его можно рассматривать как компонент гражданской идентичности и как независимое явление, если гражданская идентичность не может быть обнаружена.

По материалам опросов мы видим, что патриотизм понимается в большей степени как чувство любви к стране. Связывает патриотизм с действиями почти каждый третий (27 %) [7. С. 35].

Хотелось бы сделать замечание методологического характера, что при ответе на прямой вопрос: «Ощущаете ли Вы близость с гражданами России?» – достаточно большой процент опрошенных отвечает положительно. В исследовании, проведенном в 2006 г., в незначительной степени близость с

гражданами России ощущали 24,5 %, 66,9 % респондентов – в значительной степени [8. С. 26]. В опросе 2014 г. на вопрос, насколько близко респондент ощущает связь с гражданами страны, «70–80 % ответили, что чувствуют эту связь» [1]. За последние годы показатель этой интеграции сохраняется высоким, остается вопрос, каков эвристический заряд полученных данных? Критерий интеграции – абстрактная категория, что понимают респонденты под «близостью»? Формальную принадлежность? Готовность к совместным действиям? К объединению?

И третий компонент модели – «Я-телесное» позволяет выявить состояние социальной идентичности в сфере гражданственности. Основоположники теории социальной идентичности Г. Тэшфел и Д. Тернер определяли социальную идентичность как направление индивидуального знания о принадлежности к социальной группе [9]. Этот аспект мы понимаем не только как судьбийную, неразрывную связь с местом проживания в различных масштабах (малая Родина, город, регион, страна), семьей, согражданами, нацией, национальной культурой и историей.

«Я-телесное» – это инкорпорированность индивида в ту или иную культуру, цивилизацию, нацию, страну через ощущение себя и на рациональном, и на психическом уровнях частью «тела» – партии, корпорации, местного сообщества, гражданского субъекта, имеющего право на активную позицию и реализующего его на законных основаниях.

Внутренняя уверенность граждан в том, что их действия могут повлиять на происходящее в стране, важна для создания установки на поведение. Процент считающих, что они определенно смогут повлиять на принятие решений в своем регионе, городе, районе, на протяжении представленных лет стремится к нулю (1 % в 2014 г.). В какой-то мере свою силу оказать влияние оценивает почти каждый пятый (18 % в 2014 г.). Подавляющее большинство уверены, что не смогут повлиять на решение – 41 % [7. С. 47]. Эти цифры дают нам основание полагать, что у граждан нет ощущения собственных сил, власти влиять на происходящее в стране.

С точки зрения методологии вызывает сомнение целесообразность объединения в одном вопросе региона, города и района, так как административные единицы существенно различаются по масштабу, что, скорее всего, приводит к значительному искажению данных [7. С. 47].

Как правило, благотворительность рассматривается как гражданская практика. Несмотря на то, что специалисты Аналитического центра Юрия Левады, интересуясь, оказывали ли опрошенные благотворительную помощь, спрашивали не только о личном участии, но и об участии членов семьи и просили вспомнить подобные практики за последние пять лет (значительный временной промежуток), полученные ответы свидетельствуют о слабо выраженных действиях [7. С. 26]. По всей вероятности, населению Российской Федерации еще долго предстоит преодолевать недоверие к фондам, собирающим пожертвования после опыта, полученного в 90-е гг. Этот вопрос не касается помощи на расстоянии «вытянутой руки», возможно, там значения были бы выше. Подавляющее большинство опрошенных не оказывают благотворительной помощи, не выступают в роли волонтера и донора (76 % в 2012 г. – самый высокий показатель, в 2014 г. ниже – 62 %). Волонтерами за

последние пять лет работали только 6 % (в 2014 г.), и это самый высокий показатель по годам. Отметим, что все больше людей откликаются на обращения через средства массовой информации о переводе денег для лечения граждан – 16 % в 2016 г. [7. С. 26].

Инкорпорированность в социальные структуры происходит в процессе решения личных проблем. Как показывают данные опросов, каждый пятый респондент считает, что никак не может добиться решения своих проблем. Опрошенные в 2014 г. видели выход в обращении в судебные органы – 41 %, в органы исполнительной власти – 25 % и средства массовой информации – 23 %. Несколько вырос процент, видящих смысл в поддержании политических акторов, обещающих решить их проблемы (от 10 % в 2010-м до 18 % в 2014 г.). Также постепенно прибавляется количество респондентов, принимающих участие в гражданских инициативах, хотя в целом он незначителен – 8 % в 2014 г. [7. С. 48].

Предлагаемая формулировка вопроса позволяет выявить мнение о более эффективных способах решения своих проблем. Ответы на вопрос, «Какие способы решения своих проблем Вы считаете наиболее эффективными исходя из опыта?», позволили бы точнее выявить ощущения действенности гражданских практик.

Телесная привязанность к социуму проявляется через участие в организациях и частную собственность. Формирование гражданской идентичности невозможно без ощущения ответственности в принятии решений, которые индивид критически осмысливает, опираясь на различную информацию, и апробации их в публичном пространстве. Для работы этого механизма должны быть востребованы право на свободу слова и получение информации. Выбор этих прав, как важных, колеблется в последние годы – своего пика эти показатели достигали в 2012 г., к 2014 г. они несколько понизились: 30 % и 20 % соответственно. Позитивным показателем для наполнения компонента «Я-телесное» выступает, на наш взгляд, незначительный, но поступательный рост показателя «право владеть собственностью» с 23 % в 1999 г. до 29 % в 2014 г. [7. С. 118]. Данный показатель особенно важен, так как в постсоветский период исследователи отмечают нелегитимность крупных капиталов в России. В последние годы исследователи фиксируют рост положительного отношения к частной собственности в различных группах населения [10. С. 60].

Таким образом, трехкомпонентная модель формирования гражданской идентичности позволяет выявить состояние гражданской идентичности на субъектном уровне. Как было сказано выше, для формирования гражданской идентичности важна наполненность компонентов, мы видим по результатам массовых опросов, что компонент «Я-рациональное» представлен неполно. Права и обязанности между государством и гражданами не сбалансированы. Граждане не воспринимают это соотношение как реципрокное. Движущая мотивирующая сила гражданских действий – частный интерес свободных индивидов. Для гражданских практик нужна относительная финансовая независимость. У нас в стране она есть только у жи-

телей крупных городов, в целом по России у граждан экономически зависимое положение.

Второй компонент гражданской идентичности «Я-психическое». Имеющиеся данные позволяют сказать, что опрошенные не чувствуют ответственности за страну, осознают свою беспомощность в вопросах влияния на происходящее в стране. За последние годы отмечается незначительный рост показателя «чувство гордости и уважения». Выявление тех или иных чувств – значимый индикатор для проверки полученных данных, для нас чувством, вызывающим значительные опасения, будет чувство безразличия, которое испытывает каждый четвертый опрошенный. Мы фиксируем рост патриотизма, который проявляется в чувстве гордости за страну, но в целом настроение опрошенных довольно пессимистичное.

Резиденты Российской Федерации в своей массе не видят возможности быть частью общественного «тела», т.е. наполнение третьего компонента модели «Я-телесное» блокируется. Формирование гражданской идентичности возможно, когда чувство ответственности через гражданские практики будет формировать чувство сопричастности и возможности влиять на позитивные изменения в социуме. Действия, которые можно определить как гражданские, во-первых, малочисленны, а во-вторых, остаются на уровне общинной помощи: переводе денег для лечения граждан или передаче вещей нуждающимся. Гражданские практики общественного типа не выявляются.

Возможности предложенной модели мы видим в отслеживании состояния предпосылок для формирования гражданской идентичности. Данная модель, на наш взгляд, имеет значительный эвристический потенциал. Спектр применения модели широк: от исследования гражданской идентичности индивида до составления стратификационной структуры населения по критерию состояния гражданской идентичности (в зависимости от того, в какой экономической системе (рыночной, раздаточной и т. п.) живет индивид, наполнение компонентов модели будет различаться).

Сильная сторона модели заключается в ее универсальности, возможности применения и в количественной, и в качественной методологии.

Ограничение этой модели мы видим в самом опыте рассмотрения гражданской идентичности в России, который основывается на западноевропейском теоретическом конструкте гражданского общества. До тех пор пока социологи до конца не ответили на вопрос, возможна ли гражданская идентичность в российском социуме, оправдано ли использование западных теорий?

Мы понимаем, что конструкт западного общества – изначально порождение западноевропейской научной мысли, иного нет. Следовательно, востребована идентификация российского феномена в сфере гражданственности (это может быть уже не гражданская идентичность, а иной конструкт).

Другой момент. На наш взгляд, у нашей страны есть шанс выработать самопроизводимость конструкта гражданского общества и гражданской идентичности при определенных условиях: развитии малого и среднего бизнеса, создании конкурентной среды и ослаблении давления вертикали власти, независимости суда, ослаблении коррупции и т. д.

В настоящее время акторы (движущая сила, по К. Марксу), владеющие частной собственностью, заряженные на отстаивание своих интересов, независимые от государства, отказываются связывать свое будущее с Россией. Они достигают определенного уровня и выводят за рубеж финансы, покупают недвижимость, отправляют своих детей в эмиграцию.

Пойдет ли наша страна по пути преодоления имитационного гражданского общества – точно прогнозировать сложно. Мы пишем эту статью одновременно с процессами, которые идут в стране, а, как показывает исторический опыт, нашей стране свойственны крутые повороты политических, идеологических и экономических сценариев развития.

Литература

1. Дробижева Л.М. Интеграционные процессы в полиэтничном российском обществе [Электронный ресурс]: Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=882 (дата обращения: 15.05.2016).
2. Гегель Г. Философия истории // Соч. М.; Л., 1935.
3. Wolff R. P. About Philosophy. Prentice Hall, New Jersey, 1976.
4. О состоянии делового климата в России в 2014 году [Электронный ресурс]: Расширенный доклад. Российский союз промышленников и предпринимателей. Москва, Март 2015. – URL: <http://media.rspp.ru/document/1/7/e/7eb03a04fd5b6ed2acdc8aa44305a7ca.pdf> (дата обращения: 12.04.2016).
5. Зигерт Й. Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6. [Электронный ресурс]: сайт. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii> (дата обращения: 01.06.2016).
6. Мартышин О.В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 5–14.
7. Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2014. 234 с.
8. Особенности региональных процессов социальной идентификации // Региональные трансформации: социологический мониторинг: Информ. бюл. ЦРСИ СГУ. Вып. 2: Региональные процессы трансформации ценностных ориентаций в ракурсе формирования идентификаций гражданского общества. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 98 с.
9. Turner J. The experimental social psychology of intergroup behavior // Intergroup Behaviour/Eds J.Turner, H. Giles/ Oxford, 1981. P. 66–101.
10. Мареева С. В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 55–63.

Kravchenko Nadezhda Yu. National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky.(Saratov Russian Federation)

THREE-COMPONENT MODEL OF CIVIL IDENTITY'S FORMATION: OPPORTUNITIES AND RESTRICTIONS.

E-mail: kravchenko.n@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 8

Key words: The model civil identity's formation

Triad Model of Civil Identity's Formation: Potentialities and Restrictions.

Abstract. In article the civil identity's status is considered, basing upon mass sociological research data, conducted by the large sociological centers of the Russian Federation. Using an author's design of triad model of civil identity's formation, the author comes to conclusions about it's heuristic potentialities and restrictions. The range of model's application seems to be wide: from research of civil identity of the individual to drawing up stratification structure of the population by criterion of a status.

References

1. Drobizheva, L.M. (n.d.) *Integratsionnye protsessy v polietnicheskom rossiyskom obshchestve* [Integration processes in the multi-ethnic Russian society]. [Online] Available from: http://www.isras.ru/index.php?page_id=882. (Accessed: 15th May 2016).
2. Hegel, G. (1935) *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad: Sotsekiz.
3. Wolff, R.P. (1976) *About Philosophy*. New Jersey: Prentice Hall.
4. Union of Industrialists and Entrepreneurs. (2015) *O sostoyanii delovogo klimata v Rossii v 2014 godu* [On the business climate in Russia in 2014]. [Online] Available from: <http://media.rsp.ru/document/1/7/e/7eb03a04fd5b6ed2acdc8aa44305a7ca.pdf>. (Accessed: 12th April 2016).
5. Siegert, J. (2005) *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii* [The civil society in Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 6. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii>. (Accessed: 1st June 2016).
6. Martyshin, O.V. (2000) *Politicheskaya obyazannost'* [The political obligation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 4. pp. 5–14.
7. Zorkaya, N. (ed.) (2016) *Obshchestvennoe mnenie – 2015* [Public Opinion – 2015]. Moscow: Levada-Tsentr.
8. Shakhmatova, N.V. (ed.) (2006) *Regional'nye transformatsii: sotsiologicheskii monitoring* [Regional transformation: Sociological monitoring]. Vol. 2. Saratov: Saratov State University.
9. Turner, J. (1981) The experimental social psychology of intergroup behavior. In: Turner, J. & Giles, H. (eds) *Intergroup Behaviour*. Oxford: Blackwell Publishers. pp. 66–101.
10. Mareeva, S.V. (2015) *Tsennostnye orientatsii i predstavleniya srednego klassa o zhe-laemom vektore razvitiya strany* [Value orientations and the ideas of the middle class of the desired vector of the country's development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 55–63.

УДК: 316.7

DOI: 10.17223/1998863X/35/9

А.В. Скрипник, Д.Д.-Н. Корнилова

МАРКЕТИНГОВЫЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИМИДЖА ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКА И ИРКУТСКА)

Часть 2. Исследование осведомленности населения об имидже города

Приводятся результаты исследования, проведенного на материале Томска и Иркутска. Исследование было посвящено выявлению степени осведомленности жителей и приезжих о городском территориальном бренде. Исследование показало, что большинство респондентов не осведомлены о том, какой имидж у данной территории. Авторами было сделано предположение, что работа по позиционированию имиджа и бренда города не ведется на должном уровне. По результатам исследования разработаны рекомендации по оптимизации имиджевой работы.

Ключевые слова: имидж города, бренд города, территориальный маркетинг, территориальное имиджирование, позиционирование.

Ранее (в первой части статьи) нами уже были рассмотрены различные теоретические подходы к проблеме территориального имиджирования [1], поэтому мы не будем останавливаться на теоретическом освещении проблемы, а перейдем сразу к анализу российской практики создания имиджа территории.

1. Бренд Томска

Появившийся в конце XIX века (если быть точным, то после открытия первого в Сибири университета) бренд и способ позиционирования города Томска как Сибирских Афин в настоящее время утратил свою актуальность. По мнению администрации области, Томск может гордиться не только своим образовательным потенциалом, но и промышленным, инвестиционным, агропромышленным комплексом, особой экономической зоной и т.д. [2]. В связи с указанной тенденцией возникла необходимость разработки нового визуального и вербального стиля территориального бренда Томской области. 16 июля 2015 года стартовал «Конкурс на лучшую концепцию визуального и вербального стиля территориального бренда Томской области», организованный НО «Фонд содействия развитию территорий» при поддержке Администрации Томской области. «Конкурс проводится в рамках государственной программы «Улучшение инвестиционного климата и укрепление международных и межрегиональных связей Томской области»» [3]. Цель конкурса – выбор лучшей концепции бренда, «призванной отражать особенности территории, выделять её на фоне других субъектов Российской Федерации, способствовать повышению её узнаваемости и конкурентоспособности» [3].

Проведение конкурса планировалось в два этапа: 1) открытый квалификационный отбор заявлений; 2) отбор участников-финалистов конкурса. «Подведение итогов Конкурса осуществляется Оргкомитетом Конкурса, профессиональным Жюри <...> и посредством он-лайн голосования на сайте Конкурса» [3]. Результаты он-лайн голосования составляют 40 % итоговой оценки.

На конкурс было подано 28 концепций, содержащих слоган, описание и три графических эскиза. Не имея возможности в рамках данной статьи подробно анализировать каждую из предложенных концепций, кратко остановимся на общей характеристике их вербального компонента.

Вербальная составляющая большинства концепций не выдерживает никакой критики. На фоне общего снижения грамотности и речевой культуры населения вербальные элементы концепций являются яркой иллюстрацией безграмотности и косноязычия авторов. Так, пунктуационные нормы русского языка, по мнению авторов концепций, совсем не являются обязательными для рекламной и брендовой продукции. Нами было обнаружено всего три (!!!) концепции без пунктуационных ошибок. Приведем наиболее яркие примеры: «Инновационность фундаментальность стремление, развитие» (пропущены запятые); «Природная красота светлые горизонты будущего дружелюбность» (пропущены запятые + орфографическая ошибка); «Природа восход-развитие» (пропущено тире); «Мы говорим Томск – область знаний, подразумеваем всю Томскую область, знаменитую великими образованными людьми» (нарушены правила оформления прямой речи); «Главный элемент брендинга это – логотип» (неправильная постановка тире) и т.д.

В ряде случаев можно встретить нарушение орфографических, лексических и фразеологических норм: будущего (вместо будущего), мороженное (вместо мороженое), харрактерный (вместо характерный); «стилистика (вместо стиль) резных деревянных наличников»; «географический силуэт области, который сгущается красками ближе к областному центру – Томску» – неправильное использование фразеологизма «сгущать краски», имеющего разговорный оттенок. Автор концепции понимает это выражение в прямом смысле, тогда как в словарях имеется указание на его переносное значение [4, 5]. В тексте концепций нет единообразия в написании термина «бренд» («брэнд»).

И, наконец, концепции изобилуют нарушениями синтаксических норм, а также логики изложения – одного из основных требований, предъявляемых к правильной речи. Большое количество тавтологий (при небольшом размере текстов), частое повторение союзов, отсутствие смысловой связи между частями предложений, нарушение тема-рематической структуры предложений: «Фон *силуэта* образует букву «Т» – существительное «силуэт» употребляется в словосочетаниях с подчинительной связью (силуэт кого-либо/чего-либо) [6].

Кроме того, общий стиль концепций – вульгарно разговорный, а не литературный или научный. Помимо нарушения указанных выше литературных норм, встречаем цитаты, абсолютно неприемлемые в серьезных брендинговых разработках, касающихся имиджа целого региона: «Пока ни один из городов на букву Т не создал своего логотипа у нас есть право “первой ночи”. Мы первые можем занять самую выгодную позицию и дальше уже остальные

будут “кусать локти” придумывая себе загогулины, так как буква Т уже будет занята. Кто первый встал того и тапки!»

Ирония заключается в том, что авторы концепций часто акцентируют тот факт, что в Томске проживает большое количество образованных людей. И на суд этих людей предлагают безграмотно оформленные концепции.

Визуальный образ большинства концепций не отличается друг от друга, в связи с чем можно сделать предположение, что данные концепции разработаны одним автором.

По итогам голосования победителем стала концепция «Это по-сибирски!» (1787 баллов), содержащая небольшое количество ошибок (видимо, в силу того, что вербальный компонент концепции весьма незначителен по объему). В пятерку лидеров также вошли работы «Наше будущее в наших руках» (1641), «Область открытий» (1407), «Многогранный город» (1234), «Область с умом! Город с умом!» (1105).

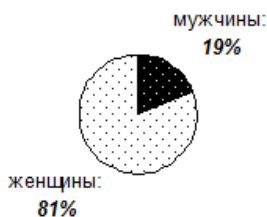
Безусловно, разработка и продвижение имиджа города – необходимый и очень важный процесс, который не может быть основан на описанных выше абсурдных концепциях.

2. Исследование осведомленности жителей г. Томска

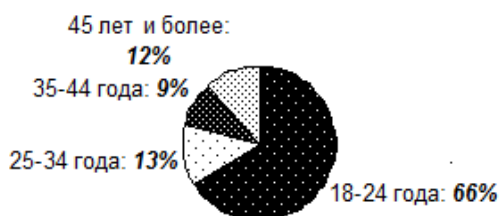
Чтобы определить уровень осведомленности жителей г. Томска и приезжих об имидже города и о проведенном голосовании, нами было организовано анкетирование студентов и сотрудников учреждений среднего профессионального и высшего профессионального образования г. Томска. Результаты анкетирования представим в виде диаграмм.

Общее количество респондентов – 200 человек (100 %), из них женщин – 81 %, мужчин – 19 %. Большинство опрошенных – томичи (72%).

Пол респондентов

Возраст респондентов

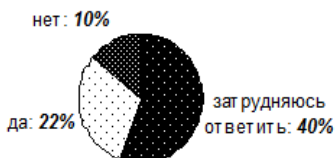
На вопрос «Знаете ли Вы, что такое бренд города? Сформулируйте свое определение бренда» 59 % ответили отрицательно и не смогли сформулировать определение бренда. Отметим, что в каждой возрастной группе большую часть составляют именно неосведомленные респонденты. Больше всего таких в группе 45 лет и более, что вполне объяснимо, поскольку бренд – понятие относительно новое, а потому незнакомое людям, работающим не в сфере маркетинга и PR.

Остальные респонденты под брендом города понимают следующее: 1) «лицо» города, образ города в глазах населения – 3 %; 2) визитная карточка города – 5 %; 3) герб – 2 %; 4) символ, знак – 8 %; 5) торговая марка – 9 %;

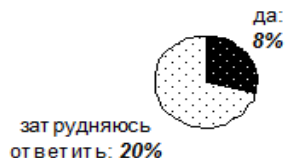
б) престиж, репутация – 2 %; 7) уникальность города – 8 %; 8) другое (то, что модно, историческое зодчество и т.п.) – 4 %.

На вопросы «Нужен ли Томску бренд?» и «Знаете ли Вы, что у Томска есть бренд?» ответы распределились следующим образом:

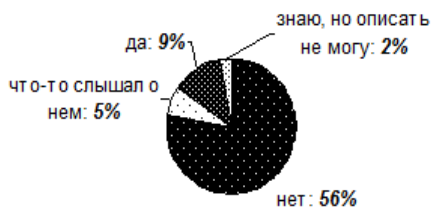
Нужен ли Томску бренд? (мнение томичей)

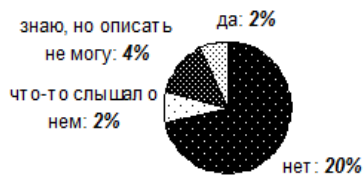
Нужен ли Томску бренд?
(мнение жителей других городов)

Знаете ли Вы, что у Томска есть бренд?
(томичи)

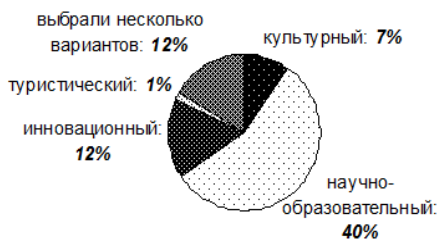
Знаете ли Вы, что у Томска есть бренд?
(жители других городов)

Как видно из представленных диаграмм, большинство респондентов (как томичей, так и приезжих) (76 %) не знают о том, что у Томска есть бренд. Те немногие, кто все же что-то слышал о бренде или уверен в том, что у Томска есть бренд, предложили следующие его варианты: архитектура; зодчество; город студентов; конь; герб; Сибирские Афины; университетский город; старинный, но молодёжный, деревянный, но современный; конфеты «Птичье молоко»; футбольная команда «Томь»; Томский государственный университет.

Далее идет вопрос, который является особенно важным в контексте нашего исследования осведомленности респондентов об он-лайн голосовании за бренд Томска. Лишь 6 % опрошенных (из них 5 % – томичи) ответили, что слышали об объявленном голосовании, но участия в нем не принимали.

Заключительным был вопрос о том, какой имидж больше подходит городу. Ответы распределились следующим образом:

Какой имидж нужен Томску? (томичи)**Какой имидж нужен Томску? (жители других городов)**

Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что Томск по-прежнему воспринимается жителями, прежде всего, как Сибирские Афины в силу наличия большого числа высших учебных заведений. Попытки изменить имидж города (например, последние несколько лет Томск позиционируется исключительно как инновационный город) пока не увенчались успехом, возможно, из-за того, что сложно за несколько лет разрушить традицию, сложившуюся веками, возможно, из-за того, что жители не видят в городе никаких инноваций, возможно, в силу других причин.

3. Бренд Иркутска

В настоящее время выделяют несколько основных направлений брендинга города Иркутска [7].

– Иркутск – город исторический. Иркутск – один из немногих сибирских городов, сохранивший свой исторический облик. Его исторический центр внесён в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО [8]. Наибольший интерес у туристов Иркутска вызывают историко-архитектурная зона «Декабристы в Иркутске» и памятники деревянного зодчества;

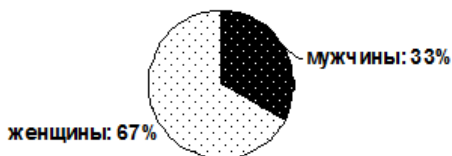
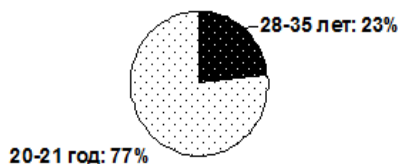
– Иркутск – город литературный. Иркутск литературный представлен многими известными писательскими именами, но чаще всего город ассоциируют с двумя именами мирового масштаба – В.Г. Распутин, А.В. Вампилов;

– Иркутск – «ворота на Байкал». Иркутск – город на берегу Ангары, единственной реки, вытекающей из озера Байкал, а также расположенный в непосредственной близости с озером Байкал – самым древним, самым глубоким, самым чистым.

4. Исследование осведомленности жителей г. Иркутска

Чтобы определить уровень осведомленности жителей г. Иркутска об имидже города, нами было проведено анкетирование студентов и сотрудников учреждений высшего профессионального образования г. Иркутска. Результаты анкетирования представим в виде диаграмм.

Общее количество респондентов – 100 человек (100 %), из них женщин – 67 %, мужчин – 33 %. Большинство опрошенных – приезжие (59 %).

Пол респондентов**Возраст респондентов**

На вопрос «Знаете ли Вы, что такое бренд города? Сформулируйте свое определение бренда» 59 % ответили утвердительно (в отличие от томичей) и сформулировали следующие определения бренда: 1) узнаваемость города – 43 %; 2) лицо города – 35 %; 3) имидж города – 13 %; 4) «особая фишка», ассоциация с городом при его упоминании, привлекательность города – 9 %.

На вопросы «Нужен ли Иркутску бренд?» и «Знаете ли Вы, что у Иркутска есть бренд?» ответы распределились следующим образом:

**Нужен ли Иркутску бренд?
(мнение иркутян)**

**Нужен ли Иркутску бренд?
(мнение жителей других городов)**

**Знаете ли Вы, что у Иркутска есть бренд?
(иркутяне)**

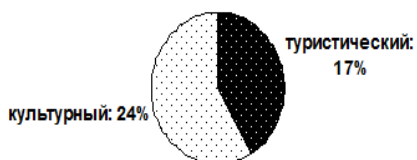
**Знаете ли Вы, что у Иркутска есть бренд?
(жители других городов)**

Как видно из представленных диаграмм, большинство респондентов (как иркутян, так и приезжих) (54 %) не знают о том, что у Иркутска есть бренд. Подавляющее большинство респондентов (95 %), осведомленных о бренде города, считают, что им является Байкал; 5 % респондентов предложили другие варианты: омуль, нерпа, деревянное зодчество.

Заключительным был вопрос о том, какой имидж больше подходит городу.

Какой имидж нужен Иркутску? (иркутяне)

Какой имидж нужен Иркутску? (жители других городов)

На основе анализа результатов анкетирования было выявлено, что наиболее перспективным направлением имиджирования города Иркутска является направление «Иркутск – «ворота на Байкал». В целях развития бренда и имиджа города необходимы:

- формулировка концепции бренда города на основе понимания его самобытности с учетом фактора конкурентной среды;
 - разработка стратегии формирования и продвижения бренда города.
- Стратегическая цель Иркутска – стать неформальной столицей Байкальского региона, международным туристическим центром;
- вовлечение жителей – главное условие последующей верификации бренда, т. е. его принятия населением;
 - активное взаимодействие с бизнес-структурами города и региона.

Сопоставляя восприятие респондентами имиджей двух сибирских городов, отметим, что при явном различии объединяет их общая неосведомленность жителей (хотя в Иркутске процент неосведомленных меньше). Продвижение имиджа и бренда города чаще всего осуществляется спонтанно и носит хаотичный, непродуманный характер. Для достижения эффекта работа по продвижению желаемого имиджа должна вестись постоянно и на всех уровнях социальной иерархии, быть четко продуманной и организованной. Только в этом случае через несколько лет, возможно, будет виден ее результат.

Литература

1. Скрипник А.В. Маркетинговые и культурологические составляющие имиджа города (на материале г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 124–133.
2. Инвестиционный портал Томской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.investintomsk.ru/>.
3. Положение о конкурсе на лучшую концепцию визуального и вербального стиля территориального бренда Томской области // Инвестиционный портал Томской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.investintomsk.ru/>.
4. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008.
5. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. <http://dic.academic.ru/>.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: Оникс, 2006.

7. Плотникова М.М. Территориальный брендинг: от герба до бренда (на примере Иркутска). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 101 с.

8. *Официальный сайт ЮНЕСКО* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/1166/>.

Skrpnik Alena V. Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Business Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: blackstrawberry@gmail.ru

Kornilova Darima D.-N. Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№9

MARKETING AND CULTURAL COMPONENTS OF THE IMAGE OF THE CITY (ON THE BASIS OF TOMSK, IRKUTSK). PART 2. RESEARCH OF POPULATION'S AWARENESS ABOUT THE IMAGE OF THE CITY.

Key words: an image of a town, a brand of a town, an image of a territory, territorial marketing, positioning.

The article deals with different mechanisms of territorial image and branding which are very topical nowadays. We search them on the base of Siberian towns Tomsk and Irkutsk.

According to Tomsk Region Administration, this town has not only educational potential but also industry and investment potential, agro-industrial complex, a special economic zone. In connection with this trend it was necessary to create new visual and verbal style of a territorial brand of Tomsk Region. "The competition for the best conception of visual and verbal style of territorial brand of Tomsk Region" started 16.07.2015. This competition was organized by the Fund of territory's promotion and development and Tomsk Region Administration. In the first part of our research we gave general characteristic of verbal style of these conceptions.

The second part of our study was devoted to identifying the awareness of residents and visitors about the town's territorial brand and the voting. According to the results of the voting we made a conclusion about resident's opinion. They perceive Tomsk as Siberian Athens because there are many universities there. Attempts of changing this image had no success.

The last part of our study was devoted to identifying the awareness of residents and visitors about Irkutsk's territorial brand. According to the results of the survey we made a conclusion that the most perspective image trend of the town is "Irkutsk – the gate to Baikal". If we compare resident's awareness of the images of Siberian towns we can see that the majority of respondents don't know what image has the territory. That's why the authors think that positioning of the brand and the image of the town isn't conducted at the proper level. The town's branding will be effective only if it will have elaborate and well structured conception.

References

1. Skripnik, A.V. (2016) Marketing and cultural components of the image of the city (a case study of Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Sciences*. 1(33). pp. 124–133. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/33/13

2. *Investitsionnyy portal Tomskoy oblasti* [Investment Portal of Tomsk region]. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.investintomsk.ru/>.

3. Investment Portal of Tomsk region. (n.d.) *Polozhenie o konkurse na luchshuyu kontseptsiyu vizual'nogo i verbal'nogo stilya territorial'nogo brenda Tomskoy oblasti* [Regulations on the competition for the best concept of visual and verbal style of Tomsk Region territorial brand]. [Online] Available from: <http://www.investintomsk.ru/>.

4. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [The Phraseological Dictionary of the Russian literary language]. Moscow: Astrel'.

5. Mokienko, V.M. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian proverbs]. Moscow: Olma Media Grupp.

6. Ozhegov, S.I. (2006) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Oniks.

7. Plotnikova, M.M. (2013) *Territorial'nyy brending: ot gerba do brenda (na primere Irkutsk)* [The regional branding: From the coat of arms to the brand (a case study of Irkutsk)]. Irkutsk: Irkutsk State University.

8. *The official UNESCO website*. (n.d.) [Online] Available from: <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/1166/>.

УДК 17.023.32

DOI: 10.17223/1998863X/35/10

И.Н. Трошкина

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ТИПОВ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКОГО ЭТНОСА)

Исследование выявило ценностные предпочтения этносообщества и типы семьи в разные исторические периоды. Раскрыты основы трансформационных процессов хакасской семьи через призму динамики культурных основ этноса.

Ключевые слова: ценностные ориентации, типология хакасской семьи.

Изучение проблематики ценностных ориентаций впервые представлено в отечественной науке в русле философского направления В.П. Тугариновым (в философии) [1]; О.Г. Дробницким (в этике) [2]; А.А. Ивиным (в логике) [3]. В отечественной научной литературе наиболее разработанным считается марксистский подход, другим только положено основание. Различия заключаются в определении природы ценностей. В рамках данного направления имеются работы Е.А. Подольской, А.М. Коршунова, М.В. Демина, В.Л. Оссовского, В. Брожика и др. Второй подход рассматривает ценность как образование сознания в форме обобщенных представлений и предпочитаемых благ. Яркими представителями данного направления являются В.Б. Моин, И.С. Нарский, О.М. Бакурадзе, В.П. Розин, И.М. Попова, А.Г. Здравомыслов и др. Несогласованность подходов привела к формированию неразрешенных проблем: природа ценностей, соотношение общественных и личных ценностей, структура, существование общечеловеческих ценностей, классификация.

Проблема семейных ценностей/ценностных ориентаций рассматривалась в работах Т.В. Свадьбиной, О.В. Бессчетновой, Т.П. Оксенченко, Л.И. Савиновой и др. Наиболее разработанными считаются вопросы: полоролевых ценностей в семье (И.В. Бестужев-Лада, М.Ю. Арутюнян, О.М. Здравомыслова, З.А. Янкова и др.); семейно-родовых ценностей (М.Г. Панкратова, И.С. Кон, Т.А. Гурко, Л.Г. Сологуб, Ю.А. Гаспарян и др.); ценностей супружества (М.С. Мацковский, В.Т. Лисовский, Т.Г. Поспелова, И.С. Голод, И.С. Кон и проч.); семейно-родительских ценностей (А.И. Антонов, В.М. Медков, Т.А. Гурко, И.Г. Ивченко, В.В. Бойко, О.Г. Исупова, Г.Г. Филлипова и др.).

В целом, несмотря на актуальность исследований по ценностям и ценностным ориентациям семьи, их следует признать недостаточно разработанными. Несмотря на раскрытие отдельных проблем, не устранен некоторый «разрыв» между философскими основаниями и опирающимися на фактические научные данные работами.

Ценностная проблематика переплетается с проблемой типологии семьи. В отечественной литературе изначально это направление представлено историческим и экономическим блоками, где в большинстве случаев

используется общая структура классификации, основанная на количестве и структуре семей.

В современный период разработка данного проблемного поля проходит в русле социологической концепции М.С. Мацковского и его последователей [4]. Его типология основана на уровне доходов семей. Тема является мало разработанной.

Существующие в истории общества формы мировоззрения – мифологическое, религиозное, идеологическое и устанавливающееся ценностное сознание [5] – влекут за собой смену ценностно-мировоззренческих приоритетов относительно института семьи (табл. 1).

Таблица 1

Соответствие форм мировоззрений и основных приоритетов хакасского общества
Correspondence of worldview forms and the main priorities of the khakass society

Ведущая форма мировоззрения (Н.С. Розов)	Основные приоритеты (автор)
<i>Мифологическое</i> Сакральный порядок и правильное поведение	Природа – род – семья
<i>Религиозное</i> Божья воля и служение ей, повсеместное распространение богоугодной власти	Религия – общество – семья
<i>Идеологическое</i> Победа над противником, рост и социальный прогресс с помощью научного знания о мире	Общество – идеология – семья
<i>Ценностное</i> Общность всех членов сообщества на основе единства для всех сакрального порядка, норм богоугодного порядка, ценностей социального престижа и прибыли	Индивид – общество – семья

Можно говорить о взаимовлиянии объективных и субъективных факторов на становление мировоззренческих основ хакасского этносообщества в тот или иной промежуток времени. В период доминирования мифологического и религиозного мировоззрений существенное влияние на динамику оказывают ряд объективных факторов – экономико-культурная основа, политическое положение на международной арене. В коллективистском обществе отмечается влияние и субъективных факторов – внутрисемейная политика, демографическое поведение, институт брака, семейное образование, семейственность занятий, семейно-родовое страхование, почитание предков.

Смена ценностей внешне проявляется в динамике структуры, состава, полорольевых позиций членов, функций семьи. Явное различие можно уловить при переходе от коллективистского к индивидуалистскому обществу [6], где под коллективистским социумом рассматривается хакасский этнос с тремя первыми мировоззренческими основаниями. В коллективистском обществе типология семьи основана на внутренних различиях внешне монолитного сообщества, разнящаяся в экономическом плане. Она отличается от типологии семьи индивидуалистского толка, где индивидуалистское основание сочетается с четвертой формой мировоззрения (табл. 2).

При определенных условиях в этносообществе одна из основ становится преобладающей над иными нормами поведения. Можно выделить основы в зависимости от носителей этих норм, оказывающие влияние на хакасское сообщество (рис. 1). Данные основы сочетаются с четырехчленным делением мировоззренческих оснований и доминирующими ценностными категориями этносообщества.

Рис. 1. Изменение семейных основ хакасов в зависимости от их носителей
Correspondence of worldview forms and the main priorities of the khakass society

Эти основы имеют различную направленность. Общепринято выделять западную и восточную ориентации общества. Если изначально хакасская семья была ориентирована на восток (III до н.э. – IX в. н.э.), обогащаясь образцами семейного поведения преимущественно с китайской формой семейного устройства, то в последующем, обретя самостоятельность, она до конца сформировала и развила собственную культурную нишу с характерными для нее традициями и обычаями (IX–XIII вв.), наложившими отпечаток на современный семейный уклад. Далее ориентация семьи меняется в западном направлении с характерной европейской моделью поведения (XIV – нач. XXI в.). Сейчас заметно балансирование между сохранением и трансляцией существующих этно- и государственных культурных основ и «наплывшими» новыми нравственно-этическими установками хакасской семьи.

Стоит отметить, что ориентация хакасской семьи на восток, или восточный тип семейного поведения, в целом характерна для двух первых мировоззренческих основ, она ставит во главу угла приоритет коллективного над индивидуальным сознанием. В основе западной ориентации лежат противоположные установки, сочетающиеся в большинстве своем с двумя последними формами мировоззрения.

Дифференциация хакасской семьи в зависимости от коллективистской или индивидуалистской ориентации разнится по ряду показателей: типу супружества (моногамная, но не исключаящая полигамию/моногамная, допускающая раз-

вод); по составу семьи (расширенная/нуклеарная); по наличию детей (многодетная/малодетная); по распределению власти (патриархальная/эгалитарная); по составу семьи (полная/неполная), по полу супругов (разнополая/разнополая); по степени социальной однородности (гомогенная/гетерогенная); по месту жительства (патрилокальные/неолокальные); по типу расселения (сельская/сельская).

На основе изучения форм мировоззрения, ценностных ориентаций общества можно уловить особенности динамики хакасской семьи (табл. 2).

Таблица 2

Соответствие форм мировоззрений и иных основ хакасского общества/семьи
Correspondence of worldview forms and other foundations of the khakass society/family

Ведущая форма мировоззрения (Н.С. Розов)	Основы социума в зависимости от носителей (автор)	Ориентация общества (автор)	Типы хакасской семьи (автор)
Мифологическое – сакральный порядок и правильное поведение	Семейные основы страны-гегемона	Ориентация хакасской семьи в восточном направлении/ формирование особенностей форм хакасской семьи, основ семейной культуры	Коллективистский
Религиозное – божья воля и служение ей, повсеместное распространение богоугодной власти	Этнические установки народа	Ориентация хакасской семьи в восточном направлении/ формирование особенностей форм хакасской семьи, основ семейной культуры	Коллективистский
Идеологическое – победа над противником, рост и социальный прогресс с помощью научного знания о мире	Образцы поведения преобладающего в стране этноса	Формирование особенностей форм хакасской семьи, основ семейной культуры/ ориентация хакасской семьи в западном направлении	Коллективистско-индивидуалистский
Ценностное – общность всех членов сообщества на основе единства для всех сакрального порядка, норм богоугодного порядка, ценностей социального престижа и прибыли	Семейные основы страны-гегемона	Ориентация хакасской семьи в западном направлении	Индивидуалистско-коллективистский

В соответствии с членением форм мировоззрений и ориентаций хакасского общества меняются типы хакасской семьи.

К вопросу о типологии семьи. Стоит отметить, что наличествуют две типологии семьи с различными основами – культурно-исторической и экономическо-социальной. В соответствии с иной типологией семьи, ос-

нованной на политико-экономических и социальных началах, за основу исследований социального института принимается маркер дохода, который сменяет ранее существовавший классовый или социально-профессиональный критерий. Если типология хакасской семьи с культурно-исторической основой исходит из изучения хакасской семьи в разрезе рабочих, крестьянской, служащей, то в соответствии со второй – на первый план выступают маргинальные, кризисные, благополучные и процветающие семьи. Современная типология, основанная на уровне дохода семьи, является результатом исследований М.С. Мацковского [4], которые дополняют сложившуюся ныне концепцию о семье как экономической единице.

В период господства коллективистской семьи официально рассматривалась позиция социальной организации, где категория «родство» считалась основополагающей. Основным разработчиком данного направления является А.Г. Харчев [7]. В современное время акцент делается на экономической основе семьи с понятиями «хозяйство» и «совместный бюджет». Смещение акцентов происходит в результате смены экономического режима страны и перехода от бюджетной к бюджетно-рыночной модели, в результате чего семья понимается единицей экономических структур. В реальности российскую семью сложно признать полноправным элементом экономики в таком понимании, которое сложилось в ряде стран, например в Китае, где она представляет собой развитую сеть бизнес-ячеек общества, в связи с отсутствием полного и широкого цикла семейного производства с выстроенной сетью реализации товаров, налоговой базы для семейно-родственных бизнес-корпораций.

Представленная в табл. 2 типология хакасской семьи рассматривается в логическом соответствии с доминирующими типами этносообщества как исторический переход от одного к другому типу хакасской семьи – *типология с культурно-исторической основой* (рис. 1). Переходные типы хакасских семей или семьи промежуточного типа сочетают в себе некоторые элементы обоих образцов поведения.

Промежуточный тип хакасской семьи являет собой неоднородную структуру. Можно отметить несколько элементов в зависимости от количества проявлений:

- 1) семьи с маловыраженным переходным типом;
- 2) семьи с умеренно выраженным переходным типом;
- 3) семьи с явно выраженным переходным типом.

Каковы критерии переходных типов семьи? Если одна из характеристик удовлетворяет типу семьи коллективистского толка, то ее уже можно отнести к первой категории; если количество маркеров достигает половины, то следует говорить о семье второго уровня; иные относятся к третьей категории с ярко выраженным состоянием.

В результате деления хакасских семей по территориальному признаку, национальному состоянию в браке, экономическому и религиозному положению можно уловить особенности переходных типов хакасской семьи (табл. 3).

Переходные периоды хакасской семьи
Transition periods of a khakass family

Семья с маловыраженным переходным типом	Семья с умеренно выраженным переходным типом	Семья с явно выраженным переходным типом
<i>Территориальный признак</i>		
Сельские семьи	Семьи, располагающиеся вблизи городских центров, в т.ч. и пгт	Городские семьи
<i>Национальное состояние в браке</i>		
Разнонациональные семьи, в которых член семьи принадлежит к этнической группе азиатского типа (внутренние и внешние мигранты). Однонациональные хакасские семьи, в которых супруги являются «выходцами» из сельской местности	Однонациональные семьи, в которых супруги являются представителями титульного этноса. Преимущественно «выходцы» из смешанных городских и сельских территорий, а также однородных – соединяющих в себе представителей жителей городских центров	Разнонациональные семьи, представляющие собой единство хакасского и этнических групп европеоидного типа.
<i>Религиозное состояние</i>		
Семьи, где глубоко верует один из членов семьи. Одноверцы	Семьи, «верующие от случая к случаю». Сюда относятся семьи с двоеверной основой – христианско-шаманистского толка	Семьи, относящие себя к категории неверующих
<i>Экономическое положение</i>		
Семьи, чье материальное положение, как правило, является сложным	Семьи со средним достатком	Семьи с высоким достатком

Сравнивая различные позиции хакасской семьи, отмечаем доминирование показателей первой колонки при включении элементов второго типа, т.е. преобладающей является семья с умеренно выраженным переходным типом.

Адаптация выделенных типов хакасской семьи в изменяющихся, кризисных условиях будет выше у семьи с маловыраженным переходным типом, сложнее придётся семьям 2-го и 3-го типов. В изменяющихся экономических условиях, в частности кризисных, хакасская городская семья становится более уязвимой и зависимой от сельской семьи, являющейся «производителем» продукции первой необходимости. Кроме того, в сложных условиях весьма значимой становится поддержка родственников близкого и дальнего круга, которая сохраняется в лоне подобного типа семьи, нежели у семей обособленного типа. В результате в условиях экономических потрясений перенести невзгоды окажется проще семьям с более выраженными коллективистскими основами.

Социальные преобразования, связанные с расширением структуры и ее институтов, приводят к переменам, усугубляющим положение всех типов семьи. В результате разрастающейся сети социальных институтов усиливается психофизиологический дискомфорт семьи. Катастрофическая нехватка времени, возникающая в результате взаимодействия членов семьи с социальными институтами, приводит к ощущению второстепенности семьи в сравнении с иными социальными структурами. В условиях больших потрясений, как правило, происходит сужение социальной «паутины», что, с одной стороны, отрицательно сказывается на семье в связи с сильной зависимостью ее структурных элементов, с другой – дает положительный эффект по причине появления ощущения свободы, достатка времени. Дискомфорт в хакасских семьях проявляется по-разному в зависимости от места проживания. Он более выражен в урбанизированных центрах в связи с наличием расширенной сети социальных структур.

Используя наработки *типологического подхода с политико-экономическим и социальным началами*, совмещаем их с выделенными тремя переходными типами современной хакасской семьи (табл. 4).

Таблица 4

Типы современной хакасской семьи*
Types of a modern khakass family*

Переходные типы семьи	Процветающие	Благополучные	Кризисные	Маргинальные
Семья с маловыраженным переходным типом (сельчане, однонациональные, одноверцы)	–	Минимальная доля	Преимущественная доля	Значительная доля
Семья с умеренно выраженным переходным типом (население вблизи городских центров, однонациональные, двоеверцы)	Минимальная доля	Незначительная доля	Преимущественная доля	Незначительная доля
Семья с явно выраженным переходным типом (горожане, разнонациональные, неверующие)	Максимальная доля	Преимущественная доля	Незначительная доля	<i>Предположительно значительная доля</i>

* Ранжирование по группам для сравнения семей внутри одной этнической группы.

В категорию процветающей хакасской семьи вошли семьи, чьи доходы позволяют приобретать дорогостоящие вещи, не отказывая себе во многом, а также имеющие возможность реализовывать все виды платных услуг. Такие семьи характеризуются более благоприятными условиями для воспитания и образования подрастающего поколения. В их число входит большинство столичных хакасских семей в активном трудовом возрасте

35 лет и старше. Процент таких семей, по предварительным данным¹, варьируется от 5 до 10 единиц.

К благополучным причисляются семьи, где уровень совокупного дохода составляет 50–70 % от среднего показателя по региону. Они являются перспективными в плане самостоятельного решения возникающих внутрисемейных проблем. Это большинство семей в возрасте от 35 лет и старше. Их доля постоянно колеблется в сторону ее снижения с 20 до 15 %.

К типу кризисной семьи относятся семьи, находящиеся ниже черты бедности. Они характеризуются проблемами в отношениях между ее членами, в воспитании детей. Решение проблем в большей части возложено на государство. Это преимущественно неполные, «молодые» и «старые» семьи, а также «стареющие» семьи одиночек, у которых пенсия является низкодоходным и единственным финансовым источником. На сегодняшний день данный тип хакасской семьи является преобладающим. Он расширяется в результате прогрессирующего роста уровня безработицы.

Маргинальные семьи являются сложной категорией семей с крайне низкими доходами, которые обусловлены различными факторами – склонностью ее членов к употреблению алкогольных и наркотических веществ, плохими жилищными условиями или отсутствием жилья, тюремным заключением, болезнью, иждивенческими настроениями. Эту категорию «наполняют» хакасские семьи, состоящие из одного человека, семьи молодежных возрастов, в частности лиц 1980–1990-х годов рождения. Данный тип семьи, по неполным данным, составляет 3–5 % от общего количества хакасских семей, велика вероятность его количественного расширения.

С очевидностью, в изменяющихся условиях адаптация пройдет успешно у первых двух типов хакасских семей, иные окажутся в сложном положении. Вопрос о физическом и нравственном состоянии последних станет ключевым направлением социальной работы.

Таким образом, хакасская семья вовлечена в процесс динамики социального института. Изменение культурных основ, моделей поведения общества в современный переходный период отразилось на смене преобладающих культурно-исторических типов семьи – от коллективистского к коллективистско-индивидуалистскому толку. Возникающие переходные типы семьи в этносообществе приводят к обогащению общего банка типов семьи. Доминирование на сегодняшний момент кризисной хакасской семьи с умеренно выраженным переходным типом позволяет говорить о ее низком уровне адаптации к современным реалиям. Динамика этнокультурных основ приводит к смене типов семей, расширению объема внешних связей и сужению внутренней структуры семьи.

В целом существует необходимость в изменении и внесении точных корректировок в общепринятые семейные типологии с учетом этнических особенностей, что связано с потребностью в упорядочении разнородных объектов и оказании мер государственной поддержки, контроле состояния семьи в различных регионах РФ.

¹ Социологическое исследование автора по теме: «Хакасская семья» (2014–2016 гг.). Выборочная совокупность респондентов – 600 единиц. Выборка: совмещенная стратифицированная территориальная (квоты по полу, возрасту, уровню образования).

Литература

1. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 156 с.
2. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М.: Наука, 1977. 333 с.
3. Ивнин А.А. Апокалипсис любви. Философское эссе. М., 2012. 296 с.
4. Мацковский М.С. Российская семья в изменяющемся мире // *Семья России*. 1995. № 3–4. С. 32–34.
5. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1998. С. 16–38.
6. Чуринов Н.М. Коллективизм и индивидуализм и их теоретизирование в западной традиции // *Теория и история*. 2003. № 3. С. 42–55.
7. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1979. С. 367.
8. Николаев Н.Н. Типы семей в современном российском обществе: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 21 с.

Troshkina Irina N. Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation)

E-mail: i.troshkina2012@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 10

DYNAMICS OF VALUE ORIENTATIONS AND TYPES OF A FAMILY (ON THE EXAMPLE OF THE KHAKASS ETHNOS)

Key words: value orientations, typology of the Khakass family.

References

1. 1. Tugarinov, V.P. (1960) *O tsennostyakh zhizni i kul'tury* [On values of life and culture]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Drobniyskiy, O.G. (1977) *Problemy npravstvennosti* [Issues of morality]. Moscow: Nauka.
3. Ivnin, A.A. (2012) *Apokalipsis lyubvi. Filosofskoe esse* [Love apocalypse. A philosophical essay]. Moscow: Direkt-Media.
4. Matskovsky, M.S. (1995) *Rossiyskaya sem'ya v izmenyayushchemsya mire* [The Russian family in a changing world]. *Sem'ya Rossii*. 3–4. pp. 32–34.
5. Rozov, N.S. (1998) *Tsennosti v problemnom mire: filosofskie osnovaniya i sotsial'nye prilozheniya konstruktivnoy aksiologii* [Values in the troubled world: Philosophical foundations and social applications of constructive axiology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
6. Churinov, N.M. (2003) *Kollektivizm i individualizm i ikh teoretizirovanie v zapadnoy traditsii* [Collectivism and individualism and their theorizing in Western tradition]. *Teoriya i istoriya*. 3. pp. 42–55.
7. Kharchev, A.G. (1979) *Brak i sem'ya v SSSR. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Marriage and family in the Soviet Union. The sociological research]. Moscow: Mysl'.
8. Nikolaev, N.N. (2007) *Tipy semei v sovremennom rossiyskom obshchestve: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Types of families in modern Russian society: The social and philosophical analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don.

УДК 316.72

DOI: 10.17223/1998863X/35/11

А.В. Филькина, Т.А. Булатова, О.Г. Берестнева

КУЛЬТУРНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА И ИННОВАЦИОННЫХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Один из значимых ресурсов инновационных процессов в регионах – культурный капитал жителей регионов. Анализируется такой индикатор реализации культурного капитала, как «культурная активность», под которой понимается частота посещений индивидами учреждений культуры. Рассмотрены существующие практики исследований в данной сфере, проводимых в рамках концепции культурного капитала П. Бурдьё и теории рационального поведения. Наконец, на материале данных, полученных в 2015 г. в рамках исследования, проанализированы данные культурной активности по городу Томску и выделены доминирующие паттерны в посещениях заведений культуры его жителями.

Ключевые слова: культурный капитал, культурная активность, инновационный потенциал.

Постановка проблемы

В постиндустриальном обществе, как известно, определяющим является сектор инновационной экономики, с важнейшими характеристиками, его обеспечивающими: уровнем образования, интеллектуальными способностями, креативностью работников. На передний план выходит «класс профессионалов», или класс «интеллектуалов». Одной из наиболее известных современных теорий, описывающих взаимосвязи между экономическим ростом, уровнями образования и толерантности, является концепция «креативного класса» Ричарда Флориды, предположившего наличие связи между благоприятными условиями городской среды, привлекающими интеллектуалов, и экономическим потенциалом города. Тезис о том, что есть корреляция между экономическим ростом региона и характеристиками «социальной среды», в частности уровнем терпимости и «уровнем культуры», кажется сейчас интуитивно очевидным, хотя его эмпирическое обоснование представляется довольно нетривиальным делом. Исследователи, пытающиеся применить концепцию «креативного класса» к российской действительности, вынуждены указать, что «креативность в российском обществе является пока еще потенциально-творческим состоянием», хотя и подчеркивают, что «главная задача модернизации лежит не в техногенной сфере, <...> а в создании современного общества, современных структур и современного человека», причем главную роль в этом процессе должен сыграть пресловутый креативный класс [1. С. 239]. Социокультурная трансформация общества лежит в основе модернизации экономики [2].

В данной статье мы будем опираться на результаты исследования, реализованного в рамках глобального проекта «Социокультурная эволюция России

и ее регионов», начатого в 2005 г. Институтом философии РАН, в рамках которого одним из важных показателей уровня развития региона является степень реализации культурного потенциала жителями данного региона. Концепт «культурного потенциала» близок (хотя, разумеется, далеко не тождествен) к понятию «креативности», во всяком случае, в обоих случаях речь идет об определенных характеристиках социального пространства и человеческого капитала, становящихся базой для формирования информационной экономики. В методике, лежащей в основе этого проекта, в качестве эмпирических индикаторов масштаба культурного потенциала и степени его реализации в отдельных регионах используются уровень образования жителей региона, степень и качество потребления информации из СМИ, уровень религиозности, межэтнической и межрелигиозной толерантности, а также посещаемость культурно-развлекательных учреждений (см., например: [3. С. 80–98]). Мы сосредоточимся на таком конкретном индикаторе, как культурная активность, который в рамках данной методики используется для характеристики степени реализации культурного капитала в регионе. Культурный потенциал индивидов не может не проявляться в интересе к тем или иным культурным заведениям. Известно, что в ведущих странах мира с 1980-х гг. наблюдается устойчивый рост спроса на услуги сфер культуры, что выражается в быстром увеличении посещаемости театров, музеев, библиотек. Например, посещаемость американских музеев с 1985 по 2000 г. возросла в 2,1 раза, аудитория оперных театров за это же время выросла в 2,2 раза [4]. Посещаемость музеев в России была в 2000-е гг. ниже среднемирового уровня в 2–3 раза, посещаемость театров – в 6–9 раз. Причины такого спада интереса к культурным заведениям в России нельзя назвать чисто экономическими – во всяком случае, в 2014 г. посещаемость российских театров, несмотря на экономический кризис, резко выросла (на 17 %, как сообщает Interfax [5]). Исходя из возможностей конвертации капиталов (экономического, человеческого, культурного), [6] можно говорить о возможности трансформации культурного капитала в экономический в его современной инновационной ипостаси.

Культурный капитал и связанный с ним уровень культурной активности не одинаковы у населения различных регионов в России. Мы также исходим из предположения о том, что уровень культурной активности косвенно связан с пресловутой «креативностью» населения и что он может оказаться выше в более «инновационных» регионах страны.

Исследования посещаемости культурных и рекреационных мероприятий людьми достаточно популярны в Европе и США и обычно проводятся в плоскости практических социологических исследований маркетингового типа. Интерес для исследователей представляют факторы, детерминирующие посещение театров, выставок, спортивных мероприятий, изменение паттернов «культурного поведения» людей в течение жизни и причины этих изменений. В подобных исследованиях социологи, как правило, обращаются либо к модели рационального поведения, либо к концепции культурного капитала П. Бурдьё.

В данной статье мы попробуем сделать обзор основных подходов к интерпретации паттернов «культурного поведения», а затем обратимся к анали-

зу особенностей различий в «культурной активности» у жителей Томской области по материалам исследования, выполненного при поддержке РГНФ (проект 15-03-00366) в 2015 году. Особый интерес для нас будут представлять факторы, детерминирующие культурную активность населения инновационного региона, понимая культурную активность как часть культурного потенциала и капитала акторов модернизационных процессов.

Обзор литературы

Для начала определимся, что мы понимаем под «культурной активностью». «Культурная активность» или, точнее, «культурное участие» определяется обычно как: 1) частота посещения культурных мероприятий; 2) потребление «товаров культуры» через СМИ; 3) практика «культурной деятельности», т.е. участие в культурных мероприятиях в качестве их создателя, агента и т.д. [7. С. 128]. Для наших целей подходит первое определение, именно в этом ключе мы и будем использовать термин «культурная активность» – как частоту посещения культурных мероприятий, в число которых обычно включаются концерты, оперы, экспозиции в музеях и галереях искусства.

Для объяснения культурной активности людей исследователи используют разные социологические модели. Остановимся подробнее на двух: модели рационального выбора и концепции культурного капитала.

В соответствии с моделью рационального выбора, которая популярна у экономистов, человек стремится к достижению некой цели и принимает решение, основываясь на максимизации своей выгоды при минимизации затрат. Простейшее использование этой модели предполагает рассмотрение цели «культурной активности» как «получение наслаждения или удовлетворения». Эта простейшая цель – получение удовольствия – при попытках более строгой операционализации делится на ряд составных элементов-целей, в зависимости от особенностей личности индивида. Так, более конкретными целями могут быть расслабление, самопознание, личностное развитие, удовольствие, творческое выражение, интеллектуальная стимуляция, социализация, упрочение семейной жизни, политическое участие, удовлетворение потребностей, не связанных с работой, развитие уверенности в себе, медитация, высвобождение эмоций или энергии, вовлеченность в дружеское соревнование, завоевание престижа [8. С. 5]. Сами цели могут быть социальными – ориентированными на взаимодействие с другими людьми, или индивидуальными – поиск удовольствий, эмоций, интеллектуальное или эмоциональное личностное развитие. Например, Даниэль Бадер-Пэлье [8. С. 6–7] предложил следующую классификацию мотивов к посещению театра: внешние и внутренние. Внешние – «социальный гедонизм» – фиксируют тот факт, что для человека через посещение театра зачастую удовлетворяется потребность «быть с другими» или «выйти в люди», «принадлежать к какому-то сообществу», при этом получается, что посещение театра воспринимается как средство достижения какой-то иной цели, стоящей за посещением перформанса. Внутренние, неутилитарные, мотивы отражают тот момент, что посещение театра может доставлять удовольствие само по себе: эмоциональное – поскольку человек стремится к вовлеченности в эмоциональные переживания,

интеллектуальное, когда удовлетворяется потребность в «интеллектуальном эстетизме» или чистое «увеселение» – наиболее очевидная цель посещения всех доставляющих удовольствие культурных активностей.

Вариацией на тему применения теории рационального выбора в интерпретации культурной активности может служить классический пример из теории игр, связанный с выбором супругами из двух видов рекреационного времяпрепровождения: спортивной игрой, куда стремится муж, и культурным мероприятием, куда бы хотела пойти жена, – так называемая «война полов». Одинокий мужчина получает больше выгоды (удовольствия) от похода на спортивное мероприятие, а, следовательно, он идет, например, на футбол; одинокая женщина – от похода на культурное мероприятие, следовательно, она идет в оперу. В супружеской паре выбор осложняется. Его обычно изображают так:

Таблица 1. Выбор места посещения в супружеской паре, соотношение выгод и затрат для каждого члена пара

		Женщина	
		Балет	Спорт
Мужчина	Балет	1, 2	0, 0
	Спорт	0, 0	2, 1

При выборе, куда пойти, учитывая тот факт, что теперь они хотят пойти куда-то вместе и вынуждены считаться с противоположными устремлениями партнера, при сделанном выборе кто-то один получает больше выгоды (например, мужчина, если было решено идти на футбол), а его партнер меньше (женщина, вынужденная идти на футбол с мужем), но все же это выгода, отличная от нуля, потому что она-таки идет проводить совместное время с супругом [7. С. 129].

Другая концепция, которая часто используется при анализе культурной активности, – это концепция культурного капитала П. Бурдьё. Как известно, Бурдьё, развивая идею «праздного класса» Т. Веблена, трактовавшего культурную активность индивидов как производную от их классового положения, видел в культурной активности одновременно атрибут принадлежности к высшим классам и механизм передачи неких ценностей семьями высшего класса своим детям, которые позже конвертируются в другие виды капитала, в том числе в экономический. Механизм распространения стандартов культурной активности таков, что более высокие по социальному статусу группы в обществе, выступая в качестве референтных групп, задают некоторый эталон культурной активности, вводя моду на те или иные культурные мероприятия – например, в Советском Союзе столичная интеллигенция создала в 1960–80-х гг. «моду» на классическую музыку и оперу [9]. Другие группы зачастую проявляют стремление ориентироваться на социальные практики референтной группы более высокого статуса, например аристократии, причем, как заметил Бурдьё, та группа, которая «вводит в моду» определенную культурную практику, меняет ее на новую, после того как она становится достоянием широкой общественности.

Предположение Бурдьё о том, что культурный капитал служит средством трансляции высшими слоями своего доминирующего положения, кстати, не-

однократно пытались проверить эмпирическим путем, сравнивая культурную активность учеников школ (посещение ими различных культурных мероприятий), принадлежащих к семьям разного статуса и разного достатка, в стремлении обнаружить наличие или отсутствие корреляций между статусом, образовательными успехами и спецификой культурной активности, принятой в семье [10, 11, 12]. Результаты этих исследований оказались достаточно неоднозначными: например, в Германии [10] социологи не нашли эмпирического подтверждения тому, что представители высшего класса используют культурный капитал, более значимым для успехов в школе оказался фактор «начитанности» и первичных школьных достижений, а в США ставшие классическими исследования Ди Маджио, наоборот, обнаружили явные корреляции между культурной активностью и успеваемостью учеников из различных классов [10]. Тем не менее тезис П. Бурдьё о том, что сильным мотивирующим фактором к рафинированной культурной активности остается маркер принадлежности к более высокому социальному классу или стремление слиться с ним.

В сфере эмпирических исследований культурной активности, которые достаточно популярны в Европе и США, исследователи, как правило, пытаются установить взаимосвязи между тремя типами переменных: частотой участия в культурных мероприятиях, характеристиками участников и факторами, детерминирующими культурную активность этих участников. При этом они комбинируют обе модели: модель рационального выбора и концепцию культурного капитала, рассматривая, например, культурный капитал как один из факторов, детерминирующих рациональный выбор человека. Итак, обычно выделяются следующие факторы влияния: социодемографические характеристики индивидов, различные вкусы, наличие времени для отдыха, различие в уровне и характеристиках культурного капитала. В рамках исследований экономики искусства проводилось достаточно много исследований факторов, влияющих на посещаемость конкретных культурных мероприятий, например театров или оперных залов [13. С. 100]. В проверяемых в этих исследованиях регрессионных моделях независимыми переменными обычно выбираются доход, возраст, образование, раса/национальность и гендер. Было, в частности, замечено, что наиболее ярко выражено влияние уровня образования, в том числе профессионального в сфере искусств, на посещение культурных мероприятий. Стиглер и Беккер [13. С. 101] назвали это влиянием фактора «личного человеческого капитала», который складывается из аккумуляции потребительского опыта прошлого. То есть с учетом этого фактора индивиды рассматриваются как потребители, удовлетворяющие свои «потребности в культуре» в соответствии с тем, какие паттерны «культурной активности» сложились у них по итогам их биографической ситуации. Если у индивида имеется специфическое образование в той или иной культурной сфере – например, профессиональное знакомство с балетом или классической музыкой, оперой и т.д., – то это будет в значительной мере определять паттерны его культурной активности.

Еще один фактор, проверявшийся в подобных исследованиях, – это фактор вступления в брак. В частности, выяснилось, что фактор вступления в брак снижает уровень культурной активности как у мужчин, так и у жен-

щин – и наиболее очевидным объяснением является то, что мужчинам и женщинам не нужно больше посещать места вроде клубов или пабов с целью знакомства с противоположным полом. Другим побочным эффектом факта обзаведения семьей является влияние культурного капитала одного супруга на предпочтение другого: например, семейные мужчины чаще, чем несемейные, посещают культурные мероприятия – оперы, выставки, концерты и т.д. Если один из супругов обладает специфическим типом квалификации в искусствах, то зачастую подобный капитал перенимается вторым супругом [13. С. 101]: если женщина любит классическую оперу, то высока вероятность того, что ее муж тоже станет посещать оперу. Кстати, обратный эффект – рост посещаемости женщиной спортивных мероприятий не так очевиден.

Другое популярное и интересное направление в изучении культурной активности – это поиски корреляций уже между посещением культурных мероприятий в качестве независимой переменной и потенциальным влиянием ее на уровень психологического и физиологического здоровья индивидов. Как показал ряд исследований, культурная активность, в частности, посещение кинотеатров, театров, музеев, спортивных мероприятий, чтение книг и пение или занятия музыкой, увеличивает сопротивляемость организма болезням: по-видимому, это происходит через терапевтический эффект или провоцирование эмоционального возбуждения, благотворно влияющего на иммунную систему [14]. Например, норвежское исследование [15] показало наличие сильной положительной связи между уровнем культурной активности и уровнем тревожности, физическим самочувствием и склонностью к депрессии. Таким образом, подходы и объяснительные механизмы культурной активности весьма разнообразны.

В нашем исследовании культурная активность важна для рассмотрения ее в контексте культурного капитала, характеризующего население региона как участников социокультурных и социоэкономических модернизационных процессов.

Культурная активность в городе Томске

Очевидно, что при анализе культурной активности в городском пространстве одинаково интересны как разнообразие «предложения», которое может обеспечить регион в плане культурного разнообразия, так и сформированность «спроса» на эти предложения у жителей региона. В Томской области функционирует 259 общедоступных библиотек, из них 52 в городах и поселках городского типа, а 207 – в сельской местности. В Томске профессиональных театров – 8, из них 4 детских и юного зрителя. Численность зрителей театров в 2014 г. составила 293,7 тыс. человек – ниже, чем во всех предыдущих годах, начиная с 2010 (296,1) по 2013 (338,6 тыс. человек). Разнопрофильных музеев в городе 15, включая 4 искусствоведческих, 3 исторических и археологических и 8 краеведческих. Количество посетителей музеев, в отличие от посетителей театров, достигло в 2014 г. своего максимального уровня – 329,8 тыс. человек – возможно, не последнюю роль в этом играет успех акции «Ночь в музее». Число учреждений культурно-досугового типа в Томской области равно 322, причем 300 находятся в сельской местности – к ним относятся клубы и дома культуры, культурные цен-

тры [16. С. 85–86]. Ключевой особенностью Томска является то, что, помимо профессиональных театров, в Томске есть также множество локальных «культурных пространств», собирающих небольшие аудитории. К ним относятся, например, театральные объединения, собирающие свои малые аудитории – преимущественно молодежные; на площадках многих вузов проводятся музыкальные концерты и театральные выступления, например, регулярные – в Томском музыкальном колледже имени Э.В. Денисова, в концертном зале Томского государственного университета, в концертном зале политехнического университета; также очень широк диапазон предложений в плане более классических направлений музыки. Размер «локальных аудиторий» у подобных направлений относительно невелик – например, выступления местных музыкальных групп и студенческих или маленьких гастролирующих театров (например, мариинского «Желтого окошка») собирают аудитории численностью 150–200 человек. Множество местных и региональных музыкальных коллективов – «групп» – имеют свои аудитории. Таким образом, население города в плане культурной активности далеко не однородно. В данном исследовании анализ «локальных аудиторий» остается, к сожалению, за рамками нашего интереса, и мы сосредоточимся на описании некоего усредненного паттерна культурной активности среднестатистических жителей города, большинство из которых не являются членами той или иной малой «культурной субгруппы».

Если говорить о культурной активности жителей города в целом, то она, с точки зрения экспертов – работников сферы культуры, – относительно велика. Например, Г.А. Сокуров, директор Томского областного театра драмы, отметил, что, несмотря на то, что уровень благосостояния населения в связи с кризисом снизился, посещаемость театров осталась достаточно высокой. В.И. Тютрина, главный режиссер театра «Версия», также отметила, что на посещаемости ее театра кризис фактически не отразился, что, может быть, связано с относительно невысокой стоимостью билетов. Причины высокого культурного потенциала традиционно связывают с тем, что Томск – это «студенческо-профессорский» город, что создает «особое очарование», «ауру культурного города», которая не остается незамеченной и для приезжих, гостей города и инвесторов (здесь и выше – Экспертные интервью из архива исследования, 2012 г.). В Томске действительно относительно большое количество студентов вузов – 65 115 человек (или 606 студентов вузов на 10 000 человек населения) и профессорско-преподавательского состава (4 604 человека в 2014–2015 гг.). 14, 2% населения города заняты в образовательной сфере, 2 вуза входят в перечень 15 ведущих университетов России [16. С. 78]. В 2015 г. распоряжением Правительства РФ была одобрена концепция создания в Томске инновационного территориального центра [17]), т.е. подразумевается, что томская социальная среда обладает специфическим социальным и культурным капиталом. Интересно было посмотреть, сказывается ли это на культурной активности основной массы городских жителей и есть ли специфика в культурной активности у людей, связанных со сферой образования?

В соответствии с данными нашего исследования, которые подтверждают-ся данными аналогичного исследования 2011 г., посещаемость различных культурных мероприятий в Томске (2015 г.) выглядит следующим образом:

Таблица 2. Частота посещения культурных заведений жителями Томской области (% от опрошенных)

	Раз в неделю	1–3 раза в месяц	1–3 раза в полгода	Раз в год и реже
Библиотека	4	11	9	41
Театр	1	4	13	47
Цирк	0	2	4	48
Музей	0	4	13	47
Стадион	8	7	11	37
Клуб по интере- сам	7	7	7	35
Дискотека	4	7	11	37
Кинотеатр	5	20	22	27

Поскольку в анкете не было варианта ответа «не посещаю совсем» на вопрос «Посещаете ли вы и как часто данные учреждения культуры», то, по-видимому, респонденты, не посещающие данное учреждение, были вынуждены выбирать вариант «затрудняюсь ответить» или отказывались от ответа. Таким образом, примерно треть опрошенных не посещает вышеупомянутые заведения культуры.

Предварительный взгляд на таблицу позволяет сделать вывод о том, что самым непопулярным культурным учреждением из перечисленных является цирк, что очевидно, поскольку цирк, как правило, посещают мамы с детьми не чаще одного раза в год, а то и в несколько лет. К тому же в Томской области нет постоянно действующего цирка. Библиотека, театр и музей также не очень популярны, но имеют, по-видимому, свою регулярную аудиторию – 24, 18 и 17 % опрошенных посещают библиотеку, театр и музей соответственно хотя бы несколько раз в год. Чаще всего посещается жителями Томска кинотеатр – 20 % опрошенных ходят в кинотеатр один или несколько раз в месяц, почти половина в совокупности (47 %) посещают его несколько раз в год; 26 % ходят более или менее регулярно на стадион; 22 % – на дискотеку. Что интересно, подобное распределение посещаемости культурных заведений мало отличается от распределения посещаемости в другом крупном сибирском городе с высоким уровнем развития образовательной сферы – Красноярске [3. С. 91], где регулярное (хотя бы раз в месяц) посещение населением культурно-развлекательных заведений в 2010 г. выглядело следующим образом: в библиотеку ходили 11,7 % опрошенных (в 2012 г. – 8,7 %), в театр – 3,0 % (соответственно 3,3 %), в цирк – 0,4 % (0,5 %), в музей – 1,5 %, на стадион – 8,8 % (6,8 %), в клубы по интересам – 8,6 % (4,8 %), на дискотеки – 9,7 % (8,1 %), в кинотеатры – 19,3 % (17,6 %). При этом посещаемость театров, музеев, библиотек и стадионов в обоих городах несколько выше, чем, например, в Тюмени – городе, где менее развита образовательная структура, зато выше средний уровень доходов населения [18. С. 132].

К сожалению, данные нашего исследования не позволяют нам более точно дифференцировать заведения культуры Томска и сравнить их аудитории, например, в типизированной для регионов программе исследования отсутствует вопрос, позволяющий зафиксировать посещение концертных залов. Однако в Томске есть стабильные аудитории, например, посетителей органного зала, джазовых концертов и т.д., причем некоторые из них имеют очевидную привязку к социальному статусу и материальному положению формирующей их публики. Тем не менее мы попытались выявить факторы, влияющие на культурную активность населения, исходя из полученных в результате проведенного в Томской области исследования данных с последующей их обработкой методами математической статистики, в том числе средствами корреляционного анализа, с целью поиска статистических зависимостей и взаимосвязей между различными группами факторов.

В частности, нас интересовало, влияют ли на посещаемость различных культурных заведений такие факторы, как пол респондента, возраст, его семейное положение и наличие детей, а также его субъективный социальный статус – тот слой, к которому себя относит сам респондент. Особый интерес для нас представлял фактор образования, поскольку теоретически именно высокий уровень образования и/или занятость в сфере науки и образования может проявляться в более высоком уровне культурной активности и, соответственно, сказываться на формировании культурного капитала населения.

Наличие статистических взаимосвязей между показателями, характеризующими демографические характеристики респондентов (пол, возраст, семейное положение, количество детей), высказанной ими оценкой собственного социального статуса и частотой посещения различных культурных мероприятий исследовалось с помощью коэффициентов ранговой корреляции Спирмана. Как известно из теории, коэффициент ранговой корреляции по Спирману может принимать значение от -1 до 1 , где знак указывает на характер статистической зависимости (прямой или обратной).

Результаты приведены в табл. 3 и 4 для респондентов-мужчин и женщин отдельно. В таблицах представлены пары значений, где первое число – коэффициент корреляции, а число, стоящее в скобках, – уровень значимости. Традиционно в статистике рассматриваются как показатели достаточной достоверности уровни значимости $0,05$ и $0,01$ (представляющие собой вероятность того, что вынесенное суждение ошибочно), значения большие $0,05$ говорят о том, что достоверно объявить о наличии корреляционной связи невозможно, значения меньше $0,01$, напротив, говорят о достоверной корреляции.

Во всех приведенных таблицах достоверные корреляции выделены тремя звездочками. Одной звездочкой отмечены пары величин, не демонстрирующих достоверной взаимосвязи.

Мы можем видеть, что для мужского населения области не наблюдается достоверной корреляции между уровнем образования и формой проведения досуга, в то же время социальный слой и уровень достатка прямо влияют на большинство форм проведения досуга, как и количество детей и семейное

положение зачастую ограничивают частоту посещения клубов, дискотек и развлекательных мероприятий. В то же время более «культурные» формы проведения досуга не демонстрируют статистических взаимозависимостей с данными показателями (что, впрочем, может объясняться редкой частотой посещения подобных мероприятий, на которой изменение семейного статуса почти не сказывается).

Женщины демонстрируют гораздо меньшую зависимость своих культурных предпочтений от внешних факторов. Как и у мужчин, отсутствие детей коррелирует с большей частотой посещения увеселительных мероприятий. Можно предположить, что в обоих случаях воспитание детей сокращает возможность тратить время на организацию и проведение собственного досуга. В плане посещаемости учреждений культуры, таких как театры и музеи, женщины демонстрируют меньшую зависимость от своего семейного и финансового положения, чем мужчины.

Вторая группа таблиц (5 и 6) отражает корреляционные связи между субъективным социальным статусом респондентов и демографическими характеристиками респондентов. Интересно, что для респондентов-мужчин единственная характеристика, достоверно коррелирующая со всеми категориями оцениваемого положения респондента в обществе, – это его возраст, тогда как у женщин прослеживаются взаимосвязи между всеми показателями. Следует отметить несколько необычное поведение оценки «социального положения в регионе», которая слабее связана с аналогичными оценками по стране и населённому пункту, впрочем, её аномальное поведение может быть объяснено тем, что данный вопрос, являясь, по сути, третьим однотипным вопросом подряд, мог вызвать раздражение у респондентов и стал рекордсменом по количеству пропусков, отказов от ответа и «протестных» ответов.

Третья группа таблиц (7 и 8) посвящена взаимозависимостям между частотой посещения различных культурных мероприятий и демонстрирует как для мужчин, так и для женщин наличие достоверной корреляции между посещаемостью культурных мероприятий. Предположительно, это может быть объяснено тем, что наиболее активные респонденты, живущие полноценной общественной жизнью и имеющие доступ к различным её сторонам, активно и охотно посещают разнообразные мероприятия, тогда как респонденты, не имеющие доступа к местам их проведения, финансовой возможности, свободного времени или попросту желания, не участвуют ни в каких формах культурно-массовых мероприятий.

Таблица 3. Корреляция между социально-демографическими характеристиками респондентов и посещаемостью культурных заведений (мужчины)

	Библиотека	Театр	Цирк	Музей	Стадион	Клуб по инт.	Дисотека	Кинотеатр
Соц. слой РФ	0,128 (0,02) **	0,137 (0,01)**	0,257 (0,00)***	0,167 (0,00)***	0,201 (0,00)***	0,057 (0,32) *	0,176 (0,00) ***	0,255 (0,00)***
Соц. слой город/село	0,054 (0,33)*	0,112 (0,04)**	0,210 (0,00)***	0,157 (0,00)***	0,195 (0,00)***	0,061 (0,30)*	0,196 (0,00)***	0,216 (0,00)***
Соц. слой регион	0,104 (0,08)*	0,146 (0,01)**	0,185 (0,00)***	0,180 (0,00)***	0,146 (0,01)**	0,120 (0,05)**	0,128 (0,03)**	0,197 (0,00)***
Возраст	0,088 (0,11)*	0,096 (0,08)*	0,127 (0,03)**	0,146 (0,01)***	0,363 (0,00)***	0,313 (0,00)***	0,389 (0,00)***	0,494 (0,00)***
Семейн. положение	-0,087 (0,12)*	0,003 (0,96)*	0,008 (0,89)*	-0,065 (0,24)*	-0,176 (0,00)***	-0,186 (0,00)***	-0,232 (0,00)***	-0,301 (0,00)***
Число детей	-0,079 (0,15)*	-0,07 (0,17)*	-0,013 (0,82)*	-0,155 (0,00)***	-0,200 (0,00)***	-0,189 (0,00)***	-0,230 (0,00)***	-0,389 (0,00)***
Образование	0,095 (0,08)*	0,056 (0,30)*	-0,023 (0,69)*	0,140 (0,01)**	0,071 (0,18)*	0,054 (0,35)*	-0,047 (0,39)*	0,037 (0,47)*

Условные обозначения: числа представляют с собой коэффициенты корреляции; рядом в скобках – уровни значимости этих корреляций; *** – высокий уровень значимости корреляций (<0,01); ** – средний уровень значимости корреляции (0,05–0,01); * – отсутствие значимой корреляционной связи (>0,05).

Таблица 4. Корреляция между социально-демографическими характеристиками респондентов и посещаемостью культурных заведений (женщины)

	Библиотека	Театр	Цирк	Музей	Стадион	Клуб по инт.	Дисотека	Кинотеатр
Соц. слой РФ	-0,096 (0,06)*	0,050 (0,35)*	-0,023 (0,70)*	0,083 (0,13)*	0,141 (0,01)**	0,174 (0,00)***	0,165 (0,00)***	0,190 (0,00)***
Соц. слой город/село	-0,117 (0,03)**	0,039 (0,47)*	-0,018 (0,77)*	0,014 (0,80)*	0,078 (0,17)*	0,119 (0,05)**	0,165 (0,00)***	0,196 (0,00)***
Соц. слой регион	-0,196 (0,00)***	0,059 (0,31)*	-0,079 (0,22)*	0,014 (0,81)*	0,076 (0,22)*	0,119 (0,07)*	0,128 (0,04)**	0,182 (0,00)***
Возраст	-0,125 (0,02)**	-0,01 (0,84)*	0,064 (0,27)*	0,112 (0,04)**	0,367 (0,00)***	0,137 (0,02)**	0,455 (0,00)***	0,500 (0,00)***
Семейное положение	-0,087 (0,10)*	0,005 (0,92) *	0,074 (0,21)*	-0,170 (0,00) ***	-0,132 (0,02)**	-0,201 (0,00)***	-0,293 (0,00)***	-0,161 (0,00)***
Число детей	0,027 (0,60)*	-0,04 (0,42)*	0,134 (0,02)**	-0,040 (0,45)*	-0,284 (0,00)***	-0,053 (0,37)*	-0,378 (0,00)***	-0,427 (0,00)***
Образование	-0,020 (0,69)*	0,039 (0,46)*	-0,018 (0,77)*	0,082 (0,13)*	0,031 (0,58)*	0,061 (0,30)*	0,033 (0,57)*	0,170 (0,00)***

Таблица 5. Корреляция между субъективным социальным статусом и демографическими характеристиками респондентов (мужчины)

	Соц. слой РФ	Соц. слой посел.	Соц. слой рег.	Возраст	С. п.	Дети	Образование
Соц. слой РФ		0,827 (0,00)***	0,714 (0,00)***	0,218 (0,00)***	0,096 (0,04)**	-0,074 (0,11)*	0,069 (0,13)*
Соц. слой город/село	0,827 (0,00)***		0,724 (0,00)***	0,182 (0,00)***	0,113 (0,02)**	-0,036 (0,43)*	0,041 (0,38)*
Соц. слой регион	0,71 (0,00)***	0,724 (0,00)***		0,178 (0,00)***	0,058 (0,25)*	-0,100 (0,04)**	0,129 (0,01)***

Таблица 6. Корреляция между субъективным социальным статусом и демографическими характеристиками респондентов (женщины)

	Соц. слой РФ	Соц. слой посел.	Соц. слой рег.	Возраст	С. п.	Дети	Образование
Соц. слой РФ		0,785 (0,00)***	0,640 (0,00)***	0,213 (0,00)***	0,123 (0,00)***	-0,168 (0,00)***	0,147 (0,00)***
Соц. слой город/село	0,785 (0,00)***		0,666 (0,00)***	0,222 (0,00)***	0,157 (0,00)***	-0,106 (0,01)**	0,159 (0,00)***
Соц. слой регион	0,640 (0,00)***	0,666 (0,00)***		0,227 (0,00)***	0,197 (0,00)***	-0,135 (0,00)***	0,199 (0,00)***

Таблица 7. Взаимозависимости между частотой посещения различных культурных мероприятий (мужчины)

	Библиотека	Театр	Цирк	Музей	Стадион	Клуб по интер.	Дискоотека	Кинотеатр
Библиотека		0,496 (0,00)***	0,321 (0,00)***	0,423 (0,00)***	0,235 (0,00)***	0,189 (0,00)***	0,210 (0,00)***	0,215 (0,00)***
Театр	0,496 (0,00)***		0,338 (0,00)***	0,555 (0,00)***	0,313 (0,00)***	0,130 (0,03)**	0,184 (0,00)***	0,318 (0,00)***
Цирк	0,321 (0,00)***	0,338 (0,00)***		0,412 (0,00)***	0,192 (0,00)***	0,189 (0,00)***	0,312 (0,00)***	0,276 (0,00)***
Музей	0,423 (0,00)***	0,555 (0,00)***	0,412 (0,00)***		0,347 (0,00)***	0,293 (0,00)***	0,229 (0,00)***	0,402 (0,00)***
Стадион	0,235 (0,00)***	0,314 (0,00)***	0,192 (0,00)***	0,347 (0,00)***		0,427 (0,00)***	0,556 (0,00)***	0,497 (0,00)***
Клуб по инт.	0,189 (0,002)***	0,130 (0,031)**	0,190 (0,00)***	0,293 (0,00)***	0,427 (0,00)***		0,402 (0,00)***	0,354 (0,00)***
Дискоотека	0,210 (0,000)***	0,184 (0,00)***	0,313 (0,00)***	0,229 (0,00)***	0,556 (0,00)***	0,402 (0,00)***		0,545 (0,00)***
Кинотеатр	0,215 (0,000)***	0,318 (0,00)***	0,276 (0,00)***	0,402 (0,00)***	0,497 (0,00)***	0,354 (0,00)***	0,545 (0,00)***	

Таблица 8. Взаимозависимости между частотой посещения различных культурных мероприятий (женщины)

	Библиотека	Театр	Цирк	Музей	Стадион	Клуб по интер.	Дискотека	Кинотеатр
Библиотека		0,234 (0,00)***	0,124 (0,05)**	0,277 (0,00)***	0,355 (0,00)***	0,326 (0,00)***	0,254 (0,00)***	0,075 (0,18)*
Театр	0,234 (0,00)***		0,263 (0,00)***	0,360 (0,00)***	0,167 (0,00)***	0,181 (0,00)***	0,270 (0,00)***	0,199 (0,00)***
Цирк	0,124 (0,05)**	0,263 (0,00)***		0,325 (0,00)***	0,172 (0,00)***	0,209 (0,00)***	0,178 (0,01)***	0,265 (0,00)***
Музей	0,277 (0,00)***	0,360 (0,00)***	0,328 (0,00)***		0,341 (0,00)***	0,370 (0,00)***	0,256 (0,00)***	0,323 (0,00)***
Стадион	0,355 (0,00)***	0,167 (0,00)***	0,172 (0,00)***	0,341 (0,00)***		0,453 (0,00)***	0,474 (0,00)***	0,457 (0,00)***
Клуб по инт.	0,326 (0,00)***	0,181 (0,00)***	0,209 (0,00)***	0,370 (0,00)***	0,453 (0,00)***		0,465 (0,00)***	0,310 (0,00)***
Дискотека	0,254 (0,00)***	0,270 (0,00)***	0,178 (0,01)***	0,256 (0,00)***	0,474 (0,00)***	0,465 (0,00)***		0,460 (0,00)***
Кинотеатр	0,077 (0,18)*	0,199 (0,00)***	0,265 (0,00)***	0,323 (0,00)***	0,457 (0,00)***	0,306 (0,00)***	0,460 (0,00)***	

Закключение и выводы. Таким образом, можно предположить, что население Томска условно делится на три группы в соответствии с критерием культурной активности:

1. Активные посетители «культурных развлечений» – причем, как было отмечено выше, те, кто активно посещают «заведения массовой культуры» – дискотеку, стадион, кинотеатр, – одновременно чаще посещают и более «культурные заведения» – музей, театр, библиотеку. Про эту группу можно сказать, что в ней высок процент молодежи до 29 лет, еще не обзаведшейся семьей. Девушки в большей степени активны, чем юноши: они чаще и регулярнее посещают театры, музеи и даже дискотеки (несколько раз в год посещают библиотеку 31 % девушек, театр – 22 % девушек и 15 % юношей, музей – 27 % девушек и 19 % юношей, дискотеку – 41 % юношей и 52 % девушек). Только посещение кинотеатров и библиотек одинаково высокое как у юношей, так и девушек (несколько раз в год кинотеатр посещают 75 % девушек и библиотеку – 31 % юношей и девушек). Посещаемость стадионов также примерно одинаковая у юношей и девушек – 49 % и 47 % соответственно посещают стадион несколько раз в год. Другая, меньшая, составляющая этой группы – респонденты среднего и выше среднего социального статуса разного возраста.

2. Группа менее активных «семейных респондентов» – с появлением супруга и детей культурная активность снижается в плане посещения дискотеки, стадиона и кинотеатра, а также, отчасти, музея – в этом плане результаты нашего исследования совпадают с результатами европейских исследований, которые были изложены выше. Одна из наиболее очевидных причин здесь, что дискотека и кинотеатр являются местами, куда люди ходят знакомиться или продемонстрировать свои отношения. Обзаведение семьей в России означает, как правило, рождение детей (в большей степени, чем в Европе), соответственно семейный статус негативно сказывается на посещаемости этих заведений: отпадают стимул и/или уменьшаются возможности (экономические, временные и т.д.).

3. Группа неактивных в плане культурных развлечений респондентов, среди которых высок процент людей статуса ниже среднего и возраста старше 60 лет. Следует отметить, что люди старше 60 лет в целом фактически прекращают культурную активность (она заметно снижается уже после 45–59 лет), за исключением того, что пожилые мужчины и женщины посещают библиотеки, причем достаточно часто, а часть женщин продолжает ходить в театры и музеи.

В отношении факторов, детерминирующих культурную активность, можно сказать следующее. Интересны два момента: отсутствие заметного влияния фактора образования на посещаемость культурных заведений, в том числе театра и музея, а также отсутствие заметного влияния субъективного социального статуса на культурную активность (т.е. субъективной оценки благополучия материального положения) у женщин.

Что касается образования, то здесь отсутствие статистической связи между культурной активностью и уровнем образования несколько удивляет, но может отчасти объясняться следующими моментами: во-первых, можно предположить, что культурная активность людей с высшим образованием не

фиксируется вариантами ответов нашего опросника – в частности, как уже было отмечено, в нем отсутствует, например, вариант посещения концертных и/или органных залов или иные виды специфических культурных мероприятий, так что дополнительное уточнение о культурной активности людей с высшим образованием (и отдельно – связанных со сферой образования) требует более детального исследования. Во-вторых, есть вероятность, что фактор образования как таковой действительно не является определяющим для выделения культурно активных групп в России и большую роль играет экономический статус (который не коррелирует с уровнем образования напрямую). Это может свидетельствовать о том, что в России, по крайней мере в Сибири, фактически отсутствует та «культурная элита», о которой пишет в своих работах П. Бурдые, – социальный слой, который можно было бы считать «формирующим культуру» и задающим культурные образцы, которые перенимаются другими социальными группами (такой группой, например, по мнению М. Соколова, доцента Европейского университета Санкт-Петербурга, можно было считать столичную интеллигенцию в Советском Союзе [9]).

Второе наблюдение можно проинтерпретировать следующим образом: большинство заведений культуры в Томске достаточно демократичны по стоимости посещения, а количество более дорогих и более «статусных» заведений, вроде органного зала, ограничено, как и размеры их аудитории, которая, возможно, оказалась мало представлена в выборке. Томская филармония только начинает работу по привлечению более широкой публики в свои залы.

Итак, в Томске достаточно высокая посещаемость заведений культуры в сравнении с другими регионами, что косвенно подтверждает наличие определенной связи между инновационностью региона и таким показателем, как культурная активность. При этом, как показывают данные нашего исследования, высокая культурная активность в большей степени характерна молодой части населения, более взрослые, семейные и пожилые резко снижают посещаемость заведений культуры, включая театры и музеи. Фактор образования не является определяющим, и положительная корреляция между уровнем образования и культурной активностью отсутствует как у мужчин, так и у женщин.

Таким образом, культурный потенциал в Томске, по-видимому, в большей степени проявляет себя в студенческой среде; не выделилась группа более активных в культурном плане людей старше 30 лет. Следует заметить, что спектр доступных культурных заведений заметно сужается по критерию город/село, поэтому вклад в культурный капитал региона по-прежнему вносит преимущественно городское население Томска, в котором сосредоточены и инновационные ресурсы модернизации.

С одной стороны, эти наблюдения свидетельствуют о том, что в Томске действительно есть слой населения, демонстрирующий определенный культурный потенциал, но, с другой стороны, отсутствует (или слабо проявляет себя по критерию культурной активности в заданном формате вопросов) более устойчивая, возможно менее многочисленная, сформировавшаяся «культурная элита», обладающая культурным капиталом (вкуче с образователь-

ным), которая должна представлять собой стабильный ресурс для инновационного развития региона.

Литература

1. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Сериков А.В., Хачецуков З.М. Социальное значение креативного класса в российском социуме // Гуманитарный ежегодник. 2014. С. 234–241.
2. Ланин Н.И. Территориальные сообщества и общности: рост социокультурного потенциала и его дисбалансы // Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 688.
3. Немировский В.Г., Немировская А.В. Динамика социокультурных процессов в Красноярском крае (на материалах социологических исследований в регионе в 2010–2012 гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.
4. Шекова Е.Л. Маркетинговое исследование рынка культурных услуг в России и за рубежом // «Маркетинг в России и за рубежом». 2002. № 6.
5. Посещаемость российских театров в прошлом году выросла на 17 %, 19 февраля, 2015. [Электронный ресурс] www.interfax.ru/russia/425320
6. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. [Электронный ресурс] <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/105221.html>
7. Ateca-Amestoy V. Determining heterogeneous behavior for theater attendance // Journal of Cultural Economics, 2008. Vol. 32, No. 2. P. 127–151.
8. Boudier-Pailler D. A Model for Measuring the Goals of Theatre Attendance // International Journal of Arts Management. 1999. Vol. 1, No. 2. P. 4–15.
9. Соколов М. Культурный капитал: почему любители оперы зарабатывают больше любителей поп-музыки? // Журнал «ПостНаука», 20.02.2013 [Электронный ресурс] postnauka.ru/longreads/9644
10. Werner G. Cultural Capital and Social Inequality in the Life Course / European Sociological Review. 2004. Vol. 20, No. 4. P. 333–44.
11. Sullivan A. Cultural Capital and Educational Attainment // Sociology. 2001 Vol. 35, No. 4. P. 893–912.
12. Katsillis J., Rubinson R. Cultural Capital, Student Achievement, and Educational Reproduction: The Case of Greece // American Sociological Review. 1990. Vol. 55, No. 2. P. 270–279.
13. Montgomery S., Robinson M. Empirical evidence of the effects of marriage on male and female attendance at sports and arts // Social Science Quarterly. 2010. Vol. 91, No. 1. P. 99–116.
14. Bygren L.O., Konlaan B.B., Johansson S.E. Attendance at cultural events, reading books or periodicals, and making music or singing in a choir as determinants for survival: Swedish interview survey of living conditions // British Medical Journal. 1996. Vol. 313, No. P. 1577–1580.
15. Cuypers K., Krokstad S., Holmen T.L., SkjeiKnudtsen M., Bygren L.O., Holmen J. Patterns of receptive and creative cultural activities and their association with perceived health, anxiety, depression and satisfaction with life among adults: the HUNT study, Norway // Journal of Epidemiology and Community Health. 2012. Vol. 66, No. 8. P. 698–703.
16. Томская область в цифрах, краткий статистический сборник / Томкстат. Томск, 2015. 254 с.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 января 2015 г. № 22 «Концепция создания в Томской области инновационного территориального центра “ИНО Томск”».
18. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2015. 358 с.

Filkina Alexandra V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Bulatova Tatiana A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Berestneva Olga G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: Alexandra.filkina.tshu@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 11

CULTURAL ACTIVITY IN TOMSK REGION IN THE CONTEXT OF THE CULTURAL CAPITAL CONCEPT AND INNOVATION MODERNIZATION PROCESSES.

Key words: cultural capital, cultural activity, potential of innovation

According to the fact that modern societies evolve in postindustrial or informational stages, cultural capital became one of the most important resources of innovation processes in the local regions. This article describes the results of research, which completed as a part of the initiated by the Russian Institute of Philosophy in 2005 main research project “Sociocultural evolution of Russia and its regions”. Methodology of this project assumes that we can use cultural activity – the frequency of cultural places attendance – as a criterion for measurement of a cultural capital in a region.

Sociological researches of the cultural activity mostly involve two theories in the process of finding determining factors: P. Bourdieu cultural capital concept and the rational choice theory, so we shortly described these approaches in the first part of the article. In the second part we analyzed the influence of different factors on the cultural activity of the Tomsk region settlers. We exploited results of the 2015 year research which was completed with help by Russian Governmental Scientific Fund.

We found that we could divide Tomsk population into three main groups:

- the group with a high level of cultural activity, which consists mainly from young people (less than 29 years age) and people of intermediate and higher social statuses.
- the group with a mediate level of cultural activity – married with children respondents, who begun to visit cultural places (and especially nightclubs, stadiums and cinemas) much more rarely.
- the group of culturally inactive respondents, mostly elder than 60 years or/and people with social status lower than intermediate.

Researching determinative for cultural activity factors, we found two interesting points: absence of influence of education factor on the attendance of cultural places (including museum and theatre) and absence of clear influence of a social status on women’s cultural activity combined with clear influence of social statuses on men’s cultural activity.

We concluded that cultural activity of people in Tomsk was rather high according to other Russian regions, and this fact implicitly approved our presumption that there was link between region’s innovation stage and its level of cultural activity. Further, our research data reveal high cultural activity is typical mostly for young people. We can assume that there is still no formed cultural elite (or it doesn’t demonstrate cultural activity which we could find with our questionnaire) which could be stable source of a region’s innovative evolution.

References

1. Barbashin, M.Yu., Barkov, F.A., Serikov, A.V. & Khachetsukov, Z.M. (2014) Sotsial'noe znachenie kreativnogo klassa v rossiyskom sotsiume [The social significance of the creative class in Russian society]. *Gumanitarnyy ezhegodnik*. 13, pp. 234–241.
2. Lapin, N.I. (2009) Territorial'nye soobshchestva i obshchnosti: rost sotsiokul'turnogo potentsiala i ego disbalansy [Local communities and communion: The growth of social and cultural potential and its imbalances]. In: Lapin, N.I. & Belyaeva, L.A. (eds) *Regiony Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiyskom kontekste* [Russian Regions: Socio-cultural portraits of the regions in the national context]. Moscow: Academia. pp. 688.
3. Nemirovsky, V.G. & Nemirovskaya, A.V. (2012) *Dinamika sotsiokul'turnykh protsessov v Krasnoyarskom krae (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy v regione v 2010–2012 gg.)* [The dynamics of social and cultural processes in Krasnoyarsk Region (sociological studies in the region in 2010–2012.)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
4. Shekova, E.L. (2002) Marketingovoe issledovanie rynka kul'turnykh uslug v Rossii i za rubezhom [Marketing research of cultural services market in Russia and abroad]. *Marketing v Rossi i za rubezhom*. 6.
5. Interfax Agency. (2015) *Poseshchaemost' rossiyskikh teatrov v proshlom godu vyroslo na 17 %* [The attendance of Russian theaters increased by 17% last year]. [Online] Available from: www.interfax.ru/russia/425320.
6. Radaev, V.V. (2003) *Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya* [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/105221.html>.
7. Ateca-Amestoy, V. (2008) Determining heterogeneous behavior for theater attendance. *Journal of Cultural Economics*. 32(2). pp. 127-151. DOI: 10.1007/s10824-008-9065-z
8. Boudier-Pailler, D. (1999) A Model for Measuring the Goals of Theatre Attendance. *International Journal of Arts Management*. 1(2). pp. 4–15.
9. Sokolov, M. (2013) *Kul'turnyy kapital: pochemu lyubiteli opery zarabatyvayut bol'she lyubiteley pop-muzyki?* [The cultural capital: Why opera fans make more than lovers of pop music?]. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/longreads/9644>.

10. Werner, G. (2004) Cultural Capital and Social Inequality in the Life Course. *European Sociological Review*. 20(4). pp. 333-344. DOI: 10.1093/esr/jch028
11. Sullivan, A. (2001) Cultural Capital and Educational Attainment. *Sociology*. 35(4). pp. 893-912. DOI: 10.1177/0038038501035004006
12. Katsillis, J. & Rubinson, R. (1990) Cultural Capital, Student Achievement, and Educational Reproduction: The Case of Greece. *American Sociological Review*. 55(2). pp. 270-279.
13. Montgomery, S. & Robinson, M. (2010) Empirical evidence of the effects of marriage on male and female attendance at sports and arts. *Social Science Quarterly*. 91(1). pp. 99-116. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2010.00683.x
14. Bygren, L.O., Konlaan, B.B. & Johansson, S.E. (1996) Attendance at cultural events, reading books or periodicals, and making music or singing in a choir as determinants for survival: Swedish interview survey of living conditions. *British Medical Journal*. 313. pp. 1577-1580. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.313.7072.1577>
15. Cuypers, K., Krokstad, S., Holmen, T.L., SkjeiKnudtsen, M., Bygren, L.O. & Holmen, J. (2012) Patterns of receptive and creative cultural activities and their association with perceived health, anxiety, depression and satisfaction with life among adults: the HUNT study, Norway. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 66(8). pp. 698-703.
16. Kasinsky, S.V., Dyrko, N.P., Laskeeva, N.I. & Lapteva, I.A. (eds) (2015) *Tomskaya oblast' v tsifrakh* [Tomsk region in figures]. Tomsk: Tomskstat.
17. Russian Federation Government. (2015) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14 yanvarya 2015 g. № 22 Kontseptsiya sozdaniya v Tomskoy oblasti innovatsionnogo territorial'nogo tsentra "INO Tomsk"* [Order № 22 of the Russian Federation Government of January 14, 2015, The concept of the Territorial Innovation Center "INO Tomsk" in Tomsk Region].
18. Romashkin, G.F. & Davydenko, V.A. (eds) *Sotsiokul'turnaya dinamika – portret Tyumenskoy oblasti* [The socio-cultural dynamics – A portrait of Tyumen Region]. Tyumen: Tyumen State University.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8

DOI: 10.17223/1998863X/35/12

А.М. Акматалиева

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ CASA-1000 И TAPI В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ США

Энергетические проекты CASA-1000 и TAPI рассматриваются в качестве приоритетных экономических инструментов интеграции государств Центральной и Южной Азии в рамках инициативы Нового Шелкового Пути. Это, на взгляд Вашингтона, будет способствовать созданию единого регионального рынка электроэнергии (CASAREM), а также поможет создать альтернативу российскому и китайскому доминированию в энергетическом секторе.

Ключевые слова: CASA-1000, TAPI, региональный рынок электроэнергии, энергетический проект, Новый Шелковый Путь.

Как справедливо отмечает британский исследователь Ш. Акинер, есть три метафоры относительно Центральной Азии, в современной политологической дискуссии – это Шелковый Путь, Большая игра и Центральная Азия [1]. Именно Шелковый Путь на сегодняшний день стал ключевым ребрендингом во внешнеполитических инициативах крупных акторов – США – Новый Шелковый Путь, КНР – «Один пояс, одна дорога» или экономический пояс Шелкового Пути, Японии – Дипломатия Шелкового Пути. Успех этих инициатив зависит от внешней политики Кремля и амбиций Москвы на постсоветском пространстве. Так, экс-посол США П. Спратлен в Кыргызстане (2011–2015 гг.), опубликовала статью, в которой заявила, что именно влияние России негативно сказывается на достижениях кыргызской демократии и ее перспективах в контексте вступления республики в Таможенный Союз и ЕАЭС [2]. Она призывает и дальше поддерживать республику в вопросах демократизации, поскольку Кыргызстан все еще остается «маяком надежды» в Центральной Азии для западных государств.

Однако такие политические ценности, как права человека и процессы демократизации общества и государства, неоднозначно воспринимаются в Кыргызстане, пережившем две насильственные смены власти, что наталкивает ведущие державы менять акцент в своих инструментах влияния, больше делая ставку на экономическую модель. Следует отметить, что среди разных интеграционных моделей в Центральной Азии – от евразийской интеграции России, экономического пояса Китая до Инициативы Нового Шелкового Пути США – нерегиональные акторы предлагают именно экономический драй-

вер в качестве объединяющей силы, что можно расценивать как важный результат взаимных ожиданий.

Отношение к этим проектам в политологической литературе разнится от крайне положительного до крайне скептического. В данной статье мы хотим остановиться на реализации проектов США в рамках инициативы Новый Шелковый Путь. Проведенный нами критический дискурсивный анализ речей президентов задействованных государств, а также хронологический анализ мероприятий по реализации проектов США позволяет утверждать, что они уже из вербальных проектов становятся частью повседневной реальности, вопреки скептическим настроениям, присутствующим в СМИ.

США в настоящий момент заинтересованы в Центральной и Южной Азии с геополитической точки зрения – это стабилизация ситуации в Афганистане и создание Большой Центральной Азии, предотвращение российского и китайского доминирования на постсоветском пространстве в энергетических вопросах, а также в поддержке Индии в качестве активной силы в этих регионах.

Предложенная экс-государственным секретарем Х. Клинтон Инициатива Нового Шелкового Пути в 2011 г. предполагает реализацию программ в четырех ключевых направлениях:

- создание единого энергетического рынка,
- торговля и транспорт,
- таможенный и пограничный контроль,
- бизнес и политика от лица к лицу [3].

Следует отметить, что Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) также содействует региональному сотрудничеству в сфере транспорта, торговли и энергетики с 2001 г. В состав ЦАРЭС входят 10 стран: Афганистан, Азербайджан, Китайская Народная Республика, Казахстан, Кыргызская Республика, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Шесть многосторонних институтов оказывают поддержку работе стран-членов ЦАРЭС: Азиатский банк развития (АБР), Европейский банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, Исламский банк развития, Программа развития Организации Объединенных Наций и Всемирный банк. АБР выступает в качестве Секретариата ЦАРЭС. В Стратегии ЦАРЭС-2020 обозначаются две задачи – расширение торговли и улучшение конкурентоспособности на основе лозунга «хорошие соседи, хорошие партнеры, хорошие перспективы» [4]. В целом в новой стратегии указывается расширение географии охвата до Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока, Кавказа, России и Европы. Поэтому энергетические проекты, предлагаемые различными акторами, получают поддержку ЦАРЭС в контексте расширения торговых и экономических связей государств охваченных регионов.

В рамках первого направления Стратегии Нового Шелкового Пути США – создания единого энергетического рынка – предполагается реализация проектов CASA-1000 и TAPI (Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индия), которые мы рассмотрим в рамках данной статьи. Если на первый взгляд энергетические проекты Вашингтона должны противоречить интересам Москвы, то более широкая картина предполагает плюсы для России от ее участия в TAPI и CASA. Наверное, не случайно в 2009 г. Газпром проявил интерес к участию в TAPI. К примеру, Л. Ли и Г. Джил, считают, что от участия в проекте Москва только выиграет – за счет получения доступа к инфраструктуре для экспорта газа на рынки Афганистана, Пакистана и Индии через Казахстан и Узбекистан [5].

Проект CASA-1000 является одним из крупных энергетических проектов, предложенных США в рамках инициативы «Нового Шелкового Пути», имеющий целью экспорт электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан. Название CASA-1000 отражает два региона – Central Asia (CA) и South Asia (SA) – и изначально заявленный объем экспорта в 1000 МВт. Проект, с одной стороны, на взгляд Вашингтона, будет способствовать созданию единого регионального рынка электроэнергии (CASAREM) в государствах Нового Шелкового Пути и интеграции республик Центральной и Южной Азии, а с другой стороны, поможет создать альтернативу российскому доминированию в энергетическом секторе. Афганистан должен в перспективе стать связующим звеном между республиками Центральной Азии и государствами Южной Азии и получить дополнительный источник дохода.

Впервые вопрос о возможности экспорта электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана на нуждающийся рынок электроэнергии Афганистана и Пакистана был поднят в 2006 г., с последующей актуализацией инициативы со стороны Вашингтона. США делают акцент на необходимости стабилизации региона за счет обеспечения экономической независимости государств Центральной и Южной Азии, посредством диверсификации торгово-экономических партнеров [6]. Заметим, что годом ранее, в 2005 г., Ф. Старр предложил интеграционную модель Большой Центральной Азии, где вопрос экономической интеграции между Центральной и Южной Азией предполагает восстановление исторически прерванных путей Великого Шелкового Пути с ключевой ролью Афганистана. В инициативе Большой Центральной Азии указывается, что США хотят видеть регион как «безопасную зону суверенных государств, сделавших выбор в пользу эффективной рыночной экономики, отличающихся светскими и открытыми системами государственного управления и поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном» [7]. Сама инициатива тогда не вызвала поддержки – скорее критику и сомнения. «За годы присутствия в республиках Центральной Азии США осознали, что социально-экономическое благополучие имеет большую ценность, чем значимость демократизации и модернизации политического пространства, а с другой стороны, что собственные геополитические цели Вашингтона должны быть более приоритетными, чем критика в адрес авторитарных режимов. Принципиальное отличие между инициативой Большой Центральной Азии и Стратегией Нового Шелкового Пути является парадигма Economic Statecraft,

развивающая идею необходимости развития экономических моделей интеграции и развития экономической мощи для поддержания геополитического влияния вместо предлагавшегося акцента на демократические ценности и права человека в предыдущих инициативах» [8].

С одной стороны, существуют скептики как за океаном, так и в регионе Центральной и Южной Азии, сомневающиеся в реализации энергетических проектов CASA-1000 и газопровода TAPI в рамках Инициативы Нового Шелкового Пути. Одним из весомых аргументов выдвигают политизированность и амбициозность заявленных проектов, осуществляемых явно не в интересах Китая и России. Москва и Пекин потенциально готовы оказывать геополитическое давление на государства Центральноазиатского региона и ориентировать их ресурсы в свою сторону, как это сейчас уже происходит за счет газопровода Туркменистан – Китай. Запущено строительство уже четвертой ветки через территорию Узбекистана и Кыргызстана. Россия участвует в строительстве малых и крупных ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане, а также активно участвует в решении водно-энергетических проблем между государствами низовья и верховья рек, протекающих через территорию Центральной Азии.

Актуальные вопросы безопасности транспортировки ресурсов через нестабильную территорию Афганистана и Пакистана также вызывают недоверие к реализации проектов. К примеру, афганский Герат и Кандагар, а также пакистанский Белуджистан по TAPI рассматриваются как самые опасные участки для строительства газопровода. Именно по этой причине практическая реализация энергетических проектов до сих требовала тщательного технико-экономического обоснования, а также согласования позиций между государствами и международными финансово-кредитными институтами. В свою очередь, откладывание реализации проектов напрямую отразилось на окончательной стоимости, увеличив общие затраты.

И наконец, подвергается сомнению наличие достаточного экспортного потенциала государств Центральной Азии в части электроэнергии и газа. Кыргызстан и Таджикистан за последние годы переживают дефицит в сборе воды в своих водохранилищах, что отражается на неспособности обеспечить внутренний рынок электроэнергией и вынужденных перманентных веерных отключений жителей от электричества. Туркменистан, занимающий четвертое место в мире по запасам природного газа, на данном этапе заинтересован в экспорте в нескольких направлениях и неоднократно заявлял о заинтересованности в TAPI.

С другой стороны, мы видим, что сами лидеры задействованных государств не раз выражали свое согласие и желание участвовать в этих двух проектах, подтверждением чему служат встречи между главами государств и чиновниками правительств. Чаще всего главным аргументом «за» в дискурсивной практике лидеров можно отметить «желание уйти от зависимости экспорта энергоресурсов в Россию и Китай», «обеспечить энергетическую независимость», «сблизить торгово-экономические отношения с Индией и Пакистаном», «реабилитировать Шелковый Путь» и т.д. Следует отметить, что реализация CASA и TAPI также будет в интересах России, так как Индия может сбалансировать позиции главного потребителя туркменского газа –

Китай и снимет напряженность в отношениях между государствами Центральной Азии, где Кыргызстан и Таджикистан заинтересованы в экспорте электроэнергии, а Узбекистан и Туркмения выступают против строительства ГЭС, финансируемых российскими компаниями.

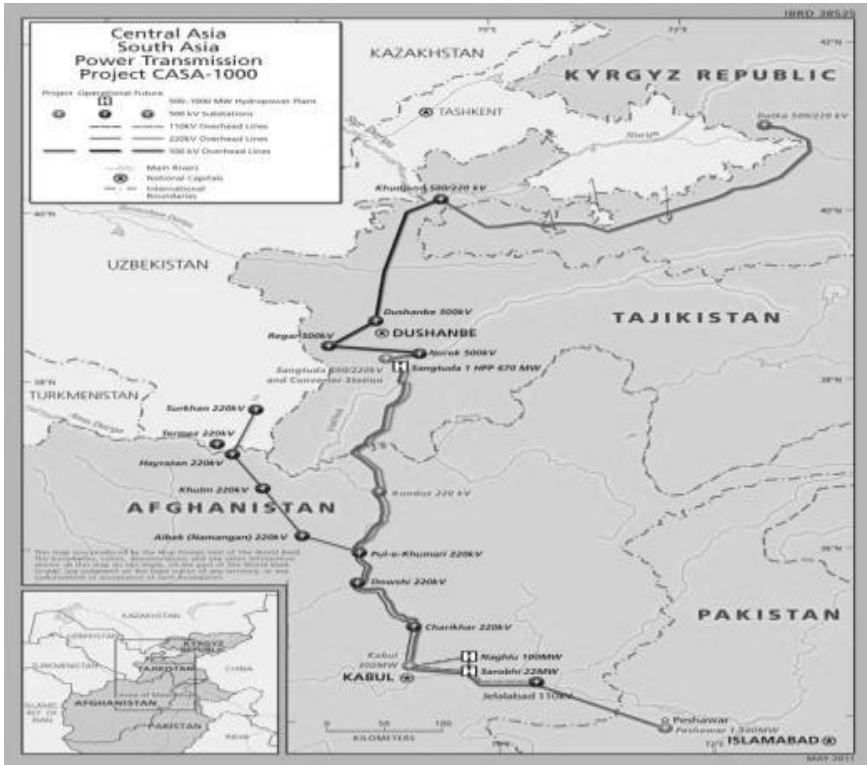

Рис.1. Предложенный SNC Lavalin маршрут прокладки линии электропередач

Источник: Заключительный отчет ТЭО проекта 2011 г.

Участвующие государства благодаря активной дипломатической и торгово-экономической инициативе Вашингтона уже активно привлечены и заинтересованы в проектах, равно как и международные финансовые институты, готовые предоставить долгосрочные кредиты для реализации проектов. Можно проследить, что как CASA-1000, так и TAPI получают финансовую поддержку не только от Вашингтона, но и от других государств в рамках международных организаций. Мы покажем, что США добились не только заинтересованности официальных властей Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана, Пакистана, Индии, но и международных финансовых институтов для привлечения дополнительных инвестиций и реализации проектов CASA-1000 и TAPI в ближайшей перспективе, что может изменить геоэкономические отношения между государствами региона и нерегиональными акторами.

Предполагаемый экспорт электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Пакистан в рамках CASA-1000 составит более 1000 МВт, а в Афганистан – 300 МВт. Прокладку высоковольтных линий электропередач постоян-

ного тока планируется провести между подстанциями Сангтуда (Таджикистан), Кабул (Афганистан) и Пешавар (Пакистан), а прокладку высоковольтных линий электропередач переменного тока проложат между подстанциями Датка (Кыргызстан) и Худжанд (Таджикистан).

Технико-экономическое обоснование проекта (ТЭО) CASA-1000 подготовлено канадской компанией «SNC Lavalin International», и, по их расчетам, общий годовой избыток энергии в двух странах насчитывает около 6 000 ГВт, который почти полностью приходится на летние месяцы. При отсутствии планов по наращиванию генерации и при повышении внутреннего спроса этот показатель избытка сократится до менее 900 ГВт к 2035 г.

При отсутствии наращивания генерации и повышении внутренней потребности годовой избыток энергии для экспорта в Кыргызстане должен падать с 2 150 ГВт в 2010 г. до менее 300 ГВт/час годового избытка энергии к 2035 г. Годовой избыток энергии для экспорта в Таджикистане должен падать с 3 500 ГВт/час в начале горизонта исследования до более 500 ГВт/час электроэнергии в год к 2035 г. [9]. Как договорились стороны 12 октября 2014 г., Афганистан будет получать за транзит электроэнергии в Пакистан через свою территорию 2,5 цента за 1 кВт [10].

На институциональном уровне проект CASA-1000 имеет Межправительственный Совет (МС), созданный в августе 2008 г. Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном и Пакистаном. Секретариат проекта осуществляет организацию встреч МС и процесс реализации инициативы с донорами. Финансовую поддержку проекта осуществляют такие международные институты, как Всемирный банк, Исламский банк развития, ЮСАИД, Государственный департамент США, Министерство международного сотрудничества Великобритании и Австралийское агентство международного развития [11].

Всемирный банк взял на себя обязательство с 27 марта 2014 г. до 30 июня 2020 г. по финансированию половины стоимости проекта в \$526,50 млн, всего реализация CASA-1000 оценивается в \$997,00 млн [12] Среди других доноров следует отметить:

- Исламский банк развития, выразивший готовность финансировать проект в объеме \$250 млн;
- Международную ассоциацию развития – \$158,25 млн;
- Целевой фонд реконструкции Афганистана – 40 млн;
- Двусторонние агентства – \$31 млн;
- Европейский инвестиционный банк, который выразил готовность инвестировать \$177,56 млн в CASA-1000, из них \$88,78 млн будут выделены Кыргызстану и такая же сумма Таджикистану [13].

Азиатский банк развития отказался от участия в проекте после финансирования первоначального ТЭО в 2009 г. из-за сомнений в безопасности маршрута ЛЭП, проходящего через нестабильный Афганистан. Всемирный банк оказал поддержку в обновлении ТЭО в 2011 г. и в проведении последующих исследований с другими партнерами по развитию [14]. \$15 млн были выделены США в декабре 2013 г. для поддержки деятельности Секретариата проекта [15], а также \$7,5 млн Таджикистану [16].

На региональном уровне не все государства Центральной Азии одобряют реализацию проекта. Так, Узбекистан и Казахстан, получающие воду для по-

северных площадей, недовольны строительством ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане. Узбекистан в 2013 г. в письме к Всемирному банку выразил позицию опасения, что реализация данного проекта осложнит и без того сложные водно-энергетические проблемы в Центральной Азии [17]. Строительство Рогунской ГЭС (3600 МВт) в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС-1 (1860 МВт) в Кыргызстане Ташкент воспринимает в качестве угрозы и открыто выступает против. Накопленная вода Кыргызстана и Таджикистана в перспективе может использоваться для нужд энергетики ради обеспечения достаточного экспортного потенциала для Афганистана и Пакистана. В 2014 г. группа экспертов Всемирного банка опубликовала 12 отчетов ТЭО по Рогунской ГЭС с положительными заключениями о строительстве [18].

В апреле 2014 г. Узбекистан прекратил подачу природного газа на юг Кыргызстана со ссылкой на смену владельца Кыргызгаза, который выкупил российский Газпром. Экспертное сообщество в Кыргызстане рассматривало данный шаг в качестве инструмента давления Ташкента не только на Кыргызстан, но и на Россию по вопросам строительства ГЭС. Однако подача газа была восстановлена в декабре прошлого года после договоренности с российской стороной о транспортировке узбекского газа. Отношения между Таджикистаном и Узбекистаном тоже ухудшались вплоть до приостановки железнодорожных сообщений, прекращения подачи газа и минирования границ. Россия инвестирует в Таджикистан и Кыргызстан, прежде всего на строительство ГЭС, внушительные средства, что беспокоит западных акторов, стремящихся направить энергетические ресурсы Центральной Азии в свою сторону либо в Южную Азию. Россия заявляла о своей заинтересованности в реализации проекта CASA-1000 и готовности инвестировать в проект, что, по мнению Вашингтона, может быть в интересах самой Москвы.

Однако в контексте вышесказанного следует отметить, что все страны-экспортеры электроэнергии (Кыргызстан и Таджикистан), а также страны-импортеры (Афганистан и Пакистан) не только институционально закрепили свои позиции по реализации CASA-1000, но и получают финансовую поддержку со стороны международных финансовых институтов. В конечном итоге политическая независимость Таджикистана и Кыргызстана от соседей может быть обеспечена за счет экономической состоятельности.

Газопровод ТАРП активно поддерживается и лоббируется Вашингтоном в рамках реализации Стратегии Нового Шелкового Пути. После предложенной Ф. Старром инициативы Большой Центральной Азии в 2005 г. удивительным образом начали активно и повсеместно обсуждаться энергетические проекты CASA-1000 и ТАРП. Если вначале эти проекты обсуждались на экспертном уровне и далее на политических форумах, с последующим обсуждением на двусторонних и многосторонних встречах глав государств. Как справедливо отмечает И. Шевырев, ТАРП позволяет США решить ряд стратегических задач: «1) блокирует Иран с востока; 2) ослабляет Пакистан и закупоривает выходы Китая в Южную Азию; 3) провоцирует на территории Пакистана китайско-индийское противостояние за контроль над ресурсами региона; 4) сдерживает Евразийский регион, наметивший тренд к объединению» [19].

Рис. 2. Карта трубопровода TAPI

Предполагаемая стоимость проекта TAPI выросла с \$7,6 млрд до \$10 млрд на данный момент из-за сложности прохождения маршрута и переноса сроков строительства [20]. По данным официальных лиц Туркменистана и Пакистана, окончательное завершение работы ожидается к 2018 г. Общая протяженность газопровода составит 1735 км, из них по территории Туркменистана – 200 км, Афганистана – 735 км, Пакистана – 800 км, с прохождением участка в 735 км по беспокойным афганским провинциям Кандагар и Герат. Предполагаемая мощность газопровода составит 33 млрд кубометров природного газа в год. Из них Пакистан и Индия будут потреблять каждый день по 1,365 млрд кубометров газа и Афганистан – 0,5 млрд кубометров газа. Вашингтон заинтересован в том, чтобы Пакистан получал газ через этот трубопровод, а не через территорию Ирана.

Инициатива о строительстве газопровода стала активно обсуждаться с 2008 г., когда в Ашхабаде президент Туркменистана и Председатель Верховной Палаты Республики Индии Хамид Ансари говорили о взаимодействии в топливно-энергетическом секторе. Уже к концу апреля 2008 г. между государствами TAPI было достигнуто рамочное соглашение о строительстве газопровода. В мае этого же года при участии Азиатского банка развития прошло первое заседание технических рабочих групп проекта.

11 декабря 2010 г. в Ашхабаде состоялся саммит глав государств-участников проекта, по итогам которого были подписаны рамочное соглашение о газопровode и Межправительственное соглашение о реализации проекта TAPI.

В мае 2011 г. парламент Афганистана ратифицировал соглашение, а Туркменистан получил кредит у Банка Китая в размере \$4,1 млрд для разработки ресурсного месторождения под газопровод [19].

14 ноября 2011 г. была подписана Совместная декларация по соглашению о купле-продаже газа по проекту строительства газопровода ТАПИ между Туркменистаном и Пакистаном в Исламабаде.

В мае 2012 г. в рамках III Международного газового конгресса Туркменистаном были подписаны соглашения о купле-продаже природного газа с национальными компаниями Индии и Пакистана.

9 июля 2013 г. был подписан контракт купли-продажи газа между «Туркменгаз» и Афганской газовой корпорацией.

19 ноября 2013 г. в Ашхабаде было подписано сервисное соглашение с транзакционным советником между Государственным концерном «Туркменгаз», Афганской газовой корпорацией, корпорацией «Inter state gas systems (Private) limited» (Пакистан), компанией «Gail (India) limited» (Индия) и Азиатским банком развития по газопроводу Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия. Азиатский банк развития выступает в качестве транзакционного советника по проекту газопровода ТАПИ [21].

Туркменистан – основной экспортер газа из месторождения Галкыныш (запасы –26,2 трлн кубометров газа) – и Афганистан активно намерены начать строительство газопровода. По заявлению вице-премьера туркменского правительства по ТЭК Баймурада Ходжамухаммедова от 21 января 2015 г., «практически вся предварительная работа по проекту ТАПИ завершена – заключены контракты по купле-продаже туркменского природного газа, создан и зарегистрирован консорциум «ТАПИ Лимитед», и перед началом строительства газопровода остается только избрать компанию – лидера консорциума» [22]. По различным оценкам, именно французский «Total» станет лидером консорциума [23].

Таким образом, медленно, но верно Вашингтон достигает своей цели в реализации энергетических проектов, призванных связать Центральную и Южную Азию с помощью CASA-1000 и ТАПИ, что следует рассматривать не как угрозу для интересов России, а, наоборот, как возможность сбалансировать позиции Китая как главного потребителя энергоресурсов Центральной Азии.

Литература

1. *Akiner S.* Silk roads, Great Games and Central Asia. *Asian Affairs*. Vol. XLII, No.III, November 2011. P. 391–392.

2. *Spratlen P.* Democracy in Central Asia. Supporting Kyrgyzstan's «Island of Democracy». The Ambassadors REVIEW. Fall 2014. P. 10–13.

3. *U.S. Support for the New Silk Road* [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/>

4. *Стратегические рамки для Программы ЦАРЭС 2011-2020* [Электронный ресурс]. – Азиатский Банк Развития, 2012. – Электрон. дан. – URL: <http://www.carecprogram.org/uploads/docs/CAREC-Publications/2012/CAREC-2020-Strategic-Framework-ru.pdf>

5. *Lee L., Gill G.* India, Central Asia and Eurasian Union. A New Ballgame? *India quarterly*. 2015. 71(2). P. 117.

6. *Bills N.* Powering a New Silk Road: Helping Connect Supply with Demand in South and Central Asia [Электронный ресурс] // FronLines: Online edition. May/June 2016 / USAID : site.– Электрон. дан. – URL: <http://www.usaid.gov/news-information/frontlines/afghanistan/powering-new-silk-road-helping-connect-supply-demand-south>

7. *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. Июль–август. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/15/4506.html>
8. *Акматалиева А.М.* От идеи большой Центральной Азии до стратегии «Новый шелковый путь» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: <http://www.analiz.kg/analytics/125-ot-idei-bolshoj-czentralnoj-azii-do-strategii-lnovujj-shelkovyj-putr-%20%2811>
9. *Заключительный отчет ТЭО*, февраль 2011.
10. *Minister of Finance Signs Grants of €1.4 billion, Agreement on CASA 1000 with Pakistan and Holds High Level Bilateral Meeting with Development Partners* [Электронный ресурс] // Ministry of Finance Islamic Republic of Afghanistan : site. – Электрон. дан. – URL: <http://mof.gov.af/en/news/minister-of-finance-signs-grants-of-14-billion-agreement-on-casa-1000-with-pakistan-and-holds-high-level-bilateral-meeting-with-development-partners>
11. *Проект CASA-1000* [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: http://www.casa-1000.org/MainPages/CASAAboutr.php#Главная_цель
12. *Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000)* [Электронный ресурс] // The World Bank : site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.worldbank.org/projects/P145054?lang=en>
13. *Краткие итоги инвестиционной деятельности МБР в III квартале 2014 года* [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: [http://www.eabr.org/general/upload/MBR_3_kv_2014\[1\].pdf](http://www.eabr.org/general/upload/MBR_3_kv_2014[1].pdf)
14. *Информационный документ по проекту CASA-1000. Стадия оценки* [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: <http://www.casa-1000.org/Docs/0104/CASA-1000%20PID%20rus.pdf>
15. *U.S. Announces \$15 Million in Funding for CASA-1000 Electricity Project* [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/218629.htm>
16. *The Times of Central Asia* : site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.timesca.com/news/14960-tajikistan-us-discuss-implementation-of-casa-1000-electricity-project>
17. *Mitchel C.* An Historic, But Pointless, CASA-1000 Accord. 2014. December 4 [Электронный ресурс] // The Diplomat : site. – Электрон. дан. – URL: <http://thediplomat.com/2014/12/an-historic-but-pointless-casa-1000-accord/>
18. *Заключительные отчеты по предлагаемому Проекту Рогунской ГЭС* [Электронный ресурс] // Всемирный банк. МБРР. МАР : сайт. – Электрон. дан. – URL: <http://www.worldbank.org/ru/country/tajikistan/brief/final-reports-related-to-the-proposed-rogun-hpp>
19. *Шевырев И.* TAPI: разлучник, а не спаситель [Электронный ресурс] // Киевский ТелеграфЪ : электронная версия общественно-политического еженедельника. – Электрон. дан. – URL: <http://www.telegrafua.com/world/13055>
20. *Bhutta Z.* TAPI pipeline: Pakistan looks for conflict resolution mechanism [Электронный ресурс] // The Express Tribune : site. – Электрон. дан. – URL: <http://tribune.com.pk/story/847253/tapi-pipeline-pakistan-looks-for-conflict-resolution-mechanism/>
21. *Азиатский банк развития стал транзакционным советником проекта газопровода ТАПИ* [Электронный ресурс] // Туркменистан: золотой век : Электрон. газета. – Электрон. дан. – URL: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=5325>
22. *Туркмения* рассчитывает построить газопровод ТАПИ за 3,5-4 года [Электронный ресурс] // Нефть России : информационно-аналитический портал. – Электрон. дан. – URL: <http://www.oilru.com/news/445744/>
23. *TAPI pipeline project: France's Total likely to become consortium leader for financing* [Электронный ресурс] // Dailytimes : site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.dailytimes.com.pk/national/11-Feb-2015/tapi-pipeline-project-france-s-total-likely-to-become-consortium-leader-for-financing>

Akmatalieva Aimura M. Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan).

E-mail: Akmatalievaa06@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 12

IMPLEMENTATION OF THE ENERGY PROJECTS CASA-1000 AND TAPI WITHIN THE NEW SILK ROAD INITIATIVE OF THE US

Key words: CASA-1000, TAPI, regional electricity market, energy projects, New Silk Road.

The first stages of CASA-1000 project were discussed and even perceived as unrealizable initiatives, subsequently, we see not only the support of the international credit and financial institutions with the diplomatic and political participation of Washington's interest but also Central and South Asian state's eagerness to implement proposed projects of Washington.

References

1. Akiner, S. (2011) Silk roads, Great Games and Central Asia. *Asian Affairs*. XLII(III). pp. 391–392. DOI: 10.1080/03068374.2011.605601
2. Spratlen, P. (2014) Democracy in Central Asia. Supporting Kyrgyzstan's "Island of Democracy". *The Ambassadors REVIEW*. Fall. pp. 10–13.
3. U.S. Department of State. (n.d.) *U.S. Support for the New Silk Road*. [Online] Available from: <http://www.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/>.
4. The Asian Development Bank. (2012) *Strategicheskie ramki dlya Programmy TsARES 2011–2020* [The strategic framework for the CAREC Program 2011–2020]. [Online] Available from: <http://www.carecprogram.org/uploads/docs/CAREC-Publications/2012/CAREC-2020-Strategic-Framework-ru.pdf>.
5. Lee, L. & Gill, G. (2015) India, Central Asia and Eurasian Union. A New Ballgame? *India Quarterly*. 71(2). pp. 110–125. DOI: 10.1177/0974928414568617
6. Bills, N. (2014) *Powering a New Silk Road: Helping Connect Supply with Demand in South and Central Asia*. [Online] <http://www.usaid.gov/news-information/frontlines/afghanistan/powering-new-silk-road-helping-connect-supply-demand-south>.
7. Starr, F. (2005) Partnerstvo dlya Tsentral'noy Azii [Partnership for Central Asia]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 4. [Online] Available from: <http://www.globallaffairs.ru/numbers/15/4506.html>
8. Akmatallieva, A.M. (n.d.) *Ot idei bol'shoy Tsentral'noy Azii do strategii "Novyy shelkovyy put'"* [From the idea of Big Central Asia to the "New Silk Road" strategy]. [Online] Available from: <http://www.analiz.kg/analytics/125-ot-idei-bolshoj-czentralnoj-azii-do-strategii-lnovyj-shelkovyy-putr-%20%2811>.
9. *The Final Report TEJ*. (2011) February.
10. Ministry of Finance Islamic Republic of Afghanistan. (n.d.) *Minister of Finance Signs Grants of €1.4 billion, Agreement on CASA 1000 with Pakistan and Holds High Level Bilateral Meeting with Development Partners*. [Online] Available from: <http://mof.gov.af/en/news/minister-of-finance-signs-grants-of-14-billion-agreement-on-casa-1000-with-pakistan-and-holds-high-level-bilateral-meeting-with-development-partners>.
11. Kyrgyz Republic and Tajikistan. (n.d.) *Proekt CASA-1000* [CASA-1000 project]. [Online] Available from: http://www.casa-1000.org/MainPages/CASAAboutr.php#Glavnaya_tsel.
12. The World Bank. (n.d.) *Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000)*. [Online] Available from: <http://www.worldbank.org/projects/P145054?lang=en>.
13. Eurasian Development Bank. (n.d.) *Kratkie itogi investitsionnoy deyatelnosti MBR v III kvartale 2014 goda* [Summary of IDB investment in the 3rd quarter of 2014]. [Online] Available from: [http://www.eabr.org/general/upload/MBR_3_kv_2014\[1\].pdf](http://www.eabr.org/general/upload/MBR_3_kv_2014[1].pdf).
14. CASA-1000. (n.d.) *Informatsionnyy dokument po proektu CASA-1000. Stadiya otsenki* [Information document on the CASA-1000 project. The assessment stage]. [Online] Available from: <http://www.casa-1000.org/Docs/0104/CASA-1000%20PID%20rus.pdf>.
15. U.S. Department of State. (n.d.) *U.S. Announces \$15 Million in Funding for CASA-1000 Electricity Project*. [Online] Available from: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/218629.htm>.
16. The Times of Central Asia. (n.d.) *Tajikistan and the USA discuss the implementation of CASA-1000 electricity project*. [Online] Available from: <http://www.timesca.com/news/14960-tajikistan-us-discuss-implementation-of-casa-1000-electricity-project>.
17. Mitchel, C. (2014) *A Historic, But Pointless, CASA-1000 Accord*. 2014. December 4. [Online] Available from: <http://thediplomat.com/2014/12/an-historic-but-pointless-casa-1000-accord/>.
18. World Bank. IBRD. IDA. (n.d.) *Zaklyuchitel'nye otechety po predlagaemomu Proektu Rogunskoy GES* [The final reports on the proposed Rogun HPP]. [Online] Available from: <http://www.worldbank.org/ru/country/tajikistan/brief/final-reports-related-to-the-proposed-rogun-hpp>.

19. Shevyrev, I. (n.d.) *TAPI: razluchnik, a ne spasitel'* [TAPI: a rival, not a savior]. [Online] Available from: <http://www.telegrafua.com/world/13055>.
20. Bhutta, Z. (n.d.) *TAPI pipeline: Pakistan looks for conflict resolution mechanism*. [Online] Available from: <http://tribune.com.pk/story/847253/tapi-pipeline-pakistan-looks-for-conflict-resolution-mechanism/>.
21. TDH. (2013) *Aziatskiy bank razvitiya stal tranzaktsionnym sovetnikom proekta gazoprovoda TAPI* [The Asian Development Bank has become the transactional advisor to the TAPI gas pipeline project]. [Online] Available from: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=5325>.
22. Nurmuradov, A. (2015) *Turkmeniya rasschityvaet postroit' gazoprovod TAPI za 3,5-4 goda* [Turkmenistan is planning to build a gas pipeline TAPI for 3.5–4 per year]. [Online] Available from: <http://www.oilru.com/news/445744/>.
23. Dailytimes.com. (2015) *TAPI pipeline project: France's Total likely to become consortium leader for financing*. [Online] Available from: <http://www.dailytimes.com.pk/national/11-Feb-2015/tapi-pipeline-project-france-s-total-likely-to-become-consortium-leader-for-financing>.

УДК 327

DOI: 10.17223/1998863X/35/13

Е.В. Гребенкина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИПЛОМАТИИ В РАМКАХ СЕТЕВОЙ СТРУКТУРЫ МИРА

В настоящее время международные отношения, находящиеся под воздействием процессов глобализации, интеграции и информатизации, охватывают большинство сфер жизни общества и множество участников (акторов), между которыми существует сетевое взаимодействие. Рассматривается влияние указанных процессов на дипломатию, проявляющееся в возникновении ее новых видов, новых принципов ведения дел и изменении традиционных принципов и ценностей.

Ключевые слова: дипломатия, международные отношения, ценности и интересы, сетевое взаимодействие, внешняя политика.

К началу XXI в. международные отношения постепенно приобрели и продолжают приобретать сетевую структуру. Причина таких изменений – не только процесс глобализации, происходивший на протяжении нескольких веков, но и связанные с ним процессы интеграции и дезинтеграции. Иными словами, процесс складывания мира в единое целое строится на основе совместных или, реже, односторонних действий акторов: государств, их народов, международных организаций и других объединений, а с недавнего времени – более мелких социальных групп и индивидов. Это означает, что международные акторы становятся все более разнообразными, а международные отношения – многовекторными и многоуровневыми, т. е. охватывают самые разные уровни и направления [1. С. 99–100].

Такие отношения можно охарактеризовать как **сетевое взаимодействие** – разветвленную систему связей между акторами, в рамках которой происходят контакты, обмен (информацией и другими ресурсами), сотрудничество и конфликты.

Основной причиной возникновения сетевого взаимодействия и активизации различных форм международных контактов является процесс **информатизации**. По историческим меркам, это – относительно новый и незавершенный процесс, начавшийся с 1960-х гг. и продолжающийся до сих пор. Информатизация является одним из проявлений научно-технического прогресса, который постепенно распространяется от развитых стран к развивающимся и к странам так называемого третьего мира. Это означает, что лидерство в международном общении посредством **информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)** сохранилось за теми странами и акторами тех государств, которые прежде, исторически, имели ведущее положение на мировой арене и которые имели или имеют сейчас необходимую базу для их развития (США, Великобритания, страны ЕС, позднее – Россия и страны СНГ, Китай, Индия, страны Латинской Америки).

От степени развития подобных технологий в настоящее время зависит не только способность государств к осуществлению «жесткой силы», но

и к осуществлению так называемой «мягкой силы» (соответственно, *hard power* и *soft power* в терминологии Дж. Ная [2. С. 1–18]) – различного культурно-информационного воздействия на другие акторы с целью формирования благоприятного образа. В то же время ту или иную степень «жесткой» или «мягкой силы» (разумеется, пока не сопоставимую с мощью государств) могут нести и другие акторы международных отношений, к примеру, международные организации, фонды, группировки (к примеру, «Amnesty International», фонд Эберта, Международный Красный Крест и т.д.), различные объединения (в том числе различные сайты и группы в Интернете, например, сайт для создания петиций *change.org*), а также деятельность отдельных личностей (Э. Сноуден, Дж. Ассанж). Их влияние может быть довольно значительным в локальных масштабах, а также постепенно перемещаться на региональный и глобальный уровни. Деятельность акторов может как поддерживаться государством (например, Фонд поддержки общественной дипломатии), так и быть ограничена или запрещена (деятельность сторонников «Исламского государства», а также различных экстремистских и террористических организаций).

Тем не менее процесс информатизации сделал международное общение доступным для самых разных участников. Они могут осуществлять самые разные виды социальной коммуникации – на различных уровнях (локальном, региональном, глобальном) и с помощью различных способов связи (разных видов электронных сообщений, онлайн-конференций, звонков через Интернет и т.д. [3]). Такое развитие средств коммуникации затронуло практически все сферы жизни современного общества, включая сферу дипломатии.

В результате появились новые разновидности дипломатии: общественная (или публичная) дипломатия, региональная дипломатия (парадипломатия), электронная дипломатия (*e-diplomacy*) и «сетевая» дипломатия (дипломатия разных уровней государственных структур). Эти виды только начинают изучаться, и многие из них пока не имеют четких определений. Тем не менее стоит кратко охарактеризовать каждый из них.

Публичная (общественная) дипломатия означает продвижение интересов государства за рубежом с помощью формирования положительного образа в зарубежном общественном сознании. Методы общественной дипломатии – это различные информационные, культурные и образовательные проекты, цель которых – разъяснение определенных ценностей другим культурам и попытка привлечения симпатий к этим ценностям. Публичная дипломатия предполагает вовлечение гражданского общества в международную деятельность, прежде всего, в ходе проведения различного рода мероприятий, направленных на сближение культур и народов: выставок, форумов, саммитов и других форматов взаимодействия (например, Молодежный саммит БРИКС в 2015 г.).

Этот вид дипломатии появился, как и процесс информатизации, в середине XX в., однако публичная дипломатия получила новый импульс для своего развития именно с широким распространением информационных технологий. Как отмечает голландский ученый Я. Мелиссен, публичная дипломатия, которая является «мягкой силой» и означает «власть над мнениями», в настоящее время имеет важнейшее значение, поскольку «из-за множественных

транснациональных связей потеря «мягкой силы» может дорого обойтись «жесткой силе», т.е. потеря информационной власти может нанести ущерб и политической мощи [4. С. 3–4].

Другой вид дипломатии – **парадипломатия** – связан с участием регионов разных стран в международных организациях и других объединениях, а также с участием их в различных видах сотрудничества: приграничном, межрегиональном и трансрегиональном [5. С. 42]. Это связано, в первую очередь, с развитием интеграционных объединений, однако и здесь информационно-коммуникационные технологии играют не последнюю роль (особенно, если речь идет о связи отдаленных регионов). Регионы стран все активнее включаются в решение как своих, так и общегосударственных проблем (к примеру, в рамках Евросоюза), и их деятельность не угрожает суверенитету участвующих государств, она направлена на сотрудничество. Так, например, развиваются поворотные связи между городами – Новосибирском и Минском (Республика Беларусь), Саппоро (Республика Корея), Варной (Республика Болгария), Ошем (Киргизская Республика).

Следующий вид дипломатии – **электронная дипломатия** (e-diplomacy) – это дипломатия, ведущаяся с помощью электронных средств создания, передачи и обмена информации. Подвиды электронной дипломатии очень разнообразны и называются «твипломатия» (twiplomacy), дипломатия социальных сетей (social media diplomacy), публичная дипломатия Web 2.0 и т.д., которые некоторые исследователи предлагают обобщить термином «инновационная дипломатия» [6. С. 41]. Электронная дипломатия подразумевает, что ее участники активно используют видеоконференции и системы электронных переговоров, а также множество других электронных ресурсов и средств связи. Кроме того, существует точка зрения, что официальные аккаунты и веб-сайты дипломатических служб могут рассматриваться как представительство страны в виртуальном пространстве [3]. Так, МИД России, к примеру, имеет свой официальный сайт, аккаунты в «YouTube» и в «Twitter».

«Сетевая» дипломатия – это пока еще не устоявшийся научный термин, но существующий термин политический. В настоящее время он активно используется в российской внешней политике для обозначения нового принципа ведения дел: если раньше основные контакты велись только на высшем уровне или уровне организаций, то сейчас министерства и ведомства разных стран (уровнями ниже) могут контактировать друг с другом напрямую и по конкретным программам. К такой деятельности можно отнести работу Российско-американской двусторонней Президентской комиссии (Комиссия Медведева – Обамы) в 2009–2014 гг., в которую входила 21 рабочая группа по различным отраслям: политика, энергетика, сельское хозяйство, космос, здравоохранение, наука и культура и т.д. [7]. Деятельность Комиссии была приостановлена в 2014 г. по инициативе американской стороны.

Таким образом, дипломатия приобрела свои новые формы и особенности. Кроме того, дипломатам, как и ведущим политикам, с появлением новых реалий пришлось уточнить и отчасти пересмотреть свое видение современных международных отношений. Это отразилось и в российской Концепции внешней политики 2013 г., в которой выделяются следующие черты современного мира:

- ускорение глобализации и глобализационных процессов;
- полицентричная международная система;
- «турбулентность» глобальных и региональных политических и экономических процессов;
- усложнение международных отношений и возрастающая сложность их прогнозирования;
- смещение «мирового потенциала силы» с Запада на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион;
- глобальная нестабильность, вызванная появлением новых игроков и нежеланием старых игроков терять лидерство, а также изменением их военного соотношения сил;
- рост взаимозависимости государств и их народов;
- появление трансграничных вызовов и угроз (в частности, организованная преступность) [8].

В этих условиях внешняя политика России, согласно Концепции, руководствуется такими принципами, как прагматизм, открытость и предсказуемость, а также нацелена на укрепление отношений (двух- и многосторонних) с большинством участников.

Еще один документ стратегического планирования, который подтверждает наличие указанных выше особенностей мирового устройства, а также определяет основные вызовы и угрозы (как для страны, так и для мира в целом) – Военная доктрина Российской Федерации. Кроме того, во II разделе – «Военные опасности и военные угрозы» – подчеркивается «соперничество ценностных ориентиров и моделей развития» между странами, а также «перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения» (пункт 9) [9].

Таким образом, немаловажное значение имеют те ценности, на которые опирается внешняя политика. Безусловно, что в ее основе лежат следующие группы ценностей:

- 1) общечеловеческие;
- 2) личные (морально-этические, а также профессиональные, выраженные в уровне образования и культуры представителя);
- 3) цивилизационные (ценности той цивилизации, к которой принадлежит представляемая дипломатом страна);
- 4) государственные (ценности, выраженные в актах (доктринах, концепциях) представляемого государства, а также интересы государства);
- 5) отношение к ценностям страны пребывания, а также других стран, культур, народов;
- 6) международно-правовые и глобальные ценности (находятся в стадии формирования).

К ним следует добавить и те ценности, которые появились сравнительно недавно и связаны с международным сетевым взаимодействием и развитием международного информационного пространства. Четких определений и классификации таких ценностей пока не существует, однако их можно обозначить следующим образом:

- 1) ценность достоверной, проверенной и подтвержденной фактами информации;

- 2) ценность международного признания и международной легитимности действий сетевых акторов;
- 3) ценность открытого диалога между участниками;
- 4) ценность «прозрачности» («транспарентности») действий участников (фактически – имитация честной игры (fair play));
- 5) ценность мгновенного реагирования на события (как фактор сохранения имиджа перед другими участниками, один из показателей силы);
- 6) ценности конкретной (локальной) сети, ее цели и принципы;
- 7) общие ценности сетей (те ценности, которые могут объединять их участников и/или их деятельность, в том числе на разных уровнях).

Именно на эти ценностные моменты следует обращать внимание при анализе современных международных отношений. Тем не менее следует помнить, что ценность представляет собой некий идеальный объект из сферы Должного, она не содержит ни ситуативной оценки, ни прагматических целей, действий и способов. Ценности не выражают реакции на происходящие международные события. Тем не менее ценности указываются в различного рода доктринах и концепциях как некий идеальный ориентир. Строгая приверженность таким идеалам может негативно сказаться на внешней политике, поскольку стремление к их достижению далеко не всегда может совпадать с реальными государственными интересами. Такая политика может даже противоречить интересам, создавая риск для безопасности и снижая возможность компромиссов при переговорах.

Интерес, в свою очередь, означает, согласно теории политического реализма, такие средства и условия безопасности государства, при которых оно обладает своей свободой действий и в наименьшей степени зависит от других. Такая способность, или государственная мощь (power), снижает взаимозависимость государств на международной арене. Она также включает в себя, в отличие от ценности, реакцию на текущие международные события и изменения баланса сил.

Так или иначе, ценности и интересы являются основой как для внешней политики государства, так и для деятельности любых других акторов международных отношений. В связи с этими «фундаментальными величинами» выделяются два типа международного порядка: первый тип основан на пересекающихся интересах, второй – на общности ценностей [10. С. 15]. Однако следует заметить, что в современных международных отношениях, где практически все участники связаны сетевым взаимодействием, их ценности и интересы могут различаться и совпадать в самых разных сферах и в самых разных вариантах, поэтому возможен и третий – смешанный тип мирового порядка.

Современное сетевое взаимодействие – это множество связей, которые устанавливаются посредством сопоставления ценностей и нахождения общих «точек соприкосновения», целей и интересов. Общие интересы и цели акторов основаны на общих ценностях и иногда могут быть даже поставлены выше некоторых собственных ценностей. Однако может наблюдаться и иная ситуация, когда происходят ценностные конфликты. По мнению М. Лебедевой, ценностный конфликт не может решаться с помощью компромисса (в отличие от конфликта интересов) и по своей природе является конфликтом

с нулевой суммой, при которой выигрыш одного актора означает проигрыш другого [11. С. 53–56].

Таким образом, современная дипломатия действует в условиях сетевой структуры мира, для которой характерно множество уровней и сфер взаимодействия, а также множество самых разных участников. В результате появились и продолжают развиваться новые виды дипломатии; под воздействием процесса информатизации дипломатия меняет прежние принципы и способы ведения дел, адаптируясь к новым реалиям. Однако по-прежнему актуальной является проблема соотношения ценностей и интересов во внешней политике, которые формулируются в доктринах и концепциях, а затем применяются на практике. Международные отношения становятся все более сложными и все менее предсказуемыми, поэтому современная дипломатия должна не только отстаивать традиционные ценности и интересы государства, но и гибко реагировать на новые вызовы и угрозы. Такая тенденция преобладает сейчас и, возможно, будет преобладать в последующие десятилетия.

Литература

1. *Лавров С.В.* О предмете и методе современной дипломатии // Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 97–106.
2. *Nye Joseph S. Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
3. *Grech Olesia M.* Virtual Diplomacy. Diplomacy of the Digital Age. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – URL: <http://www.diplomacy.edu/sites/default/files/23082010104529%20Grech%20%28Library%29.pdf> (дата обращения: 17.04.2016).
4. *Melissen J.* The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 221 p.
5. *Еремина Н.В.* Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 42–51.
6. *Пантелеев Е.* Внешняя политика и инновационная дипломатия // Международная жизнь. 2012. № 12. С. 37–44.
7. *Российско-американская Президентская комиссия* [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. – Электрон. дан. – URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-sam.nsf/urbrpc!OpenView&Start=1&Count=1000&Expand=2#2> (дата обращения: 20.05.2016).
8. *Концепция* внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. – Электрон. дан. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F?OpenDocument (дата обращения: 10.01.2016).
9. *Военная доктрина* Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 25.12.2014 (N Пр-2976) [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск №6570 (298) – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 30.04.2016).
10. *Конфигурация* нового миропорядка: проекты и реальность / под ред. проф. О.И. Ивоиной. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. 292 с.
11. *Лебедева М.М.* Политическая система мира: проявления внесистемности», или Новые акторы – старые правила // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / под ред. проф. М. М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008. С. 53–66.

Grebinkina Elena V., Novosibirsk state university of economics and management (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: gr2015@ngs.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 13

TRANSFORMATION OF DIPLOMACY: INSIDE OF A NETWORK STRUCTURE OF THE WORLD

Key words: diplomacy, international relations (IR), values and interests, network interaction, foreign policy.

Nowadays international relations (IR) are still getting network structure. A network interaction means relations between the actors inside it. As a result, public, regional, “network” and e-diplomacy have appeared. Thus, contemporary diplomacy should defend traditional values and interests and also be flexible to react to new challenges and threats.

References

1. Lavrov S.V. (2011) *Mezhdru proshlym i budushchim. Rossiyskaya diplomatiya v menyayushchetsya mire* [Between the past and the future. Russian diplomacy in a changing world]. Moscow: OLMA Media Grupp. pp. 97–106.
2. Nye, J.S. Jr. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, NY: Public Affairs.
3. Grech, O.M. (n.d.) *Virtual Diplomacy. Diplomacy of the Digital Age*. [Online] Available from: <http://www.diplomacy.edu/sites/default/files/23082010104529%20Grech%20%28Library%29.pdf>. (Accessed: 17th April 2016).
4. Melissen, J. (2007) *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan.
5. Eremina, N.V. (2012) Paradiplomacy: New Voice of Regions in the Contemporary Diplomatic Concert? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 6. pp. 42–51. (In Russian).
6. Panteleev, E. (2012) Vneshnyaya politika i innovatsionnaya diplomatiya [Foreign policy and innovative diplomacy]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 12. pp. 37–44.
7. Ministry of Foreign Affairs. (n.d.a) *Rossiysko-amerikanskaya Prezidentskaya komissiya* [The Russian-American Presidential Commission]. [Online] Available from: <http://archive.mid.ru/bdcomp/ns-rsam.nsf/usrbpc!OpenView&Start=1&Count=1000&Expand=2#2>. (Accessed: 20th May 2016).
8. Ministry of Foreign Affairs. (2013) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii: Utverzhdena Prezidentom RF V.V. Putinyim 12 fevralya 2013 g.* [The concept of Russian foreign policy: Approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on February 12, 2013]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/bdcomp/Brp_4.nsf/arh/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F?OpenDocument. (Accessed: 10th January 2016).
9. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii: Utverzhdena Prezidentom RF V.V. Putinyim 25.12.2014 (N Pr-2976) [The Military Doctrine of the Russian Federation: Approved by the RF President V. Putin on December 25, 2014 (N Pr-2976)]. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>. (Accessed: 30th April 2016).
10. Ivonina, O.I. (ed.) (2015) *Konfiguratsiya novogo miroporjadka: proekty i real'nost'* [The configuration of the new world order: projects and reality]. Novosibirsk: NGUEU..
11. Lebedeva, M.M. (2008) Politicheskaya sistema mira: proyavleniya vnesistemnosti, ili novye aktory – starye pravila [The political system of the world: Non-systemic manifestations, or new actors – old rules]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *“Privatizatsiya” mirovoy politiki: lokal'nye deystviya – global'nye rezul'taty* [“Privatization” of the world politics: Local actions – global results]. Moscow: Golden Bi. pp. 53–66.

УДК 316.776.32

DOI: 10.17223/1998863X/35/14

А.В. Грицан

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В результате разработки новой редакции доктрины информационной безопасности Российской Федерации особенно актуальной становится оценка нынешнего уровня информатизации страны. Проанализированы соответствующие показатели информационного развития, отмечена глубина цифрового неравенства и причины его возникновения, выявлены слабые места ИКТ-сектора в стране и разработаны рекомендации по улучшению климата для продолжения информатизации.

Ключевые слова: *Россия, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), развитие, неравенство.*

Технологический прогресс является движущей силой экономического развития, создания рабочих мест и вовлечения граждан в процесс государственного управления. ИКТ обладают потенциалом для трансформации государств через разнообразные коммуникационные каналы, к тому же разработка и распространение технологий являются крупномасштабной индустрией, чей рост, ускоряемый расширением широкополосных сетей и цифровых приложений, положительно влияет на рост ВВП. Исследование Мирового банка, объединившее данные 120 стран с 1986 по 2011 г., продемонстрировало, что 10 % рост количества широкополосных сетей влечет увеличение ВВП в развивающихся странах на 1,35 % и на 1,19 % в развитых [1. Р. 45]. Более поздние исследования также подчеркивают связь расширения мобильных сетей и интенсивности их использования с экономическим ростом, демонстрируя, что вдвое выросшее использование мобильных широкополосных сетей приводит к 0,5 % росту ВВП на душу населения [2. Р. 7].

В 2012 г. доход от телекоммуникаций остановился на отметке в 1,88 трлн долларов, или 2,7 % мирового ВВП. Доля дохода в области телекоммуникаций в развивающихся странах выросла с 26 % в 2007 году до 32 % в 2012-м и составила 36 % от общемирового ВВП, что свидетельствует о растущей роли ИКТ-сектора в экономическом росте развивающихся стран [3. Р. 13–14].

Другие аспекты влияния ИКТ на современное общество и отдельно взятые страны можно оценить, изучив показатели сетевой готовности, собранные рядом международных организаций. Одной из наиболее всеобъемлющих оценок развития сферы ИКТ является всемирный индекс сетевой готовности [4. Р. 4]. В 2015 году он достиг среднего значения в 5,58 в развитых странах мира, за которыми следуют развивающиеся страны Европы и СНГ (4,26 и 4,04 соответственно), а замыкают список наименее развитые государства Африки (3,18) [4. Р. 8]. В 2014 году впервые все страны-члены ООН продемонстрировали свое онлайн присутствие. Но, несмотря на продолжительный прогресс в последние годы, различия между странами с высоким уровнем дохода и развивающимися странами со средним и низким уровнем дохода

остаются неизменными. В развитых странах средний показатель развития ИКТ составляет 7,20, в то время как в развивающихся это значение равно 3,84. Несмотря на равные темпы распространения технологий в развитых и развивающихся странах мира (+0,18 и +0,17), отставание сокращается медленно [3. Р. 41]. Описанные очевидные различия визуализируют проблему ограниченности доступа к ИКТ или неспособности использовать их в силу различий социальных и экономических условий в странах мира или сегментах одного общества. В научной и публицистической литературе подобные различия в доступе к ИКТ носят название цифрового неравенства или барьера, проявляющегося как различия в степени проникновения Интернета, мобильных коммуникаций и сетей, а также их привлечения на административную службу в виде инициатив электронного правительства.

Причины цифрового неравенства

Для того чтобы понять причины цифрового неравенства, необходимо проанализировать зависимость уровня развития ИКТ от различных экономических и социальных показателей. Предложенный анализ во многом опирается на исследование международной консалтинговой группы McKinsey & Company, выделившей 4 основных барьера на пути распространения ИКТ и Интернета в странах мира [5. Р. 22].

1. Инфраструктура. Исследования показывают, что 64 % населения, не подключенного к сети, живет в сельской местности [5. Р. 23]. Корреляция между числом населения урбанизированных регионов и уровнем развития ИКТ равна в среднем 0,5 [3. Р. 60].

2. Низкий уровень дохода и доступности. Хотя доходы населения в рамках всего мира растут и цены на доступ к Интернету снижаются, цена электронных услуг остается непозволительной для граждан очень бедных стран. В странах мира с самым низким уровнем проникновения Интернета 50 % населения off-line имеют низкий доход [5. Р. 23].

3. Способности пользователей. Около 28 % всех людей, не подключенных к сети, являются неграмотными [5. Р. 3]. Исследования показывают, что не имеющие доступа к сети жители Африки, Китая [5. Р. 41–42] и Индии [6] основной причиной, по которой они не пользуются Интернетом, считают именно недостаток навыков.

4. Стимулирование. В развивающихся странах ощущается нехватка цифрового контента – новостей, развлекательных материалов, сайтов электронной коммерции, – который бы отражал местную информацию и предоставлялся на местных языках.

В настоящий момент преграды из-за недоступности к контенту на родном языке остаются существенными, поскольку 56 % Интернет-контента представлено на английском языке, понятном лишь четверти всего числа пользователей [7]. В последние годы увеличилось количество языков предоставления информации на национальных порталах: в 2014 г. 74 % национальных порталов предлагали информацию на других языках кроме национального [8. Р. 132].

Разница доступа к ИКТ также связана с существующим гендерным неравенством. В большинстве стран мира (кроме Ямайки, Ирландии и Таиланда)

количество мужчин, пользующихся Интернетом, превышает количество женщин [8. Р. 137]. В развивающихся странах пользователей-женщин в среднем на 25 % меньше, чем мужчин [9. Р. 22], что во многом связано с низким уровнем образованности женщин (в сравнении с мужчинами), низким уровнем дохода, негативным социальным отношением к использованию женщинами технологий, занятостью женщин (выполняющих роль кормильца и матери) и т.д.

Указанные базовые причины цифрового разрыва являются всемирными и требуют особого внимания. В той или иной степени они существуют в каждом государстве и могут быть преодолены лишь в результате комплексного подхода к анализу показателей экономического и социального развития, а также привлечения ИКТ в максимальное количество государственных и социальных инициатив.

Развитие информационно-коммуникационных технологий в России

Как уже было отмечено выше, индустрия ИКТ является наиболее динамичной в мире и продолжает стабильно расти. С 2000 по 2008 г. ежегодный уровень роста российского ИКТ-сектора был более 20 %. Это привело к тому, что уровень развития ИКТ в России достиг того порогового значения, которое дает возможность ему оказывать влияние на экономический рост в стране. Вклад ИКТ-сектора в ВВП России в 2011, 2012 и 2013 гг. составил 5,04, 5,11 и 5,04% соответственно. Для реализации всего потенциала ИКТ Российской Федерацией была принята Стратегия развития информационного общества (2011–2020 гг.) [10]. Предпринятые в рамках данной государственной программы шаги уже показали свои плоды и значительно повысили рейтинг России в ряде международных оценок (веб-индекс, индекс развития ИКТ, индекс сетевой готовности, индекс готовности электронного правительства) (табл. 1). В мировом рейтинге стран по уровню развития и использования Интернета Россия заняла 35-е место [11]. Каждый год Россия неуклонно улучшает свои показатели, являющиеся составляющими данного рейтинга: индекс развития ИКТ (ITU) и индекс сетевой готовности (WEF), что подчеркивает тот факт, что граждане России получают все больше и больше выгод от информационной революции. При этом Россия остается одной из наиболее технологически развитых стран в своем регионе (СНГ), занимая второе место после Беларуси (42-е место и 38-е соответственно) [12. Р. 85].

Таблица 1. Рейтинг России в индексах развития информационных технологий

Показатель	Год	Рей- тинг	Исследователь
Веб-индекс	2015	35	World Wide Web Foundation
Индекс развития ИКТ	2014	42	МСЭ
Индекс сетевой готовности	2015	41	Мировой экономический форум
Индекс готовности электронного правительства	2014	27	ООН

Позитивные изменения в информационном поле РФ произошли благодаря повышению уровня цифровых навыков населения (52-е место в 2015, что

на 12 пунктов выше, чем в 2014 году) [4. Р. 24], а также увеличению количества Интернет-пользователей и экспоненциальному росту 3G-подключений. В целом ИКТ являются достаточно доступными в стране (15-е место среди стран мира) [4. Р. 10]: подключение к проводному Интернету в России является наиболее доступным в СНГ и стоит лишь 0,6 % ВВП на душу населения, что объясняется не только самым высоким показателем ВВП в регионе, но и действительно низкой ценой за услуги предоставления доступа в сеть [12. Р. 117–118].

Дешевизна доступа к сети в первую очередь влияет на рост уровня использования ИКТ как со стороны индивидуальных пользователей, так и со стороны бизнеса и правительства (39-е место в 2015 г., что на 4 пункта лучше показателя 2014 г.), что, в свою очередь, повышает уровень развития электронного правительства. Но, несмотря на доступ широких масс населения к базовым телекоммуникациям, новейшие технологии остаются малодоступными в России (108-е место среди стран мира). Показатель их распространенности в стране значительно ниже среднемирового значения [4. Р. 278].

Опираясь на общемировые показатели цифрового разрыва и его причины, следует отметить существующее гендерное и возрастное неравенство в России. Примерно 87 % россиян в возрасте 16–24 лет еженедельно используют компьютеры, тогда как для людей в возрасте 55–74 лет этот показатель равен лишь 18 % (42 % в Европе) [13]. Говоря о гендерном неравенстве, можно отметить, что 47,5 % интернет-пользователей в России являются мужчинами и лишь 38,8 % женщинами [13. С. 137]. Проводимые опросы общественного мнения указывают, что недостаточность компьютерных навыков и умения пользоваться Интернетом становится основным барьером при использовании электронных сервисов и технологий [4]. Барьером также является недостаток контента, что во многом связано со степенью распространенности в сети русского языка, доля которого составляет всего 6 % [4. Р. 131].

Анализ имеющихся статистических данных о факторах развития информационного общества и их влияния на экономическое развитие страны и развитие человеческого капитала показывает, что роль ИКТ в России с каждым годом растет. С 2008 г. разница уровней использования Интернета в России и в Европе сократилась более чем в два раза. И все же наиболее слабой составляющей электронной готовности страны является телекоммуникационная инфраструктура. В соответствии с общемировыми тенденциями в России растет количество Интернет-пользователей (53,27 %), что в первую очередь связано с высоким уровнем распространения мобильных технологий и подключений [8. Р. 226]. Рынок мобильных технологий в РФ является наиболее децентрализованным в мире, на нем действуют как национальные, так и региональные операторы связи. На 100 жителей страны приходится 182,92 мобильных подключения, в то время как количество стационарных подключений к телефонным линиям и Интернету остается низким (29, 97 и 14,43 подключений на 100 человек соответственно) [8].

В области предоставления онлайн услуг также наблюдается заметное отставание – две заключительные стадии онлайн присутствия еще недостаточно развиты в России. Возможности граждан осуществлять финансовые и не финансовые транзакции в Интернете реализованы лишь на половину (51 %).

Уровень межведомственной координации процессов и систем в Российской Федерации составляет лишь 35 %, что указывает на низкую степень внедрения ИКТ на правительственном уровне в сфере администрирования. Россия занимает лишь 47-ю позицию в рейтинге стран, привлекающих ИКТ в работу органов государственной власти [4. Р. 11]. Низкие показатели на данном завершающем этапе онлайн присутствия говорят о том, что эффективность государственного аппарата и его взаимодействия внутри структурных единиц и с гражданами является крайне низкой, что не дает правительству возможности проводить качественный мониторинг работы служб, разрабатывать и внедрять необходимые рекомендации и изменения.

В области бизнеса применение ИКТ остается также низким – Россия занимает 66-е место в рейтинге стран по использованию технологий для бизнеса. Что касается отраслей, занимающихся научными исследованиями, инновациями и разработкой цифровых технологий, то в целом для их развития необходима подходящая среда, включающая низкие затраты на ведение бизнеса (низкие налоги, дешевая инфраструктура и капитал), наличие квалифицированных кадров и стабильный рост спроса на продукцию ИКТ-сектора. На настоящий момент все эти показатели остаются довольно низкими по стране. Общая налоговая ставка в России составляет 50,7 %, включая налоги на ФОТ 36,7 % [14], что является серьезным бременем для ИКТ-фирм, особенно начинающих. К тому же в рейтинге Всемирного экономического форума Россия находится лишь на 62-м месте среди стран мира по легкости ведения бизнеса [15] и на 100-м месте по условиям политического и административного регулирования сферы ИКТ [4. Р. 11]. Законодательная база Российской Федерации, касающаяся ИКТ-сектора, также очень слабо развита и плохо контролирует/регулирует процессы создания и применения технологий, что делает работу в этой сфере крайне нестабильной, подрывая возможные бизнес-инициативы и совместные с иностранными разработчиками проекты. Слабая законодательная база становится барьером и на пути научных открытий и инноваций, поскольку в стране плохо разработана система защиты интеллектуальной собственности (106-е место среди стран мира) [4. Р. 273]. По разработке законодательной базы в области ИКТ Россия занимает лишь 80-е место с показателем ниже среднемирового [4. Р. 269].

Такая ситуация в стране значительно осложняет рост сектора информационных технологий и является серьезной преградой для развития имеющихся компаний и проектов. Сложность ведения бизнеса приводит к утечке кадров за границу, где их потенциал может найти применение и достойное вознаграждение, а также условия для развития и инноваций. Ситуация с отсутствием квалифицированных кадров и продолжающийся их отток за рубеж еще больше ухудшается на фоне общего экономического спада в России в 2014–2015 гг., международных санкций и их негативных последствий для поставщиков импортной ИКТ-продукции.

По мнению экспертов, наиболее серьезными проблемами развития ИКТ в России являются:

■ отсутствие достоверной статистической базы для определения границ отрасли и ключевых показателей, характеризующих ее размер и динамику развития;

- отсутствие скоординированных условий на федеральном, городском и отраслевом уровне по анализу проблем, выработке обоснованных рекомендаций и их внедрению;

- низкое качество ИКТ-образования и недостаток квалифицированных кадров;

- излишняя забюрократизированность процедур закупок и высокий уровень коррупции (особенно в государственных и контролируемых государством организациях);

- низкий спрос на ИКТ – отсутствие понимания того, как ИКТ улучшают бизнес и управление [16. С. 11].

Для того чтобы использовать потенциал ИКТ-отрасли и повысить указанные в статье индексы развития информационно-коммуникационных технологий, а также сократить имеющееся цифровое неравенство, необходимо обратить внимание на слабые места каждого из указанных рейтингов и принять соответствующие шаги:

1. Улучшить бизнес-климат:

- снизить налоги для ИКТ-бизнеса;

- инициировать специальные программы проектного финансирования и льготного кредитования для предпринимателей ИКТ-сектора;

- субсидировать стартапы, имеющие положительное влияние на развитие общественного сектора или таких социально важных отраслей, как здравоохранение и образование;

- сократить бюрократические процедуры.

2. Повысить уровень подготовки профессиональных кадров в области ИКТ:

- модернизировать программы обучения в вузах по подготовке ИКТ-специалистов;

- привлекать иностранных профессоров и экспертов в области цифровых технологий для обучения студентов;

- финансировать программы академической активности в области ИКТ (конкурсы, гранты, программы стажировок в отечественных и зарубежных IT-компаниях);

- повысить техническую оснащенность и подключенность к сети Интернет образовательных заведений (библиотек, школ, техникумов, вузов и т.д.);

- ввести обязательные курсы повышения компьютерной грамотности для сотрудников всех государственных предприятий;

- повысить доступность услуг дистанционного обучения.

3. Разработать систему мониторинга основных барьеров в секторе ИКТ, а также выработки рекомендаций по их устранению:

- мониторинг административных барьеров;

- мониторинг правовой сферы в области регулирования ИКТ-сектора;

- мониторинг ИКТ-рынка крупнейших городов России, а также регионов.

4. Повысить интерес бизнеса к инвестициям в образование, НИР, ОКР и коммерциализацию научных достижений.

5. Усилить механизмы защиты интеллектуальной собственности.

6. Принять активные меры по борьбе с коррупцией и повысить эффективность механизмов государственного контрактования.

7. Ввести обязательные стандарты по использованию ИКТ в органах государственной власти и отдельных отраслей:

■ создать централизованные информационные системы и базы данных для отдельных отраслей;

■ использовать электронные счета-фактуры и другие формы электронного документооборота.

8. Повысить привлекательность отечественного сектора ИКТ для иностранных инвестиций.

9. Снизить уровень киберпреступности.

10. Продвигать на общенациональном уровне инициативы электронной коммерции.

Таким образом, мы видим, что высокий уровень экономического роста России, практически стопроцентная грамотность населения и дешевизна услуг предоставления доступа в Интернет создали крепкий фундамент для строительства информационной инфраструктуры и внедрения ИКТ в различные отрасли хозяйствования. Однако по многим международным показателям развития отрасли ИКТ Россия значительно отстает, и связано это с нехваткой квалифицированных кадров и низким качеством подготовки специалистов в области ИКТ; неблагоприятным климатом для создания и развития ИКТ-бизнеса в стране; непривлекательностью ИКТ-сектора как для российских государственных и коммерческих организаций и предприятий, так и для иностранных инвесторов; высокими уровнями коррупции и забюрократизированностью государственных процедур в России и т.д. Для преодоления этих барьеров и сокращения цифрового разрыва между Российской Федерацией и развитыми экономиками мира необходимо предпринять ряд шагов по устранению отмеченных недостатков информационной отрасли, отталкиваясь при этом от актуальных показателей и индексов развития ИКТ-сектора, а также путем создания национальной системы мониторинга, сбора и обработки данных в этой области, а также разработки рекомендаций и их внедрения на общенациональном уровне.

Литература

1. *Information and Communications for Development 2009: Extending Reach and Increasing Impact* [Электронный ресурс] // The World Bank. 2009. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://siteresources.worldbank.org/EXTIC4D/Resources/IC4D_Broadband_35_50.pdf (дата обращения: 03.09.2015).

2. *What Is the Impact of Mobile Telephony on Economic Growth?* [Электронный ресурс] // GSM Association. 2012. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.gsma.com/publicpolicy/wp-content/uploads/2012/11/gsma-deloitte-impact-mobile-telephony-economic-growth.pdf> (дата обращения: 21.08.2015).

3. *Measuring the Information Society Report 2014* [Электронный ресурс] // International Telecommunication Union. 2014. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2014/MIS2014_without_Annex_4.pdf (дата обращения: 02.09.2015).

4. *The Global Information Technology Report 2015* [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 2015. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_IT_Report_2015.pdf (дата обращения: 20.08.2015).

5. *Offline and falling behind: Barriers to Internet adoption* [Электронный ресурс]. McKinsey&Company. 2014. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.mckinsey.com>

com/insights/high_tech_telecoms_internet/offline_and_falling_behind_barriers_to_internet_adoption (дата обращения: 01.09.2015).

6. *Mode of Communication: 2001-2011* [Электронный ресурс] // Census Of India: site. – Электрон. дан. – URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/hlo/Data_sheet/India/Communication.pdf (дата обращения: 21.08.2015).

7. *Language by content statistics from W3Techs* [Электронный ресурс] // Web technologies Surveys: site. – Электрон. дан. – URL: http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all (дата обращения: 25.08.2015).

8. *United Nations E-Government Survey 2014* [Электронный ресурс] // United Nations. 2014. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

9. *Women and the Web* [Электронный ресурс] // Intel. 2012. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://dalberg.com/documents/Women_Web.pdf (дата обращения: 26.08.2015).

10. *Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020 годы)* [Электронный ресурс] // Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: офиц. сайт. – Электрон. дан. – URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 03.09.2015).

11. *Web Index 2014 data* [Электронный ресурс] // Web Index: site. – Электрон. дан. – URL: <http://thewebindex.org/data/?indicator=INDEX&country=RUS> (дата обращения: 01.09.2015).

12. *Measuring the Information Society Report* [Электронный ресурс] // International Telecommunication Union: site. – Электрон. дан. – URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICTOI-2014-SUM-PDF-E.pdf (дата обращения: 02.09.2015)

13. *Россия резко сократила разрыв с Европой в области ИКТ-компетенций* [Электронный ресурс] // Pcnews: site. – Электрон. дан. – URL: <http://pcnews.ru/news/microsoft-2008-58-69-56-68-16-24-87-92-55-74-18-42-10-30-48-17-394534.html> (дата обращения: 05.09.2015).

14. *Comparative Paying Taxes report* [Электронный ресурс] // PwC network: site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.pwc.com/gx/en/services/tax/paying-taxes/comparative-modeller.html?modelData=TotalTaxRate-ru> (дата обращения: 08.09.2015).

15. *Doing Business ranking data* [Электронный ресурс] // Doingbusiness: site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 08.09.2015).

16. *Методы стимулирования территориального развития ИКТ отрасли на примере Москвы* [Электронный ресурс] // Slideshare: site. – Электрон. дан. – URL: <http://www.slideshare.net/gridnev/ss-42185667> (дата обращения: 05.09.2015).

Gritsan Anna V., V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation).

E-mail: anna.gritsan@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 14

MAIN TRENDS AND PROBLEMS OF INFORMATION DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: *Russia, information-telecommunication technologies (ICTs), development, inequality.*

Potential of information technologies is raising and its impact is becoming more evident. But differences in access and use of technologies remain significant. Russia reached very high indicators in ICTs development, but it still needs to overcome certain economic and technical barriers and narrow digital divide inside the country.

References

1. The World Bank. (2009) *Information and Communications for Development 2009: Extending Reach and Increasing Impact*. [Online] Available from: http://siteresources.worldbank.org/EXT/IC4D/Resources/IC4D_Broadband_35_50.pdf. (Accessed: 3rd September 2015).

2. GSM Association. (2012) *What Is the Impact of Mobile Telephony on Economic Growth?* [Online] Available from: <http://www.gsma.com/publicpolicy/wp-content/uploads/2012/11/gsmadeloitte-impact-mobile-telephony-economic-growth.pdf>. (Accessed: 21st August 2015).

3. International Telecommunication Union. (2014) *Measuring the Information Society Report 2014*. [Online] Available from: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2014/MIS2014_without_Annex_4.pdf. (Accessed: 2nd September 2015).

4. World Economic Forum. (2015) *The Global Information Technology Report 2015*. [Online] Available from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_IT_Report_2015.pdf. (Accessed: 20th August 2015).
5. McKinsey&Company. (2014) *Offline and falling behind: Barriers to Internet adoption*. [Online] Available from: http://www.mckinsey.com/insights/high_tech_telecoms_internet/offline_and_falling_behind_barriers_to_internet_adoption. (Accessed: 1st September 2015).
6. Census Of India. (2011) *Mode Of Communication: 2001–2011*. [Online] Available from: http://www.censusindia.gov.in/2011census/hlo/Data_sheet/India/Communication.pdf. (Accessed: 21st August 2015).
7. Web technologies Surveys. (n.d.) *Language by content statistics from W3Techs*. [Online] Available from: http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all. (Accessed: 25th August 2015).
8. UNO. (2014) *United Nations E-Government Survey 2014*. [Online] Available from: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf. (Accessed: 25th August 2015).
9. Intel. (2012) *Women and the Web*. [Online] Available from: http://dalberg.com/documents/Women_Web.pdf. (Accessed: 26th August 2015).
10. Ministry of Communications and Mass Media. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma "Informatsionnoe obshchestvo" (2011–2020 gody)* [The state program "Information Society" (2011–2020)]. [Online] Available from: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/>. (Accessed: 3rd September 2015).
11. Web Index. (2014) *Web Index 2014 data*. [Online] Available from: <http://thewebindex.org/data/?indicator=INDEX&country=RUS>. (Accessed: 1st September 2015).
12. International Telecommunication Union. (n.d.) *Measuring the Information Society Report*. [Online] Available from: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICTOI-2014-SUM-PDF-E.pdf. (Accessed: 2nd September 2015)
13. Pcnnews. (2008) *Rossiya rezko sokratila razryv s Evropoy v oblasti IKT-kompetentsiy* [Russia sharply reduced the gap with Europe in the field of ICT competencies]. [Online] Available from: <http://pcnews.ru/news/microsoft-2008-58-69-56-68-16-24-87-92-55-74-18-42-10-30-48-17-394534.html>. (Accessed: 5th September 2015).
14. PwC network. (n.d.) *Comparative Paying Taxes report*. [Online] Available from: <http://www.pwc.com/gx/en/services/tax/paying-taxes/comparative-modeller.html?modelData=TotalTaxRate-ru>. (Accessed: 8th September 2015).
15. Doingbusiness. (n.d.) *Doing Business ranking data*. [Online] Available from: <http://www.doingbusiness.org/rankings>. (Accessed: 8th September 2015).
16. Slideshare: site. (n.d.) *Metody stimulirovaniya territorial'nogo razvitiya IKT otrasli na primere Moskvy* [Methods of stimulating territorial development of the ICT sector: A case study of Moscow]. [Online] Available from: <http://www.slideshare.net/gridnev/ss-42185667>. (Accessed: 5th September 2015).

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/35/15

Е.А. Данилова

ИННОВАЦИОННЫЙ ДИСКУРС РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследуются дискурсивные рамки российского национального брендинга. Изучаются перспективы и ограничения включения инноватики в политику формирования национального бренда. Сделан вывод о необходимости использования символического культурного капитала при конструировании национального бренда через значимую ценностную идею.

Ключевые слова: национальный брендинг; инновационный дискурс; инновационное государство; государственное позиционирование

В условиях глобализации и информатизации актуализирована проблема территориального и национального брендинга. Бренд территории/государства сегодня является важным условием реализации территориально-государственного потенциала. Несмотря на то, что феномен национального брендинга имеет большую историческую ретроспективу – нации в пределах государственных границ определяли себя через символику гербов, флагов, валюты и проч., – в современных условиях нарастания глобальной конкуренции значение национального брендинга возросло. Каждое государство стремится к получению конкурентных преимуществ на глобальном мировом рынке, а необходимые для этого узнаваемость и политический вес достигаются методом политического брендинга национальной территории. По мнению Г. Никифоровой и А. Мазуренко, «фактически глобальный рынок территорий находится в стадии активного формирования и те территории, которые первыми начнут использовать философию и инструменты маркетинга и брендинга для своего позиционирования и продвижения, будут иметь конкурентные преимущества перед другими территориями, не уделяющими должного внимания развитию своей привлекательности» [1. С. 187]. Государства и нации стремятся идентифицировать себя и повысить свою конкурентоспособность в глобальном мире через поиск своих уникальных особенностей, национальной идеи, которые вызывают уважение других международных игроков. По мнению Т.Л. Нагорняк, «брендинг территории имеет нормативно-правовую основу, влияет на развитие стратегии государства, обуславливает его конкурентоспособность в мире и способен выступать индикатором политической идентичности и национального самосознания граждан». Автор фиксирует важность территориального брендинга и для внутренней, и для внешней политики государства. В конечном счете, бренд территории, являясь «высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений», по И. Важеневой, представляет собой «совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание

и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории» [3. С. 20]. Таким образом, подчеркивается потребительская стоимость территории для целевой аудитории и фиксируется взаимосвязь с сообществом, представляющим данную территорию.

Концептуально территориальный брендинг можно считать относительно новой областью научного знания. Практическое влияние на становление концепции территориального брендинга внес известный рекламист Д. Огилви, разработавший в 50-х гг. XX века рекламную стратегию коренного изменения международного имиджа Пуэрто-Рико [4] и некоторых других стран для развития въездного туризма на основании концепции бренд-имиджа, базирующегося на суперидее [5. С. 17]. Кроме того, национальный брендинг является элементом или продолжением маркетинга территорий, основоположником которого можно считать Ф. Котлера. В своем труде «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы» исследователь вместе с коллегами определяет маркетинг территории как «проектирование места, которое будет удовлетворять потребности целевых рынков» [6. С. 161], и анализирует стратегии привлечения «покупателей мест». Ф. Котлер указывает на необходимость стратегического рыночного планирования с выявлением преимуществ территории и ресурсов для реализации стратегии (фактически, маркетинговый SWOT-анализ). Имидж места Ф. Котлер оценивает как основной фактор влияния на выбор покупателей и определяет как «сумму убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места. Имидж – это упрощенное обобщение большого числа ассоциаций и кусков информации, связанных с данным местом» [6. С. 205]. Таким образом, теория маркетинга территорий разработана по аналогии с теорией продуктового маркетинга, города и страны понимаются как товары или бренды, контактирующие с ними люди или компании как покупатели, а основным фактором воздействия на целевые группы с целью увеличения «продаж» является стратегия построения эффективного имиджа места.

Национальный брендинг как отдельная область научного и прикладного знания возник в 1990-х гг. с появлением концепции брендинга территорий в современном значении, родоначальником и главным идеологом которой на сегодняшний день является С. Анхольт. По С. Анхольту, бренд – это «доброе имя чего-либо, предлагаемого публике, не больше и не меньше» [7. С. 14]. Исследователь проводит аналогию между брендами торговых марок и брендами мест и приходит к выводу, что люди, принимающие значимые политические решения, выступают как простые потребители, основываясь на своем восприятии (ощущении), и в результате брендовый имидж страны определяет перспективу развития государства в различных областях. Таким образом, бренд государства можно рассматривать по аналогии с товарным брендом и применять к его формированию, развитию и управлению аналогичные маркетинговые подходы.

В маркетинге бренд является конструктом, состоящим из идентичности, имиджа и позиции (фактически, речь идет о коммуникационной стратегии позиционирования за счет отстройки от конкурентов благодаря уникальным свойствам продукта). Категория «идентичность бренда» является наиболее

важным элементом концепции брендинга, концептуальной основой бренда. Так, по Д. Аакеру, центральным элементом в стратегическом видении бренда, является марочная идентичность, которая «намечает направление развития, характеризует цели и предназначение бренда... Идентичность бренда представляет собой уникальный набор марочных ассоциаций, который стремится создать или поддерживать разработчик бренда» [8. С. 91]. Разграничивая понятия «имидж», «идентичность» и «позиция» бренда, Д. Аакер полагает, что имидж бренда означает его восприятие сейчас, идентичность бренда – мнение разработчика о том, как он должен восприниматься, позиция бренда – часть идентичности бренда и предложения ценности, которая активно доводится до целевой аудитории средствами коммуникации [8. С. 95]. Здесь важно избежать смешения понятий идентичности и позиционирования, чтобы не произошло замещения действительной сущности бренда (идентичность) коммуникативными манипуляциями. Таким образом, идентичность бренда составляет его ключевую основу для формирования коммуникативной модели воздействия на целевую аудиторию.

В области территориального брендинга категория идентичности бренда также является базовой. Согласно концепции конкурентной идентичности С. Анхольта, страны постоянно отправляют во внешний мир некие послания о самих себе, используя шестиугольник из каналов коммуникации, реальных поступков и манеры их осуществления, что с течением времени формирует бренд страны. К вершинам такого шестиугольника С. Анхольт относит: торговые марки экспорта; внешнюю и внутреннюю политику; инвестиции и иммиграционное законодательство; культура и традиции; народ; туризм. «Страны способны в значительной степени влиять на восприятие собственного бренда, если у них есть действенная, ясная, внушающая доверие идея о некоей высшей их цели, и если послания на эту тему поступают четко и бесперебойно через некоторые или все вершины шестиугольника», – заключает С. Анхольт [7. С. 21]. В отечественной традиции территориального брендинга вопросы идентификации бренда исследуют, в частности, А. Цепелев (социально-территориальная идентичность) [9], К. Тумакова (региональная идентичность) [10], Е. Баженова (двуединство экономической и символической идентичности территории) [11].

В России процесс национального брендинга складывается во многом стихийно, без определенной системы. В последние годы в позиционировании государства особенно актуализировался инновационный дискурс. Инициатива такой актуализации исходит от российских властных структур, заинтересованных в позиционировании России как инновационного государства. Заложена формальная основа инновационной политики в виде пакета базовых документов. Заявлен целый комплекс инновационных инструментов, направленных на инновационное развитие страны. Тема инноваций регулярно подлежит обсуждению политическими акторами на всех уровнях власти и экспертным сообществом. Однако главный вопрос – может ли «инновационная Россия» быть национальным брендом и может ли стремление к обеспечению научно-технологического преимущества в инновационных отраслях экономики стать ядром идентичности российского национального бренда – остается открытым.

Концептуально гуманитарная основа инноватики является перспективной областью научного знания со сравнительно невысокой степенью разработанности [12–17]. И так же, как сущность инноватики раскрывается через социокультурный контекст развития общества и государства, формирование политики национального брендинга тесно связано с символическим кодом национальной культуры. В этом кроется главный парадокс российского национального брендинга: его инновационный дискурс концептуально должен быть вписан в архетипическую символику, иначе он будет отвергнут. Диалектика национального брендинга и культуры отражена в работах И. Василенко [18], М. Акулич [19], П. Юдина [20] и др. В связи с тем, что именно внутри символического капитала нации сохраняются и активируются через архетипы базовые культурные ценности, конструирование стратегии национального брендинга должно происходить путем оживления этих архетипов через значимую для общества идею. Основоположник теории архетипов К.-Г. Юнг полагал, что архетипы как универсальные конструкты человеческой психики, структуры, сформированные в результате накопленного человечеством опыта и предопределяющие тип восприятия, воздействуют на ощущения через неразрывно связанные между собой образ и эмоции: «Если один из этих элементов отсутствует, значит, нет и архетипа. Один только образ сам по себе это лишь слово-изображение, мало что значащее. Будучи же заряжен эмоциями, образ приобретает трепетность (или психическую энергию), динамизм, значимость» [21. С. 96]. Укорененные в массовом подсознании архетипы предопределяют, таким образом, реакцию общества на те или иные идеи или события. Применительно к области национального брендинга, конституированного общезначимой ценностной идеей, можно отметить, что в основе продвижения бренда как комплекса символических значений также лежат архетипы. В своем исследовании «Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов» М. Марк и К. Пирсон, опираясь на К.-Г. Юнга, выделяют двенадцать ведущих архетипов – «жизненных историй», с которыми резонирует наше восприятие информации [22. С. 18–20]. Полагаем, что в области российского национального брендинга среди них основополагающим является архетип Героя, преодолевающего препятствия, стойчески переживающего тяжелые времена; неслучайно именно Герою в народном эпосе чудесное оружие приносит победу, преодоление невзгод и достижение благ. В формате инновационного дискурса в концепции брендинга значимым оказывается также архетип Искателя, познающего неведомое, открывающий уникальность и перспективы развития.

Вместе с тем политическая практика показывает, что выбор инновационной парадигмы, заявленной на официальном уровне в позиционировании российской государственности и брендинга страны, не является однозначным и сложен для внедрения. В связи с тем, что «инновация не всегда является положительным явлением» [23. С. 8], в инновационном сценарии развития как для страны, так и для отдельных акторов заложены высокие финансовые и организационные риски. Низкий спрос на инновации в промышленном секторе является тормозящим фактором для инновационного развития как самих предприятий, так и государства в целом. С одной стороны, здесь необходима политика поддержки и даже принуждения к внедрению

инноваций со стороны государства. Однако большинство российских промышленных предприятий до сих пор «недоиндустриализованы» и объективно не готовы к инновационному сценарию развития. Об этом пишет, в частности, Ю.А. Красин: «Налицо парадоксальная ситуация: общество столкнулось с императивом «креативной модернизации», не решив задач модернизации более низкого порядка, так сказать – «первичной», призванной освободить социум от традиционалистских и тоталитарных наслоений, очистить от деформаций «дикого капитализма», обеспечить реиндустриализацию страны» [24. С. 71]. С другой стороны, инновация несет в себе изменения и является стрессовым фактором для стабильности любой системы, в том числе политической. Опасение элит по поводу возможной утраты статус-кво также может являться потенциальным фактором, затрудняющим внедрение инновационного сценария. По мнению А.В. Скиперских, «сложность рецепции инновации, постоянное экспериментирование с правом ... объясняются экзистенциальным страхом утрачивания властной позиции российской правящей элитой» [25. С. 169]. Аналогично, по мнению Г.И. Авциновой, Т.Б. Атаева и др., причиной затруднения модернизационных процедур является «страх элит перед потерей своих властных позиций, и, следовательно, тех материальных благ, доступ к которым открывают данные позиции» [23. С. 52]. Таким образом, в период объявленного вступления на инновационный путь развития Россия столкнулась с полной или частичной неготовностью к нему и гражданского общества, и промышленных предприятий, и вузов, и государственных структур. «Ни в элите, ни в самом обществе нет достаточно мощных креативных сил, которые были бы жизненно заинтересованы в крупных инновациях и способны стать социальной базой и действенным субъектом ИТР», – пессимистично резюмирует Ю.А. Красин [24. С. 71]. В связи с вышеозначенными обстоятельствами дискурс об инновационном сценарии развития на практике часто обладает декларативным характером, и это негативно сказывается на имидже России в стране и в мире. Россия имеет устойчивый имидж сырьевой державы, состоящий из тех клише, которые препятствуют ее восприятию как инновационного государства. Видимая «пробуксовка» модернизационного сценария, слабость многих стратегических отраслей промышленности и фактическая необходимость прохождения ими этапа индустриализации, низкий уровень жизни населения порождают недоверие к декларативным заявлениям о вступлении России на инновационный путь развития и негативное восприятие проблемы инноваций в России. Непрозрачность таких инновационных структур, как «РОСНАНО», «СКОЛКОВО» и проч. способствует дополнительному «вымыванию» смысла инновационной политики. В области риска оказывается задача формирования позитивного внутреннего и международного имиджа государства с использованием инновационной проблематики за счет обесценивания смысла самой инноватики. Частным следствием являются трудности в продвижении инновационных наукоемких российских товаров за рубеж: «Такие товары абсолютно не ассоциируются с имиджем России на глобальном рынке производителей. Даже наоборот, сложившийся имидж России мешает таким продуктам продаваться за рубежом» [1. С. 88]. Другими негативными следствиями являются ухудшение инвестиционного климата, снижение привлекательности

территории для бизнеса, квалифицированных кадров (в том числе проблема «утечки мозгов»), туристов, уменьшение политического влияния государства на международной арене и т.д. Соответственно, отказ от инновационного сценария развития и национального брендинга на его базе означал бы для России ослабление геополитических, экономических, социокультурных позиций, и это недопустимо для страны с богатым ресурсным и кадровым потенциалом в сфере наукоемких технологий.

Выход из сложившейся парадоксальной ситуации видится в адаптации декларируемого инновационного сценария к существующим социально-экономическим реалиям. В связи с этим перед экспертным политологическим сообществом стоит серьезный вызов, связанный с наполнением практическим смыслом заявленного инновационного дискурса, его дальнейшим развитием и превращением в прикладной механизм путем точечного использования инновационных инструментов в стратегических областях развития науки и технологий. Многие исследователи указывают на важность публичной дипломатии в стратегии национального брендинга и формировании международного имиджа государства [1, 26–29]. Некоторые авторы, например Питер Ван Хам, вообще отождествляет эти два понятия, полагая, что оба эти инструмента на практике направлены на управление социальной привлекательностью географического пространства с использованием социальной власти [30]. Мы полагаем, что в контексте инновационного дискурса территориального и национального брендинга значимыми акторами публичной дипломатии должны выступать субъекты-инноваторы и институционализированные инновационные структуры – технологические платформы, кластеры, университеты, предприятия, эффективно коммуницирующие между собой и претворяющие в жизнь модель брендинга через разработку и внедрение инноваций. Большая ошибка заключается в том, что инновационные процессы по большей части рассматриваются через призму технических и экономических категорий. Однако именно социокультурная среда является базой для запуска, развития или торможения инноваций и в узком (институализация процедуры внедрения новшеств), и в широком смысле (переход общества на инновационный путь развития). Формируемая стратегия национального брендинга не должна быть излишне технична и утилитарна, нельзя недооценивать ее социально-гуманитарную составляющую. И здесь необходимы политическая воля государственной элиты, профессионализм и креативная сила среды инноваторов посредством достижения синергии промышленности и университетов и квалифицированная поддержка коммуникативной модели инновационного сценария со стороны экспертов социально-гуманитарных наук.

Литература

1. Никифорова Г.Ю., Мазуренко А.В. Брендинг и публичная дипломатия как факторы устойчивого развития территории в условиях глобализации // Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 187–189.
2. Нагорняк Т.Л. Брендинг территории как вектор политики [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» [сайт]. 2013. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/4/Nagornyak_Place-Branding/ (дата обращения: 26.04.2015)
3. Важенина И.С. О сущности бренда территории // Экономика региона. 2011. № 3. С. 18–23.

4. *Ogilvy D.* Confessions of an Advertising Man. New York: Atheneum, 1963. 172 p.
5. *Огилви Д.* Огилви о рекламе. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2013. 240 с.
6. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.
7. *Анхольт С., Хильдрет Д.* Бренд Америка: мать всех брендов // Саймон Анхольт, Джереми Хильдрет. М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2010. 232 с. С. 14.
8. *Аакер Д.* Создание сильных брендов. М.: Издательский Дом Гребенникова, 2003. 440 с.
9. *Целев А.Ю.* Социально-территориальная идентификация и брендинг региона // Власть. 2013. № 6. С. 143–146.
10. *Тумакова К.* Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73.
11. *Баженова Е.Ю.* Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra economicus. 2013. Т. 11, № 3. Ч. 2. С. 120–125.
12. *Другова Е.А., Шевченко Л.В.* Социогуманитарная повестка инновационного развития (по материалам XIV Томского инновационного форума INNOVUS-2011) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 1 (17). С. 186–200.
13. *Загоскин Д.В., Ширко К.Н.* Капитализация культурного пространства регионов России: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 63–70.
14. *Аузан А.* Национальные ценности и модернизация. М.: ОГИ, Полит.ру, 2010. 192 с.
15. *Сергеев В.М.* Инновации как политическая проблема // Полития. 2008. № 1 (48). С. 114–125.
16. *Пономарева Е.Г., Никифорова А.Э.* Инновация как научная и политическая проблема // Свободная мысль. 2011. № 1 (1620). С. 29–44.
17. *Степаняц М.Т.* Социокультурные основания модернизации Индии. Полис. 2012. № 1. С. 26–42.
18. *Василенко И.* Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта // Власть. 2013. № 7. С. 24–28.
19. *Акулич М.В.* Брендинг, культура нации и ее имидж // Маркетинг в России и за рубежом. 2010. № 6. С. 110–115.
20. *Юдин П.Е.* Политика брендинга территории и культурное наследие // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 109–111.
21. *Юнг К.Г. и др.* Человек и его символы / пер. Сиренко И.Н.; Сиренко С.Н.; Сиренко Н.А. М.: Медков С.Б., «Серебряные нити», 2006. 352 с.
22. *Марк М., Пирсон К.* Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
23. *Политика.* Инновации. Технологии / Г.И. Авцинова, Т.Б. Атаев, Е.С. Ахрамеева, Л.И. Гордеев, О.Е. Гришин, Л. Донай, О.Е. Микитенко, О.А. Нестерчук, А.К. Сквоиков, А.Э. Рудакова; под общ. ред. О.Е. Гришина, Г.И. Авциновой, Л.И. Гордеева. М.: НИИ общественных и политических наук, 2014. 204 с.
24. *Красин Ю.А.* Инновационное развитие и политическая система России // Полития. 2010. № 3–4 (58–59). С. 66–74.
25. *Скунперских А.В.* Инновационный дискурс российской политики // PolitBook. 2014. № 1. С. 166–171.
26. *Василенко И.А.* Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5, № 4(24). С. 66–78.
27. *Долгинский А.В.* Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 275–280.
28. *Nye J.* Soft Power: The Means To Success In World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 208 p.
29. *Melissen J.* The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations. PALGRAVE MACMILLAN, 2005. 221 p.
30. *Peter Van Ham.* Social power in international politics. New York: Routledge, 2010. 272 p.

Danilova Elena A. Tomsk state university (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: elena.a.danilova@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 15

THE SEARCH OF RUSSIAN NATIONAL BRANDING IDEA UNDER THE LOGIC OF A MULTIPOLAR GLOBAL WORLD FORMING

Key words: national branding; brand identity; national idea; state positioning; territorial marketing; multipolar world

Abstract: During last two years there was a raw of interrelated actions in foreign policy like the Ukrainian crisis, strengthening of confrontation between Russia and the West. The tendency to the political isolation of Russia and political fragmentation of the Slavic world has actualized the importance of national branding policy for Russia as the Slavic leader. The article is devoted to an analysis of methodological fundamentals of national brand strategy forming on the identity base. National brand consists of an identity (base), an image (visual embodiment) and a position (communicative positioning model). A communicative branding model should have a basis as a central theme, which has a significant value for the citizens and for the international actors. The search and highlight of the central idea are depending on the most competitive national competences. We think that the Russian national brand identity is defined by the key idea of the strong defensible state. Defense industry traditionally is of considerable importance for Russian society as an guarantee of national safety and one of the most innovative in the Russian industry. So it can be object field for national branding strategy forming. This strategy means an effective using of innovative instruments for the scientific technological advantage reaching and obligatory communication model working-out for the support of innovations in the defense industry. As a result branding communication may become a national unity basis and an effective state positioning. It is very important in the circumstances of global geopolitical instability and armed conflicts close to the Russian Federation state boundaries. Besides an international perception of Russia as the strong state, the Slavic world leader should help a gradual harmonization of the Ukraine political crisis, a normalization of political relations between the Slavic nations and a forming of the united Slavic core at the head of Russia for the developing of the conception of multipolar world in contrast to unipolar one.

References

1. Nikiforova, G.Yu. & Mazurenko, A.V. (2013) Branding and public diplomacy as factors of sustainable development of territories in the context of globalization. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 2(46). pp. 187–189. (In Russian).
2. Nagorniyak, T.L. (2013) Place Branding as a Vector of Politics. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 4. [Online] Available from: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/4/Nagorniyak_Place-Branding/. (Accessed: 26th April 2015). (In Russian).
3. Vazhenina, I.S. (2011) On the essence of the brand of territory. *Ekonomika regiona*. 3. pp. 18–23. (In Russian).
4. Ogilvy, D. (1963) *Confessions of an Advertising Man*. New York: Atheneum.
5. Ogilvi, D. (2013) *Ogilvi o reklame* [Ogilvy on Advertising]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; Eksmo.
6. Kotler, F., Asplund, K., Rein, I., Haider, D. (2005) *Marketing mest. Privlechenie investitsiy, predpriyatiy, zhiteley i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy* [Marketing places. Attracting investments, businesses, residents and tourists in the city, municipality, region and Europe]. Translated from English. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.
7. Anholt, S. & Hildret, D. (2010) *Brend Amerika: mat' vsekh brendov* [Brand America: The Mother of all Brands]. Translated from English by A. Dadykin. Moscow: Dobraya kniga.
8. Aaker, D. (2003) *Sozdanie sil'nykh brendov* [Building Strong Brands]. Translated from English by S. Starov, D. Volkov, T. Klemina, A. Zagorskiy. Moscow: Grebennikov Publ.
9. Tsepelev, A. (2013) Sotsial'no-territorial'naya identifikatsiya i brending regiona [The socio-territorial identity and branding of the region]. *Vlast'*. 6. pp. 143–146.
10. Tumakova, K. (2010) Regional'naya identichnost' i brending kak sotsial'no-upravlencheskiy resurs [Regional identity and branding as a social and managerial resources]. *Vlast'*. 3. pp. 70–73.
11. Bazhenova, E.Yu. (2013) Brend territorii: sodержanie, modeli formirovaniya, praktika konstruirovaniya v rossiyskikh regionakh [The territory brand: content, form patterns, design practice in Russian regions]. *Terra economicus*. 11(3). pp. 120–125.

12. Drugova, E.A. & Shevchenko, L.V. (2012) Social and human science agenda of the innovation development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(17). pp. 186–200. (In Russian).
13. Zagoskin, D.V. & Shirko, K.N. (2011) The problem of cultural capital of Russian regions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1. pp. 63–70. (In Russian).
14. Auzan, A. (2010) *Natsional'nye tsennosti i modernizatsiya* [National values and modernization]. Moscow: OGI, Polit.ru.
15. Sergeev, V.M. (2008) Innovations as a political problem. *Politiya*. 1(48). pp. 114–125. (In Russian).
16. Ponomareva, E.G. & Nikiforova, A.E. (2011) Innovatsiya kak nauchnaya i politicheskaya problema [Innovation as a scientific and political problem]. *Svobodnaya mysl'*. 1(1620). pp. 29–44.
17. Stepanyants, M.T. (2012) Sociocultural bases for the modernization of India. *Polis – Political Studies*. 1. pp. 26–42. (In Russian).
18. Vasilenko, I. (2013) Imidzhevaya strategiya Rossii v kontekste mirovogo opyta [The Russian image strategy in the context of world experience]. *Vlast'*. 7. pp. 24–28.
19. Akulich, M.V. (2010) Branding, culture of the nation and its image. *Marketing v Rossii i za rubezhom – Journal of Marketing in Russia and Abroad*. 6. pp. 110–115. (In Russian).
20. Yudin, P.E. (2014) Policy of territories' branding and cultural heritage. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. pp. 109–111. (In Russian).
21. Yung, C.G. et al. (2006) *Chelovek i ego simvoly* [A man and his symbols]. Translated from German by I.N. Sirenko, S.N. Sirenko, N.A. Sirenko. Moscow: Medkov S.B., Serebryanye niti.
22. Mark, M., Pearson, K. (2005) *Geroy i buntar'*. *Sozdanie brenda s pomoshch'yu arkhетipov* [Hero and Rebel. Creating a brand with the help of archetypes]. Translated from English by I. Malkova, D. Raevskaya, A. Sukhenko. St. Petersburg: Piter.
23. Grishina, O.E., Avtsinovoy, G.I. & Gordeeva, L.I. (eds) *Politika. Innovatsii. Tekhnologii* [Policy. Innovation. Technology]. Moscow: Institute of Social and Political Sciences.
24. Krasin, Yu.A. (2010) Innovational Development and Political System of Russia. *Politiya*. 3–4(58–59). pp. 66–74. (In Russian).
25. Skiperskikh, A.V. (2014) Innovatsionnyy diskurs rossiyskoy politiki [Innovative discourse of Russian policy]. *PolitBook*. 1. pp. 166–171.
26. Vasilenko, I.A. (2012) Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo brenda [Image of Russia: The concept of nation branding]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie – Problem Analysis and Public Administration Projection*. 5(4). pp. 66–78.
27. Dolinskiy, A.V. (2011) Evolution of Public Diplomacy Theoretical Grounds. *Vestnik MGIMO-Universiteta – Vestnik of MGIMO-University*. 2(16). pp. 275–280. (In Russian).
28. Nye, J. (2004) *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. New York: Public Affairs.
29. Melissen, J. (2005) *The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations*. PALGRAVE MACMILLAN.
30. Van Ham, P. (2010) *Social power in international politics*. New York: Routledge.

УДК 321.01
10.17223/1998863X/35/16

Г.В. Довгаль

О ЗРЕЛОСТИ ВЛАСТИ И ЕЕ ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ В РОССИИ

Разрабатывается модель властной элиты и критерии ее зрелости. Автор за концептуальную основу берет учение Арнольда Тойнби о «творческом меньшинстве», его функциях, механизме действия. Через призму модели рассматриваются задачи и возможности власти в российских реалиях. Определяются главные вызовы современной России, задачи, стоящие перед современной властной элитой.

Ключевые слова: власть, политическая элита, государственное управление, ответственность власти, реформы в России.

Более двадцати лет идут реформы в новой России. Ее экономическое и социально-культурное пространство кардинально трансформировалось, изменились позиции в геополитическом мире. В постсоветской России удалось вырастить новое поколение россиян. Однако вопрос о завершении долгого пути трансформаций и обретении долгожданного рыночного «рая» и «правовой демократии» остается открытым. Сложности и барьеры трансформационного перехода в России усугубляются общемировыми вызовами рубежа XX–XXI вв. (глобализация, формирование новых мировых и региональных центров силы, технологические прорывы в мировой науке, требования к качественным изменениям в содержании технологических пакетов государственных лидеров на международной арене и т.д.). Внешнеполитическое напряжение сказывается (и прямо, и косвенно) на всей внутренней политике государства.

В переломные эпохи, в периоды экономических, политических кризисов особые требования предъявляются к качественным характеристикам властной элиты, их потенциальным возможностям нестандартно решать острые проблемы. Это обстоятельство актуализирует такие качественные характеристики власти, как творческий потенциал ее представителей и их готовность слышать и воспринимать «прорывные» идеи, рожденные вне круга власти. Бюрократизированный характер политической элиты может стать серьезным препятствием на пути государственного развития, поскольку органическая потребность подкрашивать действительность, корректировать статистику ведет к узости политического видения и неспособности решать стратегические вопросы управления.

В построении модели властной элиты и выделении критериев ее зрелости обратимся к той части цивилизационной концепции Арнольда Тойнби, которая касается учения о творческом меньшинстве и его роли в поиске Ответа цивилизованного сообщества на Вызов среды. Когда опыт предков не позволяет сообществу двигаться вперед и требуется разорвать «порочный круг, из которого нет выхода», выбор один – совершить «акт творения». Способны это совершить только особые духовно выросшие («озаренные») люди – Личности [1. С. 254–256]. Они составляют социальное меньшинство: «Акты со-

циального творчества – прерогативы либо творцов-одиночек, либо творческого меньшинства» [1. С. 259]. Именно они «распространяют индивидуальное творческое мастерство на макрокосм». Сталкиваясь с сопротивлением своих «собратьев» или их открытой враждебностью, «преображенные личности» преодолевают инертное желание сохранить макрокосм неизменным, соответствующим устоявшемуся внутреннему миру пассивного большинства, и тем самым обеспечивают «рост общества».

Тойнби разводит понятия власти (в значении политико-административной элиты) и творческого меньшинства. Так, оценивая состояние и перспективы западной цивилизации в XX в., он пишет: «Творческое меньшинство в современном западном мире находится перед опасностью регресса, а земля, преобразенная творческим актом, оказалась в руках новых сил и нового аппарата власти» [1. С. 259]. Ситуация, описанная Тойнби, означает ограниченность творческого ресурса в круге власти. Творческое меньшинство, способное определить новые «точки роста» цивилизации, может находиться вне круга власти (бизнес-сообщество, интеллектуальная элита). В таких условиях открытость власти восприятию идей извне принципиальна важна. В идеале мы наблюдаем обоюдную заинтересованность сторон: власть – творческое меньшинство – пассивное большинство. Для импульса роста важна не только сила духа творческой личности, активность продвинутого меньшинства, но и ответное движение большинства, его готовность принять обновленные ценности и нормы.

В рамках заявленной темы представляет интерес описанный А. Тойнби механизм генерации Ответа на цивилизационный Вызов. Важно, что механизм этот – творческий акт – имеет «двухтактный» ритм («Уход-и-Возврат»). Вынашивая спасительную идею, творческое меньшинство удаляется от суеты повседневности, освобождается от «пресса социальных обязательств», регламентируемых высшей социальной средой (властной элитой), и пребывает в «творческой» изоляции. Затем наступает время возврата, и творческое меньшинство отдает Идею обществу, а у цивилизации появляется реальный шанс выйти на качественно новый виток развития. Творческий акт мыслится с обязательным «Возвратом». У преобразенных временным «Отходом» личностей есть цель, которая должна быть завершена – от созерцания, осмысления вернуться к действию: «Просвещенный правитель должен усилием воли заставить себя вернуться к своим собратьям, ибо это его долг перед обществом...» [1. С. 268]. Возврат – нравственный долг, смысл и кульминация всего Акта творения.

Таким образом, вопрос о зрелости власти получает конкретное наполнение. Зрелостью может быть способность (смелость) и желание (воля) принять социальную ответственность за настоящее и будущее управляемого сообщества. Кроме того, если политическая целесообразность придает властной политике силу, то нравственное наполнение политики делает власть зрелой. Тойнби, в рамках задач своего исследования, не оценил в полной мере достоинства опоры власти на исторический опыт (обращенность к предкам, на его взгляд, тормозит восходящее движение цивилизации), однако именно исторический опыт позволяет объективно оценить текущую политическую ситуацию и в правильном направлении начать «движение» (совершить творческий

акт). Зрелость власти – это соединение трех составляющих. Во-первых, нравственный характер отношений власти и общества (общественные интересы для правящей элиты выше частных, корпоративных). Во-вторых, профессионализм кадров (владение современной методологией и методами управления). В-третьих, результативность осуществляемой политики (достижение конкретных общественных благ, их положительная оценка экспертами, в частности, и обществом, в целом).

В первые годы третьего тысячелетия российский политический процесс вступил в новую фазу развития: «эра либерализма» сменилась «консервативным периодом». Изменились «правила игры» в политическом поле, выстроилась «вертикаль власти», региональная власть теперь подконтрольна Кремлю, появились новые управленческие схемы организации власти в крупных городах и селах. Время сменило большинство действующих лиц на политической авансцене, героев-лидеров заменили менеджеры-администраторы. Менеджеры во власти – хорошие управленцы, замечательные исполнители (в центре и на местах) при условии ясно и верно сформулированных политической элитой принципов и ориентиров государственной политики.

Главные внутренние вызовы страны, которые стоят сегодня перед политико-административной элитой, это, во-первых, **экономика**: управление страной в условиях стагфляции и рецессии, обозначившихся в 2012–2013 гг., и преодоление деиндустриализации страны, продолжающейся на протяжении более чем двадцати лет. Во-вторых, **управленческие кадры**: активизация творческого потенциала политико-административной и бизнес-элиты в решении насущных проблем экономики и управления при противодействии со стороны «маркетологов во власти и бизнесе», укрепившихся в период 2000–2008 гг. В-третьих, **культурная среда** проводимых реформ: духовно-нравственный порыв конструктивной элиты должен быть глубоко понят и широко принят культурной средой, таким образом, перейти в созидательную фазу, стать коллективным опытом строительства во всех сферах общественной жизни.

Вызов первый. Кризис сырьевой, рентной модели экономики (на фоне западных экономических санкций) показал, что прочной экономической базы под оформившуюся управленческую структуру за эти годы не выстроено. Национальную экономику еще предстоит возродить, в структуре отечественной экономики развить высокотехнологический сектор (авиационную промышленность, радиотехническую, ракетно-космическую, оборонную отрасли, средства связи и т.д.). Ядро промышленного производства – машиностроение. По данным Р.С. Гринберга, России предстоит пройти большой путь по его восстановлению и укреплению (в развитых странах машиностроение в структуре промышленного производства достигает 30–50%) [2. С. 22]. Численность занятых в материальном производстве (промышленности, сельском хозяйстве) и в научной сфере за четверть века существенно сократилась и одновременно резко возросла доля занятых в торговле, финансах и управлении (в 2,4 раза) [2. С. 23]. В современных исследованиях в качестве источника экономического роста на предстоящей длинной волне Кондратьева (2018–2050 гг.) называется 6-й технологический уклад (ТУ), в основе которого лежат NBIC-технологии (N – nano-, B – био-, I – информационно-коммуникационные, C – когнитивные технологии). По утверждению

А.А. Акаева, именно процесс технологической конвергенции сопровождается мощным синергетическим эффектом в области эффективности производства [2. С. 13].

О том, что политическая элита, а вслед и за ней бюрократия слышали диагностику ситуации, данную интеллектуальной элитой (научным сообществом), говорит тот факт, что в программных заявлениях партийных лидеров, официальных документах Кремля звучит соответствующая ситуации терминология. Однако на текущий момент остается открытым вопрос о глубине и объективности понимания экономических перспектив РФ: вызывает опасение тенденция части политической элиты представлять оптимистический прогноз экономического развития России именно из-за и благодаря санкциям. Представители власти в Центре и на местах с большим убеждением утверждают: «Санкции Запада стимулируют развитие производства РФ (а также развитие собственной науки и техники)» [3]. До санкций «внутренние рынки были заполнены иностранной продукцией, и в рамках ВТО было очень сложно поддержать своего собственного производителя» [3]. О позитивном эффекте санкций говорят как о факте, само собой разумеющемся [4–8]. Между тем, по данным Минфина, в 2015 году инфляция в России – 12,2%, темпы роста экономики – со знаком минус 3,9%. В 2015 году срок внесения бюджета в Госдуму перенесен с августа на конец октября [9]. В сентябре 2015 года экс-министр финансов РФ А. Кудрин признал, что улучшение и расширение российских возможностей в условиях санкций возможно лишь в отдельных локальных сферах экономики, «для большинства сфер и инвестклимата санкции являются проблемой» [10]. «ВВП ушел вниз, его рост сдерживается санкциями и стоимостью нефти», – констатировал В. Осаковский, главный экономист Bank of America Merrill Lynch по России и СНГ [11]. Советник Президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции С. Глазьев в пику Кремлю называл действия Центробанка непрофессиональными из-за ограниченности используемого финансового инструментария, ухода ЦБР с валютного рынка, отказа от стабилизации национальной валюты. Для оживления отечественной экономики принципиально важны «поток дешевых длинных денег» и внутренние источники кредита, формируемые путем блокады «спекулятивных атак» на финансовых рынках и «налога на вывоз капитала» [12]. Однако решение подобных задач не в интересах заинтересованных лиц – «банкиры не хотят отвечать за нецелевое использование денег» [12].

Вызов второй. Говоря на языке Тойнби, в силах ли современная властная элита совершить творческий акт? Сможет ли противостоять «маркетологам во власти и бизнесе», тому креативу, что создает пространство ложных живых знаков, оторванных от реальности? Политическими симулякрами, теряя идейное содержание и связь с реальностью, могут стать «прогресс», «инновационная экономика», «богатый средний класс», «демократические выборы», «свободная пресса» и т.д. Целью маркетинговых ходов и «креатива» в политике являются индивидуальные политические дивиденды, а не социальный интерес. Поэтому принадлежность отдельных представителей властной вертикали и сопровождающего ее административного аппарата креативному классу не решает вопрос об освобождении политики от ложных смыслов и ценностей. Принципиально замечание Л.В. Пятилетовой и Е.М. Зорихиной, что не всякая

креативность есть творчество [13]. «Креативят» многие, а творят – единицы. Творить – это не значит изобретать нечто новое, принципиально иное, а создавать новое, непременно продуктивное для общества.

Идеи стратегической элиты претворяет в жизнь административная элита. Сможет ли взращенная в «сытые нулевые» бюрократическая элита начать действовать не во благо узкокорпоративных интересов, а во благо своей страны и народа? Как пример, сегодня все большую популярность в теории и практике управления набирает проектная методология. По данным ее исследователей, она демонстрирует свою эффективность в госструктурах (например, в Сингапуре, Финляндии, Канаде, Великобритании, Франции). Проектное управление минимизирует бюджетные расходы, дает экономию времени (20-50 %). Однако, по исследованию Е.Ю. Золочевской и Т.Д. Кривошеевой, административный формализм, при котором внедряются проектные новшества, инертность государственных служащих, которые воспринимают только спускаемые сверху инициативы, имеют следствием лишь видимость инноваций в управлении. Если проектная терминология широко используется органами исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях (до 70 %), то реальное использование методологических инструментов управления проектами на несколько порядков ниже (15,4 % – федеральные органы исполнительной власти, 12,5% – исполнительная власть субъектов РФ) [14]. Причина торможения – существующая организационная культура и мотивация сотрудников органов власти.

Вызов третий. К чему готова культурная среда: к самообману или к восприятию конструктивных идей? Общекультурный уровень страны есть отражение состояния системы образования и осуществляемой государством образовательной политики. Среди негативных тенденций, обнаруживаемых в разных странах (в том числе и в России), коммерциализация образования [15]. Неоднозначна оценка (специалистами, политиками) отечественного высшего образования в связи с присоединением к Болонскому процессу. С одной стороны, общее число выпускников российских вузов после 1990-х гг. выросло более чем в два раза [16]. По данным переписи 2010 г., около 31 % наших соотечественников, указавших уровень образования, имеют среднее специальное и около 23 % – высшее образование [16]. С другой стороны, актуален вопрос о качестве подготовки выпускников современных вузов и вузов, общекультурном уровне молодого электората в России. «Западными» наши российские вузы в результате Болонской реформы не стали. «Под внешним косметическим ремонтом остался знакомый нам советский вуз», – пишет Р. Вахитов [17]. Причина провала реформы – разные функции, которые выполняет высшее образование в России и на Западе. Автор вводит понятия «образовательный раздаток» и «образовательный обмен» для отражения принципиальных различий образовательных систем. Система образования в российском варианте «готовит либо кадры для госслужбы, либо специалистов в согласии с реестром должностей и специальностей, установленных государством» [17], но не занимается подготовкой людей для рыночной конкуренции. Психология выпускника российской системы образования – психология госслужащего, поскольку отличается дисциплинированностью, исполнительностью, духом корпоративности, склонностью обходить

конфликты. Российские вузы «западного типа» непременно войдут в конфликт с самим российским обществом (как это происходит с выпускниками вузов типа ВШЭ, значительная часть которых выбирают эмиграцию) [17]. Люди, погруженные в среду самообмана, демонстрируют отказ от критического анализа текущей ситуации, рационального восприятия перспектив общественного развития, государственной политики в целом.

Зрелость власти может проявляться, прежде всего, в ее осмысленном и ответственном выборе политического курса, в ясном для граждан страны ответе на вопрос «Чего хочет государство и политическая элита страны?». Переход к рынку и демократии? Восстановления статуса «сильного государства» и «сильной власти»? Проблема властной элиты видится в том, что до сих пор она не определилась концептуально с позициями «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?». Осознание политико-административной элитой основных стоящих перед современной Россией вызовов и готовность принять личную ответственность за социальные последствия политических решений, активные действия по решению реальных проблем в экономике, социальной и культурной сферах позволит России преодолеть барьеры на пути ее естественного развития.

Литература

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
2. Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития [Электронный ресурс]: Материалы Третьего Международного форума. М.: ИПР РАН, 2014. 1124 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/forum-3-2014-proc.pdf> (дата обращения: 11.10.2015).
3. Путин: Россия, без сомнения, справится с санкциями [Электронный ресурс] // РИА Новости : сетевое издание. – Электрон. дан. – URL: <http://ria.ru/economy/20150929/1289628538.html> (дата обращения: 11.10.2015).
4. Бочаров: санкции со стороны Запада дают положительный эффект [Электронный ресурс] // РИА ФедералПресс : сайт. – Электрон. дан. – URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/anonses_date/1416217957-bocharov-sanktsii-so-storonoy-zapada-dayut-polozhitelnyi-effekt (дата обращения: 11.10.2015).
5. Патриарх: санкции заставили россиян работать с полной отдачей [Электронный ресурс] // РИА Новости : сетевое издание. – Электрон. дан. – URL: <http://ria.ru/religion/20150921/1270027207.html> (дата обращения: 11.10.2015).
6. Санкции стимулируют приморский бизнес развивать собственное животноводство. Пресс-конференция директора департамента сельского хозяйства и продовольствия Приморского края Андрея Бронца [Электронный ресурс] // Некоммерческое партнерство «Современный бизнес – Приморью» : сайт. – Электрон. дан. – URL: <http://np-sbp.ru/news/drugie-novosti/sanktsii-stimuliruyut-primorskij-biznes-razvivat-sobstvennoe-zhivotnovodstvo.html> (дата обращения: 11.10.2015).
7. Сергей Сидоренко: «Ситуация с санкциями стимулирует развитие местного сельхозпроизводства» [Электронный ресурс] // Дейта : информационное агентство. – Электрон. дан. – URL: <http://deita.ru/news/economy/28.09.2014/4727846-sergey-sidorenko-situatsiya-s-sanktsiyami-stimuliruet-razvitie-mestnogo-selkhozproizvodstva/> (дата обращения: 11.10.2015).
8. Ъ: Роскосмос уверен, что санкции сыграли на руку космической отрасли [Электронный ресурс] // РИА Новости : сетевое издание. – Электрон. дан. – URL: <http://ria.ru/economy/20141111/1032693459.html> (дата обращения: 11.10.2015).
9. В Госдуму внесен проект бюджета на 2016 год [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. – Электрон. дан. – URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/1345877/?sphrase_id=1891674#photo1 (дата обращения: 25.10.2015).

10. *Кудрин*: санкции в отношении России могут сохраниться на срок до 3 лет [Электронный ресурс] // РИА Новости : сетевое издание. – Электрон. дан. – URL: <http://ria.ru/economy/20150929/1290936982.html#ixzz3oMUh9mO9> (дата обращения: 11.10.2015).
11. *Бюджет-2016*: сокращаются оборона и образование [Электронный ресурс] // Газета. Ru : сайт. – Электрон. дан. – URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/10/07/7809035.shtml> (дата обращения: 12.10.2015).
12. *Сергей Глазьев* [Электронный ресурс] // Познер Online : офиц. сайт Владимира Познера. – Электрон. дан. – URL: <http://pozneronline.ru/2015/10/12567/> (дата обращения: 12.10.2015).
13. *Пятилетова Л.В., Зорихина Е.М.* Культурологическая концепция А.Тойнби: новые грани прочтения [Электронный ресурс] // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2013. № 12. С. 86–90. – Электрон. дан. – URL: <http://elibrary.ru/download/55179574.pdf> (дата обращения: 08.10.2015).
14. *Золочевская Е.Ю., Кривошеева Т.Д.* Функциональная характеристика российской системы управления государственными проектами [Электронный ресурс] // Вопросы управления. 2014. № 6. С. 42–49. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2014/06/06/?print> (дата обращения 24.10.2015).
15. *Коннов В.И.* Развитие системы высшего образования в России и за рубежом: теоретические ориентиры [Электронный ресурс] // Право и управление. XXI век. 2013. № 1 (26). С. 28–36. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19079296> (дата обращения: 08.10.2015).
16. *Российский статистический ежегодник – 2014* [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт : банк готовых документов. – Электрон. дан. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm (дата обращения: 15.10.2015).
17. *Вахитов Р.* Болонский процесс в России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2013. № 4(55). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.stranaoz.ru/2013/4/bolonskiy-process-v-rossii> (дата обращения: 15.10.2015).

Dovgal Galina V. Far Eastern Federal University, School of Education (Ussuriisk, Russian Federation)

E-mail: dovgal.gvi@dvfu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 16

THE MAIN TASKS OF THE POLITICAL ELITE IN RUSSIA

Key words: *authority, political elite, state management, state responsibility, reforms in Russia.*

This study designs a model of the power elite and the criteria of its maturity. The author bases on Arnold Toynbee's concept of a "creative minority", its functions, the mechanism of actions. The power challenges and opportunities in Russian realities are considered through this model's prism. Main modern Russian challenges which the modern power elite faces are defined.

References

1. Toynbee, A.J. (1991) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Translated from English by E.D. Zharkov. Moscow: Progress.
2. Tsvetkov, V.A. (ed.) (2014) *Rossiya v XXI veke: global'nye vyzovy i perspektivy razvitiya* [Russia in the 21st century: Global challenges and prospects for development]. [Online] Available from: <http://www.ipr-ras.ru/articles/forum-3-2014-proc.pdf>. (Accessed: 11th October 2015).
3. RIA. (2015) *Putin: Rossiya, bez somneniya, spravitsya s sanktsiyami* [Putin: Russia, no doubt, to cope with the sanctions]. [Online] Available from: <https://ria.ru/economy/20150929/1289628538.html>. (Accessed: 11th October 2015).
4. RIA. (2014) *Bocharov: sanktsii so storony Zapada dayut polozhitel'nyy effect* [Bocharov: The West's sanctions have a positive effect]. [Online] Available from: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/anonses_date/1416217957-bocharov-sanktsii-so-storony-zapada-dayut-polozhitelnyi-effekt. (Accessed: 11th October 2015).
5. RIA. (2015) *Patriarkh: sanktsii zastavili rossiyan rabotat' s polnoy otdachey* [Patriarch: Sanctions have forced the Russians to work hard]. [Online] Available from: <http://ria.ru/religion/20150921/1270027207.html>. (Accessed: 11th October 2015).
6. Bronts, A. (n.d.) *Sanktsii stimuliruyut primorskiy biznes razvivat' sobstvennoe zhivotnovodstvo. Press-konferentsiya direktora departamenta sel'skogo khozyaystva i prodovol'stviya Primorskogo*

kraya Andreya Brontsa [Sanctions stimulate coastal business to develop their own livestock. Press conference of Director of the Department of Agriculture and Food of the Primorsky Territory Andrey Bronts]. [Online] Available from: <http://np-sbp.ru/news/drugie-novosti/sankczii-stimuliruyut-primorskij-biznes-razvivat-sobstvennoe-zhivotnovodstvo.html>. (Accessed: 11th October 2015).

7. Sidorenko, S. (2014) *Situatsiya s sanktsiyami stimuliruet razvitie mestnogo sel'khozproduktstva* [The situation of sanctions stimulates the development of local agricultural production]. [Online] Available from: <http://deita.ru/news/economy/28.09.2014/4727846-sergey-sidorenko-situatsiya-s-sanktsiyami-stimuliruet-razvitie-mestnogo-selkhozproduktstva/>. (Accessed: 11th October 2015).

8. RIA. (2014) *Roskosmos uveren, chto sanktsii sygrali na ruku kosmicheskoy otrasli* [Roscosmos is sure that sanctions have played into the hands of the space industry]. [Online] Available from: <http://ria.ru/economy/20141111/1032693459.html>. (Accessed: 11th October 2015).

9. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2015) *V Gosdumu vnesen proekt byudzhetna na 2016 god* [The draft budget for 2016 has been brought to the State Duma]. [Online] Available from: http://www.duma.gov.ru/news/273/1345877/?sphrase_id=1891674#photo1. (Accessed: 25th October 2015).

10. Kudrin, A. (n.d.) *Sanktsii v otnoshenii Rossii mogut sokhranit'sya na srok do 3 let* [Sanctions against Russia may persist for up to 3 years]. [Online] Available from: <http://ria.ru/economy/20150929/1290936982.html#ixzz3oMUh9mO9>. (Accessed: 11th October 2015).

11. Kalachikhina, Yu., Orlov, A. & Falyakhov, R. (2015) *Byudzhet-2016: sokrashchayutsya oborona i obrazovanie* [Budget 2016: cut on defense and education]. [Online] Available from: <http://www.gazeta.ru/business/2015/10/07/7809035.shtml>. (Accessed: 12th October 2015).

12. Pozner Online. (n.d.) *Sergey Glaziev* [Sergei Glazyev]. [Online] Available from: <http://pozneronline.ru/2015/10/12567/>. (Accessed: 12th October 2015).

13. Pyatiletova, L.V. & Zorikhina, E.M. (2013) *Kulturologicheskaya kontseptsiya A.Toynbi: novye grani prochteniya* [The cultural concept of Toynbee: New facets of reading]. *Kontsept.* 12. pp. 86–90. [Online] Available from: <http://elibrary.ru/download/55179574.pdf>. (Accessed: 8th October 2015).

14. Zolochevskaya, E.Yu. & Krivosheeva, T.D. (2014) Functional characteristics of the Russian managerial system of public projects. *Voprosy upravleniya – Management Issues.* 6. pp. 42–49. (In Russian). [Online] Available from: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2014/06/06/>. (Accessed: 24th October 2015).

15. Konnov, V.I. (2013) *Razvitie sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii i za rubezhom: teoreticheskie orientiry* [The development of higher education in Russia and abroad: Theoretical guidelines]. *Pravo i upravlenie. XXI vek.* 1(26). pp. 28–36. [Online] Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19079296>. (Accessed: 10th August 2015).

16. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2014* [Russian Statistical Yearbook – 2014]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm. (Accessed: 15th October 2015).

17. Vakhitov, R. (2013) *Bolonskiy protsess v Rossii* [Bologna process in Russia]. *Otechestvennyye zapiski.* 4(55). [Online] Available from: <http://www.stranaoz.ru/2013/4/bolonskiy-process-v-rossii>. (Accessed: 15th October 2015).

УДК 327

DOI: 10.17223/1998863X/35/17

Д.А. Звягина

РАСТА SUNT SERVANDA, ИЛИ О ДОВЕРИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Предметом исследования является проблема доверия в отношениях Востока и Запада, которую автор связывает с категоризацией «свой – чужой» в цивилизационном аспекте темы. Автор подробно анализирует феномен доверия, его принципы и отличительные признаки. Новизна исследования заключается в подходе к пониманию напряженности между цивилизациями Востока и Запада через проблему возможности доверительных отношений между ними.

Ключевые слова: доверие, Восток и Запад, «свой – чужой».

Специфика взаимоотношений Востока и Запада издавна занимала умы исследователей. Разнообразные культурно-цивилизационные подходы объясняли сложности в коммуникации восточных и западных обществ культурными, лингвистическими и религиозными особенностями. Сегодня же под влиянием глобализации границы цивилизаций свое значение потеряли, а проблемы в отношениях не исчезли. В данной статье мы попытаемся выяснить, почему конфликтность и неприятие все еще присутствуют в отношениях Востока и Запада, и ключом к этому вопросу станет мера доверия между ними.

Однако прежде чем начать наше рассмотрение природы доверия в международных отношениях, необходимо определить, что будет пониматься под понятиями «Восток» и «Запад». Географическому принципу будет предпочтен принцип политико-культурологический. Мы проведем демаркационную линию Востока и Запада по культурным, в частности ценностным, основаниям. Поскольку сегодня приверженность страны «Х» восточной или западной модели развития определяется не ее местонахождением на карте мира, но политическим и культурным выбором. Страны Запада объединяет общая система ценностей и мировоззрений, сложившаяся под влиянием постиндустриализма в экономике и постэкзистенциализма в философии. Страны Востока отличают две черты: традиционализм в ценностях и приверженность «не-западному» пути развития. Так, в рамках заданной логики страну, находящуюся на западе, но не принимающую западных ценностей, будем причислять к странам Востока, и наоборот, страну, принявшую западный модус поведения, но находящуюся на востоке, будем считать западной. Конечно, это деление весьма условно, но мы примем его *ad hoc* в данном исследовании, чтобы понять суть напряженности в современных международных отношениях.

Итак, что же такое доверие? Кому и зачем оно нужно? В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона мы читаем: «Психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным» [1. С. 842].

Если доверие – это психологическое состояние, то оно по природе своей должно быть нестабильным, переменчивым и вызываемым некими факторами. На лингвистическом уровне самыми близкими к нему понятиями являются вера и уверенность. Однако доверие не тождественно вере и противоположно уверенности. Вера относится к тому, что далеко за пределами фактов и логики. Доверие касается мира вещей и связанных с ними решений. Уверенность берет свое начало в осознании собственной силы и правоты, доверие, напротив, – в признании своей неспособности принять правильное решение по какому-либо вопросу.

Почему мы доверяем кому-либо? Польский исследователь П. Штомпка говорит о двух основаниях: рациональном и эмоционально-социальном. Рациональное основание – это холодный расчет. Прежде чем довериться кому-либо, мы проверяем его: анализируем поступки, последствия решений, справляемся у третьих лиц, просим предоставить рекомендации (в частности, символические: дипломы, звания и т.д.). Не остаются без нашего внимания и его внешней вид, манеры, мнение по важным для нас вопросам, заинтересованность в нашем доверии. В результате такой проверки мы получаем более или менее объективное суждение об этом человеке. Такой подход часто применяется при найме сотрудников и редко в обыденной жизни. Электорат (или каждый его представитель) не проверяет кандидата так дотошно. Здесь работает второе основание.

Под эмоционально-социальным основанием будем понимать то культурное давление, которое оказывается на человека, чтобы он доверился тому, кто, по мнению общества, доверия достоин. В обществе формируется некий «климат доверия» [2. С. 10], который возникает при выполнении пяти условий: четкость и непротиворечивость правил игры (ясность законов, социальных ролей и т.д.), уверенность в их повсеместном соблюдении, стабильность социальных структур, их прозрачность, атмосфера уюта в обществе.

О проблеме доверия на глобальном уровне написано немало. Рассматривая англо-американскую политологическую традицию [3. С. 249], стоит отметить, что исследователи выделяют ряд элементов, присущих доверию как таковому. Во-первых, доверие основано на готовности делегировать кому-либо часть своих прав и свобод и уверенности, что это не будет использовано во зло [4. С. 134]. Во-вторых, доверие может иметь разную степень интенсивности, которая зависит от того, насколько контрагенты считаются надежными. При этом каждое доверие имеет свои границы, хотя и не всегда самоочевидные (Ф. Фукуяма, Р. Хардин). В-третьих, доверие зависит от контекста, в котором разворачивается действие [5. С. 680].

Отечественный исследователь А.К. Ларина пишет о пяти уровнях доверия [6. С. 133–135]: индивидуальный или персонифицированный (доверие к конкретным, знакомым людям), категориальный (доверие по какому-либо признаку: пол, возраст, национальность), социальный (доверие к социальной роли), институциональный (к институтам или организациям), макроуровень (доверие на уровне миропорядка).

Со времен первых государств основой доверия был принцип «договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servanda*). Сегодня этот принцип не потерял своей актуальности. Так, американский исследователь Д. Ларсон [7. С. 708]

подчеркивает, что именно соблюдение государствами договоренностей, закрепленных в международных нормативных актах, является показателем межгосударственного доверия.

Проблема исполнения государствами обязательств от договоров сокращения наступательного вооружения (СНВ), нераспространения запрещенных видов оружия до «Минских соглашений» в современном мире вышла на первый план.

Уровень доверия в современном мире стремительно падает. Доверия ко всему и всем: политикам, СМИ, государству, международным организациям и т.д. Существует две основные модели «утраты доверия»: на основании презумпции невиновности (пока не обманешь – ты считаешься честным человеком) и презумпции виновности (пока не докажешь, что ты честный человек – ты лжец). Первая модель присуща таким странам, как Германия, Япония, США, Норвегия, – странам с высоким уровнем доверия в обществе. Вторая модель господствует в странах с низким уровнем доверия: Россия, Польша, Франция, Италия, Бразилия.

Рассуждая о способах преодоления этой ситуации, исследователь Г. Келман [8. С. 645] определил четыре способа увеличения доверия между странами. Во-первых, поступательное движение к мирному сосуществованию, основанное на постепенном увеличении взятых на себя обязательств государствами. Во-вторых, роль третьей стороны – арбитра. В-третьих, «рабочее доверие», покоящееся на понимании обоюдной заинтересованности. В-четвертых, процесс систематических заверений.

Другой важной проблемой является определение меры доверия между странами, т.е., в какой момент страна «Х» перестает доверять странам «Y»? А. Хоффман [9. С. 385] определил три критерия, по которым можно определить степень доверия в межгосударственных отношениях. Первый критерий показывает связь политического выбора лидеров с пониманием надежности их визави. Здесь речь идет об анализе мотивов лидеров в процессе принятия решения. Второй критерий – виды механизмов мониторинга действий, совершаемых на основании делегирования части суверенитета государства. Третий критерий – ограничения, зафиксированные в соглашениях и договорах.

П. Штомпка предлагает другой подход к верификации надежности объекта доверия, основанный на трех факторах. Первый фактор – репутация, которая складывается исходя из опыта как нашего, так и третьих лиц, на чье мнение мы полагаемся. От целостности и последовательности прошлых поступков зависит, насколько поведение контрагента предсказуемо. Второй – исполнение, т.е. исполняются ли договоренности. Недостаток этого фактора в его сиюминутности, так как оцениваются текущие события, что сопряжено с риском. Третий – презентация, основан на внешних качествах объекта доверия, и наиболее эмоционально детерминированный из всех: «то, что выглядит надежным, заслуживает доверия».

Продолжая тему определения меры доверия, перейдем к проблеме «свое – чужое» в международных отношениях. Бинарная связка «свое-чужое» важна для понимания феномена доверия. Человек испокон веков категоризирует мир по этому принципу. Категоризация происходит одновременно на двух уровнях: с позиции «Я» (основываясь на личностно-

ценностных смыслах) и с позиции «Мы» (социальное прочтение). Именно статусно-ролевое «Мы» выступает в политическом дискурсе тем, что делит мир на «свое» и «чужое». Причем объектами деления становятся политические партии, нации и целые страны.

Можно утверждать, что на уровне семантики связка «свое – чужое» в политическом дискурсе, так же важна, как «доброе и злое» в этике и «прекрасное и безобразное» в эстетике. Это тот базис категоризации, на котором все держится. Общества (как отдельные страны, так и военно-политические союзы) консолидируются по принципу «мы и они», а также по более радикальной его модификации «друг – враг».

«Свое – чужое» выступает и базисом для манипулятивных и суггестивных проектов. Вспомнить хотя бы пропаганду Третьего рейха, в которой упор делался на общности («наш», «народный», «немецкий»), противостоящей всему остальному миру [10. С. 105].

Стоит отметить, что категоризация «своего» и «чужого» не означает деление мира на черное и белое, поскольку далеко не так проста. Во-первых, каждая из категорий имеет структуру «центр – периферия», что говорит о разной степени «чуждости» или «свойности» каждого понятия или феномена в этой структуре. «В зависимости от характера противопоставления сфера «чужое» может быть разделена на территориальный, социальный, этнический, конфессиональный и другие сегменты, которые, в свою очередь, занимают различные позиции внутри одного компонента и отличаются внутренней структурированностью» [11. С. 50].

Итак, вернемся к дихотомии Востока и Запада. Можно охарактеризовать их отношения как доверие к «чужому». В силу неизбежности экономических контактов восточные и западные страны были вынуждены доверять друг другу. Но доверие это было неполным и своеобразным.

Самым удачным образом для иллюстрации доверия Востока и Запада, на наш взгляд, является игра. Американский социолог Г. Гарфинкель [12. С. 31] рассматривает феномен доверия через теорию игр и определяет его как реакцию одного игрока на действия другого: если правила соблюдаются – возникает доверие, если же нарушаются – недоверие. Рассмотрение доверия через игру, на первый взгляд, может показаться странным: сама суть игры в том, чтобы выиграть любой ценой. Однако автор указывает на то, что игра должна оставаться честным состязанием, в противном случае – это мошенничество, приводящее к «дисквалификации» нарушителя. Если обращаться к примерам игры в международных отношениях, то стоит вспомнить Большую игру (Big Game), борьбу России и Великобритании за доминирование в Центральной и Восточной Азии.

Взаимная «чуждость» Востока и Запада определяла их представление друг о друге. Так, исследователь В.Г. Лысенко [13. С. 99], описывая, как в разных видах сознания определяется категория «чужого», отмечает, что модель детского состояния видит в «чужом» нечто детское, наивное, неразвитое.

Это объяснение подходит ситуации Восток – Запад, в которой восточные страны традиционно наделены детскостью. Вспомним слова Г. Гегеля о том, что «Восток и Запад присущи каждой вещи» [14. Т. 2. С. 554], т.е. детская наивность и неразвитость, и взрослость и умудренность. В свою очередь,

Восток связывал неразвитость Запада с категорией «варварства», отсталости в большей степени духовной, чем экономической.

Применительно к нашей теме интересной является еще одна модель – гетеротопическая модель, «основанная на понимании ‘чужого’ прежде всего как другого топоса, под которым понимается то, где находится агент или предмет, где он “имеет место”» [15. С. 123]. При этом «наше» пространство воспринимается доступным и безопасным, а «их» пространство – враждебным и далеким.

Таким образом, рассмотрев проблему доверия во взаимоотношениях Востока и Запада, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, в современном мире бинарная связка «свой – чужой» остается актуальной и применительно проблеме Востока и Запада является ключевой, так как именно прочтение контрагента в категориях «мы» или «они» является залогом доверия к нему. Во-вторых, как было описано выше, доверие есть делегирование части своих прав и свобод и уверенность, что это не будет использовано во зло. Эта уверенность может возникнуть только при условии полной предсказуемости контрагента. Но Восток и Запад слишком разные и не понимают глубинных мотивов друг друга, отсюда недоверие. В-третьих, мера доверия между субъектами определяется их репутацией, происходящей из опыта. В истории же отношений Восток и Запад часто демонстрировали не совсем «честную игру», что повлияло на формирование стереотипов.

В заключение стоит отметить, что в современных отношениях налицо парадокс. С одной стороны, мера доверия стран друг другу уменьшается с каждым днем. И это заметнее всего во взаимоотношениях стран Востока и Запада, где власть принципа *pacta sunt servanda* слабеет. С другой стороны, сегодня как никогда раньше необходима консолидация мирового сообщества перед лицом новых вызовов и угроз, которой можно добиться только при взаимном доверии.

Литература

1. *Доверие* // Энциклопедический словарь / Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. – СПб., 1893. Т. Ха (20). С. 842–843.
2. *Штомпка П.* Доверие в эпоху глобализации // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 8–15.
3. *Неупокоева Е.Ю.* Англо-американская политология о проблеме доверия в межгосударственных отношениях // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 248–257.
4. *Snijders Ch.* Trust and Commitments. Amsterdam: Thesis Publishers, 1996. 257 p.
5. *Glozman E., Barak-Corren N., Yaniv I.* False Negotiations: The Art and Science of Not Reaching an Agreement // Journal of Conflict Resolution. 2015. Vol. 59. P. 671–697.
6. *Ларина А.К.* Доверие к СМИ // Система ценностей современного общества. 2008. № 2. С. 132–136.
7. *Larson D.* Trust and Missed Opportunities in International Relations // Political Psychology. 1997. Vol. 18, №3. P. 701–734.
8. *Kelman H.C.* Building trust among enemies: The central challenge for international conflict resolution // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. Issue 6. P. 639–650.
9. *Hoffman A.M.* A Conceptualization of Trust in International Relations // European Journal of International Relations. 2002. Vol. 8, № 3. P. 375–401.
10. *Клемперер В.* ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.
11. *Кишина Е.В.* Смысловая модель категории «свое – чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1. С. 47–52.

12. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 1. С. 10–51.
13. Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. М.: Наука, 2010. С. 90–102.
14. Гегель Г.В.Ф. Афоризмы. Йенский период // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 530–562.
15. Казакова Е.А. Теоретические подходы рассмотрения дуальности «свое – чужое» // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2014. № 11 (340). С. 120–125.

Zvyagina Daria A. Institute of actual international problems (Moscow, Russian Federation)

E-mail: d.zvyagina89@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 17

PACTA SUNT SERVANDA OR TRUST IN THE INTERNATIONAL RELATIONS

Key words: Trust, the East and the West, "friend-or-foe".

The subject of research is the problem of trust in the relations between East and West, which the author associates with the categorization of "friend or foe" in the aspect of civilizational themes. The author analyzes in detail the phenomenon of trust, its principles and distinctive features. The novelty of the research lies in the approach to understanding the tension between the civilizations of East and West through the problem of the possibility of a trusting relationship between them.

References

1. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1893) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [The Encyclopedic Dictionary]. Vol. 10a. St. Petersburg: Brokgauz & Efron. pp. 842–843.
2. Sztompka, P. (2006) *Doverie v epokhu globalizatsii* [Trust in the era of globalization]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 4. pp. 8–15.
3. Neupokoeva, E.Yu. (2010) Anglo-American political science about a trust problem in interstate relations. *Vestnik MGIMO Universiteta – Vestnik of MGIMO-University*. 6. pp. 248–257. (In Russian).
4. Snijders, Ch. (1996) *Trust and Commitments*. Amsterdam: Thesis Publishers.
5. Glozman, E., Barak-Corren, N. & Yaniv, I. (2015) False Negotiations: The Art and Science of Not Reaching an Agreement. *Journal of Conflict Resolution*. 59. pp. 671–697. DOI: 10.1177/0022002713520480
6. Larina, A.K. (2008) *Doverie k SMI* [Trust in the media]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 2. pp. 132–136.
7. Larson, D. (1997) Trust and Missed Opportunities in International Relations. *Political Psychology*. 18(3). pp. 701–734. DOI: 10.1111/0162-895X.00075
8. Kelman, H.C. (2005) Building trust among enemies: The central challenge for international conflict resolution. *International Journal of Intercultural Relations*. 29(6). pp. 639–650. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.011
9. Hoffman, A.M. (2002) A Conceptualization of Trust in International Relations. *European Journal of International Relations*. 8(3). pp. 375–401. DOI: 10.1177/1354066102008003003
10. Klemperer, V. (1998) *LTI. Yazyk Tre't'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa* [LTI. The Language of the Third Reich. A Notebook of a Philologist]. Translated from German by A.B. Grigorieva. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Kishina, E.V. (2009) Smyslovaya model' kategorii "svoe – chuzhoe" na urovne politicheskogo diskursa [The semantic model "ours-theirs" at the level of political discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 47–52.
12. Garfinkel, G. (2009) Kontseptsiya i eksperimental'nye issledovaniya "doveriya" kak usloviya stabil'nykh soglasovannykh deystviy [The concept and experimental studies of "trust" as a condition for the stable concerted action]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 8(1). pp. 10–51.

13. Lysenko, V.G. (2010) *Poznanie chuzhogo kak sposob samopoznaniya (popytka ksenologii)* [Knowledge of others as a way of self-knowledge (an attempt of xenology)]. In: Guseynov, A.A., Smirnov, A.V. & Nikolaichev, B.O. (eds) *Rossiia v dialoge kul'tur* [Russia in the dialogue of cultures]. Moscow: Nauka. pp. 90–102.
14. Hegel, G.W.F. (1971) *Raboty raznykh let: v 2 t.* [Various Works. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 530–562.
15. Kazakova, E.A. (2014) *Teoreticheskie podkhody rassmotreniya dual'nosti "svoe – chuzhoe"* [Theoretical approaches to the duality "ours-theirs"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. 11(340). pp. 120–125.

УДК 316.61:32; 316.7:32
DOI: 10.17223/1998863X/35/18

И.В. Кирдяшкин, В.Г. Скочилова

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ⁴

Культурно-символический контекст политической социализации выступает как среда, структурирующая восприятие политического мира и опосредующая представления о характере властных отношений. В статье представлены исследования структурных особенностей политической ментальности студенческой молодежи и ее релевантности современному культурно-символическому контексту политической социализации, в том числе его региональному измерению.

Ключевые слова: *политическая социализация, культурно-символический контекст, политическая ментальность, молодежь.*

Политическая социализация содержит в себе процесс продуцирования политического мира, адаптируя его к современности. Средством для этого процесса служит сознание, которое совершает отбор. Воспринимать сознанием, считал А. Бергсон, значит выбирать, работа сознания состоит в этом различении [1. С. 187]. При этом сознание, организующее действие, всегда обременено «скрытыми» феноменами, которые определяют данный выбор. У М. Ришира опыт субъекта, мир его эмоций, аффектов составляют пространство проявления фантазии как «тектонической» основы конституирования разных форм организации феноменального мира [2. С. 222–223]. Сознание, организуя мир феноменов, включает в себя содержание среды собственного существования. Как считают исследователи, живое и его окружающая среда совместно и взаимно конституируют друг друга [3. С. 41]. Человеческое Я и его опыт находятся в постоянном «взаимопроникновении» с пространством исторического бытия, продуктами своего творчества, природным миром.

Средством выражения этого «взаимопроникновения» выступает в том числе имеющий свою историю и смыслополагание символизм культуры. Он несет в себе значение коммуникативного средства, опосредующего представления о характере властных отношений и политическом мире. При этом культура составляет проявление деятельностного начала человека, «сопротивляющегося» энтропии в организации своей жизнедеятельности. Культура, считает Э. Мадзарелла, представляет своеобразную «узду» для энтропии, присущей антропогенезу как части эволюции разных форм жизни, в которой происходит «естественный отбор» [4. С. 62–63]. Культура выступает средством конструирования политического мира и властных отношений с целью вписывания их в трансформирующийся контекст социальных отношений, личного мира человека, природной эволюции. Культурно-деятель-

⁴ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-70001.

ностное направление психологического подхода в исследованиях политической социализации определяет то, что культура предстает как ведущая линия социализации, формирующая сознание и самосознание человека, его личностную активность [5. С. 42–43].

Культура, подразумевая в себе способность отличения «своего от чужого», «плохого от хорошего», прекрасного от безобразного, формирует отношение к политическому миру, внося априорное знание о нем как наборе архетипов, схем мышления, ценностей. Продуцирование политического мира через культуру сопряжено с реконструкцией культурной традиции, воспроизводящей основы политического порядка, и с развитием инновационного потенциала культуры, делающим политику способом формирования новых состояний социума, норм социальных коммуникаций.

В условиях социальной аномии и роста стилей жизни, с одной стороны, границы между традицией и новацией, различиями в культуре становятся неустойчивыми, подверженными смешению, мерцанию, стиранию. С другой стороны, появляются новые синтезы, иницирующие новые линии разграничения «своего и чужого», «хорошего и плохого» в образцах политической социализации. Например, возникает феномен «изобретенной» традиции. Э. Хобсбаум, описывая феномен «изобретения традиции», определяет его как совокупность общественных практик ритуального или символического характера, целью которых является преемственность во времени [6. С. 48].

Как отмечает А.И. Щербинин, культура в политической социализации нацелена на репродукцию стереотипов восприятия политического мира. Вместе с тем такие формы воздействия культуры, как образование, в частности политическое, могут содержать в себе элемент инновационного прорыва, формировать навыки критического восприятия политического мира [7. С. 172–173]. Эти навыки дают возможность переосмысления, совершенствования политических механизмов как ресурсов адаптации социума к турбуленциям современности. Культура в форме образовательных практик и стратегий может иметь большое значение в политической социализации молодежи, ее нацеленности на адаптацию политического мира. Направленность содержания практик и технологий культурно-образовательных процессов представляет важную составляющую управления конструированием человеком политического мира в политической социализации.

Культурно-символическая политика открывает возможности конструирования политического мира в расширяющемся информационном пространстве, составляя ведущий ресурс «смысловых противостояний» в глобальной политике. Он формируется, прежде всего, гуманитарным компонентом образовательного комплекса страны. В этом отношении растет значение тех регионов, которые имеют потенциал развития необходимых образовательных ресурсов. Среди них – томский регион, имеющий образовательную направленность, нацеленную на ценности постоянного обучения, развития. Высокая концентрация научно-образовательной инфраструктуры позволяет позиционировать томский регион как источник инновационного развития, «обучающийся регион» (см.: [8. С. 114–123]). Это позволяет в качестве фактора развития региона использовать направленность на продуцирование новых знаний, новых представлений о мире в целом и политическом мире в частности.

При этом идентичность «обучающегося региона» подразумевает две амбивалентные тенденции в динамике социально-политической ментальности молодежи. Одна из них определяет более тесную связь с различными системами функционирования региона, мира в целом, что потенциально связывает студенческую молодежь не только с региональной культурой отношений, но и с теми проектами организации жизнедеятельности, которые приходят из глобального мира, где уровень культурных различий значительно больший, чем в регионе. Это определяет большее давление факторов хаотизации, влияние разных культурных тенденций, в том числе деструктивных.

Другая тенденция, исходящая из фактора постоянного «обучения», определяет неустойчивость, постоянные обновления, разрывы социально-политической ментальности человека, находящейся под воздействием постоянных информационных вызовов ей как механизму сохранения целостности политических взглядов и ориентаций. Прежде всего, это относится к студенческой молодежи региона, подверженной наибольшему воздействию со стороны проектов его трансформаций и «обучающихся режимов» как элементов позиционирования в глобальном обществе.

Исследование ментальности томской студенческой молодежи и ее релевантности современному культурно-символическому «контексту» политической социализации было осуществлено в рамках экспериментальной части проекта. Приоритетными задачами эмпирического исследования стало определение устойчивых ценностно-символических конструкторов и паттернов политической ментальности, а также выявление динамики структур упорядочивания политического мира в переживаниях социализирующегося агента. В комплексном исследовании приняли участие студенты 1–4-го курсов бакалавриата и 1-го курса магистратуры социально-гуманитарного, технического и естественнонаучного профилей подготовки Национального исследовательского Томского государственного университета и Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

В качестве основного метода исследования, позволяющего определить и изучить структуру политической ментальности, был избран метод исследования жизненных переживаний социализирующегося агента, погруженного в определенный «контекст». Феноменологическая методология позволила изучить, как студенческая молодежь переживает политический мир, как видит себя в нем, в том числе и в региональном измерении.

Так, исследование было осуществлено в форме феноменологического опроса, что представляется наиболее релевантным целям и задачам исследовательского проекта (см.: [9. С. 27]). Совершенствование методики определялось задачами развития содержательной части феноменологического опроса, учитывающей актуальное состояние социально-политической сферы России и томского региона, модернизацией процедур обработки и анализа качественных данных, включающей выработку критериев систематизации и категоризации материала опросов, совершенствование схем интерпретации.

В процедуре анализа данных мы опирались на последовательность, предложенную А.М. Улановским [10. С. 130–150]. Схема анализа переживаний студенческой молодежью политического мира включает в себя: целостное

ознакомление с описанием/текстом; выделение смысловых доминант – значимых повторяющихся утверждений об изучаемом переживании; преобразование и группировка смысловых единиц в кластеры смыслов, упорядоченных терминологически; формулировка и интерпретация «структурного описания» изучаемого переживания.

Проведенный феноменологический опрос переживания мира политики позволил выделить следующие активные смысловые кластеры исследуемого переживания, составляющие структуру политической ментальности в ее глобальном, российском и региональном диапазонах.

Обобщенное восприятие политики и власти. Переживание власти носит двоякое описание от навязывающей волю структуры, до функциональной системы, реализующей гражданские интересы. В ней сосуществуют как верховная единоличная власть, подавляющая людей и одновременно с этим заботящаяся о народе, так и коллективное начало власти – закрытая группа, управляющая людьми и процессами. Метафорически власть представляется респондентам как мощная, сильная, управляющая рука, что дополняется представлениями о власти как об обезличенном иерархизированном «механизме» управления и контроля над социальными процессами. В целом, власть рассматривается как зона ответственности за реализацию макрогрупповых интересов. В описании власти респонденты отталкиваются от идеального представления о ее демократических основах и социальной ориентированности.

Ощущения политики в описаниях респондентов пропорционально разделили аудиторию на «интересующихся» и «не интересующихся» политикой. Интерпретация ответов о политической жизни общества обнаруживает, что политика в представлениях студентов аморальна, тогда как власть воспринимается оправданным насилием и принуждением, что делает ее «моральной».

В представлениях опрашиваемых российская власть персонализирована (Путин), как и коллективная составляющая власти имеет конкретное выражение: Правительство, Единая Россия, Государственная дума и пр. Реже в ощущениях респондентов российская власть имеет неопределенный характер, тем не менее признаются ее сила и авторитет.

Символическая составляющая региональной власти напрямую связана с центральной властью, тем самым опрашиваемые представляют зависимость региональных властей от федерального центра. Что характерно, региональная власть, по преимуществу, носит абстрактный характер и в представлениях опрашиваемых «не существует».

Политика и власть в повседневной жизни. Эклектичный характер представлений студенческой молодежи г. Томска о политике и политических процессах опосредует восприятие политического измерения повседневной жизни. Характерно, что студенческая молодежь парадоксально не связывает текущую политику с действиями российских федеральных и региональных властей. При этом респонденты осознают, что политические решения влияют на их повседневную жизнь. Ведущие позиции в регулировании жизнедеятельности отдаются федеральной власти, тогда как влияния на их жизнь со стороны региональных властей респонденты не ощущают.

«Я» в политике и власти. Немалое количество респондентов уверены в своей способности повлиять на власть через установленные законом формы выражения политической воли. Также несанкционированные и незаконные акты борьбы рассматриваются как возможный и допустимый способ повлиять на социально-политические процессы.

Отметим в целом, что в представлениях о политическом мире и своем месте в нем, определяющих двойственные, разнонаправленные оценки и отношение к политическому, бинарные конструкции не выступают базовыми направляющими культурными схемами. В само- и мироощущении студенческая молодежь ориентируется на «подвижные» и ситуативные схемы, «становящиеся» коды политико-культурной идентификации, разнообразие которых предлагает современное глобализирующееся пространство.

Обобщенное восприятие регионального/российского/глобального пространства. Нередко студенческая молодежь ощущает «замкнутость» регионального пространства, не видя перспектив для профессиональной деятельности и самореализации за рамками образовательных учреждений. В целом, региональный аспект по представлениям студентов имеет культурное и физическое измерения, посредством которых Томск включается в российское и глобальное пространства. Экспортируемые вовне природные богатства и полезные ископаемые, ландшафтные и климатические особенности, с одной стороны, и архитектурно-музейный и научно-образовательный комплекс – с другой, формируют образ Томска как части России и глобального мира одновременно. При этом акценты расставляются в страновом измерении через языковую принадлежность и комплекс традиций, в глобальном – через научно-образовательную деятельность.

Интересными, на наш взгляд, являются представления томского студенчества о взаимосвязи глобального и российского пространства. Не разграничивая их сущностно, респонденты описывают характер отношений «российского» и «глобального» ощущением страха и угрозы. Уточним, что угроза воспринимается, в равной степени, как внешняя, так и внутренняя. Угроза военного конфликта, социально-экономической дестабилизации и кризиса предопределяют ценностный ряд, структурирующий представления о политическом мире. Так, в системе социально-политических и личных ценностей для подавляющего большинства респондентов ценности безопасности и стабильности являются важнейшими смыслообразующими доминантами.

«Я» в региональном / российском / глобальном пространстве. Осознание себя и понимание своего места в современном мире в ответах респондентов не имеют четких пространственных границ, скорее им присуща неопределенность политической идентичности, где политический мир не являет собой законченную форму. В исключительных случаях самоидентификация носит патриотическую окраску, реже наблюдается локальный патриотизм. В этом контексте Томск, как и Россия, воспринимаются респондентами как места на карте, в любой точке которой видят возможность оказаться опрашиваемые. В большинстве случаев студенческая молодежь не связывает свое будущее с томским регионом, рассматривая Томск с его культурно-образовательным ресурсом лишь как стартовую площадку. При этом студенты рассматривают себя как часть глобального мира, глобальной культуры и осоз-

нают динамичность современного мира, в котором их мобильность рассматривается как необходимое и естественное качество.

Итак, современному глобальному воздействию культуры, выраженному в постоянном притоке новых знаний о мире, новых представлениях о своем месте в социально-политической организации, подвержена, прежде всего, студенческая молодежь как потребитель этой культуры. Это делает политическую ментальность более «разорванной», непредсказуемой, определяя риски политической социализации, обратной стороной которой является личностная стратегия «выживания» как выход из-под давления факторов тотальной «уязвимости», в которой место традиции как «защитного» элемента занимает центральная власть.

Характерные для томского регионального культурного контекста культурно-символические феномены, основанные на развитии научно-образовательного комплекса и относящиеся к «стратегии постоянного обучения и становления», имеют двойственный характер. Они как адаптируют томскую студенческую молодежь к современности, так и формируют риски политической социализации. Последнее определяется тем, что культура студенческой молодежи наиболее дисперсная, стимулирующая непредсказуемость. Этот процесс накладывается на ситуацию постоянного притока-оттока студентов и их ментальных представлений. Студенческая среда Томска формируется как трансформационное пространство, чьи структуры определяются культурными потребностями, связанными преимущественно с социальной, психологической и социально-экономической адаптацией.

В этом отношении политическая ментальность молодежи требует собственных контекстов включения в социально-политические стратегии региона, связанные с возрастными и социокультурными особенностями студенчества. Их направленность связана с формированием «базового доверия» к региону как месту жизни, самореализации. Но эта направленность может расходиться с ведущими институтами социализации региона, к которым относятся, в частности, вузы, ориентирующиеся на глобальный мир. Молодой человек как бы выталкивается в глобальный мир, где ему предлагают жить и самореализовываться.

Разрозненность структур политической ментальности студенческой молодежи говорит о том, что ее основания претерпевают постоянные изменения. При этом структуры восприятия политического мира и его регионального плана в политической ментальности опрашиваемой части студенчества, на наш взгляд, приобретают не столько «становящийся», сколько во многом «мерцающий», ситуативный характер, проявляющий новые компоненты ментальности, вызванный неопределенностью «жизненных ситуаций».

Культурные представления о Томске как инновационном городе и месте самореализации не складываются как устойчивые. В представлениях томской студенческой молодежи не обнаруживается культурный символизм стратегий внешнего позиционирования томского региона как «обучающегося региона». В большей степени заметно то, что приоритеты конструирования политического мира и его регионального компонента в сознании опрашиваемой части студентов еще множественны, неоднозначны, неустойчивы, редуцирует которые отчасти образ центральной российской власти как традиционной основы институционального поля образовательных практик, в пространстве которых существует студенчество, что формирует интегральность политической «картины мира», потенциал доверия к региону как к «месту развития».

Литература

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 328 с.
2. Ришир М. Εποχή, мерцание и редукция в феноменологии // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 209–226.
3. Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Икскуля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–45.
4. Мадзарелла Э. Будущее и эволюция: Человек, который не согласен уходить // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 4. С. 47–67.
5. Политическая социализация российских граждан в период трансформаций / под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Новый хронограф, 2008. 552 с.
6. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
7. Щербилин А.И. Что же будет с Родиной и с нами? (Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования) // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 169–175.
8. Найман Е.А. Концепция «обучающегося региона» в современной социальной науке (аналитический обзор) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3. С. 114–124.
9. Кирдяшкин И.В., Скочилова В.Г. Исследование влияния культурно-символического «контекста» на политическую социализацию томской студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3. С. 23–32.
10. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып.1. С. 130–150.

Kirdjashkin I.V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: kirdjshkin@mail.ru DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 18

SkochilovaVeronica G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: veronassk@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 18

THE STRUCTURE OF THE POLITICAL MENTALITY OF THE STUDENTS IN THE CULTURAL-SYMBOLICAL CONTEXT OF POLITICAL SOCIALIZATION: THE REGIONAL DIMENSION

Key words: *political socialization, cultural and symbolic context, political mentality, youth.*

Cultural-symbolical context of political socialization acts as a medium structuring the perception of the political world and mediates about the nature of power relations. The paper presents the study of the structural characteristics of political mentality of students and its relevance to the modern cultural-symbolical context of political socialization, including its regional dimension.

References

1. Bergson, A. (1992) *Sobranie sochineniy : v 4 t.* [Collected Works. In 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Moskovskiy klub.
2. Rishir, M. (2014) Εποχή, mertsanie i reduktsiya v fenomenologii [Εποχή, flickering and reduction in phenomenology]. In: Levinas, E., Henry, M., Marion, J.L., Merleau-Ponty, M., Rishiri, M., Vernet, R., Maldini, A. & Benoit, J. (*Post*)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami [(Post) phenomenology: New phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskij proekt; Gaudeamus. pp. 209–226.
3. Knyazeva, E.N. (2015) Ponyatie “Umwelt” Yakoba fon Ikskyulya i ego znachimost' dlya sovremennoy epistemologii [The concept of “Umwelt” by Jakob von Uexküll and its relevance to contemporary epistemology]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 30–45.
4. Madzarella, E. (2015) Budushchee i evolyutsiya: Chelovek, kotoryy ne soglasen ukhodit' [Future and evolution. Man who absolutely ought to remain]. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 8(4). pp. 47–67.
5. Shestopal, E.B. (2008) *Politicheskaya sotsializatsiya rossiyskikh grazhdan v period transformatsiy* [Political socialization of Russian citizens during the period of transformation]. Moscow: Novyy khronograf.
6. Hobsbawm, E. (2000) Izobretenie traditsiy [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 47–62.

7. Shcherbinin, A.I. (2003) Chto zhe budet s Rodinoy i s nami? (Predvzyatye zametki o rossiyskoy politicheskoy nauke i problemakh politicheskogo obrazovaniya) [What will happen to our Motherland and to us? Subjective notes on the Russian political science and political education problems]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 169–175.

8. Nyman, E.A. (2014) The concept of a “learning region” in contemporary social science (an analytical review). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(27). pp. 114–124. (In Russian).

9. Kirdyashkin, I.V. & Skochilova, V.G. (2015) Investigations of the influence of cultural and symbolic “context” on political socialization of Tomsk students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(31). pp. 23–32. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/31/3

10. Ulanovskiy, A.M. (2007) Fenomenologicheskiy metod v psikhologii, psikhii i psikhoterapii []. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 130–150.

УДК 323.38

DOI: 10.17223/1998863X/35/19

А.М. Колядин

**«ГРУППА ИНТЕРЕСОВ» ПРОТИВ «ЭЛИТЫ»:
ТЕОРИЯ А. БЕНТЛИ В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ ЭЛИТИСТОВ
(Г. МОСКА, В. ПАРЕТО, Р. МИХЕЛЬС)**

Освещаются основные направления заочной полемики между А. Бентли, одного из родоначальников теории «групп интересов», и традиционными исследователями-элитистами. Производится попытка согласования фундаментальных позиций различных авторов для выведения некоего интегративного определения современной политической элиты и ее значения в обществе.

Ключевые слова: элита, группа интересов, политическая мысль, элитизм, плюрализм.

Несмотря на то, что категория «политическая элита», широко используемая в гуманитарных дисциплинах, до сих пор не имеет конвенционального определения, она широко обсуждается в научном мире и прочно связана с целым рядом сложных вопросов практической политики. Особый интерес в связи с этим вызывает соотнесение идей плюралистов, таких, к примеру, как А. Бентли, с классической элитистской теорией, представленной Г. Москкой, В. Парето и Р. Михельсом. Какие противоречия и точки соприкосновения существуют между этими позициями? Насколько они применимы к современному социологическому и политическому анализу? Каждый из этих вопросов заслуживает отдельного внимания.

С позиций современной политической теории можно утверждать, что в самом общем виде политическая элита – это немногочисленная группа, занимающая лидирующую позицию в политическом процессе и на основе профессиональных критериев и собственной квалификации осуществляющая политическую или государственно-управленческую деятельность. На этом уровне она де-факто монополизирует в своих руках ключевые ресурсы и полномочия в обществе, определяя стратегию развития и оказывая влияние даже на конфигурацию социальных интересов и предпочтений, в т.ч. через непосредственное участие в выражении этих интересов и регулировании баланса сил. Кроме того, элита отвечает за воспроизводство и переоценку коллективных ценностей [1. С. 120].

Однако формированию такого общего представления – по большей части, функционально, а не сущностно ориентированного, – предшествовали интенсивные дискуссии и многочисленные разночтения в интерпретации термина. Сходясь в представлении об обособленности элиты или управленческого сообщества, исследователи чаще всего расходятся во мнениях относительно критериев отбора и рекрутинга состава этой социальной группы, характера ее обособленности и пр.: для элитистов члены группы так или иначе увязываются с концептом лидерского "возвышения", для функционалистов или плюралистов – скорее с теорией конститuentов [2] или структурной конфигурацией политического процесса.

Для традиционной элитистской теории формирование такого сообщества так или иначе было связано с сюжетами «избранности» или значимых отличий: меньшинство, обладающее уникальными характеристиками или ресурсами, выделялось не только в политической среде, но и в культуре, спорте, науке и пр. Вне зависимости от сферы или отрасли элита обладала высокой организованностью и авторитетом, которые гарантировали ей сохранение уникальной позиции и уникального же статуса.

Итальянский социолог В. Парето выделял два критерия типологизации элит: для него она, во-первых, разделялась на элиту правящую и элиту «не правящую», а во-вторых, дробилась на представителей-«львов» и представителей-«лис» [3. С. 43]. Первый критерий обозначал то, что не все участники элитарных групп обладают равным доступом к ключевым институтам и структурам государственной власти; второй знаменовал отличие в технологиях, используемых для действий внутри и вне элитарных групп. «Львы», в представлении Парето, склонны к инновациям, решительным действиям, авантюризму (но в пределах консервативных идеологических конструкций), а также жестким техникам администрирования; «лисы» же наиболее ярко проявляют себя в нестабильных ситуациях, осторожны, склонны к манипуляциям, популизму и тайным соглашениям. В зависимости от общественной и политической конъюнктуры каждый из типов элиты усиливается или ослабляется, находясь с другими в состоянии более или менее устойчивого равновесия.

Кроме того, Парето предполагал, что стабильность и равновесие в политическом процессе достигается лишь при условии постоянной смены элиты: каждая элита обладает определенным «жизненным циклом», по завершении которого уступает свои статусные позиции. Вся история человечества, в представлении итальянского социолога, – это история постоянной элитарной ротации: одни лидеры и вожди сменяют других, сословия уступают место другим сословиям, и в результате цикличности достигается не только баланс сил, но и прогресс социальных отношений.

По представлениям Г. Моски, выделявшего в общественном пространстве даже не элитарные группы, а сравнительно монолитный «политический класс», его развитие предопределяется двумя одновременно наличествующими тенденциями: аристократической и демократической.

Первый тренд, аристократический, заключается в стремлении представителей политического класса зафиксировать достигнутое господство и обеспечить его воспроизводство даже в поколенческом измерении, передавая власть своим потомкам или хотя бы преемникам: *«Все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически»* [4. С. 296]. Демократическая же тенденция, сохраняющая некое равновесие противоположных по своей направленности сил, представляет собой перманентный «социальный лифт» наиболее выдающихся представителей управляемого класса в класс политический – таким образом, происходит стабилизация и качественное обновление элиты, повышающее ее адаптивные способности.

Г. Моска предполагал, что наряду с профессиональными компетенциями и знаниями, существенно влияющими на принадлежность человека к корпусу политического класса, сплоченность последнего достигается также благодаря имеющейся внутренней структуре и культурному единомыслию. Развивая традицион-

ную для элитистских представлений «теорию черт», представляющую необходимые для представителя элиты (или политического класса) качества, Моска выделял три ключевые характеристики: для него это были военная доблесть (1), богатство (2) и некая сакральность, священность (3). В этом отношении Моска не производил редукции: сакральностью могли обладать не только священники, но и ученые, а богатство, к примеру, могло быть связано с элитарной позицией и обратной связью – когда богатство было производной, а не первообразной находения в составе политического класса («богатство создает политическую власть точно так же, как политическая власть создает богатство» [5. С. 188]).

В значительной степени Моска предвидел многие куда более поздние концепции элиты, опередив своих коллег и современников. Выделяя впоследствии внутри политического класса специфическую группу класса «правящего», Моска наделял последний особой формой самосознания и самоидентификации – «политическим сознанием». Для него это самосознание выражалось, в первую очередь, в возможности класса обозначить некую «формулу правления» – ключевую идею, при помощи которой будет достигнута необходимая легитимность и социальный гомеостазис. Кроме того, «политическое сознание», в отличие от факта обладания материальными благами (к примеру, средствами производства), позволяло более эффективно решать внутригрупповые конфликты – именно самоидентификация политического класса была основой для достижения соглашения и компромиссов. Моска, в отличие от В. Парето или Р. Михельса, придавал куда большее значение не личностным качествам, а достигнутому коллективному опыту, сформированной «классовой культуре», некоему чувству «призвания» и «долга» (похожих на те явления, которые описывал Х. Ортега-и-Гассет).

Немецкому социологу Р. Михельсу принадлежит авторство своеобразного общественного закона, ныне известного как «железный закон олигархии» или «железный закон олигархических тенденций». В представлении его автора, данное правило указывает на устойчивый тренд любых форм политической организации трансформироваться от демократических образцов к авторитарным: по мере уточнения полномочий, распределения ресурсов и ответственности в структуре появляются командные органы и руководящее ядро, которые, по сути, представляют собой ту же самую «олигархическую», или элитарную группу. Так, особые привилегии и prerogatives получают партийная верхушка, университетские руководители и ведущие чиновники.. Отсюда и выводится пессимистичная максима: сама *«организация порождает господство избранных над теми, кто их избирает»* [6. С. 57].

По мнению Михельса, де-факто любая политическая система для воспроизводства и стабилизации должна обладать четко структурированной бюрократической организацией, выведенной, кроме прочего, из традиционных электоральных циклов (в этом отношении взгляды Михельса были сходны с «политико-административной дихотомией» В. Вильсона). Наличие подобных обстоятельств может способствовать стремительной «консервации» политических верхов и перерождения их в полунаследственную элиту, приватизирующую имеющиеся институты: обособленная группа постепенно начинает рассматривать власть в качестве своего уникального и неотчуждаемого ресурса. Общество же, рассматриваемое Михельсом через призму неорганизо-

ванных и некомпетентных «масс», неспособно к самостоятельной политической деятельности, и именно эта инертность дает дополнительное основание для олигархических трендов в руководстве [6. С. 60].

Радикальный взгляд Михельса, впрочем, частично совпадает с взглядами его старшего коллеги и отчасти учителя Г. Моски: олигархическое обособление требует от политиков функциональной специализации и действительно значимых особых компетенций, которые позволяют закрепить преимущество, имеющееся у элиты в результате пассивности и инертности ее окружения. Однако эти навыки и способности для Михельса означают и то, что на их основе группа руководителей обособляется, формирует особую зону контактов и связей, изолируется от остального общества [7. С. 103].

Общим представлением трех названных авторов было то, что формирование элиты – «львов» и «лис», политического класса или олигархических групп – происходит естественным образом и опирается, тем самым, на сущностные характеристики самого общества. Какими бы уникальными качествами не обладала элита, теория черт в применении к ней обладает одним важным нюансом – люди с выдающимися характеристиками обособляются в силу естественного хода вещей, природы человеческой самоорганизации и коллективных институтов.

В отличие от элитистов, представители плюралистического направления политической теории полагают, что подобный посыл лишь частично применим к социальной реальности. Плюралистическая интерпретация действительно ограничивает некое классическое видение демократического политического участия, однако не с позиций взаимоотношений «элиты» и «массы», а с точки зрения того, что защита интересов осуществляется специфическими «группами давления», которые агрегируют и артикулируют имеющиеся взгляды, формируя полицентричные властные отношения. Человек по отдельности действительно ограничен многими факторами, но группа как результат деятельности некоторого числа индивидов способна преодолеть эти ограничения: сущностные характеристики политического участия, таким образом, действительно вбирают в себя некие коллективистские и стратификационные идеи, но в позитивном для человека и общества ключе.

Так, один из классиков плюрализма А. Бентли предполагал, что именно группа, а не отдельная личность, является основным участником социальных отношений, в результате чего политику стоит воспринимать и как процесс, и как результат взаимодействия различных сообществ. Под «группой давления» Бентли понимал «такое объединение граждан», которое следует рассматривать *«не как абстрактную физическую единицу общества, а как массовую деятельность»*, задаваемую коллективно разделяемым интересом (*«нет такой группы, у которой не было бы своего интереса»*) [8. С. 221–222]. Политический процесс и даже государственное управление представляют собой, по сути, постоянное и устойчивое взаимодействие или столкновение различных сообществ, защищающих свои интересы: *«Осуществляется давление олицетворяемых ими общественных сил на политико-административные институты с целью принудить их подчиниться воле указанных групп интересов»* [9. С. 48].

Для Бентли и других плюралистов несомненным представляется феномен циркуляции и ротации властвующих, но вызван он не внутренними отноше-

ниями внутри обособленной (и уж тем более естественно обособленной) группы, а общей социальной конъюнктурой, которая серьезно влияет и на обсуждаемые вопросы, и на влияние тех или иных групп давления, и на распределение ресурсов. Именно взаимодействие разнообразных групп порождает структуру политического властвования, динамику общественных отношений, механизмы государственного администрирования и пр.

Неотъемлемым элементом анализа заочной полемики элитистов и плюралистов должен, бесспорно, являться исторический контекст, который, так или иначе, предполагает наличие «групп давления» в обществе более современном и динамичном, нежели характеризующееся сословно-элитарными механизмами. Вместе с тем элиты как категория анализа используются и сегодня, хотя, пожалуй, феномен «групп давления» является объективным признаком усложнения социальной структуры и социальной стратификации; главным основанием для этого являются, по всей видимости, имеющиеся у населения ценностные ориентации и установки политической культуры.

Бесспорно, группы давления характеризуются большей степенью удаленности и достаточно низкой (в сравнении с элитой) интенсивностью контактов с формальными государственными институтами. «Элита» выступает сегодня как не вполне определенная категория лиц, находящихся в ближнем окружении политических лидеров, – категория скорее номинальная, нежели реальная, категория, не обладающая теми признаками, которыми наделял ее, к примеру, Г. Моска. Бесспорно, потенциал влияния на политические и государственные решения у представителей такого рода «элиты» выше, но «группы давления» институционально (пусть даже не всегда в формальном отношении) устойчивее, и хотя они больше разделяются по отраслевым сегментам, чем влиятельные «латентные администраторы» элиты, тем не менее их действия более измеримы, прогнозируемы и системны.

Как и полагается номинальной группе, «элита» не включает в себя «группы давления» в полном составе, даже если на уровне обывательского восприятия те или иные отраслевые круги («семибанкирщина») обладают подобным влиянием. Внутри «групп давления», надо полагать, также действует «железный закон олигархии» Р. Михельса: в «элиту» включаются только наиболее яркие формальные или неформальные лидеры группы, и эта точка соприкосновения является еще одной интересной смычкой элитистских взглядов и современного плюрализма.

Дело в том, что важной характеристикой, объединяющей «группы давления» и политическую элиту, является корпоративистское начало – означающее, как минимум, наличие у обособленного сообщества более или менее развитых форм самоидентификации и самосознания. В современных условиях «элита» обладает куда меньшей степенью выраженности этого ценностного начала, нежели «группа давления», – отчасти в силу временного (неустойчивого) характера, отчасти в силу только рациональных соображений (в то время как «группы давления» часто приобретают вид объединенных близкими убеждениями «коалиций поддержки», как их описывал П. Сабатьер) [10]. Это ограничивает ее структурное воспроизводство и серьезно снижает сам вес «элиты»: именно отсутствие самосознания не позволяет политическому истеблишменту переродиться в качественно «реальное» сообщество.

Это отличие крайне важно для современного политического анализа, причем как в теоретическом, так и в прикладном отношении, – разница в применении понятий «элиты» или «группы давления» как исследовательской категории приводит к неоднозначным результатам и валидности различных разработок. Научно значимые и инновационные результаты в современных гуманитарных исследованиях должны быть неразрывно связаны с качественными, наукоемкими и актуальными инструментами – каковым в настоящее время, по всей видимости, является плюралистическая интерпретация политического процесса, а не классический элитизм.

Литература

1. Макарин В.А. Факторы устойчивости российской политической элиты // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, серия 6 Политология. Международные отношения. 1998. № 3(20). С. 118–121.
2. Fiedler F.E. *Leadership*. New York: General Learning Press, 1971.
3. Ашин Г.К. Современные теории элиты. М.: Международные отношения, 1985.
4. *Политология: хрестоматия* / Под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2000.
5. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–197.
6. Михельс Р. Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 55–60.
7. Малинкин Н. Теория политической элиты Р. Михельса // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 97–117.
8. Bentley A. *The Process of Government*. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
9. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4. С. 45–51.
10. Соловьев А.И. *Принятие и исполнение государственных решений*. М.: Аспект пресс, 2014.

Kolyadin Andrei M. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

E-mail: andy@list.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 19

"INTEREST GROUPS" VERSUS "ELITE": THEORY OF A. BENTLEY IN THE CONTEXT OF CLASSIC ELITIST VIEWS

Key words: elite, advocacy group, political thought, elitism, pluralism

In this article author tries to highlight the main areas of extramural discussion between the views of A. Bentley, one of the founders of the theory of "interest groups" (advocacy groups), and the traditional position of elitist researchers. Author tries to harmonize the fundamental positions of the various authors to derive some integrative definition of modern political elite and its social role & position.

References

1. Makarin, V.A. (1998) Faktory ustoychivosti rossiyskoy politicheskoy elity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya 6 Politologiya. Mezhdunarodnye otosheniya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Political Science. International Relations*. 3(20). pp. 118–121.
2. Fiedler, F.E. (1971) *Leadership*. New York: General Learning Press.
3. Ashin, G.K. (1985) *Sovremennyye teorii elity* [Modern theories of elite]. Moscow: Mezhdunarodnye otosheniya.
4. Vasilik, M.A. (ed.) (2000) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Gardariki.
5. Moska, G. (1994) Pravyashchiy klass [The ruling class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 187–197.
6. Michels, R. (1990) Neobkhodimost' organizatsii [The need for the organization]. *Dialog*. 3. pp. 55–60.
7. Malinkin, N. (1994) Teoriya politicheskoy elity R. Mikhel'sa [The theory of the political elite by R. Michels]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 97–117.
8. Bentley, A. (1967) *The Process of Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Shapiro, I. (1992) Demokratiya i grazhdanskoe obshchestvo [Democracy and Civil Society]. *Polis*. 4. pp. 45–51.
10. Soloviev, A.I. (2014) *Prinyatie i ispolnenie gosudarstvennykh resheniy* [Adoption and implementation of government decisions]. Moscow: Aspekt press.

УДК 321.01 + 32.019.51
DOI: 10.17223/1998863X/35/20

Н.В. Полякова

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ: МЕЖДУ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМОМ И СОПРОТИВЛЕНИЕМ

В контексте современных методологических подходов рассматриваются политические практики конструирования образа событий Второй мировой войны во французском общественном сознании, выстроенные на основе диалектики памяти и забвения. Анализируются основные тенденции эволюции официального политико-исторического дискурса в современной Франции, а также цели и смыслы присвоения французской политической элитой данного исторического опыта.

Ключевые слова: *политика памяти, коллаборационизм, Сопротивление, Франция, «синдром Виши».*

Спустя семьдесят лет после окончания Второй мировой войны, можно говорить именно о феномене этой войны, включающем в себя целый комплекс социально-экономических, политико-идеологических, военно-технических, а также психологических и культурно-символических аспектов, которые активно интерпретируются и используются в рамках политики памяти, приобретая свои специфические особенности в том или ином национально-государственном контексте. Французская специфика воспоминаний о событиях этой войны обусловлена особыми историческими обстоятельствами: «Франция была единственной среди великих военных и экономических держав, которой пришлось пережить полный разгром и оккупацию. Она была единственной из захваченных немцами стран, где создание законного правительства было прямо обусловлено обстоятельствами военного поражения, и это правительство смогло достаточно долго оставаться у руля в неоккупированной части территории, причем в течение четырех лет вело переговоры не только об условиях перемирия и оккупации, но и, по собственной инициативе, о месте Франции в будущей «немецкой Европе». И она, по-видимому, была единственной страной, где контраст между до- и послевоенной политической, культурной и общественной жизнью из-за немецкой оккупации оказался столь разительным» [1].

Эти особенности французской памяти о Второй мировой войне тесно взаимосвязаны, в том числе и со спецификой ее исторической памяти о Первой мировой войне. Недаром Марк Блок, обратившись в своем эссе «Странное поражение» к критическому анализу событий «странной войны» 1940 г., неизбежно возвращался к событиям войны 1914–1918 гг. По его мнению, несмотря на, казалось бы, блестящую победу французов и их союзников в Первой мировой войне, победившая Франция оказалась в ситуации настоящей «пирровой победы», которая и создала предпосылки ее будущего «странного поражения» в 1940 г. Дело в том, что Первая мировая – это война, из которой Франция вышла главным победителем, именно поэтому французы восприняли Версальский договор 1919 г. как предательство со стороны союзников,

в первую очередь со стороны англичан. Франция рассчитывала на получение от Германии репараций, поскольку военные действия велись преимущественно на её территории, а также гарантий своей безопасности на предстоящие десятилетия, но ее требования не были поддержаны ни британцами, ни американцами в контексте плана Вильсона, обусловливавшего вступление США в войну. В результате Франция похоронила не только мечту о репарациях, на которые рассчитывала, но и свои планы по обустройству границы по Рейну, что воспринималось как похищение у неё заслуженной победы. В то время как некоторые политики утверждали, что Версальский договор означает «неустанное созидание», общественное мнение Франции рассматривало его как «неустанное разрушение», даже похищение французской победы. Результатом стало провозглашение в межвоенные десятилетия догмата о войне во имя самозащиты и выбор в пользу оборонительной военной стратегии. Кроме того, М. Блок утверждал, что еще одной весомой причиной катастрофы 1940 г. были тяжкие воспоминания французов о Первой мировой войне, нанесшей стране огромный материальный и культурный ущерб: «В войне 1914–1918 годов было уничтожено много имущества, и это оставило горькие воспоминания. <...> Люди подумали, что лучше согласиться на все, чем вновь пережить такое обнищание» [2. С. 148].

В значительной степени эти обстоятельства стали причинами разочарования и пассивности французов, что проявилось в 1939 г. в отсутствии патриотического подъема, подобного тому, который можно было наблюдать накануне Первой мировой войны. Отчасти этим можно объяснить поражение в мае 1940 г., а также то, насколько легко французы встали на сторону маршала Петэна. В общественном сознании он был победителем Верденского сражения: фактически, главным воспоминанием, сохранившимся у французов о событиях Первой мировой войны к началу Второй мировой, были Верден и А.Ф. Петэн – герой Верденского сражения 1916 г. Атмосферу, в которой в 1940 г. самими французами было «овациями» встречено перемирие Петэна с Гитлером, очень ярко описал современник тех событий, известный писатель-эмигрант Роман Гуль: «Все: крестьяне, виноградари, ремесленники, бакалейщики, рестораторы, гарсоны кафе, парикмахеры и бегущие, как сброд солдаты, – все хотели одного – что угодно, только чтоб кончилось это падение Франции в бездонную бездну. <...> У всех на уме было одно слово – «армистис» (перемирие), что означало что немцы не пойдут на юг Франции, не придут сюда, не расквартируют здесь свои войска, не будут забирать скот, хлеб, виноград, вино...» [3. С. 276–277].

«Странная война» 1940 г., закончившаяся «странным поражением», последующая немецкая оккупация двух третей территории Франции, коллаборационистский режим Виши, утвердившийся на неоккупированных территориях, движение Сопротивления – вот те события, вокруг которых, в первую очередь, формировалась историческая память об этом периоде. Именно оккупация и связанные с ней жизненные стратегии стали для французского сознания основным содержанием Второй мировой войны. «Мы не можем думать о войне, потому что мы не ведем войну... Франция не ждет от себя самоизбавления», – писал французский философ М. Мерло-Понти, подчеркивая поучительный для французов смысл уроков жизни именно в условиях оккупа-

ции (Цит. по: [4. Р. 83]). В оккупированной Франции такими конкурирующими проектами жизненных стратегий стали коллаборационизм и движение Сопротивления, которые тем или иным образом определяют и современный контекст французского политико-исторического дискурса, являясь одним из важнейших аспектов политики памяти. Важно подчеркнуть, что стремление провести четкий водораздел между «сопротивлением» и «коллаборационизмом» как основными типами поведения в условиях оккупированной Франции утвердилось лишь в более поздних исторических интерпретациях, опосредованных в том числе политическими и личными предпочтениями авторов этих интерпретаций: «Поведенческие типы, которыми характеризуется французское общество, а вместе с ним и литература этой трагической эпохи, явно не сводятся к этой черно-белой оппозиции...» [5. С. 278]. Адмирал Э.-Л.-Г. Дьеррьен, бывший участником двух мировых войн, подобно Петэну, так определял свое состояние в этой непростой ситуации жизненного выбора: «Я не знаю, кто я – верный сторонник моего Маршала или предатель своей страны» [6. Р. 244]. Показательным примером может послужить, например, и биография Франсуа Миттерана, четвертого президента Пятой республики. В молодости – участие в крайнем правом движении «Огненные кресты», затем война, немецкий плен, побег из него, служба режиму Виши, удостоившему будущего президента Ордена Франциски, и, одновременно со службой (причем не под конец войны), участие в подпольной деятельности. Или биография капитана Луи Дельфино, последнего командира легендарного авиаполка «Нормандия – Неман», закончившего войну генералом французской армии. В 1942 году он получил от петэновского режима награду за сбитый английский самолет, но после оккупации немцами юга Франции воевал уже на стороне де Голля (его отношения с летчиками, не прекращавшими борьбу с нацистами после петэновской капитуляции 1940 года, были первоначально очень напряженными).

После освобождения Франции два закона, принятых консультативной ассамблеей 24 августа и 26 сентября 1944 г., устанавливали ответственность для тех, кто сотрудничал с оккупационными властями и их союзниками. А 20 ноября французское министерство юстиции приняло решение о создании верховного суда для рассмотрения подобных дел, по которым предполагалось выносить приговоры от простого штрафа до смертной казни [7. С. 718]. К концу войны, согласно этим законам, было казнено 3920 человек (еще около 9000 линчевано без суда), 1500 отправлено на каторгу, 8500 приговорено к различным срокам тюремного заключения. Де Голль, лично изучив все дела по смертным приговорам, помиловал около 1000 человек. Смертный приговор маршалу Петэну генерал заменил на пожизненное заключение, в чем не последнюю роль сыграли воспоминания об их давних, хотя и непростых профессиональных и личных отношениях, а также о героическом прошлом маршала на полях Первой мировой войны. Даже после всех событий, связанных с периодом оккупации Франции и режимом Виши, де Голль в своих мемуарах напишет: «Моим первым полковым командиром был Петэн, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника» (цит. по: [8. С. 9]).

В 1949 г., когда Ш. де Голль взял курс на утверждение принципа единства нации, судебные процессы по делам коллаборационистов были прекращены, а в 1953 г. была объявлена амнистия. Таким образом, в этот период был решен вопрос коллаборационизма: неудобные и позорные факты французской истории Второй мировой войны были затушеваны ради тезиса о «национальной концентрации». Поскольку одним из результатов «странной войны», закончившейся капитуляцией и последующей немецкой оккупацией страны (1940–1944 гг.), стало разрушение единства французской нации, восстановление этого единства признается одной из первоочередных задач поствоенного времени. В послевоенной Франции восторжествовал миф о том, что вся страна, за небольшими исключениями, поднялась по призыву генерала де Голля на борьбу против оккупантов, т.е. официальная политика памяти голлистского режима определялась, в первую очередь, памятью о Соппротивлении (*Résistance*). Концептуально как внешнее, за пределами Франции, так и внутреннее сопротивление рассматривалось как единое движение, продолжившее войну с оккупантами не совсем традиционными средствами, при этом главными действующими субъектами выступали не отдельные люди или группы лиц, а вся французская нация в целом. И хотя были проведены публичные процессы над военными преступниками и коллаборационистами, тем не менее французская политика памяти в первые послевоенные десятилетия содержала в качестве своего важнейшего элемента политику «вытесняющего забвения», в рамках которой ответственность за сотрудничество с оккупантами возлагалась только на сравнительно небольшое число отдельных лиц. Ни вишистский режим маршала Петэна, ни массовый коллаборационизм, ни геноцид в отношении евреев и других этносов, ни депортации не только не акцентировались, но и, напротив, сознательно затушевывались в рамках голлистской политики памяти, ради поддержания общенационального сопротивленческого мифа, который призван был объединить и внутренне примирить послевоенную Францию. Этой линии после ухода Ш. де Голля, придерживался его преемник Ж. Помпиду, а также позднее и Ф. Миттеран.

Лишь постепенно, благодаря изменившимся историко-политическим обстоятельствам, на смену голлистскому мифу о Соппротивлении пришло болезненное осознание фактов массового сотрудничества с оккупантами. Президент Франции Ж. Ширак прервал эту традицию «политики забвения», публично признав ответственность французского государства за депортации евреев (речь, произнесенная на мемориале жертвам «Вель д'ив» 16 июля 1995 г.). Таким образом, с большим трудом преодолевая миф Соппротивления, который с 1970-х претерпевает, как отмечают многие исследователи, постоянную деконструкцию, официальная Франция признала ответственность за соучастие в Холокосте. Это было связано в том числе и с общемировой тенденцией развития современной памяти, где «память о жертвах» («виктимизация» истории) становится центральным элементом.

К этому времени относится и проведение череды публичных процессов против видных деятелей периода национал-социалистического господства во Франции (К. Барбье, П. Бувье, М. Папюса), которые имели широкий общественный резонанс и огромное значение для эволюции культуры памяти в стране. В ходе этих процессов в качестве экспертов были привлечены многие

ведущие историки, специалисты в области французской истории периода Виши, такие, например, как Жан-Пьер Азема, Генри Руссо, а также американский историк Роберт Пакстон [9, 10, 11]. Важным индикатором существующего разлома в социальной памяти современных французов об этом историческом периоде может служить та дискуссия, которая развернулась уже после смерти одного из осужденных на этих процессах – М. Папона, признанного судом ответственным в качестве генерального секретаря префектуры Бордо за аресты и депортацию из этого региона более 1 600 евреев и приговоренного к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах. Речь шла об этической, политической и юридической стороне вопроса его захоронения с Орденом Почетного легиона, полученным в 1961 г. при Ш. де Голле (в послевоенный период М. Папон сделал хорошую карьеру на государственной службе. – *П.Н.*). Несмотря на негодование большинства французских политических партий, кроме крайне правого Национального фронта, а также многочисленные протесты общественности, вплоть до призывов к президенту Шираку лично вмешаться, чтобы предотвратить подобное, 21 февраля 2007 г. Папон был похоронен с высшим национальным орденом Франции [12, 13, 14].

Новый виток президентских выборов вскоре качнул маятник политики памяти в другую сторону, снова поместив проблему памяти о Второй мировой войне в центр политической риторики. Уже в своих предвыборных выступлениях Николя Саркози, соперник Жака Ширака, заявил о необходимости преодолеть «тенденцию к систематическому раскаянию» и «самоотрицанию», а его первые шаги в этом направлении на посту президента продемонстрировали стремление восстановить в полном объеме старый голлистский миф Сопrotивления. Так, например, в мае 2007 г. Саркози подписал своим декретом, чтобы ежегодно 22 октября французским школьникам, в качестве урока патриотизма, зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопrotивления Ги Моке, который был расстрелян немцами в 1941 г. Эти инициативы Саркози вызвали волну широких общественных дискуссий о допустимости и пределах вмешательства политики и политиков в историю: звучали как голоса, оппонирующие этим проектам французского президента, так и голоса в их поддержку. Так, например, историк Макс Галло, член Французской академии, выступил в поддержку Н. Саркози: «По истечении периода, который начался с речи Жака Ширака 16 июля 1995 г. о соучастии французского государства в преследованиях евреев, необходимо восстановить равновесие... Мы не можем сохранять из этого времени только Виши и исключать Сопrotивление. Франция также была и нацией Сопrotивления» [15. Р.106]. Таким образом, во французском дискурсе памяти появляется ключевая фраза о том, что «нужно сохранить равновесие», которая задает новый вектор эволюции политики памяти о Второй мировой войне в этой стране. Так, 22 июля 2012 г. ныне действующий президент Франции Франсуа Олланд в своем выступлении по случаю семидесятой годовщины трагических событий в «Вель д'Ив», отдавая дань истине, высказанной в 1995 г. его предшественником Ж. Шираком, признавшим, что «это преступление было совершено во Франции, Францией», делает новый акцент на том, что это было одновременно преступление «против Франции, против её ценностей

и идеалов», которые сумели сберечь Соппротивление, Сражающаяся Франция и праведники мира [16].

В конечном итоге, «синдром Виши» (память о коллаборационизме и депортациях) продолжает оставаться актуальным, но вместе с тем потенциально конфликтогенным элементом французского официального политико-исторического дискурса, который существенно конкурирует с личной и семейной памятью французов. Во Франции до сих пор нет однозначного подхода к коллаборационизму времен Второй мировой войны. Следует напомнить, что не прошло и шести лет с момента победы над гитлеровской Германией, как во Франции уже появилось общество «Ассоциация защиты памяти маршала Петэна», учредители которого утверждали, что все не так однозначно, как это хотят представить победители во Второй мировой, что Петэн и его соратники спасали Францию в годы войны. Таким образом, наряду с мейнстримом современной французской политики памяти всегда сосуществовали противоположные по смысловой нагрузке и историческим акцентам модели памяти о событиях последней мировой войны, которые оказывали значительное влияние на интеллектуальный, моральный и политический климат в этой западноевропейской стране. Этот раскол внутри французского общества породил даже феномен «устной гражданской войны», которая, как полагают некоторые исследователи, до сих пор идет во Франции, оказывая серьезное влияние в том числе на ее политическую и интеллектуальную элиту. А «синдром Виши» остается серьезным элементом общественного использования того недавнего прошлого, «которое не проходит» и потому упорно остается настоящим (см.: [17]).

Если миф о Соппротивлении продолжает оставаться одной из важнейших идеологием левого французского сознания, если правоцентристы-голлисты (Союз за народное движение – «Республиканцы» Саркози) колеблются между двумя стратегиями политики памяти, то консервативно настроенные французские политики, особенно крайне правые, регулярно открыто выступают в защиту национального прошлого от «очернителей» из числа левых интеллектуалов и политиков. Так, нынешние сторонники, теперь уже бывшего, лидера французских националистов Ж.-М. Ле Пена склонны к открытому оправданию вишистов. Например, ими постоянно актуализируется тема переноса праха маршала Петэна, покоящегося на острове Йе, где бывший глава режима Виши отбывал заключение, и перезахоронения его на поле, где он стяжал подлинную славу военачальника в годы Первой мировой войны – под Верденом. Таким образом, особенностью исторической памяти в современной Франции стала не только ярко выраженная политизация в трактовке специфических жизненных стратегий оккупационного прошлого страны, но и тенденция к размыванию и даже откровенному стиранию границ между этими ранее оппонирующими друг другу элементами национальной памяти о Второй мировой войне.

В современном французском публичном дискурсе формирование социокультурной памяти о феномене Второй мировой войны опирается в большей степени на рациональные ресурсы конструирования, которые продолжают использоваться различными политическими и культурными силами в собственных интересах и целях. Интересно отметить в этой связи, что заложенную

в полупрезидентской конституционной системе Пятой республики значительную роль личности французских президентов можно наблюдать и на примере их активного присутствия в качестве верховных арбитров в интерпретации определенных аспектов национальной истории. Поэтому постоянное смещение акцентов в официальном оформлении политики памяти о событиях Второй мировой войны во Франции напрямую зависит от результатов президентских выборов. Вместе с тем наблюдается и другая тенденция, которую верно выделила и определила немецкая исследовательница Ютта Шеррер, когда «... в обход важной функции централистского государства, серьезные решения, касающиеся политики памяти, в последние десятилетия принимаются в тесной увязке с интересами различных групп гражданского общества, равно как и ангажированных интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются динамикой исторических исследований, поставляющих всё новые материалы» [18. С. 102].

Литература

1. Руссо А. Франция Виши и Франция Соппротивления [Электронный ресурс] // Вокруг света. 2010. № 10 (2841). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7166/> (дата обращения: 15.02.2016).
2. Блок М. Странное поражение / пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 287с.
3. Гуль Р. Моя краткая автобиография // Новый журнал. 1995. № 200. С. 276–277.
4. Cooper B. Merleau-Ponty and Marxism: from terror to reform. Toronto: University of Toronto Press, 1979. 223 p.
5. Фокин С. Экзистенциализм – это коллаборационизм? Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации // Новое литературное обозрение. 2002. № 3. С. 258–281.
6. *Dictionnaire historique de la France sous l'Occupation / Sous la direction de M. Cointet et J.-P. Cointet.* P.: Tallandier, 2000. 735 p.
7. *Правда.* 1944. 22 нояб. № 280 // Ш. де Голль: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, ком. Ю.Г. Акимова, К.В. Минковой. СПб.: РХГА, 2015. 1039с.
8. Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1980. 503 с.
9. Azéma J.-P., Bédarida F. La France des années noires. T. 1: De la défaite à Vichy. Paris: Le Seuil, coll. Points/Histoire, 2000. 704 p.
10. Roussio H. Vichy. L'événement, la mémoire, l'histoire. Paris: Gallimard, 2001. 746 p.
11. Paxton R. La France sous Vichy. Paris: Complexe, 2004. 321 p.
12. Maurice Papon sera-t-il enterré avec la Légion d'honneur? // Le Figaro. 18 February, 2007.
13. Papon enterré avec sa Légion d'honneur // Le Figaro. 21 February, 2007.
14. Maurice Papon, enterré décoré // Libération. 21 February, 2007.
15. Gallo M. L'Ame de la France: Une Histoire de la Nation, des origines à nos jours. Paris: Fayard, 2007. 608 p.
16. *Discours du Président de la République à l'occasion du 70ème anniversaire de la rafle du Vel d'Hiv.* [Электронный ресурс] // Présidence de la République : site officiel. – Электрон. дан. – URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-occasion-du-70eme-anniversaire-de-la-rafle-du-vel-d-hiv/> (дата обращения: 25.02.2016).
17. Conan E., Roussio H. Vichy, un passe qui ne passe pas. Paris: Fayard, 1994. 328 p.
18. Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. [Электронный ресурс] // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 89–108. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (дата обращения: 16.02.2016).

Poliakova Natalia V. St. Petersburg State University. (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: belnata70@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 20

THE POLITICS OF MEMORY IN MODERN FRANCE: BETWEEN COLLABORATION AND RESISTANCE

Key words: politics of memory, collaboration, Resistance, France, «Vichy syndrome».

In the article examines the political practice of constructing the image of events of the Second World War in the French public consciousness, based on the dialectic of memory and oblivion. The main trends of the evolution of official political and historical discourse in contemporary France are being analyzed.

References

1. Rousseau, A. (2010) Frantsiya Vishi i Frantsiya Soprotivleniya [The Vichy France and the Resistance]. *Vokrug sveta*. 10(2841). [Online] Available from: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7166/>. (Accessed: 15th February 2016).
2. Block, M. (1999) *Strannoe porazhenie* [Strange Defeat]. Translated from French by E.V. Morozov. Moscow: ROSSPEN.
3. Hull, R. (1995) Moya kratkaya avtobiografiya [My brief autobiography]. *Novyy zhurnal*. 200. pp. 276–277.
4. Cooper, B. (1979) *Merleau-Ponty and Marxism: from terror to reform*. Toronto: University of Toronto Press.
5. Fokin, S. (2002) Ekzistentsializm – eto kollaboratsionizm? Neskol'ko shtrikhov k portretu Zhana-Polya Sartra v okkupatsii [Existentialism is a collaboration? A few strokes of the portrait of Jean-Paul Sartre in the occupation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3. pp. 258–281.
6. Cointet, M. & Cointet, J.-P. (eds) (2000) *Dictionnaire historique de la France sous l'Occupation* [Historical Dictionary of France under the Occupation]. Paris: Tallandier.
7. Pravda. (1944) 22th November. In: Akimov, Yu.G. & Minkova, K.V. (eds) *Sh. de Goll': pro et contra* [Charles de Gaulle: pro et contra]. St. Petersburg: RKhGA.
8. Molchanov, N.N. (1980) *General de Goll'* [General de Gaulle]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Azéma, J.-P. & Bédarida, F. (2000) *La France des années noires* [The black years of France]. Vol. 1. Paris: Le Seuil, coll. Points/Histoire.
10. Rouso, H. (2001) *Vichy. L'événement, la mémoire, l'histoire* [Vichy. The event, memory, history]. Paris: Gallimard.
11. Paxton, R. (2004) *La France sous Vichy* [France under Vichy]. Paris: Complexe.
12. *Le Figaro*. (2007) Maurice Papon sera-t-il enterré avec la Légion d'honneur? [Maurice Papon will be buried with the Legion of Honour?]. 18th February.
13. *Le Figaro*. (2007) Papon enterré avec sa Légion d'honneur [Papon buried with his Legion of Honour]. 21st February.
14. *Libération*. (2007) Maurice Papon, enterré décoré [Maurice Papon buried with Honour]. 21st February.
15. Gallo, M. (2007) *L'Ame de la France: Une Histoire de la Nation, des origines à nos jours* [The Soul of France: A History of the Nation, from its origins to today.]. Paris: Fayard.
16. President of the Republic: official website. (n.d.) *Discours du Président de la République à l'occasion du 70ème anniversaire de la rafle du Vel d'Hiv* [Address by the President of the Republic on the occasion of the 70th anniversary of the roundup of the Vel d'Hiv]. [Online] Available from: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-occasion-du-70eme-anniversaire-de-la-rafle-du-vel-d-hiv/>. (Accessed: 25th February 2016).
17. Conan, E. & Rouso, H. (1994) *Vichy, un passe qui ne passe pas* [Vichy, a password that does not pass]. Paris: Fayard.
18. Sherrer, J. (2009) Otnoshenie k istorii v Germanii i Frantsii: prarabotka proshlogo, istoricheskaya politika, politika pamyati [The attitude to history in Germany and France: The study of the past, historical politics, the politics of memory]. *Pro et Contra. Zhurnal rossiyskoy vnutrenney i vneshney politiki*. 3–4. pp. 89–108. [Online] Available from: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf. (Accessed: 16th February 2016).

УДК 32.01:316.344.42

DOI: 10.17223/1998863X/35/21

Ю.А. Пустовойт, А.А. Маргынченко-Фриауф, Т.Н. Антидзе

ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И РАСПАД ЛОКАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ В КРУПНОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ)*

В рамках исследования рассматривается проблема формирования и развития политического режима, а именно совокупности субъектов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление сообществом. Эмпирической базой работы послужила политическая история крупного индустриального центра, реконструированная на основе анализа средств массовой информации и биографических интервью. Авторы показывают, как менялась конфигурация власти в ходе политических и экономических процессов 1990-х гг.: от модели «элитизма», характерной для советского индустриального города, к «плюрализму» и далее к локальному политическому режиму. После смещения лидера коалиция распалась, и новая властная конфигурация приобрела характерные черты элитарного моноцентризма.

Ключевые слова: локальный политический режим, коалиция власти, элита, команда.

В центре нашего внимания процесс формирования, изменения и распада союзов политических и экономических акторов, реализующих свои цели на территории крупного индустриального центра. Понятийный аппарат и гипотеза исследования сформулированы на основе ключевых положений и выводов современных эмпирических исследований распределения городской власти, детально изложенных в монографии В. Ледяева [1].

В современной науке существует три подхода к проблеме распределения власти в городских сообществах: «элитизм», «плюрализм», «городской режим» («коалиция власти»).

«Элитизм». Гипотеза «элитизма» опирается на классические положения теории элит (Г. Моска, В. Паретто, Р. Михельс), эмпирические исследования Ф. Хантера в Атланте и работу Ч. Р. Миллса «Властвующая элита». Сущность «элитизма» сводится к тому, что наиболее влиятельные акторы выступают как единая группа, в которой доминируют представители финансовых институтов и бизнеса, обладающие экономическими ресурсами. Монолитная пирамида власти способна блокировать любые инициативы, идущие вразрез с ее целями. Единство группы достигается общими интересами, взаимными обязательствами, деньгами, привычками, полномочиями, возможностями, способностью применять силу и принуждение в особых случаях [1. С. 266]. Признаками «элитизма» выступают тенденция членов группы ссылаться друг на друга, регулярные контакты, стандарты повседневной жизни (оформление офисов, стиль одежды, марка автомобиля, формы поведения, места проведения досуга и т.д.). В целом, в «элитизме» единая доминирующая группа дер-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Администрацией Кемеровской области научного проекта №14-13-42001.

жателей ресурсов скрытно осуществляет управление через официальные представительные органы власти и администрацию. Политическое лидерство не имеет значения.

«Плюрализм». Гипотеза «плюрализма» была сформулирована Р. Далем по результатам исследования в Нью-Хейвене. В рамках этого подхода отрицается правящая элита, доминирующая во всех сферах городской жизни. Выделяя пять возможных вариантов взаимодействия между лидерами (скрытое господство экономических нотаблей; руководящая «коалиция коалиций» с административным центром; коалиция вождей; независимый суверенитет в сфере влияния; соперничающие суверенитеты) и отвечая на вопрос «Кто правит?», Дале дает однозначный ответ – политические лидеры, прежде всего мэр и его ближайшее окружение [1. С. 254–257]. Именно мэр отвечает за решение главных проблем в развитии города. Отсутствие единой элиты, контролирующей все направления общественной жизни, связано с фрагментизацией политических ресурсов, движением от олигархии к плюрализму и формированием дисперсного неравенства. Разные группы граждан обладают различными типами и объемами ресурсов (денежные кредиты, голоса избирателей, контроль над рабочими местами, популярность, уровень энергичности и харизмы и т.д.), поэтому ни одна из них не может доминировать над другой. В этих условиях те, кто профессионально занимается политикой и в силу этого обладает легитимным статусом, временем и информацией, наиболее эффективно используют свои ресурсы. По мнению Далея, диктатура в «плюралистическом» обществе невозможна, так как политический статус необходимо постоянно подтверждать через процедуру выборов [1. С. 264].

«Городской режим» («коалиция власти»). Теория «городских режимов» была предложена К. Стоуном на основании изучения политической истории г. Атланты. В отличие от дебатов по поводу распределения власти в городе между «элитистами» и «плюралистами», Стоун сфокусировал внимание на способности акторов добиваться поставленных целей. Именно способность субъектов, одни из которых обладают властными позициями, а другие – экономическими капиталами, договариваться между собой, формулировать общие приоритеты городского развития (повестку дня), придает стабильность режиму. Таким образом, политический режим – это коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление сообществом [1. С. 163–165]. Создание коалиции и является главной проблемой, так как политические акторы вынуждены вступать во взаимодействия, ограничивающие их свободу действий и интересы.

Рассмотрим системы признаков, соответствующих каждой модели. В первом приближении они органично увязываются с центрами принятия ключевых решений, способами отбора и каналами назначений на основные позиции, а также механизмами согласования интересов различных социальных групп. Собственно говоря, это подразумевает поиски ответов на следующие вопросы: кто правит, кто и как формирует кадровый пул, как и через какие процедуры достигаются устойчивое взаимодействие и институционализация принимаемых решений. Ответы на эти вопросы позволят соотнести эмпирические данные с той или иной теоретической моделью структуры власти («элитизм», «плюрализм», «городской режим»).

В качестве эмпирической базы были использованы газетные публикации с 1988 по 2014 год, материалы всех избирательных кампаний в городские органы власти (1990, 1997, 2001, 2006, 2010, 2013 гг.), архивные материалы, беседы и интервью с непосредственными участниками происходивших событий. В целом мы придерживались качественной стратегии, стремясь зафиксировать и точно передать различные интерпретации одних и тех же событий разноуровневыми субъектами политического процесса. Дополнительно нами привлекались материалы по экономической истории, приватизации, созданию и развитию крупных корпораций, силовому предпринимательству, реформам муниципальной власти и политической истории современной России.

Советский период характеризуется совокупностью признаков, позволяющих определить действующую в то время модель власти как «элитизм». Стратегия городского развития задавалась экономическими субъектами, крупными индустриальными предприятиями. Руководство предприятий, рассматривавшее город как особый социальный цех и отвечавшее за развитие закрепленной за ними территории, являлось номенклатурой более высокого ранга, чем городская администрация. Практически все административные и партийные посты занимали люди, начинавшие активную управленческую деятельность на металлургических и горнодобывающих предприятиях города и региона. «Элитизм» закончился волной рабочих забастовок, прокатившихся по Кузбассу в конце 1980-х гг. В это время Новокузнецк был одним из самых популярных городов Советского Союза. В нем спешил отметиться весь демократический истеблишмент, и 2 мая 1990 г. прошел I съезд Конфедерации труда СССР.

С 1 августа 1991 г. началась другая история жизни города. Идеологические баталии были перенесены на уровень горсовета, подчинившего себе исполнительную власть. Коммунисты и демократы находились в ситуации непримиримой борьбы по поводу тех или иных стратегических планов, вызывали на ковер администрацию и, практически не занимаясь хозяйствованием, уделяли особое внимание процессу приватизации. С 1993 г. после известных событий идеологические баталии утихли, и перед назначенной администрацией встал комплекс проблем, сводимых к простому ответу – «нет денег». Идеологическое противостояние вновь возникло только в 1995 г., когда в городе за требование организовать выборы с должности заместителя главы города был снят будущий мэр С. Мартин. Парадокс ситуации был в том, что это событие интерпретировалось различными политическими группами противоположным образом: одна сторона считала, что будущий мэр – ставленник коммунистов, способный в перспективе обеспечить победу Г. Зюганова по городу на президентских выборах 1996 г., другая полагала, что причиной снятия являлась верность заместителя «демократическому» губернатору области М. Кислюку [2].

Город активно противопоставлял себя региону. Это неудивительно, если учесть, что 70 % бюджета области и треть стали в стране давал Новокузнецк. А в регионе между тем шла серьезная борьба между упомянутым «демократическим» губернатором М. Кислюком, неспособным справиться с хозяйственными проблемами, и «народным заступником» будущим губернатором А. Тулеевым, который был способен гневно обличать, громить и ставить во-

просы, фактически ни за что не отвечая. В общем, Новокузнецк против Кемерово и Кузбасс против Москвы. К середине 1990-х гг. стало понятно, что приватизация шахт произошла, но не сделала шахтеров богаче и счастливее. Подавляющее большинство угольных предприятий оказалось закрытыми, деньги, выделенные МВФ на их реструктуризацию, исчезли, жители небольших шахтерских городков становились безработными. Перспективы металлургической отрасли были более оптимистичны, и город стал площадкой, на которой столкнулись интересы могучих фигур О. Сосковца и А. Чубайса, TWG братьев Черных, МИКОМа М. Живило, местного менеджмента КМК и Запсиба, Альфа-банка [3] и еще множества мелких и средних криминальных структур [4]. О последних следует сказать особо. Согласно исследованию В. Волкова, середина 1990-х гг. – это активное развитие силового предпринимательства. Как правило, эти структуры формировались из бывших «афганцев», спортсменов и лиц, отбывших наказание [5. С.100–103]. Надо ли говорить, что жители пригородов крупного индустриального центра представляли собой отличную питательную среду для формирования криминальных объединений. ПТУ, занятия спортом, служба в Афганистане, работа либо в рэкетирской бригаде, либо в частной охранной структуре, легализация своего положения через создание собственной фирмы – типичный путь выживших в групповых разборках парней с Запсиба, из Прокопьевска, Осинников, Мысков и т.д. Либеральное законодательство 1995 г. дало городским властям возможности принимать ключевые стратегические решения. Выборы 1997 г. вскрыли основные властные группы, их экономические ресурсы и социальную базу. Наиболее сильным кандидатом считался В. Медиков, начинавший свою политическую карьеру еще народным депутатом СССР, за которым стояли крупные политические фигуры (А. Чубайс, А. Лебедь) и действующее руководство КМК, Запсиба и ряда крупных городских организаций. Не меньшей популярностью пользовался полковник милиции В. Медянец, поддерживаемый компанией «МИКОМ», О. Сосковцом и В. Жириновским [6]. Победитель – С. Мартин, набравший в ходе выборов 27% голосов, на начальном этапе не рассматривался как серьезная кандидатура. Показательно название материала в одной из газет – «Мэром города стал кандидат от производителя местной газировки». Однако публичная поддержка таких взаимоисключающих фигур, как Г. Зюганов, А. Тулеев и М. Кислюк, имидж крепкого хозяйственника, сильная публичная кампания, поддержанная средним бизнесом, привели кандидата к победе.

После выборов 1997 г. в городе и 1998 г. в регионе неформальные структуры и организации власти, ориентированные на победителей, стали активно выдвигать своих представителей на ключевые управленческие позиции. В это время губернатор А. Тулеев вступил в борьбу со своими прежними союзниками – Законодательным собранием области, избранным в 1996 г. Камнем преткновения оказался контроль над бюджетом, так как избранный губернатор посчитал опеку законодателей в этом вопросе излишней. Вторым направлением деятельности губернатора стал контроль над собственностью в горнодобывающей промышленности и металлургии. В 1998 г. Е. Примаков передал госпакеты угольных корпораций региональным властям. Была создана Сибирская горно-металлургическая компания, руководитель которой

А. Смолянинов одновременно находился в хороших отношениях с И. Махмудовым (УГМК), А.Тулеевым и С. Мартиным. Было заключено соглашение о разделе продукции: 51% – области, 49% – городу [7]. На территории Новокузнецка группа «МИКОМ» начала развивать высокую политическую активность, – выдвинула своих кандидатов в областные органы власти. Одновременно «МИКОМ» подвергся критике со стороны региональных и городских властей за нарушение социальных обязательств, низкую заработную плату и налоговые неплатежи. На фоне относительно стабильной работы ЗСМК, управляемого А. Смоляниновым, деятельность «МИКОМ» вполне укладывалась в формулу «москвичей, грабящих Кузбасс». Посредством нескольких решительных силовых действий группа «МИКОМ» и ее руководство были выдвинуты с территории [8]. С 1999 г. в город зашел «Евразхолдинг», и город стал его крупнейшей производственной площадкой. Городские власти сформулировали «повестку дня» как «город, привлекательный для инвесторов». Как и во многих городах, в Новокузнецке стало активно развиваться строительство элитного жилья, торгово-развлекательных центров, реконструкция исторических памятников. Заголовки газет того времени начинались со слов «мэр работает, контролирует, одобряет» и т.п. В регионе и городе стала активно развиваться практика договоров о социально-экономическом партнерстве, направленная на обязательство владельцев и менеджмента предприятий поддерживать все властные инициативы. Те, кто с этим не соглашался, были вынуждены покинуть регион [9. С. 267–270]. В этот период конфигурация власти ближе всего к тому, что К. Стоун обозначил как коалицию. Власть и бизнес действовали на взаимовыгодной основе, что в целом укладывалось в доминирующую в российской экономической жизни тенденцию создания крупных интегрированных бизнес-структур (см.: [10]). Предприятия получали конкурентные преимущества, а власть – свободные денежные средства. Со стороны города состав коалиции определял мэр (он, его заместители, некоторые депутаты городского и областного Советов народных депутатов), со стороны бизнеса: руководители крупных предприятий были относительно автономны, руководители средних имели совещательный голос и иногда допускались к принятию стратегических решений, а мелкий бизнес брал на себя компенсацию непредвиденных расходов (приезд важных гостей, праздники и т.д.). Открытого противостояния между мэром и губернатором не было. Но, судя по выборам 1999 г., излишняя городская самостоятельность в политических вопросах пресекалась региональными властями. Например, кандидат в Государственную думу С. Неустроев, поддерживаемый городской администрацией, с треском проиграл выборы ставленнику губернатора кандидату С. Неверову. К 2005–2006 гг. политическая борьба практически прекратилась, чему немало способствовало новое законодательство, особенно Федеральный закон 2003 г. о местном самоуправлении и Закон 2006 г. о выборах (см.: [11]). В 2007 г. журнал «Эксперт» опубликовал рейтинг влиятельных фигур региона [12]. Интересно, что на основе этого рейтинга один из аналитиков сделал вывод об обострении противостояния между губернатором региона и мэрами крупных городов [13]. Косвенно эта конкуренция подтвердилась возбуждением большого количества уголовных дел в отношении оппозиционных мэров [14].

В апреле 2010 г. Совет народных депутатов в отсутствие мэра города принял решение об его отставке. За несколько месяцев до этого в городе, в том числе и на страницах печати, активно обсуждались финансовые злоупотребления в Новокузнецкой управляющей и Новокузнецкой энергетической компаниях. Дальнейшее развитие политических событий не представляет особого интереса, так как в городе было введено практически внешнее управление. Легитимность назначенного Администрацией Кемеровской области главой города 59-летнего В. Смолего была ритуально подтверждена на осенних выборах 2010 г. В 2013 г. его работа была признана неудовлетворительной, и он подал в отставку. В сентябре этого же года мэром города был выбран С. Кузнецов, имеющий в своем послужном списке работу в «Евраз-Холдинге» и самостоятельном бизнесе. С этого времени городская политика приобрела черты управления, которые можно охарактеризовать как бюрократический фаворитизм. С одной стороны, мэр постоянно подчеркивает необходимость работы на основании четких регламентов, осуществления отбора в команду по принципу профессиональной компетенции, независимости принимаемых решений от финансово-промышленных групп; с другой – регулярно упоминает серьезное влияние губернатора на формирование его политической карьеры, отсутствие собственной команды и необходимость лично принимать участие в решении множества разноуровневых проблем (от ремонта канализации в одном из домов города до финансирования хоккейной команды).

По итогам исследования сделаем следующие выводы:

1. Нам удалось обнаружить изменения, происходившие в конфигурациях политических и экономических акторов от модели «элитизма» через «плюрализм» к типу, подпадающему под определение К. Стоуна «локальный политический режим», т. е. социальной группе субъектов, имеющих доступ к институционализированным ресурсам и объединенных повесткой дня, структурой и системой неформальных норм. С 1997 по 2010 г. ядром городского политического режима выступала коалиция власти, состоящая из чиновников, объединенных вокруг действующего главы города, руководства крупных промышленных предприятий, строительных фирм, торговых объединений и банков.

2. Наиболее ярко целостность коалиции проявлялась во время избирательных кампаний, во время которых коалиция стремилась укрепить свои позиции через проведение лояльных кандидатур в городские, региональные и федеральные органы законодательной и исполнительной власти. Члены коалиции оказывали друг другу различные виды материальной, информационной и символической поддержки, объединяли усилия для ограничения возможностей кандидатов от конкурирующих блоков.

3. Исследование еще раз подтвердило, что особенностью российской политической культуры выступает феномен моноцентричности власти, проявляющийся в том, что возможности политического субъекта могут быть эффективно ограничены только субъектом, занимающим более высокую позицию в системе властной иерархии. Для изученной коалиции характерна персонификация лидера, авторитет которого выше, чем существующий комплекс формальных и неформальных норм. Не удалось обнаружить фактов

«горизонтального» ограничения лидерских инициатив даже в тех случаях, когда его деятельность вносила элементы политических, юридических и экономических рисков для членов коалиции.

4. Конфигурация политических субъектов задается теми проблемами, которые должны быть решены локальным сообществом. В коалицию входят члены, способные предоставить в ее распоряжение имеющиеся у них институциональные ресурсы. По нашим наблюдениям, система неформальных норм и правил определяется, с одной стороны, традициями, заложенными еще в советской номенклатуре, с другой – существенно корректируется лидерами федерального и, в нашем случае это проявляется особенно отчетливо, регионального уровня.

5. Особенностью индустриального центра выступает то, что руководители и собственники крупных промышленных предприятий играют ведущую роль в определении стратегии развития города. В нашем случае прослеживается динамика реализации политических интересов высшего менеджмента от стремления занять официальные позиции в системе представительных органов власти к активному выдвижению кандидатур от предприятий в данные органы и далее к формированию кадрового резерва для исполнительных городских структур. Ядро администрации города сформировано из лиц, прошедших профессиональную и управленческую социализацию на крупных предприятиях металлургической и добывающей отраслей. Возникшая модель властных отношений в целом соответствует модели «элитизма».

Литература

1. *Ледяев В.Г.* Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
2. *Блинов Е.* «Я никогда не цеплялся за власть» [Электронный ресурс] // Кузнецкий рабочий. 25.11.2006. – Электрон. дан. – URL: <http://xn--80ackhgcedbc5asx9a0cxa.xn--p1ai/publics/index.php?ID=9562>
3. *Бутрин Д.* Черная металлургия-2001. Кому принадлежит Россия [Электронный ресурс] / Коммерсант-Власть. 18.09.2001 // Компромат.Ru : сайт. – Электрон. дан. – URL: http://www.compromat.ru/page_11135.htm
4. *Медиков В.Я.* Черный передел собственности и власти [Электронный ресурс] // Обозреватель-Observer. 2002. № 5–6. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://observer.materik.ru/observer/N5-6_02/5-6_12.htm
5. *Волков В.В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 352 с.
6. *Смолин А.* К выборам в Кузбассе? Хочешь узнать, кто будет губернатором, – выбери мэра [Электронный ресурс] // Газета Коммерсантъ. № 046. 05.04.1997. Полоса 004. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/175605>
7. *Никулина Л.* Политический мониторинг. Кемеровская область в апреле 1999 года [Электронный ресурс] // Международный институт гуманитарно-политических исследований : сайт. – Электрон. дан. – URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0499/42.html>
8. *Авдеев В.* Кто в Кузбассе хозяин? [Электронный ресурс] / Кузнецкий край. 10.04.1999 // Компромат.Ru : сайт. – Электрон. дан. – URL: http://www.compromat.ru/page_25570.htm
9. *Олейник А.Н.* Власть и рынок: система социально-экономического господства в России» нулевых» годов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 441 с.
10. *Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С.* Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. 423 с.
11. *Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с.

12. 10 персон с наибольшим уровнем политического влияния в своих регионах [Электронный ресурс] // Эксперт. 2007. №12 (553). – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://expert.ru/ratings/table_261101/

13. Осинцев Ю. Особенности региональной политики [Электронный ресурс] // Эксперт Урал. 2007. №15 (278). – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://expert.ru/ural/2007/15/regionalnaya_politika/

14. Тульский М. В период «оттепели» Медведева репрессированы 50 оппозиционных мэров [Электронный ресурс] // Эхо Москвы : сайт. – Электрон. дан. – URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/tulsky/826429-echo/>

Pustovoit Yuri A. Siberian Institute of Management – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: pustovoit1963@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 21

Martynenko Aleksey A. Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation)

E-mail: fagot1974@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 21

Antidze Tatyana N. Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation)

E-mail: antidze@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 21

THE FORMATION, DEVELOPMENT AND DECAY OF THE LOCAL POLITICAL REGIME (THE EXPERIENCE OF REVEALING THE STRUCTURE OF POWER IN THE LARGE INDUSTRIAL CENTERS)

Key words: *local political regime, coalition of power, elite, team.*

The formation, development and decay of the local political regime (the experience of revealing the structure of power in the large industrial centers)

The study considers the problem of formation and development of the political regime, namely the set of entities that have access to institutional resources and implementing community management. The empirical base of the work served as the political history of a major industrial center, reconstructed on the basis of an analysis of the media and biographical interviews. The authors show how to change the configuration of power in the political and economic processes of the 1990s.: from “elitism” model, typical of the Soviet industrial city, to “pluralism”, and then to the local political regime. After the leader of offset coalition collapsed, and the new power configuration of the acquired characteristic features elite monocentrism.

References

1. Ledyayev, V.G. (2012) *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: Theory and experience of empirical research authorities in urban communities]. Moscow: Higher School of Economics.

2. Blinov, E. (2006) *Ya nikogda ne tseplyalsya za vlast'* [I have never clung to power]. [Online] Available from: <http://xn--80ackhgcedbc5asx9a0cxa.xn--p1ai/publics/index.php?ID=9562>.

3. Butrin, D. (2001) *Chernaya metallurgiya-2001. Komu prinadlezhit Rossiya* [Metallurgy-2001. Who owns Russia]. [Online] Available from: http://www.compromat.ru/page_11135.htm.

4. Medikov, V.Ya. (2002) *Chernyy peredel sobstvennosti i vlasti* [Black redistribution of property and power]. *Obozrevatel'-Observer*. 5–6. [Online] Available from: http://observer.materik.ru/observer/N5-6_02/5-6_12.htm.

5. Volkov, V.V. (2012) *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power business, the twenty-first century: Economic and sociological analysis]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

6. Smolin, A. (1997) *K vyboram v Kuzbasse? Khochesh' uznat', kto budet gubernatorom, – vyberi mera* [The elections in Kuzbass? Want to know the next governor – choose the mayor]. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/175605>.

7. Nikulina, L. (1999) *Politicheskii monitoring. Kemerovskaya oblast' v aprele 1999 goda* [Political monitoring. Kemerovo Region in April 1999]. [Online] Available from: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0499/42.html>.

8. Avdeev, V. (1999) *Kto v Kuzbasse khozyain?* [Who owns Kuzbass?]. [Online] Available from: http://www.compromat.ru/page_25570.htm.
9. Oleynik, A.N. (2011) *Vlast' i rynek: sistema sotsial'no-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii nulevykh godov* [Power and Market: The system of social and economic domination in Russia of the noughties]. Moscow: ROSSPEN.
10. Pappé, Ya.Sh. & Galukhina, Ya.S. (2009) *Rossiyskiy krupnyy biznes: pervye 15 let. Ekonomicheskie khroniki 1993–2008 gg.* [Russian big business: The first 15 years. Economic Chronicle of 1993–2008]. Moscow: Higher School of Economics.
11. Gelman, V., Ryzhenkov, S., Belokurova, E. & Borisova, N. (2008) *Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2006* [The reform of local authorities in Russian cities, 1991–2006]. St. Petersburg: Norma.
12. Anon. (2007) 10 person s naibol'shim urovnem politicheskogo vliyaniya v svoikh regionakh [10 people with the highest level of political influence in their regions]. *Ekspert*. 12(553). [Online] Available from: http://expert.ru/ratings/table_261101/.
13. Osintsev, Yu. (2007) Osobennosti regional'noy politiki [Features of regional policy]. *Ekspert Ural*. 15(278). [Online] Available from: http://expert.ru/ural/2007/15/regionalnaya_politika/.
14. Tul'skiy, M. (2011) *V period "ottepeli" Medvedeva repressirovany 50 oppozitsionnykh merov* [Fifty opposition mayors were repressed during the Medvedev's "thaw"]. [Online] Available from: <http://www.echo.msk.ru/blog/tulsky/826429-echo/>.

УДК 36

DOI: 10.17223/1998863X/35/22

Ф. Руми, А.С. Матвеев

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДВУСТОРОННИХ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ СВЯЗЕЙ

В проведенном исследовании российско-иранских отношений с точки зрения различных концепций теории международных отношений авторы приходят к выводу, что конструктивизм наиболее полно раскрывает суть отношений Исламской Республики Иран и Российской Федерации. Сегодня существуют объективные тенденции к сближению двух стран, союз России и Ирана обусловлен похожим социальным восприятием международных отношений и историческими стремлениями двух государств.

Ключевые слова: конструктивизм, неореализм, либерализм, внешняя политика, идентичность.

Введение. Весьма сложно сделать выбор теории международных отношений, чтобы трактовать связи между Россией и Ираном. Не существует теории, которая смогла бы объяснить различные аспекты двусторонних связей России и Ирана. Однако мы полагаем корректным рассмотреть данные двусторонние связи в контексте трех теорий международных отношений: неореализма, либерализма и конструктивизма; эти подходы представляют различные точки зрения на природу международных отношений.

Неореалисты объясняют стратегическое сотрудничество между Ираном и Россией общим ощущением угрозы со стороны Америки и их стремлением к установлению равновесия сил против этой страны. Кроме того, Иран и Россия стремятся, помогая друг другу, предотвратить растущее влияние Америки в своих регионах [1. С. 61].

Кеннет Уолтц анализирует отношения Ирана и России в рамках стремлений двух стран создать противовес угрозе со стороны Америки. По мнению Уолтца, с распадом СССР международная система оказалась в униполярном положении, а Соединенные Штаты были представлены как единственная мировая сверхдержава со значительным отрывом в качественных показателях силы относительно других крупных держав [2. С. 27].

Хотя реалистический анализ отношений Ирана и России и дает относительно удовлетворительные ответы на многие вопросы, тем не менее реалистическая теория не может объяснить, почему некоторые страны после окончания периода биполярной системы вместо стратегии адаптации применили стратегию противостояния и вражды с гегемонистской державой? Почему Россия после окончания холодной войны и уничтожения идеологических причин вражды с Америкой не пошла по такому же пути, как другие страны Восточной Европы, и вместо получения выгоды от этого союза стала предлагать различные варианты своего места в международной системе?

Реалистический анализ поведения России в период после холодной войны столкнулся с некоторой критикой либеральных аналитиков. По мнению

Брукса и Волфорса, не следует предпринимать попыток торга за счет создания равновесия сил. По словам Брукса и Волфорса, существует еще множество причин для установления хороших отношений России с Ираном, кроме создания противовеса Америке. «Ядерная сделка, передача технологий и другие меры, за счет которых происходит укрепление Ирана, являются частью стратегии России, которая исходит из потребностей Москвы к сотрудничеству с Ираном в решении комплекса региональных проблем, таких как борьба с религиозным радикализмом, сотрудничество в вопросах энергетики и природных ресурсов Каспийского моря» [3. С. 76–88].

Однако эксперты уверены, что экономические выгоды в отношениях России и Ирана не являются определяющим показателем. Принимая во внимание невысокий уровень двустороннего экономического обмена, материальный ущерб России в случае потери иранского рынка окажет незначительное влияние на экономику этой страны [4]. Если мы обратимся к данным Министерства экономического развития Российской Федерации о торгово-экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, то выяснится, что доля Ирана во внешнеторговом обороте России с 2000 по 2011 г. не превышала 2,5%, а в 2012 г. составила 0,47% (см.: [5]).

Таким образом, эти концепции (будь то реализм или либерализм) ищут причины улучшения отношений Ирана и России среди материальных факторов, таких как объективные угрозы, осязаемые экономические выгоды.

Конструктивизм и принципы внешней политики. Между тем одной из теорий, которая особым образом рассматривает значение нематериальных структур и роль идентичности в определении национальных целей и внешней политики стран, является теория конструктивизма.

В соответствии с конструктивизмом интерес определяется государственной идентичностью, которая зависит от исторического, культурного, политического и социального прошлого. Конструктивисты подчеркивают, что «системы общих идей и ценностей имеют структурные характеристики, которые прямо пропорционально влияют на поведение государств» [6. С. 5].

В данной теории цели государства зависят от норм и национальных ценностей, таких как верования, идеалы, национальная идентичность, национальный суверенитет и национальное единство. Из-за преимущества норм над интересами, государства не могут игнорировать нормы в своем поведении и для достижения своих целей предпринимают любые меры [6. С. 8].

Следовательно, в теории конструктивизма государство является социальным актором, а его идентичность и интересы заранее не определены. Государство действует в рамках социальных правил, где на него давит как внутренняя система, так и международная система правил и норм, которые формируют его идентичность [7. С. 255].

С точки зрения конструктивистов, даже «вопрос угрозы» является субъективным феноменом. Угроза строится на основе отношений между фактором угрозы и областью угрозы. На основании этого угрозу формируют идеи, мысли, дискурсы. Следовательно, с изменением мыслей, убеждений и понятий угрозы либо изменяются, либо уничтожаются.

Александр Вендт, один из ведущих ученых этого направления, отмечает, что исключительно материалистический подход не может объяснить многие

факты международных отношений. Например, почему США считают 500 британских ядерных ракет менее угрожающими их безопасности, чем 5 северокорейских ядерных ракет? Очевидно, что дружеское отношение Великобритании к США по сравнению с видимой враждебностью Северной Кореи не является само собой разумеющимся с чисто материальной точки зрения. Разница между этими странами состоит в рассуждениях многих американских лидеров о том, что северокорейцы с большей вероятностью применяют агрессию по отношению к США, чем британцы. Это убеждение основано на интерпретации истории, риторики и поведения, оно порождает ожидание, что война с Северной Кореей более вероятна, чем война с Великобританией, и эта ситуация приводит к различным стратегиям политики в ответ на наличие у них ядерного оружия [8].

По мнению конструктивистов, нормы определяют идентичность, а идентичность определяет интересы. Следовательно, выяснив, каким образом нормы влияют на идентичность, можно понять определение национального интереса, который является основой функционирования внешней политики любой страны. Согласно данной модели, это такие нормы, которые определяют интересы и цели государств [9. С. 73].

Авторы настоящей статьи предполагают, что Россия и Иран строят отношения друг с другом на основе представлений, которые они имеют друг о друге, о других странах, а также на основе того определения, которое они дают своей идентичности и интересам. Эти представления и интересы не определены заранее, однако формируются в социальном и историческом процессе. Итак, мы можем определить отношения между Ираном и Россией как социально сформированные, где играет роль совокупность внутренних и исторических факторов, а также внешние факторы. В исследовании внешней политики России и Ирана следует рассмотреть вопрос о том, какую роль в формировании идентичности играют культурно-религиозные факторы.

Основные принципы внешней политики Российской Федерации. Понимание процесса внешней политики не охватывает лишь сферы, относящиеся к национальным интересам, национальной безопасности и геополитике. Такие компоненты, как географическое положение, историческое прошлое, крупные победы и поражения на протяжении периода времени, повлияли на поведение и мысли людей, привели к возникновению культурно-идентификационных особенностей. Россия на протяжении многих столетий занимала место самой мощной державы в мире, и этот исторический опыт оказал влияние на их разум и дух, стал причиной появления особого чувства мужества, чести и превосходства, поэтому они всегда ожидают, что будут влиять на международные дела. Однако свержение коммунизма и распад Советского Союза создали психологическую пропасть между прошлым и настоящим России [10. С. 52–53].

Ясно, что время, когда государство из-за внутренних или внешних перемен сталкивается с кризисом идентификации, одной из важнейших сфер, в которой возникает этот кризис, является его внешнее поведение. Этот вопрос имеет особое значение для понимания его внешней политики, и особенно это касается России [11. С. 143].

Создание одного государства – сильной нации и согласованной национальной идентичности – могло в некоторой степени снизить тяжесть проблем после распада Советского Союза. Доминирующую теорию в первые годы существования Российской Федерации предложили евроатлантисты: концепция предполагала отказ от империи и создание государства-нации; на основании такого подхода руководство страны попыталось обеспечить почву для создания когерентной национальной идентичности посредством постепенного продвижения в сторону западного демократического строя [12. С. 860].

Однако демократы, ориентированные на Запад, разочаровались решением российских экономических проблем новыми способами. Совершенно очевидно, что люди не живут исключительно благодаря хлебу, они не могут отказаться от духовных потребностей. В такой стране, как Россия, эта потребность всегда оставалась актуальной. Профессор МГУ Александр Задохин считает: «Нет сомнения в том, что внешняя политика России определяется ее геополитическим положением, изменениями в международных отношениях и национальными интересами страны. Однако в этой политике всегда имелся так называемый источник, который брал свое начало из культурных и психологических особенностей формирования национального сознания россиян. Пространство сознания россиян не соответствует границам государства, однако имеет свои рамки и ориентацию. Россия для сохранения этого пространства, т.е. сохранения «себя», несет множественные потери и терпит ущерб» [13. С. 167].

С точки зрения евразийцев, Россия не относится ни к Востоку, ни к Западу. Россия относится к Евразии – миру, который имеет свою, особую динамику. Концепция третьего пути тесно связана с мессианством России, которое осталось как напоминание об эпохе славянофильства [14]. Евразийцы делают акцент на значении геополитических факторов и считают, что геополитическое положение России требует разносторонней политики, которая не была бы слишком сосредоточена на Западе. Академик Евгений Примаков считал, что если внешняя политика России не будет учитывать геополитическую сторону международных вопросов и не будет охватывать весь мир, начиная от Соединенных Штатов Америки и Европы до Китая, Индии, Японии, Центральной Азии и Ирана, Россия не сможет быть сверхдержавой [15. С. 128].

В документе 2008 г. «Концепция внешней политики Российской Федерации» Россия упоминается как «один из эффективных центров в новом мире» [16]. Такая интерпретация России на мировой арене в период президентства В. Путина и перехода от политической и социальной нестабильности, вызванной кризисом после распада, всегда была устойчивой частью позиций российских властей, их официальных и неофициальных заявлений. Движение к статусу «великая держава» было наиболее разумной целью внешней политики России в постсоветский период.

Принципы внешней политики Исламской Республики Иран. После *победы* Исламской революции в 1979 г. роль внутренних факторов, а особенно идеологических целей, играет гораздо большую роль в выработке международной политики Ирана, чем внешние факторы. Национальные интересы Исламской Республики Иран не ограничиваются только материальными ин-

тересами, но охватывают и другие интересы, такие как нематериальные и идеологические ценности.

При изучении внешнеполитического поведения Ирана необходимо обратить внимание на восприятие ценностей и верований этой страны во внешней политике, а также на роль идентичности и национальной культуры в формировании ее внешней политики. В то же время идентификационные источники внешней политики Исламской Республики Иран можно рассматривать в рамках ислама и шиизма, истории и культуры Ирана и географического положения этой страны. Это определяющие компоненты поведения Ирана в международной политике.

Очевидно, что из-за религиозной природы лидеров Исламской революции Ирана влияние религиозной идентичности и исламских ценностей на внешнюю политику гораздо глубже, нежели влияние других ресурсов. В Иране правит религиозная власть, и естественно, что религия в определении ориентации этой власти является доминирующим элементом. При таком подходе национальные интересы определяются прежде всего на основании исламских ценностей и в меньшей степени исходят из национальных целей и расчетов потерь и прибыли [17. С. 260–262].

Другое влияние религии на внешнюю политику Ирана можно распознать в принципе *«фикх»*, называемом «отрицание господства», по которому немусульмане не должны господствовать над мусульманами. «Отрицание господства» является основным правилом в построении отношений между мусульманами и немусульманами. На основе этого заключение любого договора – политического, экономического или военного, в основе которого может лежать господство немусульман над мусульманами, – является недействительным [18].

Без сомнения, непринятие некоторых резолюций Совета Безопасности ООН, Совета по защите прав человека, Совета управляющих Международного агентства по атомной энергетике и отказ от давления на правительство некоторых могущественных стран, таких как Соединенные Штаты Америки, исходя из убеждений иранских лидеров, основано именно на этом правиле [19].

К тому же элементы идентификации внешней политики Ирана нашли выражение в знаменитом лозунге аятоллы Хомейни: «Ни Восток, ни Запад – только Исламская Республика», который впоследствии стал направляющим во внешней политике этого государства. На основе этого в первые годы после революции целью внешней политики этой страны было противостояние двум сверхдержавам Запада и Востока, а основной осью ориентации внешней политики Ирана должен был быть отказ от зависимости со стороны сверхдержав [20. С. 1022].

После разрушения СССР лозунг «ни Запад, ни Восток» изменил свой семантический смысл на «отказ от доминирования и одностороннего подхода Америки». Другими словами, с тех пор определяющим фактором внешней политики Ирана стала идеологическая вражда с США и израильским режимом. Однако Иран, используя опыт, полученный в войне с Ираком, в противостоянии единственной оставшейся сверхдержаве нуждался в помощи и поддержке партнера. Российская Федерация была первым кандидатом для этого нового подхода Ирана.

Иран нуждался в стратегическом сотрудничестве с Россией, для того чтобы противостоять новым условиям международной системы после холодной войны, т.е. необходимости следования в фарватере единственной сверхдержавы – США [20. С. 1024].

Выводы. В девятнадцатые годы прошлого века Россия и Иран находились в сложном периоде становления собственной идентичности. Россия после разочарования в евроатлантическом пути и выстраивании государства-нации по европейскому образцу обратилась к евразийству и независимой внешней политике. Иран, окончательно сформировав национальные приоритеты под влиянием норм ислама, выстраивает собственную внешнюю политику в качестве региональной силы.

Конструктивизм, несмотря на свои методологические «минусы», наиболее точно и адекватно рассматривает законы развития международных отношений. Социальные нормы, столь различные по своей духовной природе (в случае России это традиции русского мессианства, а случае Ирана – шиитское мученичество и борьба с угнетателями), дали двум странам схожее представление о национальных интересах в современной мировой системе. Следует подчеркнуть, что партнерство двух стран выстраивается на идее сдерживания США, однако отношения Исламской Республики Иран и Российской Федерации сами по себе обладают огромным политическим, экономическим и военным потенциалом.

Мы не должны забывать, что в отношениях Ирана и России существенными преградами остаются исторические обиды и недоверие, эти факторы воздействуют на социальные нормы, а значит, и на дальнейшее определение странами своих национальных интересов. Пути преодоления проблем следующие: необходимо развитие в двух странах близкого понимания базовых основ современного миропорядка, накопление совместных знаний, уважение интересов и понимание мотивов друг друга. Важным моментом российско-иранского партнерства является формирование доверия, а для формирования доверия необходимы диалог и совместная работа.

В российско-иранских отношениях в настоящее время присутствует политическая воля на сближение двух стран, это воля может служить твердой основой для выстраивания дальнейшего диалога, который при определенных условиях может трансформироваться в стратегическое партнерство.

Литература

1. *Hopf T.* (1999) *Understandings of Russian Foreign Policy.* Penn State Press.
2. *Waltz K.* (2000) *Structural Realism after the Cold War.* *International Security.* Vol. 25, № 1. P. 5–41.
3. *Brooks S.G. & Wohlforth W.C.* (2005) *Hard Times for Soft Balancing.* *International Security.* Vol. 30, № 1. P. 72–108.
4. *Harvey C. & Sabatini R.* (2010) *Russia's lukewarm support for international sanctions against Iran: history and motivations.* *Building a Safer World (NTI).* [Online] Available from: <http://www.nti.org/analysis/articles/russias-support-sanctions-against-iran> (mode of access: 13.11.2014).
5. *Torgovye otnosheniya Rossii i Irana* [Trade relations between Russia and Iran]. *Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija RF.* 2014. [Online] Available from: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/ir_ru_relations/ir_ru_trade.
6. *Risse T.* (2000) *Let's Argue: communicative action in World politics.* *International Organization.* Vol. 54, № 1. P. 1–39.

7. Венд А. (2007) Social'naja teorija mezhdunarodnoj politiki [social theory of international politics] / Пер. на фарси Х. Маширхадех. Тегеран: Офис политических и международных исследований Министерства иностранных дел. P. 227.
8. Wendt A. (1995) Constructing international politics. *International Security*. № 20. P. 71–81.
9. Gharamanpoor P. (2005) Analiz vneshnej politiki Irana s toчки zrenija konstruktivizma [Analyze Iranian foreign policy based on constructivist standpoint]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Strategic Studies*. № 3. P. 71–88.
10. Zargar A. (2006) Konflikty identichnosti v Rossii i ih vlijanie na vneshnjuju politiku [The conflict of identity in Russia and its impact on foreign policy]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Central Asia and the Caucasian Studies*. № 50. P. 47–86.
11. Shori M. (2008) Vzglyady, formirujushhie russkuju identichnost' [A look at forming Russian identity]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Strategic Studies*. № 43. P. 147–161.
12. Nuri A. (2009) Izmeneniya v koncepcii antiamerikanizma vo vneshnej politike Rossii s akcentom na vneshnjuju politiku Putina [The changes in the concept of anti-Americanism in Russia's foreign policy with a focus on foreign policy Putin]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Strategic Studies*. № 4. P. 853–876.
13. Zadoin A.G. (2006) Vneshnjaja politika: samosoznanie Rossii i nacional'nye interesy [Foreign Policy: Russia identity and national interests] / Пер. на фарси М. Санаи. Tehran. Publication of contemporary Tehran.
14. Koolae A. (1995) Reabilitacija i rasshirenie nacionalisticheskix nastroenij v Rossii [Rehabilitation and expansion of nationalist sentiments in Russia]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Political and economic information*. № 79–80. P. 68–71.
15. Hanter Sh. & Tomas D. & Majkishvili A. (2013) Islam v rossijskoj politike identichnosti i bezopasnosti [Islam in Russia's politics, identity and security] / Пер. на фарси Э. Кулайи & М. Хосейни. Tehran. Publication of Ney.
16. Dejev Salar A. R. (2009) Rol' voennoj doktriny vneshnej politiki Rossii [The role of the military doctrine in Russia's foreign policy]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Defensive strategy*. № 22. P. 57–88.
17. Sadegi A. (2009) Genealogija vneshnej politiki Islamskoj Respubliki Iran: mestosushhnosti kul'tury i istorii [The genealogy foreign policy of the Islamic Republic of Iran: the place of culture and history]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Foreign policy*. № 2. P. 245–300.
18. Amidzandzhani A. (1989) Politicheskij fikh [Political Fiqh]. Translated from Persian. Tehran. Publication of Amir Kabir.
19. Moshirzadeh H. (2010) Domestic ideational sources of Iran's foreign policy. *Iranian Review of Foreign Affairs*. Vol. 1, № 1. P.153–192.
20. Hadzhi Jusefi A.M. (2003) Teorija Uoltsa i vneshnjaja politika Irana: sravnitel'noe izučenie perioda holodnoj vojny i posle holodnoj vojny [theory of Waltz and Iran's foreign policy: a comparative study of the Cold War and post-Cold War]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Foreign policy*. № 4. P. 1005–1030.

Roomi Farshad. Lobachevski State University of Nizhniy Novgorod (Nizhniy Novgorod, Russian Federation)

E-mail: farshadroomi@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 22

Matveev Alexander S. Lobachevski State University of Nizhniy Novgorod (Nizhniy Novgorod, Russian Federation)

E-mail: a.s.matveev@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 22

THE CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF BILATERAL RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS

Key words: Constructivism, Neorealism, Liberalism, Foreign policy, Identity

In this article, Russian-Iranian relations have studied based on the theories of international relations. The authors concluded the theory of constructivism better reveals the nature of these relations. Today's, there are objective tendencies to rapprochement of the two countries. Russia and Iran alliance is due to similar social perception of international relations and the historical aspirations.

References

1. Hopf, T. (1999) *Understandings of Russian Foreign Policy*. Penn State Press.
2. Waltz, K. (2000) Structural Realism after the Cold War. *International Security*. 25(1). pp. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372
3. Brooks, S.G. & Wohlforth, W.C. (2005) Hard Times for Soft Balancing. *International Security*. 30(1). pp. 72–108. DOI: 10.1162/0162288054894634
4. Harvey, C. & Sabatini, R. (2010) *Russia's lukewarm support for international sanctions against Iran: history and motivations. Building a Safer World (NTI)*. [Online] Available from: <http://www.nti.org/analysis/articles/russias-support-sanctions-against-iran>. (Accessed: 13th November 2014).
5. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2014) *Torgovye otnosheniya Rossii i Irana* [Trade relations between Russia and Iran]. [Online] Available from: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/ir_ru_relations/ir_ru_trade.
6. Risse, T. (2000) Let's Argue: communicative action in World politics. *International Organization*. 54(1). pp. 1–39. DOI: 10.1162/002081800551109
7. Vent, A. (2007) *Sotsial'naya teoriya mezhdunarodnoy politiki* [Social theory of International Politics]. Translated by Kh. Mashirkhadekh. Tegeran: Office of Political and International Studies of the Ministry of Foreign Affairs.
8. Wendt, A. (1995) *Constructing international politics*. *International Security*. 20. pp. 71–81. DOI: 10.2307/2539217
9. Gharamanpoor, R. (2005) Analiz vneshney politiki Irana s tochki zreniya konstruktivizma [Iranian foreign policy in terms of constructivism]. Translated from Persian. *Journal of Strategic Studies*. 3. pp. 71–88.
10. Zargar, A. (2006) Konflikt identichnosti v Rossii i ikh vliyanie na vneshnyuyu politiku [The conflict of identity in Russia and its impact on foreign policy]. Translated from Persian. *Journal of Central Asia and the Caucasian Studies*. 50. pp. 47–86.
11. Shori, M. (2008) Vzglyady, formiruyushhie russkuyu identichnost' [Ideas forming Russian identity]. Translated from Persian. *Journal of Strategic Studies*. 43. pp. 147–161.
12. Nuri, A. (2009) Izmeneniya v kontseptsii antiamerikanizma vo vneshney politike Rossii s aktsentom na vneshnyuyu politiku Putina [The changes in the concept of anti-Americanism in Russia's foreign policy with a focus on Putin's foreign policy]. Translated from Persian. *Journal of Strategic Studies*. 4. pp. 853–876.
13. Zadohin, A.G. (2006) *Vneshnyaya politika: samosoznanie Rossii i natsional'nye interesy* [Foreign Policy: Russia identity and national interests]. Translated into Farsi by M. Sanai. Tehran. Publication of contemporary Tehran.
14. Koolae, A. (1995) Reabilitatsiya i rasshirenie natsionalisticheskikh nastroyeniy v Rossii [Rehabilitation and expansion of nationalist sentiments in Russia]. Translated from Persian. *Journal of Political and Economic Information*. 79-80. pp. 68–71.
15. Hanter, Sh., Tomas, D. & Maykishvili, A. (2013) *Islam v rossiyskoy politike, identichnosti i bezopasnosti* [Islam in Russia's politics, identity and security]. Tehran: Publication of Ney.
16. Dejev Salar, A.R. (2009) Rol' voennoy doktriny vneshney politiki Rossii [The role of the military doctrine in Russia's foreign policy]. Translated from Persian. *Journal of Defensive Strategy*. 22. pp. 57-88.
17. Sadegi, A. (2009) Genealogiya vneshney politiki Islamskoy Respubliki Iran: mesto sushhnosti kultury i istorii [The genealogy foreign policy of the Islamic Republic of Iran: The place of culture and history]. Translated from Persian. *Journal of Foreign Policy*. 2. pp. 245–300.
18. Amidzandzhani, A. (1989) *Politicheskiy fikh* [Political Fiqh]. Translated from Persian. Tehran: Publication of Amir Kabir.
19. Moshirzadeh, H. (2010) Domestic ideational sources of Iran's foreign policy. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 1(1). pp. 153–192.
20. Hadzhi Jusefi, A.M. (2003) Teoriya Uoltsa i vneshnyaya politika Irana: sravnitel'noe izucheniye perioda holodnoy voyny i posle holodnoy voyny [The theory of Waltz and Iran's foreign policy: A comparative study of the Cold War and post-Cold War]. Translated from Persian. *Journal of Foreign Policy*. 4. pp. 1005–1030.

УДК 327

DOI: 10.17223/1998863X/35/23

В.А. Сдельников

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА В.В. ПУТИНА В СОВРЕМЕННОМ ИМИДЖЕ РОССИИ

Рассматривается роль личности президента России В.В. Путина в современном имидже России. В современных условиях Россия сталкивается с серьезнейшим информационным и дипломатическим давлением, ряд западных СМИ прибегает к острой критике, создавая остро негативную международную информационную повестку дня. На основе анализа 250 англоязычных статей нами представлены структура современного имиджа России, в центре которого находится личность президента В.В. Путина, а также возможные причины низкой эффективности политики по улучшению имиджа страны. Таким образом, результаты данной работы могут быть использованы для разработки или корректировки информационной политики России в данной сфере.

Ключевые слова: имидж России, информационная политика, информационная повестка дня, СМИ, президент России.

Недавние внешнеполитические и внешнеэкономические шоки стали настоящим вызовом для имиджа России и для ее стратегии в информационной сфере. Как никогда ранее, России приходится тратить огромные ресурсы для транслирования своей позиции по тем или иным вопросам и, более того, для восстановления своего позитивного имиджа в мире. В этих условиях важным является изучение информационных методов и сложившегося имиджа России за рубежом, так как это позволит выявить его слабые и нежизнеспособные элементы, исключить или нивелировать их негативный эффект. Мы считаем, что данный период является очень важным для сбора и анализа данных масс медиа, так как:

– во-первых, именно сейчас на имидж оказывается максимально негативное медиа воздействие, которое необходимо изучить с целью выработки будущей информационной политики;

– во-вторых, большая часть общества в силу многих причин не имеет в своем распоряжении полной и достоверной информации о настоящем положении вещей [1. С. 339]. В этих условиях изучение источников необходимо для понимания образов политики и политиков, сложившихся на данный момент в обществе. В данной работе мы ставим своей целью рассмотреть структуру современного внешнеполитического имиджа России и проанализировать роль личности президента В.В. Путина в его структуре. Сам по себе интерес к личности президента России, его вкладу в формирование имиджа страны определяется его ролью в сложившейся отечественной политической культуре [2], особенностями «героического брендинга политического товара», к которому можно отнести и составные части имиджа России [3].

Основой данного исследования является контент- и фрейм-анализ периодических англоязычных изданий, а именно: *The Economist*, *The Foreign Affairs*, а также *Current History*. Большие тиражи (особенно в западных стра-

нах), авторитет этих изданий, а также их классическое либеральное кредо послужили причинами выбора именно их в качестве базы для данного исследования. Общее количество медиаконтента включает порядка 250 медиатекстов за период с 2011 по 2015 г. Причиной выбора данного периода послужили парламентские и президентские выборы в России и подготовка к ним, а также появление «списка Магнитского» и «закона Димы Яковлева», выступления оппозиции, а также другие немаловажные события, которые стали причиной охлаждения отношений между сторонами. Единицей анализа в данном исследовании являлась журнальная статья. Период в четыре года позволит проследить количественную и качественную динамику уже существующих изменений и новых элементов имиджа России, а также «сосредоточить внимание не только на внешних формальных признаках текста, но и, что особенно важно, на целом ряде экстралингвистических факторов, сопровождающих его производство и актуализацию» [4. С. 28].

В качестве методологической базы для исследования собранных материалов нами были использованы общенаучные методы и специальные научные методы, среди которых: контент- и фрейм-анализ. Перед тем как продолжить рассмотрение указанной проблемы, мы считаем необходимым заострить внимание на данных специальных научных методах.

В различной литературе, посвященной использованию этих методов анализа текстов, приводятся разные определения как контент-анализа, так и фрейм-анализа, причем в случае контент-анализа эта литература крайне разнообразна и противоречива. По этой причине мы считаем необходимым указать определение контент-анализа, которое будет использовано в данной работе. Контент-анализ – это особая методическая процедура анализа всех видов текстов (вербальных, визуальных и прочих), это анализ ядра коммуникации, того, что лежит между коммуникатором и аудиторией, между автором послания и тем, кому это послание адресовано. В отличие от опросных методов контент-анализ позволяет исследователю делать заключения о социальных феноменах, непосредственно не вмешиваясь в то, что тот изучает, исследовать большой текстовый массив, выделяя в нем информационные аспекты, не лежащие на поверхности [5. С. 37]. Медиатексты зачастую содержат огромное количество разнообразных символов коммуникаций, которые на первый взгляд не имеют четкой структуры и несут большое количество смыслов. Задачей контент-анализа является их обработка и превращение в точные количественные данные. В процессе контент-анализа массивы текста расчлняются на отдельные смысловые единицы речи, позволяющие квантифицировать информацию и подсчитать ее.

Важной составной частью контент-анализа является составление бланка, далее мы кратко укажем структуру бланка, используемого нами в данном исследовании. В данном конкретном случае операционализация концептуальных понятий включает следующее:

1. Первостепенное внимание в указанной теме уделяется:

- пространственной распространенности (объем материалов как в отдельном выпуске, так и за весь период в целом);
- частотной распространенности.

2. Эмпирическим индикатором первостепенного внимания к личности президента является частотная распространенность:

– личность В.В. Путина как премьер-министра (2011)/как президента (2012–2015);

– личность Д.А. Медведева как президента (2011)/ как премьер-министра (2012–2015);

– представители окружения В.В. Путина из числа политиков и бизнесменов;

– Государственная дума РФ как институт законодательной власти в России;

– силовые структуры (ФСБ/КГБ как прошлое место работы В.В. Путина);

– внесистемная оппозиция.

3. Форма и стиль изложения материалов:

– аналитические статьи;

– эмоциональное воздействие текстового и графического материала.

Кодирование

В настоящем исследовании применяется как латентное, так и манифестное кодирование (в каком издании размещена статья, на какой странице, присутствуют ли фотографии и другое графическое сопровождение, присутствует ли игра слов и т.д.).

С целью градации собранного материала по виду эмоциональной нагрузки использовалась следующая шкала:

– негативная эмоциональная нагрузка;

– нейтрально-негативная эмоциональная нагрузка;

– нейтральная эмоциональная нагрузка;

– нейтрально-позитивная эмоциональная нагрузка;

– позитивная эмоциональная нагрузка.

Таким образом, после обработки бесформенного массива текста мы можем получить осязаемые результаты, касающиеся влияния личности лидера на имидж страны.

Следующим методом, используемым нами в данном исследовании, является фрейм-анализ. Понятие «фрейм» или «фреймирование» на данный момент широко используется исследователями – лингвистами, психологами, культурологами и политологами. Такие фундаментальные работы, как «Фреймы для представления знаний» (М. Минский, 1979), «Анализ фреймов» (И. Гофман 1974), а также исследования, проведенные Г. Бейтсоном в 1950-х гг., стали прочным основанием для дальнейшего использования данной концепции уже в политических исследованиях, что мы и видим в работах Д. Шёна, М. Райна, Двора Яноу и Мерлина ван Хульст. Подход последних двух авторов используется нами в данном исследовании. Согласно Д. Яноу и М. ван Хульсту, «фреймирование – это процесс, в котором акторы одновременно создают значения событий/ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях/ситуациях сообразно присвоенным им значениям» [6. С. 93]. Однако данные значения могут возникать только посредством взаимодействия субъектов с другими субъектами, группами субъектов или объектами, из чего следует, что значения не находятся в самих объектах или субъектах (выборы, президент, оппозиция и др.), но появляются при взаимодействии с ними. Ведь разные социальные и политические группы относятся и взаимодействуют с президентом сообразно значениям, который тому были приписаны.

Оппозиция может рассматривать его как противника и символ неудач и проблем, а значит, стремится заменить его или уменьшить его влияние на проводимую политику. В то время как сторонники будут рассматривать его в качестве шанса на «светлое будущее», а значит, всячески помогать ему. Однако не стоит упускать и важность знаний и опыта, которые были у субъекта до начала его взаимодействия. Данный опыт и знания – категориальные. Подобная категоризация позволяет субъекту достаточно просто находить «нулевой километр» пути по осмыслению другого субъекта или объекта (включая даже сами категории субъекта и объекта), таким образом, мы достаточно легко понимаем разницу между опасным и безопасным, союзниками и врагами и т.д. Касаясь же вопроса создания смыслов, мы должны подчеркнуть социальную природу данного процесса [7. С. 40]. Никто в одиночку не может создать смысл, если кто-либо намерен провести фрейминг какого-либо действия, объекта или субъекта, он должен быть уверен, что его фрейм будет понят другими акторами, так как именно во взаимодействии с ними он может быть рожден [8. С. 10]. Стоит отметить, что указанное выше объяснение является максимально кратким и сжатым и имеет своей целью только объяснить ту концепцию фреймирования и фрейм-анализа в мире политического, которая будет использоваться нами в процессе данного исследования.

Перед тем как продолжить, мы должны уточнить понятие имиджа, который мы используем в данной статье. Мы рассматриваем в первую очередь не социокультурный аспект имиджа или же имидж страны в его широком понимании, а именно имидж государства как политического актора, определенной политической структуры, системы, которая на данный момент функционирует в стране. Так, Е.В. Фролов рассматривает имидж государства как «устоявшиеся в политическом сознании общества, определенные образы и представления о государственном аппарате, которые формируются как на базе его внутри- и внешнегосударственной деятельности, так и на основе его эффективности и эффективности политической системы в целом [8. С. 21].

В процессе проведения исследования мы натолкнулись на определенную закономерность. Почти во всех статьях, описывающих политическое и экономическое положение в стране, присутствует прямая или косвенная ссылка на личность президента как на причину текущего положения в стране или проводимой политики. Это позволяет визуализировать структуру современного имиджа России в англоязычной периодике, которая на данный момент имеет форму перевернутой пирамиды. Мы также обнаружили ряд общих тенденций для исследуемых СМИ, которые сохранялись на протяжении исследуемого периода:

1. Растет количество статей, посвященных России;
2. Статьи сохраняют свой негативно-нейтральный или негативный посыл;
3. Важной для нас является третья тенденция, а именно, значительно растет количество статей, в которых главным действующим лицом являются В.В. Путин или так называемый путинский режим. Данная тема во многом является основанием для дальнейшего негативного медиаповествования.

Под «путинским режимом» анализируемыми медиа подразумевается авторитарная или близкая к авторитарной политическая и экономическая система, во главе которой стоит незаконно избранный лидер, окруженный неэф-

фективной и коррумпированной элитой, схожей с мафией, которая стремится только удержать власть в своих руках. Сама система, выстроенная В.В. Путиным, характеризуется своей коррупционностью, неэффективностью, косностью, жесткостью и порой жестокостью к инакомыслию, нарушениями прав человека, отсутствием свободы слова. Это краткое и общее описание путинского режима, путинской системы, путинизма и т.д. Все описание политической и экономической системы основывается на личности президента, таким образом, придавая имиджу России форму перевернутой пирамиды. Если черты личности и критика В.В. Путина в основании пирамиды во многом однообразны за весь период, то критика его окружения, его политики, а также описание последствий значительно разнообразнее. Анализируя собранный материал, мы пришли к заключению, что за все 4 года личность В.В. Путина и путинский режим являлись осью повествования для большинства статей, сохраняя первенство по количеству упоминаний и использований в статьях.

В описании личности президента делается акцент на его прошлом в КГБ (грубость, циничность, бескомпромиссность, отсутствие такта, жесткость и порой жестокость) и симпатии к СССР. Данные черты чаще всего встречаются в статьях, посвященных его личности. Личность Путина является своего рода призмой в описании почти любой проблемы современной России, он рассматривается как причина именно неблагоприятных последствий (любовь к СССР приводит к копированию структуры власти, служба в КГБ – к жесткой иерархичностью и нарушениям прав человека и т.д.) и таким образом формирует первый уровень.

Следующий уровень отведен его политике и его интересам, которые чаще всего описываются как меркантильные, циничные, жесткие (подчеркивается его прошлое в КГБ), самое главное нацеленные на удержание и, по возможности, постоянное расширение его власти. Далее следует его окружение, которое соединяется с президентом посредством спайки интересов. Темы, посвященные его окружению, изменяются от года к году, но все же остаются достаточно однородными. Это окружение зачастую описывается как мафия, которая, опять же, объединена общими преступлениями и меркантильными планами по получению большего количества денег и удержания власти в своих руках, не гнушаясь использованием нечестных приемов. Далее, исходя из интересов, вырабатывается внешняя и внутренняя политика, которая принимает форму определенных законов, действий и заявлений властей. Характер данной политической элиты, преследуемые ею цели, а также проводимая политика приводят к определенным политическим и социально-экономическим последствиям, которые и являются последним уровнем данной пирамиды. Этот уровень, т.е. описание политической и экономической системы, ее статических черт, включает в себя большое количество разнообразных проблем, которые в отличие от нижестоящих уровней сильно изменяются от года к году (конец 2011 – начало 2012 г. – это выборы, вторая половина 2012 и начало 2013 г. – борьба с оппозицией, 2014 г. – ухудшение экономического положения и кризис на Украине и т.д.) и описываются более разнообразным языком и эпитетами. Пирамида подходит для описания структуры современного имиджа России еще и потому, что позволяет рас-

смотреть темы статей не только качественно, но и количественно, указывая на расширение и изменение тем.

Исходя из результатов приводимого анализа, мы можем отметить, что имидж России, создаваемый зарубежной периодикой, формируется на «фундаменте» имиджа президента, что, как мы считаем, делает имидж страны очень косным. Данная косность выражается в том, что любые действия по улучшению имиджа страны, действующие выше базового уровня (не улучшающие имидж самого президента), не приносят позитивных результатов. В качестве примера мы приведем несколько наиболее заметных попыток. Это и освещение полномасштабной борьбы с коррупцией 2012–2013 гг., а также повышения инвестиционной привлекательности страны. Данные кампании освещаются в анализируемых источниках как симуляция борьбы, так как «коррупция не является тем преступлением, за которое в России сажают в тюрьму» или «коррупция является “клеем” современной экономической и политической системы России». Относительно же повышения привлекательности указывается, что в условиях «путинского режима» повышение привлекательности невозможно, так как выстроенная им экономическая система из друзей-олигархов очень опасна для ведения бизнеса. «В этой системе можно легко потерять свое дело» (как пример приводится дело Ходорковского или соглашение ВР и «Роснефти»). Таким образом, эти кампании не рассматриваются всерьез данной периодикой, главной причиной неудач в их осуществлении манифестируется имидж президента.

Политические же реформы (к примеру, понижение порога для регистрации партии или введение прямых выборов губернаторов) рассматриваются не как повышение конкурентоспособности и возможности появления новых, свежих политических сил на сцене, а однозначно как попытка сохранения власти В.В. Путиным и его элитой с помощью расчленения политических сил, с одной стороны, а, с другой – административной чистки. Олимпийские игры в Сочи, рассматриваемые внутри страны как самая большая победа в современной истории России, считаются примером серьезной коррупции и злоупотребления властью, которые, опять же, являются следствием непродуманной политики президента и его команды. В *The Economist* и *The Current History* авторы не скрывают свою позицию и указывают, что игры просто не могут не провалиться, что они являются отчетливым примером нежизнеспособности системы.

Таким образом, указанная нами структура объясняет низкую эффективность попыток улучшения имиджа России. Действия, направленные на периферийные уровни, имеют слабый эффект, так как не могут исключить фактор личности президента как базового элемента политической и экономической системы страны. Фактор разделения властей также не может быть использован с максимальной эффективностью. Законодательная власть (Дума и Совет Федерации) рассматриваются как институты, имеющие своей целью создание репрессивных законов и законов, укрепляющих власть В.В. Путина. Исполнительная власть и так находится под прямым контролем президента, особенно силовые структуры. Судебная власть не рассматривается всерьез, каждый раз, когда поднимается вопрос касательно суда над оппозицией и Ходорковским, напрямую указывается, что решения спускаются сверху, т.е.

от президента. Экономический сектор контролируется олигархами В.В. Путина. Таким образом, имиджу России сложно отойти от его личности, сужая пространство для информационного маневра. Негативный политический имидж России сложно разбавить другими личностями или структурами, все они воспринимаются как часть так называемого путинского режима. С позиции стороны, которая формирует негативный имидж России, данное положение вещей очень удобно, всю многогранность политической и социально-экономической систем можно легко свести к описанию одного человека, его биографии и личностных черт. Так, в некоторых статьях авторы напрямую строят свои предположения о выборе той или иной политики, исходя из анализа личности президента, которая на данный момент имеет ярко негативный имидж, созданный на основе негативных метафор вроде «царь», «путинизм», «путинская империя» и других. Данные тенденции могут быть очень опасны для внешнеполитического имиджа России, схожие метафоры можно найти также и в таких изданиях, как: *The Washington Post*, *The Wall Street Journal*, *The Times* и др. [9. С. 19].

Исходя из всего вышесказанного, мы можем подвести некоторые итоги. Современные информационные технологии и масс медиа позволяют упрощать информацию и образы действительности, давая возможность сознанию человека воспринимать их легче и быстрее. Они также позволяют сделать их яркими, повышая шанс на то, что они не будут пропущены человеком в огромном потоке повседневной информации. Это мы можем видеть на примере современного политического имиджа России, который постепенно упрощается, все отчетливее представляя собой яркую и порой гневную критику личности президента и его политики. Язык же этой критики из года в год начинает принимать форму структурированного метанарратива с четкой градацией и иерархией символов, которые используются в описании. Опасным является то, что этот метанарратив начинает использоваться и по отношению к другим странам и описанию их положения, а именно термины «путинский путь», «путинизм» и др. по отношению к ряду восточноевропейских стран. Если личность президента играет столь большую роль в формировании внешнеполитического имиджа страны, возможно, необходимо пересмотреть соотношение внешнеполитических и внутривнутриполитических элементов в его структуре. Важно четко систематизировать язык современного политического имиджа России и использовать полученные знания с целью снижения влияния негативных информационных, политических и экономических шоков, и в первую очередь, данный опыт должен быть использован в проектировании имиджа президента.

Вместе с тем, проводя исследование, мы обнаружили ряд инструментов и стратегий, которые потенциально могут снизить негативный эффект воздействия иностранных СМИ. Один из них – это делегирование части обязанностей базового элемента имиджа другому человеку или организации. Похожее мы можем заметить с появлением Д.А. Медведева, эффективность данного приема особенно заметна в момент перед его отказом от участия в выборах 2012 г. Рассматривая его как базу или важный элемент возможной политической системы, классическая либеральная пресса видела в этом множество позитивных моментов и давала часто хорошие и отличные отзывы,

что является полной противоположностью освещения политики В.В. Путина. Появление других фигур, объектов, выставленных в качестве основы имиджа, позволит переносить внимание или выгодно расставлять акценты и таким образом дополнять друг друга. Но важным является то, что данные фигуры не должны находиться в конце пирамиды, так как просто будут восприняты как очередная уловка и фальсификация.

В итоге мы можем утверждать, что имидж президента В.В. Путина играет решающую роль в формировании имиджа России, который имеет форму перевернутой пирамиды. Сама личность президента используется для упрощения и примитивизации имиджа власти в России. Сама критика президента напрямую или косвенно присутствует в большинстве статей из указанных периодических изданий. За период 2011–2014 гг. наблюдается тенденция по структурированию языка критики и его использованию в отношении других стран и политических лидеров. Таким образом, мы считаем, что необходимо уделить особое внимание политике постоянного рефрейминга имиджа президента. Это позволит ему быть гибче и восприимчивее к возможным изменениям с целью сохранения и улучшения имиджа всей страны.

Литература

1. *Sniderman P.M., Bullock J.* A Consistency Theory of Public Opinion and Political Choice: The Hypothesis of Menu Dependence // *Studies in Public Opinion* / W.E. Saris, P.M. Sniderman (eds). Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 337–358.
2. *Щербинин А.И.* Государь и гражданин // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 2. С. 159–171.
3. *Щербинина Н.Г.* Конструирование виртуальной реальности и героический брендинг политического товара // *Политический маркетинг*. 2009. № 2. С. 34–57.
4. *Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. М.: УРСС Эдиториал, 2005.
5. *Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения* / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010.
6. *Яноу Двора, Ван Хульст Мерлин, Ткачева Ксения, Вахштайн Виктор.* Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // *Социологическое обозрение*. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 87–113.
7. *Weick K.* Sensemaking in organizations. Thousand Oaks: Sage, 1995.
8. *Фролов Е.В.* Политический имидж институтов государственной власти России: современное состояние и перспективы совершенствования: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
9. *Виноградова Н.С.* Политико-психологический анализ образа России в англо-американских печатных СМИ: Дисс. ... канд. полит. наук: М., 2010.

Sdelnikov Vitalii A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: dr.saladinn@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 23

ROLE OF PERSONALITY OF THE PRESIDENT V.V. PUTIN IN THE MODERN IMAGE OF RUSSIA

Key words: Russia's image, information policy, information agenda setting, mass media, the Russian president.

The paper research is focused on researching personality of Russian president Vladimir Putin and its role in modern image of Russia. Currently Russia is under considerable informational and diplomatic pressure, a number of western mass media through sharp criticism build negative international media-agenda. Based on 250 journal articles we consider a structure of the modern image of Russia in the western mass media and role of Vladimir Putin in this image. Also we consider possible causes of low

effectiveness in the country's image improving policy. Thus results of this research can be used for correction of Russian information policy.

References

1. Sniderman, P.M. & Bullock, J. (2004) A Consistency Theory of Public Opinion and Political Choice: The Hypothesis of Menu Dependence. In: Saris, W.E. & Sniderman, P.M. (eds) *Studies in Public Opinion*. Princeton: Princeton University Press. pp. 337–358.
2. Shcherbinin, A.I. (1997) Gosudar' i grazhdanin [Sovereign and Citizen]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2. pp. 159–171.
3. Shcherbinina, N.G. (2009) Konstruirovaniye virtual'noy real'nosti i geroicheskiy branding politicheskogo tovara [Constructing virtual reality and heroic branding of political goods]. *Politicheskiy marketing*. 2. pp. 34–57.
4. Dobrosklonskaya, T.G. (2005) *Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi)* [The study of media texts (modern English mediaspeech studies)]. 2nd ed. Moscow: URSS Editorial.
5. Mansurov, V.A. (ed.) (2010) *Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya* [Media content-analysis: Problems and experience of the application]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.
6. Dvora, Ya., Van Hulst, M., Tkacheva, K. & Vakhshayn, V. (2011) The Political/Process Promise of Policy Framing. *Sotsiologicheskoe obozrenie – The Russian Sociological Review*. 10(1–2). pp. 87–113. (In Russian).
7. Weick, K. (1995) *Sensemaking in organizations*. Thousand Oaks: Sage.
8. Frolov, E.V. (2006) *Politicheskiy imidzh institutov gosudarstvennoy vlasti Rossii: sovremennoe sostoyaniye i perspektivy sovershenstvovaniya* [Political image of state power institutes in Russia: Modern condition and prospects of perfection]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
9. Vinogradova, N.S. (2010) *Politiko-psikhologicheskiy analiz obraza Rossii v anglo-amerikanskikh pechatnykh SMI* [The political and psychological analysis of the Russian image in the Anglo-American print media]. Political Science Cand. Diss. Moscow.

УДК 323.21 – 323.22
DOI: 10.17223/1998863X/35/24

А.В. Скиперских

БУНТ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ТЕСНОТЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Представлен взгляд на проблему протеста и его культурную предрасположенность. С точки зрения автора, протест оказывается зависимым от специфики культурного пространства, от его структуры. Русская культура, определённым образом изначально стесняющая бунтаря, оказывается оптимальным полем для актуализации и приложения протестных практик.

Ключевые слова: бунт, бунтующий человек, власть, культура, протест.

Что движет человеком, стремящимся выразить свой протест? Какие основания для бунта могут быть у него, прежде чем он актуализирует свои претензии в публичном пространстве? Данные вопросы, в принципе, не могут быть объяснены в одночасье, потому как каждая ситуация бунта по-своему уникальна, а бунтующий человек, следуя мысли М. Фуко, всецело объективен. Французский философ справедливо отмечает, что «никакая власть не способна сделать восстание полностью невозможным» [1. С. 16].

Культурная традиция бунта может связываться с физическими характеристиками пространства, являющегося неотъемлемой частью самой культуры. Бунт – двоичен. С одной стороны, он является следствием физической тесноты пространства. С другой стороны, наоборот, он содержит в себе стремление к уединению, к преодолению публичности (простора) – сосредоточению энергии в некоей раковине. Невыносимость бытия человека диктуется как излишней сжатостью пространства, его теснотой, ограничивающей выбор действий (военный плац), равно, как и простором, предполагающим широкий диапазон выборов индивида, равно, как и отсутствие концентрации и перспективы любого действия.

В данной статье мы попробуем связать физическую тесноту пространства, репрессирующую индивида, с необходимостью высвобождения из тесноты. Нас интересует бунт как производное физической тесноты и неустроенности, периодически находящее воплощение в тех или иных сюжетах русской культуры.

Казалось бы, физические характеристики пространства в России не должны актуализировать вопрос о стеснённости и зажатости человека. Наоборот, простор должен освобождать и предоставлять дополнительные возможности для творчества, для реализации смелых планов. Но именно в этом и отмечается некая парадоксальность. Широта и простор в контексте русской культуры почему-то не актуализируют в человеке страсти к обретению публичности, к стремлению во что бы то ни стало получить свободу. Наоборот, простор предполагает сосредоточение в себе, группирование в максимально компактном пространстве.

Хронотопы в русской культуре, где отмечает своё присутствие человек бунтующий, исключают европейское тяготение к расширению и демонстративной публичности, сворачиваясь до комнаты, переулка, лестницы, подъезда. Именно в подъездах поджидают свою жертву русские бомбисты – народошлюбы, и потом проходные подъезды помогают им скрыться. Преодоление проходных дворов и подъёмов/спусков по чёрным лестницам учащает их дыхание. Проходные дворы и подъезды выступают спасительным хронотопом для бунтующего человека исключительно в русском культурном контексте. Как отметит норвежский антрополог Ф.С. Нильсен, «неуправляемая сфера дворов доминирует во многих городах в России» [2. С. 55]. Вспомним, как по проходным дворам и подъездам Санкт-Петербурга уходит от преследования герой С. Бодрова в фильме «Брат».

Обращение к ряду текстов культуры, раскрывающих специфику русского протестного дискурса, в какой-то мере предполагает, что именно теснота как физическая характеристика как раз и является индикатором подчинённости человека, что вызывает его скрытное и бережливое существование. Данная модель не может не проецироваться на саму культуру, приобретающую «крепостной» характер. Именно это отчасти и является объяснением молчания русской культуры, отсутствия возможности возразить и публично противопоставить себя – системе. Молчание как раз и связывается с излишней бережливостью и экономностью бытия – неизбежных спецификаций тоталитарной культуры. Преодоление молчания означает моментальные санкции, и человек оказывается выдворенным властью из своего маленького пристанища. Бунтаря выдворяют на периферию, в азиатскую степь, лишая его возможности творить и коммуницировать в крупных городах, дабы не распространять крамольный вирус в сознание своих последователей и широких масс. Возможно, именно это имел в виду и английский политический философ Исайя Берлин, когда определял русскую культуру как «молчашую» [3].

Само существование человека в России, по словам З. Гиппиус, существование «связанное, с кляпом во рту» [4. С. 106]. В этом смысле показателен недавний перформанс российского художника-акциониста Петра Павленского, зашившего себе рот.

Российская практика показывает, что художник оказывается в состоянии выбора между сопротивлением либо заключением контракта с системой, что означает превращение самого себя в её соглядатая и исполнителя.

«Вся беда России, говорил мне высокий чиновник, что нет средних людей. Средний человек – это существо, прежде всего удовлетворённое всей жизнью, и там, где концы её с концами не сходятся вообще и для всех, готовое подчиниться богу, начальству или закону», – признается в «Дневниках» М. Пришвин [5. Т. 8. С. 47]. Не это ли свойство русской культуры объясняет выбор индивидуального бунта как наиболее оптимального пути сопротивления? Проблема заключается ещё и в том, что «средние люди» как раз и отличаются повышенным чувством бережливости и осторожности, что как раз и заставляет их чересчур бдительно охранять свою культурную тесноту. Поэтому если необходимость сопротивления будет периодически волновать их ум, то оно будет приобретать невероятно завуалированные формы, тяготеть к бытовому и производственному дискурсу. Сопротивление обречено на не-

кую компактность, на тесноту, субъект бунта должен скрывать свои намерения, опасаясь разоблачения.

Бунтующий человек в русской культуре призван производить протестный текст в стеснённых условиях. Он мечтает и о лучшей доле. Грёзы о лучшей жизни зачастую посещают бунтующего человека в момент присутствия в пространстве, требующем незамедлительного улучшения.

«Заплеванная лестница пахла мышами, кошками, керосином и стиркой», – так описывает лестницу, по которой поднимается и спускается герой «Гранатового браслета» А. Куприна – чиновник контрольной палаты Желтков.

Феноменология частых подъёмов/спусков по подобным лестницам, кажется, должна подробно прописать нам психологический портрет человека, которому в голову могут периодически приходиться мысли о собственном незавидном положении. Человек, поднимаясь и спускаясь по подобной лестнице, не может не осознавать, что может быть достойным лучшей участи. Ведь как этот невыносимый подъём/спуск в тесноте и темноте отличается от размеренного продвижения по парадной лестнице! Таким образом, «маленький» человек постепенно вынашивает внутри себя бунт, будучи внезапно «забеременев» необходимостью высвобождения от сковавшего его рабства, и постепенно растрясая в себе протестный плод.

С. Белов, исследователь текста «Преступления и наказания» Ф. Достоевского, с помощью контент-анализа подсчитал, что Раскольников пользуется лестницей 48 раз. Это подъёмы и спуски из своей чердачной комнаты на улицу, к Мармеладову, к квартире старой процентщицы, до полицейской конторы, до комнаты Сони [6].

«Узкая лестница ведёт в светлое помещение», – так обобщает И. Берлин свои впечатления от посещения Фонтанного дома, где находилась комната А. Ахматовой, где ему придётся провести полную впечатлений и переживаний ночь. Если предположить, что И. Берлина интересовало практически всё, что могло давать хоть какое-то дополнение к картине мира гонимой поэтессы в тоталитарной системе, наверное, сама лестница могла показаться ему очень информативной. Эту же лестницу вспоминает и Л. Чуковская: «На лестнице тьма и грязь. Ахматовская лестница! Ахматовская до слёз!» [7. С. 27–28].

Каждый шаг героя-бунтаря является испытанием-провокацией. Герой практически не стоит на месте, вынужденный находиться в постоянном динамическом поиске. Его психологическое равновесие, кажется, и заключается в постоянном движении «вверх» и «вниз», предваряемом долгим раздумьем либо электрическим, внезапным устремлением. Нужно понимать, что лестница является ещё и кладовой для воспоминаний, возвращающей в детство. Отсюда подъём/спуск по лестнице заставляет работать память.

Лестница – это порог принятия решения. Перед субъектом открывается несколько перспектив, связанных с выбором вектора движения. Как отмечает М. Бахтин, хронотоп «порога» «сочетается с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог)» [8. С. 397]. Порог ещё и черта, разделяющая два мира – два состояния температуры. Теплота дома противопоставляется холоду подъезда, как и освещение дома при открытии двери конфликтует с темнотой за пределами жилья.

Преодоление тесноты означает попытку высвобождения из заданного состояния. Преодоление тесноты, резкие попытки изменения существующего положения означают и выдавливание из себя по капле раба. Человек распутывает связующие его верёвки. Интересно, что одно из толкований слова бунт как раз и связывается с повязанием человека, с лишением его свободы. В частности, в словаре В. Даля, наряду с привычными политическими коннотациями, бунт ещё и «связка», «кипа», а ещё в одном значении бунт толкуется как «верёвка, обручи, проволока» [9. Т. 1. С. 141].

В русском понимании складывается парадоксальная связь, когда «бунт (средство для связывания) используется для обуздания самого бунта как протестного выступления. Бунт используют против бунта, с целью усмирения – подобное лечится подобным. Так и бунтовщиков – вяжут, стягивают, пытаются усмирить» [10. Т. 156. С. 141]. Теснота и дефицит свободного будут ограничивать нас в конструировании образов бунтующих людей в русской культуре. Свобода, заговорившая в человеке, вдруг оборачивается наказанием, несвободой, невыносимой печалью. Вот почему возникает чувство жалости и тайной симпатии к Пугачёву, которого везли по Москве в деревянной клетке.

Казалось бы, бунтующий человек некоторое время терпел сложившееся положение и только в последний момент решил отказаться от сдавливающей его невыносимости бытия. Именно об этом напишет А. Камю в «Бунтующем человеке»: «Нередко бывало так, что он безропотно выполнял распоряжения куда более возмутительные, чем то, последнее, которое вызвало бунт. Раб терпеливо принимал эти распоряжения; в глубине души он, возможно, отвергал их, но, раз он молчал, значит, он жил своими повседневными заботами, еще не осознавая своих прав. Потеряв терпение, он теперь начинает нетерпеливо отвергать все, с чем мирился раньше» [11. С. 124].

Феноменология отношений власти и сопротивления красноречиво выражается в позах власти, в постоянной борьбе за независимую позицию. В этом смысле положение подчинённого всегда предполагает преодоление сжатого, стеснённого состояния.

В политическом дискурсе современной России стала достаточно популярна метафора «вставания с колен», когда речь идёт о самостоятельной политике России на международной арене и преодолении унижений 1990-х гг. Вместе с тем метафора «вставания с колен» по умолчанию признаёт подчинённое положение человека, предшествовавшее периоду вставания. В позе стояния на коленях закодирована мольба о пощаде и величайшей милости в отношении того, волею которого заносится карающий меч. Стоящий на коленях человек, следуя мысли австрийского политического философа Э. Канетти, «приписывает тому, перед кем он преклоняет колени, величайшую власть – власть над жизнью и смертью». Переход в позицию «стояния», наоборот, означает, что человек «горд тем, что свободен и не нуждается в опоре» [12].

В этом смысле история русской культуры (впрочем, как и любой другой культуры) является историей борьбы за позицию, предполагающую более комфортные условия собственной объективации.

Как правило, бытовые условия бунтующего человека оставляют желать лучшего. Это касается как съёмных номеров, так и пространственных специ-

фикаций квартир. Вспомним, как много для советской интеллигенции означало пространство кухни, на которой могли вестись жаркие споры об общественном устройстве. Хронотоп кухни является адекватным не только для времени хрущёвской оттепели, продолжаясь во времени брежневского застоя. Кухня является особым пространством и в коммунальной квартире, где пересекаются интересы жильцов. Предметы конфликтов варьируются от абстрактных вопросов и тем до бытовых, локальных проблем. Кухня является альтернативным пространством для бунта, обладая определённой комфортабельностью, что привлекает человека, не способного публично и безрассудно выразить своё гражданское «Нет». Равно, как и в настоящий момент, учитываемая «закрученное» законодательство РФ в период правления В. Путина, альтернативным пространством для бунта является рабочий стол с выходом в Интернет. Склонность человека к конформному поведению и личной бережливости придает бунту анонимный характер. Это создаёт и достаточно обоснованные основания для критики, потому как запросы человека не являются адекватными выбранной им поведенческой стратегии.

Советская кухня не отличалась внушительными размерами, но это давало ей другое преимущество. Люди проникались особой приязнью друг к другу. В моменты тревоги и перед долгим расставанием люди притягиваются друг к другу.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

Потрясающе красивое сравнение горячей газовой горелки с хризантемой можно увидеть в стихотворении И. Бродского «Гвоздика». Кухня освещена необыкновенным голубым свечением:

Но, чайник сняв, ты смотришь в потолок,
любуйся трещинок системой,
не выключая чёрный стебелёк
с гудящей и горячей хризантемой.

И. Бродский. Гвоздика (1964)

В песне «Перемен» В. Цоя есть также строки:

И на кухне синим цветком
Горит газ...

Теснота характерна не только для кухни. Тесное пространство с трудом вмещает гостей. В тесноте – трудно, но теснота обладает гостеприимностью из-за своей теплоты.

Однажды В. Розанов выскажется в «Уединённом»: «У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым – то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился. Нельзя было сосчитать скоро» [13]. Образ тесноты жизненного пространства уже советского человека мастерски схватит А. Родченко в фотографии «Прихожая», на которой нам предстают массивные, угловатые пальто и плащи на вешалке, фактически заполняющие весь коридор прихожей.

Выходит так, что человек в русской культуре оказывается сдавленным невыносимостью бытия в маленьких комнатках. Предположим, что его это оскорбляет.

Вспомним, в каких стеснённых и оскорбительных для человека условиях жил Раскольников у Ф. Достоевского. Его место жительства больше напоминало шкаф, но только не квартиру, отсутствие мебели в которой говорило о невозможности принимать гостей. В каморке Раскольникова едва ли можно было находиться кому-то ещё. Вспомним, как редкие гости студента обычно не вмещались в его каморку – кому-то приходилось постоянно находиться в дверях.

В схожих условиях у Ф. Достоевского оказывается нигилист Кириллов, во флигеле которого «сени и первые две комнаты были темны, но в последней, в которой Кириллов жил и пил чай, сиял свет и слышался смех и какие-то странные вскрикивания» [14. С. 211]. Герои Достоевского – обитатели угловых, недорогих комнат, пространство которых обладает такой же угловатостью и странностью. Теснота его героев – это и «грязная прихожая ремонтируемой квартиры, в которой прятался Раскольников после убийства; ниша под лестницей, в которой притаился Рогожин, подстерегающий с ножом князя; сам рогожинский дом с наглухо задёрнутыми тяжёлыми шторами окнами; каморка Ипполита; дача Лебедева» [15. С. 85].

Подобное материальное окружение в невыносимых условиях жизни усиливает и душевные муки – тоска увеличивается. Как высказался однажды М. Пришвин о герое «Бесов» Ставрогине: «В его давящей тоске был как бы низкий потолок» [5. Т. 8. С. 759].

Теснота имеет и температурное измерение. Получается так, что чем теснее, тем теплее. В тесноте скрывается особый мир – частный и экономный, противопоставляемый холоду публичного пространства, связывающемуся с непониманием и отчуждённостью.

Теплота в помещении является производным определённой суммы человеческих усилий. Человек, накапливающий бунтарскую страсть в холоде, должен оттаивать в тепле. Частые перепады температур словно намекают о парадоксальности русского бунта.

Как однажды отметил М. Пришвин в своих «Дневниках», «Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий. Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого» [1. Т. 8. С. 124].

Русская культура – культура парадоксального человека. Парадоксальность отличает и протестный опыт человека. В самом характере русского человека скрывается парадоксальность, являющаяся тайной бунта, его таинственных истоков. Возможно, именно в этой обстановке и происходит обдумывание зловещих планов. Русский человек, преимущественно, сектант, что и «объясняет ту лёгкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения – записаться в коммунисты, – тотчас сбрасывает с себя всякую «религиозность» [4. С. 121].

Странность выборов отдельно взятого человека в России, та удивительная лёгкость, с которой он отказывается от определённой картины мира

в пользу новой мировоззренческой схемы, вообще, амбивалентность, характерная для человека в России, по мнению некоторых социальных антропологов, может восходить «к русскому обычаю туго пеленать новорождённых месяцами, и только иногда давать им свободно двигаться» [2. С. 45]. Именно это, с точки зрения норвежского антрополога Ф.С. Нильсена, может объяснять частые переходы от тёплого к холодному в отношениях между людьми в России [2. С. 45].

Именно это вызывает недоумение Л. Толстого в «Воскресении», как «...кроткие по характеру люди, неспособные не только причинить, но видеть страданий живых существ, спокойно готовились к убийствам людей, и все почти признавали в известных случаях убийство, как орудие самозащиты и достижение высшей цели общего блага, законным и справедливым» [16. С. 386].

Продолжая размышления о тесноте пространства, отметим, что в довольно стеснённых условиях живут и прогрессивные студенты, снимающие отнюдь не престижные квартиры в университетских городах. Кстати, из этих студентов выйдут достаточно известные представители русской культуры. В студенческом прошлом В. Даля и Д. Языкова в Дерпте – «каморки под крышей», «тесное поднебесье» [17. С. 71].

Вспомним, как герой «Подвига» В. Набокова – Мартын, биографический опыт которого очень напоминает опыт самого автора, греется в своей холодной студенческой комнате у камина, проглатывающего номера газеты «Таймс». Газета вылетает в каминную трубу, рассыпаясь в туманном городе блестящими искрами и пугая полисмена.

Бунтующему человеку довольно часто приходится менять место жительства. В этом случае все варианты жилья оказываются адекватны друг другу, но это ни в коем случае не обнуляет протестный потенциал самого субъекта.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Я на лестнице чёрной живу.

Или строка стихотворения из цикла «Воронежские тетради»:

Я живу на важных огородах» [18. С. 139].

Н. Штемпель, воронежская знакомая О. Мандельштама по периоду его ссылки 1936 г., вспоминает незатейливое убранство одной из съёмных квартир поэта: «Две комнаты, стол, какой-то нелепый чёрный шкаф и старая, обитая дерматином кушетка, которая стояла почему-то посреди комнаты. Так как стол был единственный, то на нём лежали книги и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда» [19. С. 58]. Повседневная жизнь бунтующего человека, наверное, не предполагает окружения какими-то дорогостоящими предметами материального мира. Печально выглядит дом, который снимали Мандельштамы для дачного лета в г. Задонске, в 80 километрах от Воронежа (теперь Липецкая область). Покосившийся дом с маленькой верандой, который вряд ли заинтересовал бы не то, чтобы состоятельных арендаторов, но и даже самых обыкновенных советских тружеников. Бунтующий человек как никто другой понимает относительность материальной культуры.

Подобные лаконичность и компактность бытия транслируются и на другие культурные продукты. Экономность бытия бунтаря чувствуется и применительно к современной России. Вспомним, в каких условиях живёт в Санкт-Петербурге герой С. Бодрова в фильме «Брат» – Данила Багров, разве что с поправкой на постиндустриальный комфорт. Выбор в пользу фамилии героя – Багров – не может быть случайным. Наверняка у автора идеи возникали аналогии с Д. Богровым, который 1 сентября 1911 года в Киевском оперном театре выстрелом из браунинга смертельно ранил П. Столыпина. Нельзя не заметить и тот факт, что практически все квартиры и комнаты, где происходят коммуникации героя С. Бодрова с городскими жителями, удивительным образом похожи на ту, что снимает он сам.

Теснота в русской культуре, манифестирующая ценности свободы и отказ от рабского, подчинённого положения, может выступать характеристикой не только частного пространства, но и того пространства, где трудится индивид.

И если в западном дискурсе труда рабская зависимость от хозяина могла быть преодолима за счёт пространственных и экономических спецификаций самого места, в результате чего, как отмечает американский исследователь П. Колчин, работа могла связываться с находками или открытием чего-либо» [20. С. 6], то в русской культуре, наоборот, пространство трудовой деятельности, несмотря на невероятные задачи, ставящиеся перед молчаливыми исполнителями господской воли, отличается теснотой.

Труд в русской культуре – очень методичен и самозабвенен. Это невыносимая работа на собственное уничтожение на фабрике, описанной А. Блоком, это упрямое вкапывание в землю, её методическая разработка, имеющая цель производство котлована, как в одноимённом романе А. Платонова. Разница только в том, что в случае платоновских героев можно говорить о городской цели.

Человек в России изначально отмечен необходимостью труда, несмотря на существование в русской фольклорной традиции героев-антиподов, прожигающих жизнь до поры до времени. О необходимости труда убедительно высказался М. Пришвин: «Нужно трудиться... В поте лица нужно копать землю... И когда устанешь, когда сломается лопата и руки повиснут» [5. Т. 8. С. 58].

Если рабочий класс (масса) занят трудоёмким процессом преобразования, то и интеллектуалы создают свой вклад в это преобразование. А. Блок в «Стихии и культуре» заметит, что «цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном аполлиническом сне, или – в муравьином сне. Это – бесконечное и упорное строительство с пеной у рта, с падениями. Один сорвался – лезет другой, другой сорвался – лезет третий. И муравейник растёт. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен аэропланами» [21. С. 356–357].

А. Блок противопоставляет людям науки и других людей – созерцателей и мистиков, бунт которых пульсирует внутри ровными, глубокими толчками.

Россия в данном смысле страна странного сна. «Только всё на этой равнине ещё спит, а когда двинется, – всё, как есть, пойдёт: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви, воплощенные Богородицы, пойдут с холмов, и озера выступят из берегов, и реки обратятся вспясть; и пойдут вся зем-

ля», – пишет А. Блок [21. С. 356–357]. Теснота муравейника, теснота подобного исхода людей – всё это приобретает как бы мистический, религиозный смысл, философское оправдание.

Бунтующему человеку в русской культуре оказывается слишком тесно. Но так нужно власти, потому как через умышленное, нарочитое создание тесноты она контролирует жизнь индивида, сопровождая его включение в различные социальные институты. Несмотря на тот факт, что жизнь человека распадается на хронотопы – места, где он расходует своё время, приобретаемая социальные и культурные навыки, каждый хронотоп равно отмечается властью, хватка которой не ослабевает даже в частных пространствах, редуцируя ощущения сдавленности и тесноты.

Подобное ощущение создаёт человеку и присутствие в русской культуре, в недрах которой может периодически слышаться недовольный ропот. Приведённые примеры литературных текстов свидетельствуют, что одним из ограничителей человеческой страстности выступает элементарная физическая теснота, восходящая к изначально экономичному позиционированию человека. Теснота, на наш взгляд, рассматриваемая в контексте культурной рамки, может говорить и об усреднении человека, о сличении его с толпой, массой. В этом смысле сопротивление отдельно взятого человека в культуре можно видеть в превозмогании силы окружающей, сдавливающей его массы.

Именно теснота ограничивает выборы индивида, рано или поздно актуализируя перед ним вопрос либо о продолжении рабского существования, либо о преодолении сложившейся данности. Исторически складывающаяся культурная ситуация в России, фиксирующаяся в текстах как русских, так и зарубежных писателей и философов, позволяет нам увидеть предпосылки борьбы за расширение права на производство смыслов со стороны прогрессивной части общества и по мере развития политического процесса.

Литература

1. Фуко М. Восстановить бесполезно? // Неприкосновенный запас. № 5 (79). С. 16–20.
2. Нильсен Ф. С. Глаз бури. СПб.: Алетей, 2004. 348 с.
3. Берлин И. История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 544 с.
4. Гиппиус З. Петербургский дневник. М.: Советский писатель, 1991. 127 с.
5. Пришвин М. М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8: Дневники, 1905–1954. М.: Художественная литература, 1986. 759 с.
6. Белов С. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1979. 240 с.
7. Далош Д. Гость из будущего. Анна Ахматова и Исая Берлин. История одной любви. (Пер. с венг. Ю. Гусева). М.: Текст, 2010. 221 с.
8. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: ООО «Диамант», 2002. Т. 1. 704 с.
10. Скуперских А. В. Концепт «бунт»: герменевтическое путешествие // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 138–148.
11. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. (Пер. с фр.). М.: Политиздат, 1990. 415 с.
12. Канетти Э. Масса и власть // <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5454/5464> [Дата обращения: 24.12.2014].
13. Розанов В. Уединённое // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> [Дата обращения: 24.11.2014].

14. *Достоевский Ф.* Бесы. Киев: Борисфен, 1994. 640 с.
15. *Никольский С.А.* Достоевский и явление «подпольного человека» // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 77–88.
16. *Толстой Л.* Воскресение. М.: Современник, 1977. 461 с.
17. *Порудоминский В.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с.
18. *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама.* Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 543 с.
19. *Гордин В.Л.* Мандельштамовский Воронеж // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 53–60.
20. *Kolchin P.* American Slavery. 1619–1877. New York: Hill and Wang, 2003. 328 p.
21. *Блок А.А.* Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 5: Проза: 1903–1917 / Подг. текста и прим. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. 799 с.

Skiperskikh Aleksandr V. School of Economics National Research University (Perm, Russian Federation)

E-mail: pisatels@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 24

REVOLT AS OVERCOMING THE TIGHTNESS: REFLECTIONS ON SOME OF THE FEATURES OF RUSSIAN CULTURE

Kew words: revolt, rebellious man, power, culture, protest.

This article seems to look at the issue of protest and its cultural predisposition. From the point of view of the author, the protest is dependent on the specific cultural area, on its structure. Russian culture, in a certain way, initially hampering rebel, is the best field for updating and application of protest practices.

References

1. Foucault, M. (2011) Vosstavat' bespolezno? [Useless to rebel?]. *Neprikosnovenny zapas*. 5(79). pp. 16–20.
2. Nielsen, F.S. (2004) *Glaz buri* [The Eye of the Storm]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Berlin, I. (2001) *Istoriya svobody. Rossiya* [The History of Freedom. Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Gippius, Z. (1991) *Peterburgskiy dnevnik* [Petersburg Diary]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
5. Prishvin, M.M. (1986) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Belov, S. (1979) *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": Kommentariy* [F.M. Dostoevsky's "Crime and Punishment": Commentary]. Leningrad: Prosveshchenie.
7. Dalosh, D. (2010) *Gost' iz budushchego. Anna Akhmatova i Isayya Berlin. Istoriya odnoy lyubvi* [A Guest from the Future. Anna Akhmatova and Isaiah Berlin. A Story of Love]. Translated from Hungary. Moscow: Tekst.
8. Bakhtin, M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Dal, V. (2002) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Diamant.
10. Skiperskikh, A.V. (2014) The Concept "Revolt": A Hermeneutic Journey. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 156(5). pp. 138–148. (In Russian).
11. Camus, A. (1990) *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [Rebellious Man. Philosophy. Policy. Art]. Translated from French. Moscow: Politizdat.
12. Canetti, E. (2012) *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5454/5464>. (Accessed: 24th December 2014).
13. Rozanov, V. (n.d.) *Uedinnoe* [Secluded]. [Online] Available from: <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html>. (Accessed: 24th December 2014).
14. Dostoevsky, F.M. (1994) *Besy* [Demons]. Kiev: Borisfen.
15. Nikolskiy, S.A. (2011) Dostoevskiy i yavlenie "podpol'nogo cheloveka" [Dostoevsky and the phenomenon of "underground man"]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 77–88.

16. Tolstoy, L. (1977) *Voskresenie* [Resurrection]. Moscow: Sovremennik.
17. Porudominsky, V. (1971) *Dal'* [Dal]. Moscow: Molodaya gvardiya.
18. Averintsev, S. & Nerler, P. (eds) *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama. Vospominaniya. Materialy k biografii. "Nove stikhi". Kommentarii. Issledovaniya* [The Life and work of O.E. Mandelstam. Memories. Materials for the biography. "New Poems". Comments. Research]. Voronezh: Voronezh State University.
19. Gordin, V.L. (1990) Mandel'shtamovskiy Voronezh [Mandelstam's Voronezh]. In: Averintsev, S. & Nerler, P. (eds) *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama. Vospominaniya. Materialy k biografii. "Nove stikhi". Kommentarii. Issledovaniya* [The Life and work of O.E. Mandelstam. Memories. Materials for the biography. "New Poems". Comments. Research]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 53–60.
20. Kolchin, P. (2003) *American Slavery. 1619–1877*. New York: Hill and Wang.
21. Blok, A.A. (1962) *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works. In 8 vols]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

УДК 325.14

DOI: 10.17223/1998863X/35/25

Т.Р. Суздалева

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Анализируются основные тенденции современной миграционной политики. Показан поиск путей управления миграционными процессами в Евросоюзе.

В последнее десятилетие, несмотря на отсутствие единой стратегии в этой сфере, страны ЕС взяли более жесткий курс на сдерживание нелегальной иммиграции. Автор акцентирует внимание на взаимосвязи геополитических кризисов и увеличивающихся потоков беженцев. Запад нередко выступает на международной арене как дестабилизирующая сила, что способствует возрастанию миграционных потоков.

Ключевые слова: миграция, иммигранты, миграционная политика стран Запада, беженцы, Евросоюз.

Массовая миграция стала одним из характерных явлений жизни мирового сообщества во второй половине XX в.

Первоначально миграционная политика стран Запада строилась в рамках преодоления послевоенной гуманитарной катастрофы. В «Уставе Международной организации по делам беженцев» (1948 г.), «Декларации прав человека» (1948 г.), «Конвенции о статусе беженцев» (1951 г.), «Международном пакте о гражданских и политических правах» (1966 г.) были сформулированы такие универсальные международные принципы и нормы, как свобода выбора места жительства, запрет высылки, недопустимость дискриминации мигрантов, их право на судебную защиту, гарантии минимальных процедур при предоставлении убежища [1. С. 41].

В своей идеологической основе миграционная политика стран Запада практически не меняется. Ключевыми документами стран ЕС остаются «Европейская конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов» (1977 г.), «Амстердамский договор» (о внесении изменений в Договор о Европейском союзе (1997 г.), «Гаагская программа» (2004 г.). Они направлены на обеспечение минимальных процедурных стандартов при въезде в страну, предоставление юридической защиты, устранение правовых и процессуальных препятствий при рассмотрении гражданских и семейных дел и т.д.

До 90-х гг. XX в., в силу своей малочисленности, иммигранты не создавали социальных проблем, хотя в абсолютном выражении их численность в мире в целом была уже огромной: 1999 г. – 155 млн человек, 2015 г. – 216 млн. человек. Половина из них перемещались «внутри» евразийского континента (включая Индию и Ближний Восток), из них 18% – это миграция внутри ЕС и Евразийского экономического пространства [2. С. 54]. Но по мере роста числа мигрантов значительно возростала нагрузка на систему социального страхования, увеличивалась социальная нестабильность и даже ухудшалась криминогенная ситуация. В 2002 г. на Европейской встрече в верхах в Севилье возобладала программа минимальной иммиграции, после чего началось ужесточение национального иммиграционного законодатель-

ства. В 2004 г., перед расширением ЕС, эта проблема встала еще более остро, ряд стран-членов заявили об установлении минимальной иммиграции. Так, в 2006 г. Великобритания объявила об ограничении въезда граждан из стран Восточной Европы. В 2015 г. британский премьер Д. Кэмерон подтвердил курс на минимизацию миграции. Такой подход резко осудила канцлер Германии Меркель.

Особую опасность несет нелегальная миграция. Западные эксперты отмечают: «Неуправляемая миграция зачастую может приводить к неизмеримым социальным, финансовым и политическим издержкам для отдельных людей, общества и правительства в любой точке миграционного спектра, т.е. в стране происхождения, транзита или назначения. Определение основных составляющих национальной миграционной политики является важным шагом в разработке стратегии управления миграционными потоками. Помимо этого, политика должна стремиться учитывать влияние одних составляющих на другие и по возможности интегрировать их в единое целое» [3].

Особенно остро проблема нелегальной миграции стоит в Италии. Во-первых, она является одним из центров транзита беженцев в другие страны ЕС. Во-вторых, вследствие значительной теневой экономики Италия остается страной с самым большим количеством нелегальных мигрантов. Проводить в таких условиях эффективную миграционную политику власти весьма сложно.

В 2002 г. в Италии принимается закон «Босси – Фини», направленный на более эффективную борьбу с нелегальной иммиграцией, возложенную на Министерство внутренних дел. В 2008 г. было введено более строгое наказание за нелегальную иммиграцию, в 2009 г. подняты штрафы. В 2011 г. из-за массового потока мигрантов из Северной Африки Италия обратилась к другим странам ЕС за помощью в решении этой проблемы. В этом же году Италия заключила соглашение с Ливией о совместном регулировании миграционных потоков. Аналогичные отношения стали строиться со странами, из которых шел основной поток нелегалов (Албанией, Марокко, Китаем, Украиной и др.). В 2013 г. впервые появилось Министерство по делам интеграции и иммиграции. Его возглавила гражданка Италии, родившаяся в Конго.

Приблизительно в таком же положении находится соседняя Испания. Она испытывает серьезное давление со стороны стран Северо-Западной Африки и Латинской Америки. Прибывшие легально на короткий срок мигранты всеми силами пытаются остаться в стране. Призывы Испании к своим партнерам по ЕС в регулировании ситуации оставались практически без ответа, лишь некоторые страны предоставили ей помощь в морском патрулировании.

Положение с нелегальными иммигрантами в Италии и Испании создает сложную ситуацию для Европы в целом, поскольку, в соответствии с Шенгенским соглашением, в Европе существует единое пространство, в рамках которого иммигранты имеют возможность перемещаться практически без ограничений.

США находятся вне общеевропейской миграционной политики, поскольку не являются страной Шенгенского соглашения, но они множеством

других нитей связаны с Европой, поэтому миграционная политика США находится в русле общих для стран Запада процессов.

Прежде всего, там постоянно корректируются условия получения вида на жительство. Приоритет отдается не широкому кругу родственников американских граждан, а имеющим приглашение от работодателей. Годовая квота – 10 тыс. виз – предоставляется инвесторам, готовым вложить 500 тыс. долларов в развитие отдельных регионов (сельская местность или штат с высокой безработицей), или один млн долларов в любую сферу или штат [4]. В 2014 г. по сравнению с предыдущим годом уменьшилась выдача миграционных виз для стран африканского региона на 14 %, Европы – на 8 %, Южной, Центральной и Северной Америки – на 6 %. В то же время на 27 % выросли объемы выдачи иммиграционных виз для прибывающих из стран Южной и Центральной Азии [5].

В начале 2000-х гг. в США началась реорганизация органов, занимавшихся вопросами миграции. В 2002 г. был принят «Закон о внутренней безопасности», создано соответствующее министерство, а прежнюю Службу иммиграции и натурализации упразднили. Одним из подразделений нового министерства стала служба гражданства и иммиграции, следящая за законностью пребывания на территории США. В 2006 г. в США был подписан Закон о безопасности границ, предусматривавший строительство стены на границе с Мексикой, с целью защиты от потока нелегалов [6. С. 93]. В результате борьбы с нелегалами в 2010 г. было выслано более 400 тыс. человек.

Еще в 1885 г. немецкий географ Э.Г. Равенштейн сформулировал ряд закономерностей в миграционной сфере. Хотя социально-экономическая ситуация в мире с тех пор существенно изменилась, время лишь подтвердило их правильность. Действительно:

- чем крупнее страна, тем более привлекательное влияние она оказывает;
- рост крупных городов в большей степени обусловлен миграцией населения, нежели естественным приростом;
- масштабы миграции возрастают с развитием промышленности, торговли и особенно с развитием транспорта;
- экономические причины миграции являются определяющими.

Но сегодня внешняя политика Запада нередко создает условия для возникновения новых причин миграции.

Речь идет, прежде всего, о деятельности транснациональных корпораций, Международного валютного фонда и Всемирного банка в экономически слабых, неконсолидированных, политически нестабильных государствах. В этих странах очень сложно создать эффективную экономику, так как они «обладают менее диверсифицированной экономикой и структурами экспорта, что делает их гораздо более уязвимыми для колебаний цен на сырье и потрясений на международных финансовых рынках» [7. С. 161].

Западные международные структуры и организации не то чтобы специально сохраняют гигантский разрыв в уровне жизни целых регионов, они просто стремятся к достижению своих целей, косвенным результатом которых становится консервирующая бедность. Причем у этой политики есть теоретическое обоснование. Определение, данное много лет назад З. Бже-

зинским в отношении большинства стран Латинской Америки, Азии и Африки как «бесполезной массы», оказалось не просто вскользь брошенной фразой, а вполне конкретной политикой Запада [8. С. 8].

В современной отечественной историографии ТНК рассматриваются с экономической точки зрения (степень эффективности работы менеджеров, поиски путей улучшения ТНК в целом и т.д.). Интерес же к социальным последствиям деятельности ТНК исчез. Между тем еще советские ученые обратили внимание на то, что бурная экспансия международных монополий влечет за собой большей частью противоречивые социальные последствия [9. С. 114]. И за прошедшие два десятилетия политика ТНК в отношении других стран в этом плане мало изменилась. Более того, в целях наживы ТНК зачастую сами инициируют агрессию против государств. В большинстве случаев ТНК получают необходимую поддержку ведущих стран Запада, независимо от их последствий для местного населения. Так, США координируют свою внешнюю политику с руководством транснациональных корпораций. Получив политический контроль над поверженными странами, они передают экономическую сферу ТНК.

Разумеется, перелив капиталов ТНК способствует занятости, совершенствованию организации производства, росту потребления. Но в большинстве случаев преодолению отсталости развивающихся стран их деятельность не способствует. И альтернативы этой политике пока нет.

Положение во многих африканских и азиатских странах в 60–80-е гг. было более предсказуемым. Во многом это было связано с существованием СССР, оказывавшего молодым постколониальным странам существенную финансовую и дипломатическую поддержку. В середине 1980-х гг. Советский Союз плодотворно сотрудничал более чем с 70 государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Глядя на СССР и опасаясь полностью утратить влияние в развивающихся странах, Запад также оказывал развивающимся странам определенную гуманитарную помощь. Но «с разрушением Советского Союза Запад совершенно перестал обращать внимание на свои социальные обязательства перед третьим миром и резко сократил помощь, оказываемую ему ранее» [8. С. 7].

Тем не менее причиной, заставляющей людей покидать свою страну, является отнюдь не бедность. Исследования показали, что из-за нее только 3 % населения Африки оставляют родину. Число беженцев, появляющихся в результате военных конфликтов, многократно превосходит число трудовых мигрантов. И во многом порождает потоки мигрантов на Запад [10. С.16].

В современных условиях ради решения своих экономических и внешнеполитических задач, используя стратегию «управляемого хаоса» [11. С. 36], Запад дестабилизирует положение целых регионов. Так было с Ираком в 2003 г., после вторжения туда коалиции во главе с США. В течение 2003–2007 гг. число беженцев из Ирака вместе с переселенцами внутри страны составило – 4,7 млн. человек [12].

95 % беженцев оказались в соседних странах: Сирии, Иордании, Египте, Ливане, Кувейте, Египте и Турции. Но только Египет и Турция подписали с ООН соглашение о предоставлении иракцам статуса беженца. Остальные страны рассматривали их как временных «гостей», что означало отсутствие разрешения на работу.

В силу своих экономических возможностей страны Ближнего Востока не могли оказывать беженцам из Ирака необходимую помощь. Например, к 2009 г. Иордания приняла примерно 700 000 иракских беженцев. Для страны с населением в 6 млн человек это оказалось большой социальной проблемой. Почти 150 000 иракцев к 2006 г. оказалось в Египте. Но и 85-мил-лионный Египет был вынужден в 2007 г. ввести ограничения для новых беженцев. Поэтому, например, международная неправительственная организация «Международная амнистия» не раз обращалась к мировому сообществу и, прежде всего, к тем государствам, которые участвовали во вторжении в Ирак в 2003 г., с призывом приступить к выполнению своих обязательств по оказанию содействия странам, принимавшим иракских беженцев, и гуманитарным организациям, действовавшим в данном регионе [12].

Например, Польша, у которой в Ираке в составе напавшей антииракской коалиции было приблизительно 2,5 тыс. человек, предложила всем иракцам, сотрудничавшим с польским правительством, полное переселение или единовременную выплату 40 тыс. долларов, если они останутся в Ираке [12].

Безусловно, эти призывы приносили определенные результаты. Так, Швеция в 2005 г. приняла 2 тыс. беженцев из Ирака: в 2006 г. – более 9 тыс., в 2007 г. – 18 тыс. беженцев, т.е. удовлетворив больше половины всех ходатайств, поступивших от иракских беженцев в европейские страны.

Не менее наглядный пример дестабилизации Западом целых регионов – «арабские революции» 2011 г. Только Ливию в тот год покинуло 400 тыс. человек.

Вторжение в воздушное пространство начали французские самолеты. В Ливии именно Париж, руководствуясь своей заинтересованностью в поставках урана из Северной Африки, втянул НАТО в противостояние с режимом Каддафи. Но когда в Италию хлынули тысячи беженцев, Франция попыталась восстановить пограничный контроль с Италией. Это вызвало критику других государств ЕС. На что в марте 2012 г. «французские власти заявили о возможности выхода страны из Шенгенской зоны, отмечая неэффективность противодействия нелегальной миграции на общеевропейском уровне» [13. С. 56]. Аналогичные заявления звучали и в 2015 г.

Активным участником вторжения в Ливию в 2011 г. была и Великобритания. Однако в 2015 г., в связи с очередными попытками Италии создать систему помощи беженцам, плывущим в Европу на непригодных судах, Великобритания высказалась резко против. Лондон выступал против спасательных операций, считая, что такой подход будет лишь стимулировать беженцев. По мнению британских чиновников, необходимо лишь ужесточить контроль на границах и борьбу с контрабандистами, переправляющими африканцев через Средиземное море. Мальта и Германия предложила предоставить странам Запада мандаты ООН для уничтожения на территории Ливии ливийских контрабандистов по переправке нелегальных мигрантов.

Беженцы из Сирии – результат тех же технологий «дестабилизации», следствие вторжения американских войск в Ирак в целях насаждения «демократии». США, желая заполучить нефтеносный регион, ввергли его в

хаос: беженцами стали миллионы. Возникшее из антисирийской и антииракской оппозиции «Исламское государство» (ИГ) контролировало в середине 2015 г. более половины территории Сирии и Ирака.

Большинство сирийских беженцев оседают в Турции и Ливане. В Ливане беженцев из Сирии и Ирака около 3 млн человек. В Турции только сирийцев около 2 млн человек. ООН лишь частично покрывает расходы на содержание этих лагерей.

Еще в марте в 2012 г. УВКБ ООН обратилось к правительствам всех стран, подписавших конвенцию о беженцах, с рекомендацией ввести мораторий на их депортацию в Сирию независимо от того, легально или нелегально сирийцы прибыли в эти страны.

В 2015 г. на внеплановом саммите ЕС по нелегальной иммиграции было принято решение об их распределении между странами ЕС, об отправке в принимающие страны специальных служб по регистрации мигрантов и т. д. Это касалось не только приближенных географически стран к региону: Италии, Мальты и Греции. Так, по данным ООН, существенное число сирийских беженцев в 2014–2015 гг. приняли Германия и Швеция. В Австрии с населением 8,5 млн человек только в мае 2014 г. убежище получили 1,5 тыс. сирийцев.

Политика стран Запада обернулась трагедиями и на Украине: к маю 2015 г. на территории России оказалось 2,5 млн беженцев из этого региона [14].

Политическая дестабилизация на Украине была иной, нежели в Ираке и Ливии. Когда Россия в начале этого десятилетия попыталась открыть на Украине свои культурные центры, оказалось, что такие же центры, но американские и западноевропейские, функционируют там уже десять лет. Результат их деятельности известен [15. С. 13].

Аналогичная ситуация в странах Центральной Азии, с той лишь разницей, что, помимо американских и западноевропейских центров, не меньшую активность там проявляет Китай. Основным направлением их работы считается помощь местным специалистам в трудоустройстве за рубежом и помощь в переезде в США и страны Западной Европы. Политическая составляющая этих организаций не афишируется, но просматривается довольно ясно.

Данный краткий анализ позволяет сделать следующие выводы.

Принципы помощи беженцам и мигрантам, утвердившиеся после Второй мировой войны, на идеологическом уровне странами Запада не отвергаются. Тем не менее в основе миграционной политики практически всех стран лежат внутренние интересы. Именно от них зависят корректировка миграционной политики и конкретные действия правительств.

Основываясь на этих принципах, страны Запада оказывают значительную помощь беженцам и трудовым мигрантам. Однако, руководствуясь более важными для себя геополитическими интересами, правительства этих стран порождают значительную долю мигрантов.

Литература

1. Царёва Е.Ю. Миграционная политика Европейского союза. Нормативно-правовые основы регулирования миграции в Евросоюзе // Обозреватель – Observer. 2014. № 3 (290). С. 40–48.

2. Винокуров Е., Либман А. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47–72.

3. Додонов К. Миграционная политика в условиях глобализации // Политика, государство и право. 2013. № 5. – Электрон. дан. – URL: <http://politika.snauka.ru/2013/05/788> (дата обращения: 14.02.2016).
4. Кому доверяют имидж России // Ведомости. 2014. 8 сент.
5. Зафиксирована рекордно низкая эмиграция россиян в США // Известия. 2015. 13 февр.
6. Никольская Г. Иммиграционная политика США в начале XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 5. С. 93–102.
7. Ачкасов В.А., Еремеев С.Г. Страны «третьего мира»: столкновение с глобализацией // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 1. С. 161–176.
8. Халидов Д. Ш. Глобализация и миграция. Уроки Запада // Обозреватель–Observer. 2012. № 2. С. 6–17.
9. Казарова О.В. Экономические и социальные последствия деятельности международных монополий в развитых капиталистических странах (на материалах американских ТНК в Великобритании): дис. ... канд. экон. наук. Л., 1984. 172 с.
10. Назаров А.И. Мировые демографические тенденции и их влияние на миграционные процессы // Управление мегаполисом. 2010. № 4. С. 9–22.
11. Ремарчук В.Н. «Управляемый хаос» как инструмент современной геополитики // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 8. С. 36–41.
12. Беженцы из Ирака // Сегодня. Ру : информационно-аналитическое сетевое издание. – Электрон. дан. – URL: <http://www.segodaya.ru/content/19988> (дата обращения: 25. 01.2015).
13. Троицкая О. И. Миграционная дилемма России // Pro et Contra, 2012. № 3. С. 47–61.
14. Тройной контроль // Российская газета. 2015. 7 мая.
15. Суздалева Т.П. Миграционная политика: практика XXI века // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 1. С. 9–15.

Suzdaleva Tatyana R. Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

E-mail: suzdalev@list.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 25

MIGRATORY PROCESSES IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICS

Key words: *migration, immigrants, migration policy of the countries of the West, refugees, European Union.*

In article the main tendencies of modern migration policy are analyzed. Search of ways of management of migratory processes in the European Union is shown.

In the last decade, despite the lack of uniform strategy in this sphere, EU countries have taken more rigid course towards control of illegal immigration. The author focuses attention to interrelations of geopolitical crises and the increasing flows of refugees. The West quite often acts on the international scene as the destabilizing force that promotes increase of migration flows.

References

1. Tsareva, E.Yu. (2014) Migratsionnaya politika Evropeyskogo soyuza. Normativno-pravovye osnovy regulirovaniya migratsii v Evrosoyuze [The migration policy of the European Union. Legal and regulatory framework to manage migration in the European Union]. *Obzrevatel' – Observer*. 3(290). pp. 40–48.
2. Vinokurov, E. & Libman, A. (2013) Dve evraziyskie integratsii [Two Eurasian integration]. *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 47–72.
3. Dodonov, K. (2013) Migratsionnaya politika v usloviyakh globalizatsii [Migration policy in the globalizing world]. *Politika, gosudarstvo i pravo – Politics, State and Law*. 5. [Online] Available from: <http://politika.snauka.ru/2013/05/788>. (Accessed: 14th February 2016).
4. *Vedomosti*. (2014) Kому doveryayut imidzh Rossii [Whom do they trust the image of Russia]. 8th September.
5. *Izvestiya*. (2015) Zafiksirovana rekordno nizkaya emigratsiya rossiiyan v SShA [The lowest ever level of Russian emigration to the USA has been registered]. 13th February.
6. Nikolskaya, G. (2012) U.S. Immigration Policy in the Early 21st Century. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 5. pp. 93–102. (In Russian).
7. Achkasov, V.A. & Eremeev, S.G. (2009) Strany “tret'ego mira”: stolknovenie s globalizatsiey [The third world countries: The clash with globalization]. *POLITEKS – Political Expertise: POLITEX*. 5(1). pp. 161–176.
8. Khalidov, D.Sh. (2012) Globilizatsiya i migratsiya. Uroki Zapada [Globilizatsiya and migration. The lessons of the West]. *Obzrevatel'–Observer*. 2. pp. 6–17.

9. Kazarova, O.V. (1984) *Ekonomicheskie i sotsial'nye posledstviya deyatel'nosti mezhdunarodnykh monopoliy v razvitykh kapitalisticheskikh stranakh (na materialakh amerikanskikh TNK v Velikobritanii)* [Economic and social consequences of the activities of international monopolies in the advanced capitalist countries (a case study of the US multinational corporations in the UK)]. Economics Cand. Diss. Leningrad.

10. Nazarov, A.I. (2010) Mirovye demograficheskie tendentsii i ikh vliyanie na migratsionnye protsessy [The world demographic trends and their impact on migration management]. *Upravlenie megapolisom – Metropolis Management*. 4. pp. 9–22.

11. Remarchuk, V.N. (2012) “Upravlyaemy khaos” kak instrument sovremennoy geopolitiki [The “controlled chaos” as a tool of modern geopolitics]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura – Etnosocium (multinational society)*. 8. pp. 36–41.

12. Segodnya. Ru. (2008) *Bezhentsy iz Iraka* [Refugees from Iraq]. [Online] Available from: <http://www.segodnia.ru/content/19988>. (Accessed: 25th January 2015).

13. Troitskaya, O.I. (2012) Migratsionnaya dilemma Rossii [The Russian migration dilemma]. *Pro et Contra*. 3. pp. 47–61.

14. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) Troynoy kontrol' [Triple control]. 7th May.

15. Suzdaleva, T.R. (2015) Migratsionnaya politika: praktika XXI veka [Migration policy: The practice of the 21st century]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura – Etnosocium (multinational society)*. 1. pp. 9–15.

УДК 37. 035. 6: 35.08

DOI: 10.17223/1998863X/35/26

Ю.Н. Трифонов

О ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ

Рассматриваются роль и место патриотической идеологии в духовной жизни современного российского общества в условиях идеологического многообразия. Доказывается, что запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной не отрицает возможности и даже необходимости добровольного признания гражданами страны определенной системы идей в качестве интегрирующего фактора. Обосновывается, что таким фактором вполне может стать патриотическая идеология.

Ключевые слова: патриотизм, идеология патриотизма, идеологическое многообразие.

Современная Россия, переживая сложный и весьма противоречивый период своего развития, находясь под воздействием внешних и внутренних вызовов и угроз, остро нуждается в патриотизме своих граждан. При этом речь идет о зрелых чувствах любви к Родине, скрепленных системой патриотических взглядов и идей. Лишь в этом случае возможны подлинные проявления патриотизма, выражающиеся в патриотической деятельности различного рода.

Отсюда особая роль и место, которое занимают идеи патриотизма (патриотическая идеология) в политической и духовной жизни современного российского общества. В связи с этим важное теоретическое и практическое значение имеет осмысление идеологии патриотизма, относительно которой в научной и публицистической литературе наблюдается достаточно широкая палитра мнений. Это вызвано, прежде всего, тем, что само понятие и значение патриотизма трактуются по-разному, начиная от его абсолютизации и заканчивая метафизическим отрицанием, что присуще антипатриотизму и патриотическому нигилизму.

На этот счет Ю.Н. Досов и А.В. Кончугов отмечают, что перед обществом сохраняется вопрос о преодолении противоречий между двумя развивающимися тенденциями. С одной стороны, идеологизация патриотизма и практики его формирования, необоснованное, а порой и неоправданное включение понятия «патриотизм» в политическую стратегию и тактику ряда российских политических партий, с другой – нигилистическое отношение к его содержанию [1. С. 81].

С учетом данных обстоятельств приступим к анализу патриотической идеологии в условиях идеологического плюрализма, присущего современному российскому обществу. Прежде всего, подчеркнем, что под патриотической идеологией мы понимаем систему патриотических взглядов и идей, выражающих коренные интересы крупных социальных групп, а также общества в целом. По мнению Р.Г. Яновского, сущность идеологии патриотизма составляет система взглядов, норм, ценностей основной массы населения, раз-

деляющего и обожествляющего их, делом, доказывающего свою любовь к Родине, преданность России, отечеству [2. С. 20]. Данное утверждение, на наш взгляд, не бесспорно, но с ним вполне можно согласиться по существу.

При этом патриотическая идеология, наряду с патриотической психологией, – это основа соответствующих уровней патриотического сознания – теоретического и обыденного. На наличие двух составляющих патриотического сознания обращает внимание А.В. Абрамов, говоря о том, что патриотизм – это и чувства, и идеи (идеология), и деятельность, направленные во благо Отечества» [3. С. 2].

Функционируя как на обыденном, так и на теоретическом уровнях, патриотическое сознание пронизывает общественное сознание по вертикали. Важно видеть диалектическую связь между патриотической психологией и патриотической идеологией, которая заключается в следующем. Формирование и функционирование патриотического сознания людей начинается на уровне общественной психологии, являющейся его нижним пластом, и продолжается на качественно иной основе благодаря оформлению, обоснованию на теоретическом уровне в виде соответствующих взглядов и идей, которые и образуют верхний «этаж» патриотического сознания. Тем самым патриотические чувства приобретают осмысленность и превращаются в ключевой компонент мировоззрения социального субъекта.

В практике патриотического воспитания недопустимы, с одной стороны, недооценка психологии патриотизма, предположения о ее вытеснении идеологическим уровнем, что, отчасти, имело место в недалеком прошлом. Очевидно, что патриотизм вырастает из любви к «родным березам» и, расширяясь до понимания Отечества в целом, не теряет этого чувства. Подчеркивая важность теории патриотизма, следует признать, что ее содержание находится в прямой зависимости от эмоционально-чувственной окраски. На это обращал внимание И.А. Ильин: «С человеком... который никогда не ощущал сердцем, что есть для него Родина, трудно было бы даже беседовать на эту тему ...» [4. С. 218].

С другой стороны, совершенно справедливо утверждение А.В. Абрамова о том, что патриотические чувства россиян так и останутся хаотичными и противоречивыми, пока не появится стержень – патриотическая идеология [3. С. 7]. По данному поводу Е.Т. Бородин считает, что есть все основания рассматривать патриотизм и как национальное самосознание личности и как идеологию – самосознание нации, т.е. систему взглядов, идей, оценивающих отношение людей к своей нации, к другим народам и служащих средством патриотического воспитания [5. С. 260].

Особую значимость патриотической идеологии подчеркнул В.В. Путин, выступая 12 июня 2015 г. в День России на церемонии вручения государственных премий за выдающиеся достижения в области науки и техники, литературы и искусства, а также в сфере гуманитарной деятельности. Идеалы патриотизма, по мнению Президента РФ, настолько глубоки и сильны, что никому никогда не удавалось и не удастся перекодировать Россию, переделать под свои форматы. Нас невозможно отлучить, оторвать, изолировать от родных корней и истоков [6].

Тем не менее относительно идеологии патриотизма в отечественной литературе, помимо прочих, имеются две противоположные точки зрения. Одна из них заключается в отрицании, дискредитации идей патриотизма, придании им деструктивных и конфликтогенных качеств. Причем помимо открытой формы, характерной для антипатриотизма и патриотического нигилизма, имеются и завуалированные попытки поставить под сомнение само существование патриотической идеи. Например, А.Н. Яковлев, один из архитекторов перестройки, утверждал, что «истинный патриот – человек выше любой идеи...» [7].

Тем самым автор пытался опровергнуть истину о том, что именно идеи составляют ядро теоретического сознания. Однако известно, что интересы общества, страны изучаются и выражаются в виде теорий, концепций, систем взглядов и, наряду с другими формами идеологии, создается и идеология патриотизма. Отрицание господства одной идеологии не должно приводить к отрицанию ее самой. Следует подчеркнуть, что нет фактически «чистого» патриотического сознания, не связанного с идеологией. Если патриотическая идеология отражает объективные законы действительности, то она соответствует интересам развития общества. Отметим, что мы ведем речь об идеологии в широком смысле, когда доминирует познавательный аспект, выясняется уровень общественного сознания, а не дается оценка каким-либо социальным явлениям с узкогрупповых позиций.

В ошибочности и недопустимости отрицания патриотической идеологии убеждает онтологический подход к данной проблеме, свидетельствующий о реальном бытии, существовании соответствующих взглядов и идей в политико-идеологическом пространстве страны различных исторических периодов. Так, по мнению А.В. Абрамова, в российской истории можно выделить несколько патриотических идеологий, всегда носивших политический характер, поскольку патриотизм невозможен без отношения к политическому режиму страны [3. С. 7]. Идеологическую «смену вех», по его мнению, схематично можно представить так:

1. «Москва – Третий Рим» (XVI–XVII вв.) – провозглашение Руси богоизбранной христианской державой, а царя – защитником церкви и «надеждой всего христианского мира».

2. Концепция «Общего блага» (XVIII в. – перв. пол. XIX в.), основанная на идеалах Просвещения, сторонники которого трактовали патриотизм как деятельность по обеспечению «общей пользы Отечества».

3. «Теория официальной народности», сформулированная графом С.С. Уваровым, просуществовала с середины XIX в. до начала XX в.

Объектом патриотизма провозглашалась неограниченная монархия (самодержавие), находящаяся в неразрывном единстве с православием и народностью.

4. Советский патриотизм (XX в.), обозначавший в качестве идеала общественно-политического устройства бесклассовое коммунистическое общество, залогом построения которого является советский политический режим («Отечество трудящихся масс»).

Наиболее важны здесь истоки, на которые обращают внимание многие неравнодушные к судьбе страны авторы. Так, А.И. Щербинин и Н.Г. Щербина, рассматривающие конструкт «Святая Русь» в качестве одного из пре-

дельных конструктов российской ментальности и отечественной политической культуры, вполне обоснованно утверждают, что именно Средневековые стало референтной эпохой для оформления представления о святой земле и отождествления ее с Русью. Из символически сконструированного тогда представления вытекала одна значимая идея – некоторые образы, собственно священные иконы, достойные поклонения, несли в себе высшую истину [8. С. 6].

Другой крайностью является абсолютизация идеологического фактора. Имеются примеры, когда проблема разработки «новой» русской национальной идеологии возводится в ранг вопроса жизни или смерти нации [9].

Однако абсолютизация общественных явлений нематериального свойства (идей, духа, воли и т.д.) недопустима. Так, нам представляется ошибочным утверждение М.Т. Калашникова о том, что патриотическая идея надежно и верно служила созданию и укреплению российской государственности, строительству армии, воспитанию воинов и граждан [10]. Всегда ли надежно служила? К сожалению, были в нашей истории и времена Смуты, и Русско-японская война и иные, тяжелые и печальные страницы. Следовательно, одной патриотической идеи для благополучия Отечества недостаточно, нужны еще многие иные факторы: экономические, политические, международные и т.д. То есть вреден и идеологизированный подход к патриотизму, попытки подогнать под общие схемы реальную человеческую жизнь с ее радостями и трудностями.

Именно идеологизированный подход к патриотизму, отчасти, был характерен для советского периода. Следует согласиться с выводом Р.Я. Мирского о том, что в работах некоторых исследователей в застойный период доминировал социологизаторский или идеологизаторский подход к сущности социалистического патриотизма «как непосредственного результата идейно-воспитательной работы, отсеченного от своих естественноисторических корней, с выхолощенным механизмом функционирования естественной связи человека с Родиной. При таком подходе советский патриотизм выступает как чисто идеологическое явление... роль патриотического воспитания абсолютизировалась, она превращалась во всемогущий инструмент по «изготовлению неких безликих», «ни в чем не сомневавшихся», «пламенных» патриотов, «беспредельно любящих свою Родину», «беззаветно» преданных делу социализма, «постоянно готовых» защищать Отечество» [11. С. 6].

Помимо критических, но вполне обоснованных суждений по данному вопросу, высказываются и весьма тенденциозные соображения. Так, М.А. Ешев утверждает, что «советский патриотизм использовался в качестве одного из основных средств подавления личностных начал, ликвидации этнических культур и традиций, милитаризации социума, зомбирования общественного сознания» [12. С. 86–87].

Нами разделяется мнение К.Ю. Колесникова о том, что трудно согласиться с данной оценочной частью авторского пассажа. По той причине, что 90-е гг., особенно в период «парада» национально-государственных и региональных «суверенитетов», выяснилось как раз обратное, что советский патриотизм не столько подавил в сознании советских граждан их традиционные идентичности, сколько укрепил их, создал условия для их активизации в постсоветский период истории нашей страны [13. С. 136].

В настоящее время у многих россиян произошло диалектическое отрицание тех или иных составляющих патриотической идеи. Очевидно, в этом смысле Г.А. Зюганов отметил имеющийся кризис патриотического сознания и признал в качестве достижения эволюции взглядов патриотов-государственников «деидеологизацию патриотической идеи» [14. С. 114].

Преодоление идеологизированного подхода к данному вопросу положительно сказывается на инициативе людей, расширяет спектр возможностей по реализации своего творческого потенциала во всех сферах жизнедеятельности.

Вместе с тем, осознав ошибочность идеологизаторских трактовок патриотизма, следует понимать недопустимость и другой крайности, связанной с отсечением идеологического пласта рассматриваемого феномена и сведением патриотизма лишь к естественно возникающим чувствам. Так, о естественном происхождении патриотизма говорит И. Чубайс. По его мнению, «в нормально сложенном государстве, в правильно функционирующей социальной системе гражданский патриотизм возникает сам собой. Подобно сильной иммунной системе, он является естественным следствием правильной социальной организации. Нормальный патриотизм не формируется искусственно, через гослозунги, плакаты и подготовленные властями митинги. Более того, навязчивая пропаганда официальных идеологов не только контрпродуктивна, но и оказывается верным показателем авторитарно-тоталитарного характера власти» [15. С. 3].

Здесь, как видно, допускается противопоставление естественных и социальных факторов формирования патриотизма, подмена системы патриотического воспитания идеологической пропагандой. Тем самым фактически отрицается роль и значение патриотического воспитания граждан, в том числе и молодежи. Кроме того, говорится о нормальном патриотизме, что, очевидно, предполагает, по мнению говорящего, возможность ненормального патриотизма. Согласиться с такого рода утверждениями также никак нельзя.

Патриотическая идеология призвана выполнять ряд функций, в том числе социализаторскую, является одним из элементов ориентационной схемы (время – пространство). Кроме того, она придает динамику и смысл действиям индивидов и общества. Идеология тесно связана с формулированием смысла и разграничением общества через его интерпретации [16].

На это обращает внимание К.Ю. Колесников, отмечая существенную роль, которую играет идеологическое измерение патриотизма, связанное с готовностью человека считать будущее не меньшей ценностью, нежели настоящее и прошлое. В этом измерении, по его мнению, «гробы» и «пепелища» мало актуальны, а предмет патриотизма интерпретируется через призму политических идей и идеалов [13. С. 79].

Соглашаясь с подчеркнутым К.Ю. Колесниковым значением идеологического измерения патриотизма, нельзя не возразить относительно его утверждения об утрате актуальности исторической составляющей патриотизма.

При этом в современном общественном сознании россиян наблюдается параллельное и конкурентное сосуществование различных, порой диаметрально противоположных и взаимоисключающих друг друга, планов буду-

шего развития страны: либерального, социалистического, монархического и т.п. Во многом это обусловлено конституционными положениями о том, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ).

Конституционный принцип идеологического многообразия получил и продолжает получать признание многими представителями научного сообщества. Так, по мнению Д.А. Назарова, основными характеристиками данного принципа являются:

1) идеологическое многообразие означает возможность нормального сосуществования в обществе различных (в том числе прямо противоположных) философских, политических, правовых, экономических, религиозных взглядов, идей, теорий. Каждый вправе (самостоятельно или совместно с другими лицами) свободно создавать, распространять, защищать свои взгляды и идеи. Принцип идеологического многообразия является развитием неотъемлемых прав человека на свободу мысли, слова, информации, совести, вероисповедания;

2) невозможность установления никакой идеологии в качестве государственной или обязательной – необходимая гарантия принципа идеологического многообразия. Эта гарантия означает, во-первых, что государство не должно вмешиваться в сферу идеологии путем подчинения какому-либо идеологическому направлению, в том числе политическому, и, во-вторых, государство не вправе устанавливать какую-либо идеологию в качестве общеобязательной, т.е. ограничивать права человека на свободу совести, мысли и слова [17. С. 37].

Вместе с тем в последние годы все чаще даются критические оценки нормативно установленному идеологическому многообразию. Например, К.Ю. Колесниковым конституционное закрепление либерально-демократических ценностей, прежде всего плюрализма идеологий, расценивается в качестве препятствия к тому, чтобы общество и государство могли вернуться к формированию гражданской идентичности на основе патриотизма. Дело в том, что, по его мнению, нормативно и идеологически государственная политика в сфере формирования патриотизма фактически оказалась на периферии политического процесса [13. С. 4].

Высказываются и более жесткие оценки. Так, Р.Г. Яновский утверждает, что на всех уровнях власти утвердилось мнение: государственная идеология не нужна. Большие и малые руководители не понимают, что в строительстве правового, социального, демократического государства выбит главный стержень – духовно-идеологический [2. С. 21].

В результате как государственные институты, так и общественные, включая политические партии, в большинстве своем категорически отвержены идее идеологического плюрализма, запрета на государственную идеологию. Тем самым, по мнению К.Ю. Колесникова, гражданам в их стремлении обрести патриотическую идентичность предлагается руководствоваться весьма широким и «размытым» по смыслу спектром политических идей и ценностей, из которых в настоящее время не складывается никакой четкий проект будущего России. Проект, для практической реализации которого и нужен гражданин-патриот. Это подчеркивает необходимость четко сформулированной национальной идеи, определенного

проекта будущего, приверженность которым, в идеале, демонстрируют политические субъекты, и это дает им право требовать такой же приверженности от массы рядовых граждан [13. С. 6].

Выступая с Посланием Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г., Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «в Конституции сформулированы ключевые национальные объединительные идеи» [18]. Однако в литературе на этот счет отмечается следующее: «Если можно твердо утверждать, что мы имеем четко определенные экономические, социальные и политические основы конституционного строя России (многообразие форм собственности, свобода экономической деятельности; РФ – социальное и демократическое государство; политическое многообразие, многопартийность и т.д.), то духовные основы, на наш взгляд, в основном законе страны четко не определены [19. С. 59].

В переломные же моменты истории страна остро нуждается в духовных ценностях, которые не только имеют нормативно-правовое закрепление, но, прежде всего, разделяются большинством соотечественников. В связи с этим справедливо утверждение А.И. Щербинина и Н.Г. Щербининой, что в моменты глубоких переломов, развилок исторического развития, неочевидного будущего возникает потребность не только в поиске идентичности, но и предельных для нее оснований, разделяемых большинством в данном обществе (или могущих стать таковыми) [8. С. 5].

Однако представляется, что духовному единению нации вряд ли способствуют достаточно противоречивые положения ст. 13 Конституции РФ. Считаем, что запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной не отрицает возможности и даже необходимости добровольного признания гражданами страны определенной системы идей в качестве интегрирующего фактора. Преодолеть негативные издержки принципа идеологического плюрализма призвана, как представляется, именно патриотическая идеология, которая должна быть признана и поддержана в качестве общенациональной идеи.

Об этом весьма убедительно в очередной раз сказал Президент РФ В.В. Путин в ходе встречи с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров. По мнению главы государства, в РФ не может быть никакой иной объединяющей идеи, кроме патриотизма, это и есть национальная идея [20].

Вместе с тем, как отмечает А.В. Абрамов, для современного этапа развития страны характерно отсутствие какой-либо господствующей государственно-патриотической идеологии [3. С. 9]. По мнению И.А. Барцица, стало общепризнанным, что, отвергнув с разрушением советской формы государственности практически весь перечень советских символов, идеологических ценностей, культурных легенд и социальных мифов, пришедшая к власти в начале 1990-х гг. управленческая элита и поддержавшие ее интеллектуалы не смогли предложить обществу достойной идейной замены. В ходе многочисленных дискуссий о новой национальной идее России так и не удалось сформировать того набора ценностей, которые в новых экономических условиях могли бы конкурировать с ценностями общества потребления [21. С. 7].

По мнению Е.Т. Бородина, патриотическая идеология, как и любая другая, призвана ответить на все вопросы, которые возникают перед человеком в его жизни. Такой патриотической идеологии как целостной системы ещё

нет. Её создание – актуальнейшая задача, стоящая перед общественной наукой [5. С. 269]. Для сплочения общества необходима, по мнению А.В. Абрамова, выработка концепции, призванной стать основой для консенсуса – общероссийской патриотической идеологии [3. С. 9].

В.Н. Кузнецов, напротив, утверждает, что становление и функционирование новой российской народной (национальной), объединяющей, патриотической, государственнической идеологии – повседневная реальность. Главный смысл народной идеологии – содействие духовному и нравственному, культурному существованию каждого человека, каждой семьи, каждого народа [22. С. 9].

Но как бы то ни было, в последние годы идет разработка современной концепции патриотизма. Именно в этом ключе следует рассматривать высказанные в свое время политическими руководителями страны идеологические тезисы: Россия как страна-идея (Санкт-Петербург, 2007) и Россия как страна-мечта (Санкт-Петербург, 2010).

Патриотическая идея, на наш взгляд, должна быть ориентирована на создание общества, в котором бы большинству людей жилось комфортно в соответствии со способностями и их реализацией. Во все времена для Руси характерно было стремление к социальной справедливости и равенству, интерес общины или коллектива ставился выше личного. Все, кто готов плодотворно трудиться на благо общества – и врач, и строитель, и хлебопашец, и предприниматель, и управленец, – должны иметь такую возможность. Обеспечить это – обязанность государства.

Кроме того, патриотические ценности должны базироваться на основе достоверных знаний о потребностях и нуждах Отечества, его прошлом, настоящем и будущем. Любовь, по С.Л. Франку, «не есть нечто только субъективное, а вместе с тем объективное знание и укорененность в объективном бытии» [23. С. 197]. В связи с этим считаем необходимым выделение гносеологического (интеллектуального) аспекта патриотического сознания, который определяют: степень адекватности отражения Отечества как части объективной реальности в сознании социального субъекта; использование всех методов познания процессов, происходящих в обществе; полнота и глубина приобретенных знаний об Отечестве, его истории и перспективах развития.

Исходя из этого, следует признать возможность получения ложных знаний о нуждах Отечества, о его роли в мире. А значит, идеология может быть не только положительной, выполнять прогрессивные функции, но и отрицательной, построенной на ошибочных знаниях. Убедительный пример тому – идеология фашизма, прикрывавшаяся и спекулирующая патриотической фразеологией, но являющаяся, по сути, человеконенавистнической, преступной.

На сегодняшний день многим становится очевидной ложность ряда положений либеральной идеологии. В связи с этим, как отмечает К.Ю. Колесников, наблюдается стремление государственных и общественных институтов вести патриотическую работу с гражданами, опираясь на принципы либеральной демократии, но с антилиберальных идеологических позиций [13. С. 19].

Таким образом, в условиях идеологического плюрализма патриотическая идеология должна быть признана и поддержана в качестве общенациональной идеи.

Литература

1. Досов Ю.Н., Кончугов А.В. Вопросы патриотизма: плюрализм и фальсификации // Вестник Военного университета. 2009. № 4. С. 81–87.
2. Яновский Р.Г. Становление идеологии патриотизма // Общество и право. 2006. №4 (14). С. 20–24.
3. Абрамов А.В. Современный российский патриотизм: каков он? // [Электронный ресурс]. Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. 2013. № 4. С. 2–11. (дата обращения: 17.12.2015).
4. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
5. Бородин Е.Т. Русская идея есть идея русского патриотизма // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 6. С. 260–271.
6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://tass.ru/obschestvo/2037902> (дата: обращения 17.03.2016).
7. Яковлев А.Н. Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Известия. 1995. 25 апр.
8. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Конструкт «Святая Русь» и его смысловые актуализации // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 5–14.
9. Лысенко Н. Абсолютная идея нашего будущего // Молодая гвардия. 1994. № 4. С. 189–206.
10. *Отечество* воспрянет деяниями патриотов (материалы «круглого стола») // Красная звезда. 1995. 27 дек.
11. Мирский Р.Я. Патриотизм в условиях советского общества и его революционного обновления: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1988. 52 с.
12. Ешев М.А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. № 5. С. 85–89.
13. Колесников К.Ю. Особенности политики патриотического воспитания граждан России в условиях партийно-идеологического плюрализма: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2015. 179 с.
14. Зюганов Г.А. Держава. 2-е изд., дораб. и доп. М.: Информпечать, 1993.
15. Чубайс И. Разгаданная Россия. Что же будет с Родиной и с нами. (Опыт философской публицистики). М.: АиФ Принт, 2005. 233 с.
16. Щербинин А.И. Вхождение в политический мир (Теоретико-методологические основания политической дидактики) // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 136–145.
17. Назаров Д.А. Некоторые вопросы влияния идеологического и политического многообразия на развитие гражданского общества // Правовая инициатива. 2014. № 2. С. 37–41.
18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 года // Российская газета. 2013. 13 дек.
19. Лихачева Е.А., Трифонов Ю.Н. Модернизация России и государственная политика в духовной сфере // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых / Тамб. регион. отделение РoСМУ; отв. ред. А.В. Кузьмин. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 59–65.
20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/02/03/putin-rasskazal-v-chem-zaklyuchaetsya-nacionalnaya-ideya-v-rossii.html> (дата обращения: 09.02.2016).
21. Барциц И.А. Доктрина «конституционного патриотизма» (российские мечтания по мотивам европейского идеала с германскими корнями) // Государственная служба. 2013. № 5. С. 3–9.
22. Кузнецов В.Н. Идеология развития России. М.: Книга и бизнес, 2010. 500 с.
23. Франк С.Л. Душа человека. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. М.: Наука, 1990.

Trifonov Yuriy N. Tambov branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration (Tambov, Russian Federation)

E-mail: liony12345@rambler.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 26

ABOUT PATRIOTIC IDEOLOGY IN THE IDEOLOGICAL DIVERSITY

Key words: patriotism, the ideology of patriotism, ideological diversity.

It's considered the role and place of patriotic ideology in the spiritual life of the modern society in terms of ideological diversity. It's proved that prohibition of establishment of any ideology as a state of require doesn't deny the possibility and even the need voluntary acceptance citizens of a certain system of ideas as an integrating factor. It's substantiated that factor may well be the ideology of patriotism.

References

1. Dosov, Yu.N. & Konchugov, A.V. (2009) Voprosy patriotizma: plyuralizm i fal'sifikatsii [Problems of patriotism: Pluralism and falsification]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 4. pp. 81–87.
2. Yanovsky, R.G. (2006) Stanovlenie ideologii patriotizma [Formation of ideology of patriotism]. *Obshchestvo i pravo*. 4(14). pp. 20–24.
3. Abramov, A.V. (2013) Modern Russian patriotism: What is it? *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Moscow State Regional University*. 4. pp. 2–11. (In Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2013-4-508
4. Ilin, I.A. (1993) *Put' k ochevidnosti* [The Way to the Obvious]. Moscow: Respublika.
5. Borodin, E.T. (2007) Russkaya ideya est' ideya russkogo patriotizma [Russian idea is the idea of Russian patriotism]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 6. pp. 260–271.
6. TASS Russian News Agency. (2015) *Putin: patriotizm tak silen v Rossii, chto nikomu ne udastsya perekodirovat' nashu stranu* [Putin: patriotism is so strong in Russia that nobody will be able to recode our country]. [Online] Available from: <http://tass.ru/obschestvo/2037902>. (Accessed: 17th March 2016).
7. Yakovlev, A.N. (1995) Zhirinovskomu i drugim "patriotam" v zhirnykh kavychkakh [To Zhirinovsky and other so-called "patriots"]. *Izvestiya*. 25th April.
8. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The construct "Holy Russia" and its semantic actualizations. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(31). pp. 5-14. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/31/1
9. Lysenko, N. (1994) Absolyutnaya ideya nashego budushchego [The absolute idea for our future]. *Molodaya gvardiya*. 4. pp. 189–206.
10. *Krasnaya zvezda*. (1995) Otechestvo vospriyato deyaniyami patriotov (materialy "kruglogo stola") [The Homeland will rise with the deeds of patriots (Proc. of the Round Table Discussion)]. 27th DEcember.
11. Mirsky, R.Ya. (1988) *Patriotizm v usloviyakh sovetskogo obshchestva i ego revolyutsionnogo obnovleniya* [Patriotism in the Soviet society and its revolutionary renewal]. Abstract of Philosophy Doc. Diss. Moscow.
12. Eshev, M.A. (2014) Patriotism in Soviet and Post-Soviet Russia. *Vlast'*. 5. pp. 85–89. (In Russian).
13. Kolesnikov, K.Yu. (2015) *Osobennosti politiki patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossii v usloviyakh partiynno-ideologicheskogo plyuralizma* [Patriotic education of Russian citizens under the party and ideological pluralism]. Political Science Cand. Diss. Saratov.
14. Zyuganov, G.A. (1993) *Derzhava* [Nation]. 2nd ed. Moscow: Informpechat'.
15. Chubays, I. (2005) *Razgadannaya Rossiya. Chto zhe budet s Rodinoy i s nami. (Opyt filosofskoy publitsistiki)* [The Solved Russia. What will happen to our Country and to us. (A philosophical essay)]. Moscow: AiF Print.
16. Shcherbinin, A.I. (1996) Entering the World of Politics (Theoretical and Methodological Foundations of Political Didactics). *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 136–145. (In Russian).
17. Nazarov, D.A. (2014) Some questions of the ideological and political variety influence on the development of civil society. *Pravovaya initsiativa – The Legal Initiative*. 2. pp. 37–41. (In Russian).
18. *Rossiyskaya gazeta*. (2013) Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF 12 dekabrya 2013 goda [Address by the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation, December 12, 2013]. 13th December.
19. Likhacheva, E.A. & Trifonov, Yu.N. (2015) Modernizatsiya Rossii i gosudarstvennaya politika v dukhovnoy sfere [Modernization of Russian and public policy in the spiritual sphere]. In: Kuzmin, A.V. (ed.) *Uchenye zapiski Tambovskogo regional'nogo otdeleniya Rossiyskogo soyuza molodykh uchenykh* [Scientific notes of Tambov Regional Branch of the Russian Union of Young Scientists]. Tambov: Tambov State University. pp. 59–65.
20. MK.ru. (2016) *Putin rasskazal, v chem zaklyuchaetsya natsional'naya ideya v Rossii* [Putin explained the Russian national idea]. [Online] Available from: <http://www.mk.ru/politics/2016/02/03/putin-rasskazal-v-chem-zaklyuchaetsya-natsionalnaya-ideya-v-rossii.html>. (Accessed: 9th February 2016).
21. Bartsits, I.A. (2013) «Constitutional patriotism» doctrine (Russian dreaming on European ideal motives with German roots). *Gosudarstvennaya sluzhba*. 5(85). pp. 3–9. (In Russian).
22. Kuznetsov, V.N. (2010) *Ideologiya razvitiya Rossii* [The ideology of Russia's development]. Moscow: Kniga i biznes.
23. Frank, S.L. (1990) *Dusha cheloveka* [The soul of man]. Moscow: Nauka.

УДК 321.01

DOI: 10.17223/1998863X/35/27

Н.Г. Щербинина

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И КОНСТРУКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Поднимаются проблемы политической культуры России с позиций политического конструктивизма. Политическая культура понимается как знаковое единство текстов, конституированное доминирующим кодом. Делается вывод о преобладании в современности России политической культуры семантического типа, выражающего себя символическим способом бытия. В данной связи в работе дается описание конструктов современного политического мышления российской власти. При этом конструктивная роль принадлежит политическому лидеру, который сам трансформируется в текст.

Ключевые слова: коды политической культуры, семантический политико-культурный тип, конструкты политического мышления российской власти.

Для того чтобы решить проблему исследования политико-культурных кодов, согласно которым российская власть выстраивает смысловую коммуникацию, надо обратиться к методу типологизации. Типологии политических культур Алмода и Вербы (а также их последователей) относятся к веберовской традиции [1. С. 26–47]. И хотя сам Вебер полагал, что действующий в социальном мире придает смысл своим действиям, политико-культурный подход в его классическом выражении сводит политическую культуру не к внутреннему смысловому миру, но к внешнему поведению. Типизация, согласно данной трактовке, представляет абстрактную коллективную личность, которая имеет или, напротив, не обладает установками на действие. Но для анализа конструктов современного политического мышления российской власти, на наш взгляд, надо обратиться к более широкому концепту культуры, к семиотическому взгляду на нее. Понимание культуры (и связанной с ней политической культуры) как знаковой сущности даст нам возможность акцентироваться не только на поведенческих следствиях, но на феноменологическом описании базовых ценностей культуры, ее архетипов.

Поэтому в данном политико-конструктивистском исследовании менталитета современной российской власти мы отталкиваемся от понятия политической культуры, которую мы представим в виде системы значащих конструктов, своего рода «текстов» культурно артикулированных эпох. Политическая культура как конструктивная знаковая система, некий общий смысловой контекст подчинена законам памяти, поэтому мы и обращаемся к научной проблеме культурного кодирования. У. Эко в книге «Отсутствующая структура» писал, что культура строит свои конкретные сообщения в соответствии с кодами, и семиология должна данные коды описать. Успешным примером подобного описания для него послужили работы Ю.М. Лотмана [2. С. 405]. Согласно Ю.М. Лотману, история культуры России, понимаемая семиотически,

дает нам четыре доминантных кода, позволяющих типологизировать культурные тексты. Это следующие типы кодирования: 1) семантический, 2) синтактический, 3) асемантический и асинтактический, 4) семантико-синтактический [3. С. 402]. Выразим ту же мысль по-другому: перед нами четыре языка коммуникации, типологически релевантные нашей культуре вообще, и мы можем экстраполировать их и на культуру политическую. Здесь мы имеем в виду, что политическая культура России представляет собой знаковое конструктивное пространство текстов, оформленное единством кода. Или что политическая семиосфера образовала такую конфигурацию, когда данный код занял центральное место среди ее языков [4. С. 250–252]. При этом на периферии политической семиосферы могут использоваться для коммуникации второстепенные коды или языки, что превращает «чистый» тип в гибридное образование. Другими словами, культура-текст может быть понята как реализация кода, шифрующего политико-культурные сообщения. Конечно, речь идет о доминировании одного властного кода среди других культурных кодов, что и выявляет типологическое политико-культурное единство. Перед нами некий паттерн политической культуры России, именно тот знаковый ряд, который конституирует политическую реальность эпохи и ее «архетипический резервуар», что семиотически моделирует политическую коммуникацию.

Когда мы используем понятие «модель», мы имеем в виду конструирование властью виртуальной политической реальности в форме «текста», пригодного для прочтения коллективной российской личностью. В подобной реальности знаки «существуют» и, согласно Лотману, выделяется двоякий способ бытия знака:

– бытие знака определено тем, что он замещает нечто более важное в знаковом отношении, чем сам знак;

– бытие знака определено его вхождением в систему знаков, которая важнее единичного знака [3. С. 401].

Итак, в основу аналогичной типологии политико-культурных кодов, опираясь на Лотмана, мы поместим два «параметра» с положительным и отрицательным статусом: 1) знаковое существование в политике как замещение более важного и 2) существование знака как части более важного в политическом смысле.

Первое отношение – это отношение замещения, порождающее семиотическое значение (I, семантическое). Второе отношение есть отношение соединения (II, синтактическое). Из сочетания данных позиций со знаками + и – образуется четырехчленная типологическая комбинация кодов:

- 1) I+ II– семантический,
- 2) I– II+ синтактический,
- 3) I– II– асемантический и асинтактический,
- 4) I+ II+ семантико-синтактический.

Охарактеризуем кратко каждый политико-культурный код, задающий, в свою очередь, особую модель политической культуры России в разные исторические эпохи. Каждая модель властного творчества при этом отличается именно конструктивно, т.е. как заданный властью смысловой мир, особая политическая реальность.

Семантический политико-культурный тип

Это значит, что практически весь политический мир символизируется. И вообще реальность творится символически путем создания политического знака. Перед нами некая абсолютная политическая реальность, символический мир, который имеет собственный смысл. То есть данный политический мир состоит из значимых феноменов, по сути чуждых практической обыденности, повседневности. Итак, существуют только знаки: лидеры, граждане, партии и т.п. Действия знаков и их коммуникация имеют символическую природу, это производство и обмен символами. Главное же в знаковой референции выражается функцией замещения, когда часть (например, политический лидер) репрезентирует целое. В контексте абсолютной знаковой функции политических феноменов личность как индивид ценности не имеет, ведь она тоже представляет целое. Потому в современной России и прослеживается тенденция к знаковому политическому представительству. Так, депутаты-одиночки 1990-х гг. уступили место партийным репрезентантам. И, действительно, депутат от партии (а это, по сути, основной принцип электорального отбора в России) есть часть целого и представитель целого. Вообще в таком репрезентативном мире существует лишь тот, кто имеет место в целостности, остальные без причастности к месту – вне значимой политики. Здесь мы наблюдаем возрождение, своего рода, «местничества»: нет места – нет человека политического. Данный феномен вызывает смысловую ассоциацию (но не буквальную) со средневековым боярином, который держался за место в социальном бытии, чтобы место не превратилось в «упалое», а самому не стать «небылью». Таким образом, набор политических знаков конституируется иерархически. Здесь уместно снова обратиться к примеру с боярином, садившимся в Думе, согласно принципу местничества, в строгом порядке относительно «царского места». В любом случае политический лидер России репрезентирует власть как план выражения подобной знаковой иерархии. Потому в условиях современной России наметилась тенденция по возможности фактически безальтернативно выбирать ключевые политические фигуры среднего лидерского звена, тем самым сохраняя за ними место. При этом государственная вертикаль представляет собой настоящую систему местничества: оформлено место – бытует политический лидер-функционер. А чиновники пониже рангом, в свою очередь, занимают иерархическое положение относительно, к примеру, губернатора. Картина такого политического мира (образ реальности) лишается естественноисторического контекста. Картина мира в семантического типа культуре абсолютно конструктивна, ведь определение и конституция политической реальности зависят от властико-конструктора.

Синтаксический политико-культурный тип

Политический мир, напротив, живет практической жизнью, что вызывает разрушение старых символов. А значение человека определяется его причастностью к целому, когда общее господствует над частью. В идеале-тексте перед нами политический лидер, служащий государству по образцу идеологических манифестаций Петра I. И, согласно лидерскому эталону, устанавливается гражданский принцип служения Отечеству. Однако, по нашему мнению, в противовес образцовому тексту, декларирующему «служилый»

конституирующий принцип, доминирующая знаковая коммуникативная практика утверждала другую политическую реальность, где Петр выступал демиургом нового мира. Тем самым вместо разрушенных символов конструировалась еще одна абсолютная реальность семантического типа, что свидетельствует об исключительности «символического» кода для российской политической культуры.

Асемантический и асинтактический политико-культурный тип

Культура, согласно данной модели, стремится к десемантизации. Образец дают революционная волна Просвещения и постмодернистский информационный взрыв. И там и там знаки теряют аутентичность и симулируют. Однако при этом создаются новые символические системы антизнаков. В результате конституируется бессмысленный и раздробленный мир. Пример тому – постперестроечная Лениниана, представляющая собой антигероический «трансферт».

Семантико-синтактический политико-культурный тип

Это мир-антипод предыдущему: осмысленный и единый. Перед нами синтез первого и второго политико-культурных типов. В качестве примера здесь правомерно указать на тоталитарный мир России в единстве идеального и материального его измерений. Теория-текст, по сути собрание догматов, буквально конституировала мир политики как абсолютную смысловую реальность.

Из вышеприведенной систематизации, по нашему мнению, выявляется семиотическая специфика российского политического мира, конструируемого словом-откровением лидера (причем слово это «сказанное» или «несказанное»). То есть наш типичный политический мир представляет собой даже не текст в коммуникативном обмене, но моделирующее слово лидера-текста в режиме трансляции. Лидер-текст дан не для рефлексии, но для «катехизисного» чтения, он хранит в себе все ответы на все вопросы. Не случайно «Прямая линия с Владимиром Путиным» имеет сходную коммуникативную форму. В данной связи для нас представляет интерес недавняя конкретная кодирующая системная модель, согласно которой политическая власть репрезентирует политический порядок в современной России. Здесь мы имеем в виду исторический конструкт транзитивного президентства Медведева: Путин – Медведев – Путин. Тем самым конструкты российской власти осмысливаются в доминантной парадигме, и политическая культура отдельного периода предстает как закодированное пространство знаков.

Согласно выводу данной статьи, политически конструирующая мир власть моделирует реальность России в семантическом кодовом ключе. Под конструктивным лидерством здесь мы подразумеваем феномен путинских интенций, даже если это «коллективное лидерство» тех, кто пишет текст. Как бы там ни было то, что прочитывается, в сущности, является традиционным миром, имеющим смысл, но смысл, не эксплицированный и в символической коммуникации до конца не постигаемый. При всем централистском символизме (а к Центру сводится вся Россия) рассматриваемый политический мир не является единым, т.е. синтактическим. В данной связи одной из основных символических репрезентаций российской политики служит партия власти, называемая «Единая Россия». Но данная характерная манифестация единства

представляет собой лишь абстрактный символ, лишенный конкретного смысла. При этом сама партия далека от организационных систем жесткого типа, являя собой холдинг, т.е. собрание ассоциированных с номинальным центром членов без строгих правил образования структуры.

Интересно, что управляющее конструктивное политическое творчество Путина сформировалось на фоне кодирующего эффекта культуры постсовременности, асемантического и асинтактического по сути. Мир российской «постсовременности», раздробленный и бессмысленный, был явлен как медиареальность, особенно в 1990-е гг. Здесь знаки релятивны, симулируют и не репрезентируют в процессе свободной знаковой игры. Собственно знаки создавались для того, чтобы отрицать знаки, т.е. активно формировалась знаковая система «навыворот». Однако с усилением в начале XXI в. политической пропаганды (как основной формы однонаправленной коммуникации российской власти) знаки стали опять выстраиваться в смысловые конструкции, а те, в свою очередь, образовывать смысловой мир. Конечно, это лишь официальная политическая коммуникация, тогда как альтернативная коммуникация остается асемантической.

Тем самым реальность путинской России, конструируемая политически, не чужда «положительной» и традиционной знаковости. Путин даже реанимировал некоторые существенные политические символы советского прошлого. Но все же нынешняя политическая реальность заметно отличается от советского политического мира, и единого и осмысленного, т.е. семантико-синтактического. В советском мире идеальная сущность (Учение) воплощалась в материальную сферу жизни (строительство социализма в СССР). А материальная сторона подвергалась «диалектике» прогрессизма – модернизации во что бы то ни стало, тем самым подчиняясь ценностям не от мира сего. Такой политический мир кодировался языком героического политического мифа, представляя собой символическую иерархию героев [5. С. 213–226]. Именно данный героический миф и репрезентирует, по нашему мнению, смысловой феномен политической власти России любой эпохи или сакральные основания ее легитимности. В данной связи, между прочим, находится и обращение Путина в 2014 г. к истокам русской власти – сакральному пространству генезиса православного государства.

Отсюда понятен и интерес к конструкту «Победа» со стороны современной политической власти России. Здесь имеется в виду, что в символическом ряду востребованных ритуальных сущностей стоит праздник годовщины окончания Великой Отечественной войны, смысловое наполнение которому придает конструкт «Победа» [6]. Данный сакральный смысловой мир тоже связан с истоками власти и вводит героический символизм в праздничный календарь современных политических торжеств. Власть, по-прежнему присваивая себе весь политический «семиозис», конструирует политический мир вообще и политический праздничный мир в пространстве одного ритуала. Российская власть здесь проявляет себя как «символическая власть» [7], номинирующая политическую реальность. А поскольку повседневный политический мир для нее незначим, то сакральной реальности героического спасения и отводится столь заметное место в «пространстве ликования», ностальгируя по советскому образцу. Перефразируя М. Рыклина, можно

подчеркнуть, что ностальгия по советскому проявляется в данной связи как реакция на исчезновение гигантского тотального пространства политического ритуального действия [8. С. 18].

Мы можем добавить от себя, что ритуал нужен власти-конструктору из-за своей конститутивной сущности, означающей символы власти в этой семантической по типу политической культуре. Ритуализация коммуникации и политики вообще присуща «символической» по духу культуре, а язык героического мифа – это понятный и традиционный язык политической коммуникации власти и народа. Однако власть семиотически не завершает свое конструктивное позиционирование и не всегда принимает на себя героическую ритуальную лидерскую роль. В результате эпифеноменом незавершенной героической конституции политического выступает реконструированный образ Сталина-спасителя. Тем не менее государство как политический конструкт – это по-прежнему «целое», замещающееся «частью» – политическим лидером-репрезентантом. Таким образом, знак (лидер) замещает какое-то идеальное содержание, причем особая ценность, согласно Ю.М. Лотману, конституируется знаком с нулевым выражением «материального» [3. С. 406]. Вот почему на празднике Победы поется «слава» героям, точнее их памяти, тем самым транслируются абсолютные ценности. И здесь репрезентирована своего рода ностальгия политической власти России по конструктивному творчеству «советской политической культуры», которая выражала смысл ясно и эксплицитно. В данном контексте эмоционально нагруженный смылосущий конструкт «Победа» становится в ряд с доминирующим и кодирующим интенциональным переживанием политической власти о России как мире. Символика «Победы» относится к пространству «своего» и «целого», которое репрезентирует Лидер, здесь «часть» представляет «целое», отождествляется с ним.

Поскольку знак в таком символическом политическом сознании не конвенционален, а строится по принципу иконическому (в понимании Ч. Пирса), то становится понятна суть памятного властного дуэта «Путин – Медведев», где тогдашний президент Медведев не стал лидером, а лишь знаком-копией, зеркально отражающим высший лидерский образец. Путин в данном символическом тандеме представлял «идеальное содержание», а Медведев лишь «знак-выражение». Медведев-знак в иерархии в виде набора знаков был первым в ряду (ведь знаки образуют иерархию официального лидерства), но ценность знака зависит от степени его «идеальности». Не случайно Медведев создал себе противоположный от путинского лидерского образа имидж менеджера, постоянно ведя речь о модернизации. Вот почему иконическое соответствие образов двух руководителей недавней России – или их расхождение – служило постоянным предметом для медиадискурса. Здесь, опять же, уместно провести параллели с кодированием средневековой реальности: если мир творит Создатель одним своим словом, то мир российской политики творит Конструктор, и его слово не всегда досказано. Именно лидер-конструктор обладает сакральным знанием «замысла о России», остальные могут лишь углубляться в знак, т.е. попросту строить догадки. И презентуемый образ современного политического мира России, официальная картина мира, абсолютно конструктивна, ведь она зависит от своего творца. Отсюда и нелюбовь российской власти

к выборам, ведь выборы, продолжая в принципе утверждать виртуализацию политического, вводят в абсолютную политическую реальность фактор относительного времени. Отсюда и утверждаемая онтологическая ценность продолжительного официального лидерства.

Следующий конструкт в нашем рассуждении о феномене современной российской политической власти – это понятие политического человека как корпоративного члена. Наш гражданин может стать политиком только как член политической партии, а у власти стоит целая политическая корпорация, принадлежность к которой автоматически выдвигает на высокие политические должности. То есть в России приоритетна не личная профессиональная карьера, но членство в корпорациях, таких как «единороссы», «петербуржцы», «молодежный резерв», «народный фронт» и т.п. При очевидности иерархии знаков, представляющих собой серию однородных элементов, смысл их конкретного квалификационного отбора скрыт от сознания общественности. Здесь обозначилась все та же семиотическая практика: если нет «атрибуции» корпоративной принадлежностью, то нет и личности в политическом смысле. Отсюда в иерархии политических знаков-руководителей столь много безликих и даже «безымянных» персон. Власть же заведомо «знает» кого и куда поставить и занимается дальнейшим корпоративным конструированием. В данной связи наполняется смыслом и бытовавшее не так давно выражение «выстроить вертикаль власти», ведь государство, которое тоже политически сконструировано, понимается Путиным всего лишь как иерархия знаков, находящаяся вне времени. Перед нами, может быть, принцип конструирования, релевантный коду политической культуры вообще (чиновник ведь тоже член корпорации)?

Как бы то ни было конституированы два российских ментальных мира: высший политический мир (конструкторы, руководители-знаки, корпорации-конструкты) и низший мир практической повседневности, который совершенно не ценится и находится вне политики. Это роднит нашу современную политическую культуру со средневековой культурной формой. И аналогично все политические знаки тяготеют к сакральной сути и бытуют как виртуальная политическая реальность. Здесь в качестве определяющей метафоры подобного символического мира можно привести слова того же Ю.М. Лотмана, что в нем «все существующее воспринималось как значимое (и наоборот – только значимое считалось существующим)» [3. С. 406]. Это, кстати, отражается на политической реальности как эффект «маркетинговой недостаточности». Если на Западе в условиях десакрализации политической культуры сакрализуется продукт маркетинга, то у нас маркетинговый феномен как таковой съезживается подобно шагреновой коже, зато сакрализуется сама виртуальная политическая реальность. В результате политические символы репрезентируют сами себя, но при этом смысл выражен латентно. Так, с точки зрения политического конструктивизма современной российской власти, именно «настоящий» (идеальный) лидер является истоком всего сущего и последней инстанцией справедливости. Это не значит, конечно, что власти удастся сформировать феномен безусловной веры (при всех высоких рейтингах Путина) и в Президента верят, как в Сталина, демиурга и спасителя. Но

кроме интенций власти в политическом мире сегодняшней России мало что существует и объективируется.

Таким образом, в основание своего представления о российском политическом мире власть помещает его сугубую сущностную знаковость, которая систематически артикулируется от незначущего мира повседневности. Потому все политические феномены, в том числе и коммуникацию, власть стремится ритуализировать. Частный пример тому ее «телеразборки» с текущими повседневными проблемами и их персонификациями, долженствующие символизировать конструктивную позицию руководящего верха. Так, власть-конструктор кодирует постсовременную медиакультуру своим семантическим кодом. И виртуальный мир наших дней парадоксально срастается с архаикой, по крайней мере, на уровне типологической реконструкции средневековой ментальности. В результате образуется особый доминирующий тип политической культуры России и некая семиотическая субкультура власти, а их основание – существование в политике как замещение более важного в знаковом отношении. Под таким трансцендентным бытием подразумевается феномен властной «тайны», сегодня намекающий на сакральный базис самой российской власти, от которого зависит определение и переопределение политической реальности. Мы, к примеру, совершенно не в курсе проекта отдаленного будущего или хотя бы сценария завтрашнего дня. То есть сущность политики заключается в конструктивном модусе действия политической воли ее главного субъекта. Тем самым конституция политической реальности России «подвешивается» к самому верху, а конструкция институтов политической системы консервируется согласно ментальным архетипам власти.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
3. Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2001. С. 400–417.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство–СПБ», 2001. С. 149–390.
5. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 287 с.
6. Щербинина Н.Г. Политический конструкт «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому // Ностальгия по советскому / Отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 83–98.
7. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. [Электронный ресурс] http://ecsocman.hse.ru/data/346/925/1231/2_2_3bourd.pdf (Дата обращения 12.04.2016.)
8. Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М.: Издательство Логос, 2002. 280 с.

Scherbinina Nina G. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: sapfir.19@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 27

POLITICAL AND CULTURAL CODES AND CONSTRUCTIVE CREATIVITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN POWER

Key words: political culture codes, political and cultural semantic type, political thinking constructs of the Russian power.

The article raises the issues of Russian political culture from the perspective of political constructivism. Political culture is understood as a symbolic textual unity that is constructed by a dominant code. In the article it is concluded that the semantic type of political culture predominates in modern Russia, it is expressed in a symbolic way of being. In this regard the work describes the constructs of modern political thinking of the Russian authorities. Herewith the constructive role belongs to a political leader that is transformed himself into a monologic text.

References

1. Almond, G. & Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civil culture: Political attitudes and democracy in five countries]. Translated from English by E. Gendel. Moscow: Mysl'.
2. Eko, U. (1998) *Otsutstvyuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Lack of structure. Introduction to semiology]. Translated from Spanish by A.G. Pogonyaylo, V.G. Reznik. St. Petersburg: Petropolis.
3. Lotman, Yu.M. (2001a) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB. pp. 400–417.
4. Lotman, Yu.M. (2001b) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB. pp. 149–390.
5. Shcherbinina, N.G. (2011a) *Mifo-geroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [The mytho-heroic construction of political reality in Russia]. Moscow: ROSSPEN.
6. Shcherbinina, N.G. (2011b) Politicheskiy konstrukt “Pobeda” v kontekste fenomena nostalgii po sovetskomu [The political construct of “victory” in the context of the phenomenon of nostalgia for the Soviet]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 83–98.
7. Bourdieu, P. (1993) Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social space and symbolic power]. *Thesis*. 2. [Online] Available from: http://ecsocman.hse.ru/data/346/925/1231/2_2_3_bourd.pdf. (Accessed: 12th April 2016.)
8. Ryklin, M. (2002) *Prostranstva likovaniya. Totalitarizm i razlichie* [Spaces jubilation. Totalitarianism and distinction]. Moscow: Logos.

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/35/28

А.И. Щербинин

ПАТРИОТИЗМ КАК НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КОНСТРУКТ

Статья посвящена начальному этапу кампании по пропаганде патриотизма, родившейся в недрах Центрального Комитета ВКП(б) и номенклатурной группы общественных деятелей семьдесят лет назад. На основе анализа концепта в текстах исходного документа и обслуживающего его философского сборника «О советском патриотизме» показано, как господствующая схема «любовь – гордость – превосходство – ненависть» патриотического конструкта позволяла подменять Родину партией или вождем.

Ключевые слова: патриотизм, конструкт, схема, мессианство, советская Родина.

Обращение публицистов, и чуть реже исследователей-гуманитариев, к теме патриотизма сегодня становится мейнстримом в публикациях, что наводит на мысль не только о политической актуальности, но и, как водится, о конъюнктуре. Работы историков, философов, политологов, ориентированные разнополярно, пытаются подстроиться под актуальную политическую тему или войти в привычную для советской эпохи колею и по мере возможностей дать властям предрезающим свою схему формирования и закрепления патриотизма.

То, что патриотизм не являлся абсолютно естественным, «седьмым», чувством даже для советского человека, подтверждает широкомасштабная всесоюзная кампания, от которой нас отделяют без малого семьдесят лет. В апреле 1947 г. Агитпропом ЦК ВКП(б) был направлен под грифом «секретно» А.А. Жданову, секретарю ЦК ВКП(б), «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» [1]. Обращение к данному документу интересно в нескольких планах. Во-первых, оно позволяет установить первоначальный этап кампании по конструированию патриотической реальности в обществе, когда, казалось бы, не было необходимости в такого рода деятельности в отношении народа-героя и страны-победительницы в Великой Отечественной войне. Во-вторых, следует рассмотреть, что может вмещать концепт «патриотизм», подаваемый как идеологически инструментальный конструкт, и как схема концепта воспроизводилась по мере его продвижения к адресату. В-третьих, есть необходимость обратить внимание на роль гуманитарной науки в иницировании и продвижении кампании по воспитанию патриотизма.

Начнем свое расследование с того, что парадоксальным является само время появления документа. Как уже говорилось, авторитет СССР был стабилен на международной арене, несмотря на фултоновскую речь Черчилля 1946 г. и ухудшение отношений с бывшими союзниками, и тем более в сознании народа-победителя был практически непререкаем. План Маршалла будет озвучен только 5 июня 1947 г. Документ родился в период подготовки к тридцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции,

поэтому акцент на негативных чертах в советском обществе был нелогичен с точки зрения триумфального этапа, овеянного Победой в недавней войне. Даже свойственный советской пропаганде манихейский характер видения мира, если не углубляться в конспирологию, объективно не позволяет увязать раздел Палестины в 1947 г. по решению ООН, в котором активно проявилась позиция высшего руководства СССР, и развязанную кампанию против «безродных космополитов» внутри страны. Следовательно, мы имеем дело с конструктом, который обслуживал несколько целей, включая и внутри-элитную борьбу в партии и гуманитарной науке, и не отбрасывал интересы и амбиции самих составителей документа – Г.Ф. Александрова, начальника Управления пропаганды и агитации, переведенного в 1947 г. на должность директора Института философии АН СССР, П.Н. Федосеева (бывшего сотрудник этого Института, в 1955 г. он сменил Александрова на посту директора, а на момент написания «Плана» Федосеев – сотрудник аппарата ЦК) и С.М. Ковалева – историка, заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Таким образом, обслуживающая руководство партии наука, точнее – номенклатура партии в философской науке, фактически инициировала беспрецедентную кампанию по конструированию «актуального» патриотизма.

Нет ничего удивительного в том, что документ начинается не с величия социалистического отечества или феномена массового советского патриотизма – для этого было достаточно формального введения. В духе большевистской риторики вполне манихейским является начало документа. После ритуальных фраз следующим абзацем авторами заявляется: «Однако партийные организации, работники пропаганды, науки и культуры, от деятельности которых во многом зависит культурный рост и социалистическая сознательность советских людей, ни в коем случае не должны исходить из ложных взглядов, будто теперь, когда советский народ построил социализм и с такой отвагой и преданностью защитил свою родину от немецко-фашистских захватчиков, покончено с пережитками капитализма в сознании людей, с различными буржуазными навыками и традициями. В современных условиях одним из наиболее вредных и опасных пережитков капитализма в сознании людей, препятствующим развитию и укреплению советского патриотизма, является наблюдающееся у отдельных граждан СССР чувство низкопоклонства перед капиталистическим Западом, перед современной буржуазной культурой. Самое решительное и полное преодоление этого пережитка капитализма имеет первостепенное значение в деле успешного воспитания высокой коммунистической сознательности, беззаветной любви советских людей к своей отчизне» [1].

Таким образом, ни построение социализма полностью и окончательно, ни Великая Победа не являются достаточными основаниями для патриотизма. Критерием *истинности взглядов*, отделяющих патриота от не-патриота становится признание пережитков капитализма в сознании отдельных людей, различных буржуазных навыков и традиций. И уже борьба с подобными пережитками, навыками, традициями объявляется задачей первостепенного значения «в деле успешного воспитания высокой коммунистической сознательности, беззаветной любви советских людей к своей отчизне» [1].

Итак, основная идея была изложена исключительно на спекулятивной базе, авторам оставалось сформулировать цели, направления и определить тактику на первом этапе реализации «Плана мероприятий». «Рекомендательная» часть документа, адресованная партийным организациям, *всем* работникам печати, пропаганды, науки и культуры, носит облигаторный характер. Ее адресаты должны *постоянно разъяснять*, «что советский патриотизм означает глубокое *понимание превосходства* социалистического строя над буржуазным, *чувство гордости* за советскую родину, *беззаветную преданность делу партии Ленина – Сталина*» [1]. Начальная триада выглядит элементарно: имеющее непосредственное отношение к патриотизму *чувство гордости* за советскую родину дополняется глубоким пониманием *превосходства* и *беззаветной преданностью делу партии Ленина – Сталина*. Рассмотрим, каким образом разъяснялись эти компоненты. Естественно, что концепт *гордости* пересекается с *чувством превосходства* и во многом им определяется. На первом месте в документе оказывается *гордость*. Советский народ *гордится* (*имеет право, вправе*) построенным (под руководством партии большевиков) самым совершенным строем – социализмом; он, вопреки «гносным утверждениям эксплуататоров», доказал, что трудящиеся способны сами «строить свою жизнь»; «что его могучая армия разгромила армии немецких и японских империалистов». Особо акцентировалось внимание на том, что «предметом *величайшей гордости* нашего народа является партия большевиков – «ум, честь и совесть нашей эпохи» [1]. Тут же авторы используют наречие *особенно* для усиления уникальности предмета *чувства величайшей гордости*: «Советский народ *особенно гордится* тем, что он выдвинул из своей среды *величайших гениев* в области передовой теории и революционного действия, какими являются его *вожди Ленин и Сталин*» [1].

А вот *воспитание высокой коммунистической сознательности* наряду с *беззаветной любовью советских людей к своей отчизне* определяется Планом не как условие, а как первостепенная задача [1]. Остается догадываться, либо коммунистическая сознательность и любовь к отчизне уже имеются, но на более низком уровне, либо второе рассматривается как часть первого, более важного. Так, *любовь к Родине* становится еще одним элементом схемы, а наречие *беззаветно* говорит о цене такой любви: «беспрекословно, не жалея сил, героически, безоглядно, абсолютно, подвижнически, забывая себя, самоотверженно, жертвенно» [2].

Риторика документа пронизана мессианизмом, напоминающим время политических грез о мировой революции: единственный народ, имеющий великие заслуги перед человечеством, открывший новую эпоху – эпоху социалистического общества, спасший мир от фашистских варваров. В силу этого «великие исторические подвиги нашего народа, построившего социализм, поставили советский народ *во главе всех других народов в борьбе за прогресс*, что *наша социалистическая родина является путеводным маяком для всего человечества*» [1]. Естественно, логика декларирования превосходства вела к сравнению «у нас/у них», должному порождать ненависть к угнетению, неразрывно связанную «с пламенной любовью к социалистической родине». Следовательно, любовь такого рода «не может быть совместима с преклонением перед эксплуататорской буржуазной культурой». А всякое нарушение

данного морально-политического табу определяется несовместимым, в свою очередь, «с сохранением чести и достоинства советского гражданина» [1]. Далее идет разъяснение, что и как надо раскрывать пропагандистам: эксплуататорская сущность и паразитизм капитализма; социальный и национальный гнет; антинародное содержание буржуазной демократии, лживый характер так называемых «свобод»; идейное убожество буржуазной культуры и «ее гнилое и реакционное содержание». Единственная на весь документ цитата из доклада Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. о том, что «последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства», должна убедить в правильности такого сопоставления. Ее и рекомендовалось взять за основу воспитания советского патриотизма [1].

Тема превосходства доминирует в «пропагандистско-коммуникативной» части документа. Именно здесь были показаны каналы пропагандистской коммуникации и перечислены основные темы, на которые следует сделать основной упор «для разъяснений указаний ЦК ВКП(б) о воспитании советского патриотизма». Темы *первоочередных* статей в газетах и журналах распределены следующим образом: советское государство – самое демократическое государство в мире; преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической системой; о духовном превосходстве советских людей над людьми буржуазного мира; идеология советского народа – самая передовая идеология в современном обществе; партия большевиков – ум, честь и совесть нашей эпохи; величие и мировое значение русской литературы и искусства; превосходство советской культуры над культурой буржуазной; ведущая роль советского народа в прогрессивном развитии человечества; упадок современной буржуазной культуры; Великая Октябрьская социалистическая революция – начало новой эпохи в истории человечества; СССР – первое в мире социалистическое государство; коммунизм – высшая форма организации общества; великие достижения культурной революции в СССР; ленинизм – высшее достижение русской и мировой культуры; крупнейшие открытия и изобретения русских ученых; расцвет литературы и искусства в СССР; всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне; торжество советской военной стратегии и банкротство немецко-прусской военной доктрины во Второй мировой войне [1].

В этом разделе Плана темы *гордости и любви* занимают несравнимо меньшее место, уступая превосходству и ограничивая предлагаемые публикации двумя аспектами: о гордости советских людей за свою социалистическую родину и о беспредельной любви к социалистической родине как важнейшем качестве советских людей.

Завершает тематический блок сопоставительная тематика: мораль коммунистическая и мораль буржуазная; труд в СССР – дело чести, доблести и геройства; морально-политическое единство советского общества; дружба народов СССР – закон развития социалистического общества; советский народ – творец социалистической жизни; личность в условиях социализма и капитализма. И «у них»: экономический и политический гнет в капиталистических странах; угнетение и эксплуатация империалистами народов коло-

ниальных стран; наука буржуазных стран на службе интересов капитала; безыдейность и аполитичность буржуазной литературы и искусства. Наконец, обнаруживаются и узкопрофессиональные интересы авторов Плана – «реакционная сущность современной буржуазной социологии» [1].

Естественно, что газетными и журнальными публикациями авторы не собирались ограничиться. В их руках был мощный ресурс советских и партийных лекторов, к тому же обретавших новую организационную форму «Общества по распространению политических и научных знаний» (1947) – для авторов Плана это не просто сетевая организация, но и источник влияния на собственное положение в аппарате, в научной среде, а также не следует упускать из вида и отдельную строку финансирования: расходы как на гонорары лекторам, так и на публикации, что было немаловажно.

Завершая анализ документа, обратим внимание на то, что определения патриотизму авторы документа так и не дали. Видимо, за столь «многообразным содержательным наполнением» забыли или не посчитали нужным определить форму. Да, скорее всего, этого от них никто не ждал. В конечном счете, План не претендовал на статус теории.

Определение патриотизма могло быть ожидаемо в сборнике статей «О советском патриотизме» уже потому, что он был выпущен под маркой Института философии АН СССР. Увы, этого не произошло и здесь, поскольку главная особенность книги, как следовало из предисловия, заключалась в том, что «выпускаемый сборник не претендует на исчерпывающее освещение темы о советском патриотизме. Он призван помочь читателю уяснить основные положения Ленина и Сталина о советском патриотизме» [3. С. 4]. Как показывает анализ, «буква и дух» Плана сохранились, хотя из авторов исходного документа в нем остался только С.М. Ковалев со статьей по далеко не «частному» вопросу «Советская национальная гордость и борьба против низкопоклонства перед буржуазной иностранщиной».

Общее впечатление от статей, входящих в сборник, таково: во-первых, несмотря на разные, по заголовкам, предметы, они оперируют одним и тем же материалом, заданным схемой, и эта схема удивительным образом определяется основными идеями Плана: любовь – гордость – превосходство – ненависть; во-вторых, это один из образцов коммунистической догматики, где диалектика подменяется содержательным «прикладыванием» одного тезиса к другому по типу «камень на камень, кирпич на кирпич»; в-третьих, в духе «высокой» пропаганды сборник не лишен эпического (идет ли речь о вождях, рядовых патриотах или врагах), что ритмически вместе с повторяемостью схемы «любовь – гордость – превосходство – ненависть» оставляет впечатление своего рода мантр. К заключительному выводу одной статьи сразу подключается другая. Например, финал статьи А.И. Соболева «Советский патриотизм – патриотизм высшего типа» звучит так: *«Партия Ленина – Сталина цементировала патриотические чувства миллионов советских тружеников единой целью, сплотила волю десятков миллионов в единую волю и направила этот могучий, удесятенный большевистской организованностью патриотический порыв народа на решение задач строительства коммунизма»* (курсив А. Соболева) [4. С.118]. А вот так выглядит начало статьи Г.Е. Глезермана: «Судьбы нашей Родины нераздельно связаны с больше-

вистской партией, твердо и уверенно направляющей наше движение вперед, к коммунизму. Вот почему в сознании советского человека тесно слились Родина, партия, Сталин. Вот почему в лице Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, в образе великого учителя и вождя товарища Сталина советские люди видят воплощение своих высочайших патриотических чувств и стремлений» [4. С. 119–120].

В этой связи ни одну статью содержательно нельзя назвать теоретически (и даже политически) главной, определяющей остальные. Невозможно сказать, где общая проблема, а где частная. На первый взгляд, и по расположению, и по названию «главной» должна быть статья Д.И. Чеснокова «Марксизм-ленинизм об отечестве и патриотизме», на деле же она выглядит тривиальным повторением «Краткого курса истории ВКП(б)» [6]. Поэтому на статус главной могли претендовать статьи и А.И. Соболева [4], и Г.Е. Глезермана [5]. Бесспорно, приоритет мог быть отдан и статье одного из редакторов сборника Н.П. Васильева «Советский патриотизм – могучая движущая сила развития социалистического общества» [7] уже потому, что он единственный из авторов сборника в самом начале статьи определил главного теоретика патриотизма – товарища Сталина. По Васильеву, уже на XXVIII съезде партии в числе движущих сил, обеспечивших победу социализма, вождь назвал патриотизм, призвав «развивать и культивировать советский патриотизм». Далее, «товарищ Сталин... определяет советский патриотизм как *животворный*» (курсив Н. Васильева). Обращение к сталинской церковно-возвышенной (См.: Гал.3:21) риторике применительно к онтологии патриотизма было бы оправдано, если следовать к родовым истокам данного феномена. Но этого, увы, не могло произойти по логике материалистической философии «производительных сил и производственных отношений», и стало лишь не совсем уместным украшением апологетического текста [7. С. 214].

Сам по себе сборник как концептуальный комплекс нуждается и в количественном, и в качественном анализе. Мы же обратимся к наиболее «смелым» предложениям авторов статей, выходящим (текстуально, но не по духу) за рамки «схемы». Так, Г.Е. Глезерман, вдохновленный аналогиями предшествующих побед партии большевиков, писал: «Если в борьбе за победу социализма партия большевиков обеспечила ликвидацию эксплуататорских классов, которые по своему существу были антипатриотичными, то в процессе борьбы за победу коммунизма партия обеспечивает преодоление пережитков антипатриотической идеологии, выкорчевывает капитализм в сознании людей» [5. С. 176]. Что мы видим? Далеко не только рекомендации по переносу классовой борьбы в сферу сознания. Если классовые враги периода борьбы за социализм – антипатриоты, то антипатриоты эпохи строительства коммунизма могут ли быть иными, чем классовыми врагами? Поэтому «ликвидация» и «выкорчевывание» суть одно и то же действие в отношении врага, определение которого, по Карлу Шмитту, целиком является монополией государства. В данном конкретном случае удар был направлен против «безродных космополитов» – «изменников и предателей, которые продают свою родину американскому империализму» [5. С.173].

Задача же государственной философии-идеологии – обосновывать эти действия, а иногда и делать своевременные «подсказки» монополисту. Что

философия получает взамен? Право на признание партией-государством в качестве официальной хранительницы марксистско-ленинской мудрости и статус «главной науки» страны. Бесспорно, при полном контроле партии. Здесь в статье того же Глезермана делается «уместная» ссылка на то, что «партия большевиков подняла на должную высоту достоинство отечественной науки». В качестве примера автор приводит дискуссию по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии» [5. С. 172–173]. Пикантность этого отрывка в том, что те, кому была адресована критика Сталина, Жданова, соратников по «философскому цеху», успешно сформировали и организационно-теоретически сопровождали кампанию «по воспитанию советского патриотизма». И опять философия оказывается на высоте: «Проведя философскую дискуссию, партия призвала работников всех отраслей науки к борьбе за большевистскую партийность в теоретической работе, за господство боевого советского патриотического духа в их рядах» [5. С. 173]. Сама по себе «философская дискуссия», как и закрытое совещание в ЦК (1944 г.) по проблемам историографии отечественной истории, были пробным камнем по укоренению патриотизма в общественных науках (см. подробнее: [8, 9]).

Таким образом, «бритва Оккама» не коснулась работ, опубликованных в философском сборнике, более того, «исчерпывающее освещение темы о советском патриотизме», не затрагивая *сущности* патриотизма, не ограничивало возможности многочисленных его *проявлений*, разумеется, уже в рамках обозначенного Планом (и сформулированной в нем схемой) и развернутого в данном сборнике конструкта «советского патриотизма». Номенклатурному конструкту предстояло еще проявить себя в атмосфере партийных заседаний, собраний научных и творческих коллективов, «судов чести», воплотиться в пьесы и песни, лекции про жизнь на Марсе и русский трактор и т.п. Патриотическое воспитание отныне станет неотъемлемой частью образования, пройдя по траектории от методических указаний до индоктринационных техник на уроках и во внешкольной работе (см.: [10]).

В целом номенклатурная схема конструирования патриотизма, призванная переводить любовь к Родине в любовь к партии и ее вождям, вряд ли соответствовала сталинскому эпитету *животворный*, напротив, по преимуществу это было мертвящее насилие над общественным сознанием и поведением, растянувшееся на десятилетия.

Литература

1. План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. URL: <http://www.alexandervakovlev.org/fond/issues-doc/69334> (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

2. *Словарь русских синонимов*. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-2807.htm> (дата обращения 13.06.2016).

3. *Предисловие* // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 3–4.

4. *Соболев А.И.* Советский патриотизм – патриотизм высшего типа // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 62–118.

5. *Глезерман Г.Е.* Партия большевиков вдохновитель и воспитатель советского патриотизма // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 119–181.

6. *Чесноков Д.И.* Марксизм-ленинизм об отечестве и патриотизме // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 5–61.

7. Васильев Н.П. Советский патриотизм – могучая движущая сила развития социалистического общества // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 214–269.

8. Добренко Е. Метагалинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3(27). С. 26–64, № 4(28). С. 253–298.

9. Гришаев О.В. Роль совещания историков 1944 года в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 132–136.

10. Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация как управление сознанием: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 274 с.

Scherbinin Alexey I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: shai52@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 28

PATRIOTISM AS A NOMENCLATURE CONSTRUCT

Key words: *patriotism, construct, scheme, messiahship, Soviet Homeland.*

The article is devoted to the initial phase of patriotism promoting campaign that was born in the interior of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the nomenclature group of social scientists seventy years ago. On the basis of the concept analysis in the original document texts and in the supplying philosophical collection “On the Soviet patriotism” it is shown how the dominating scheme “love – pride – superiority – hate” of the patriotic construct allowed to substitute Homeland by the party or the leader.

References

1. Anon. (n.d.) *Plan meropriyatiy po propagande sredi naseleniya idey sovetskogo patriotizma* [The plan for the promotion of Soviet patriotism among the population]. [Online] Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69334>. (Accessed: 1st June 2016).

2. Classes.ru. (n.d.) *Slovar' russkikh sinonimov* [The Dictionary of Russian Synonyms]. [Online] Available from: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-2807.htm>. (Accessed: 13th June 2016).

3. Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 3–4.

4. Sobolev, A.I. (1950) *Sovetskiy patriotizm – patriotizm vysshego tipa* [Soviet patriotism is patriotism of the highest type]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 62–118.

5. Glezerman, G.E. (1950) *Partiya bol'shevikov vdokhnovitel' i vospitatel' sovetskogo patriotizma* [The Bolshevik Party as the inspirer and teacher of Soviet patriotism]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 119–181.

6. Chesnokov, D.I. (1950) *Marksizm-leninizm ob otechestve i patriotizme* [Marxism-Leninism on the Motherland and patriotism]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 5–61.

7. Vasiliev, N.P. (1950) *Sovetskiy patriotizm – moguchaya dvizhushchaya sila razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva* [Soviet patriotism as a powerful driving force for the development of socialist society]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 214–269.

8. Dobrenko, E. (2014) *Metastalinizm: Dialectics of partisanship and party dialectics. Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 3(27). pp. 26–64, 4(28). pp. 253–298. (In Russian).

9. Grishaev, O.V. (2013) *Rol' soveshchaniya istorikov 1944 goda v razvitiu sovetskoy istoriografii russkoy istorii* [The role of historians' meeting in 1944 in the development of Soviet historiography of Russian history]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika.* 1(144). pp. 132–136.

10. Shcherbinin, A.I. (2012) *Totalitarnaya indoktrinatsiya kak upravlenie soznaniem* [The totalitarian indoctrination as a mind control]. Tomsk: Tomsk State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКМАТАЛИЕВА Айнура Марамбековна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского Университета (г. Бишкек, Кыргызстан), Visiting scholar в Университете Дж. Вашингтона, США.

E-mail: Akmatalievaa06@mail.ru

АНТИДЗЕ Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Сибирский государственный индустриальный университет (г. Новокузнецк).

E-mail: antidze@mail.ru

БЕРЕСТНЕВА Ольга Григорьевна – доктор технических наук, профессор кафедры прикладной математики Института кибернетики Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: ogb2004@mail.ru

БУЛАТОВА Татьяна Алексеевна – кандидат медицинских наук, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Томского государственного педагогического университета (г. Томск).

E-mail: bulatowa@mail.ru

ГРЕБЕНКИНА Елена Владимировна – аспирант кафедры международных отношений Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

E-mail: gr2015@ngs.ru

ГРИЦАН Анна Викторовна – магистр политических наук, аспирант кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

E-mail: anna.gritsan@gmail.com

ДАНИЛОВА Елена Александровна – кандидат политических наук, докторант Томского государственного университета, философский факультет (г. Томск).

E-mail: elena.a.danilova@yandex.ru

ДОВГАЛЬ Галина Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарного образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета (г. Уссурийск).

E-mail: dovgal.gvi@dvfu.ru

ЗВЯГИНА Дарья Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва).

E-mail: d.zvyagina89@gmail.com

КАРАЧКАНОВ Арман Амангельдыевич – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств (г. Челябинск).

E-mail: arman5879@mail.ru

КИРДЯШКИН Иван Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: kirdjkin@mail.ru

КНЯЗЕВА Елена Николаевна – доктор философских наук, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

КОЛЯДИН Андрей Михайлович – кандидат политических наук, преподаватель факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: andy@list.ru

КОРНИЕНКО Анна Анатольевна – кандидат технических наук, доцент кафедры истории и философии науки и техники Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

КОРНИЛОВА Дарима Дылык-Нимаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательской деятельности Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск)

E-mail: tchimitovad@mail.ru

КРАВЧЕНКО Надежда Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов).

E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

ЛЕВИН Сергей Михайлович – кандидат философских наук, преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

E-mail: serg.m.levin@gmail.com

МАРТЫНЕНКО-ФРИАУФ Алексей Александрович – старший методист Центра стратегического планирования и практик Сибирского государственного индустриального университета (г. Новокузнецк).

E-mail: fagot1974@yandex.ru

МАТВЕЕВ Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Лобачевского (г. Нижний Новгород).

E-mail: a.s.matveev@yandex.r

ПОЛЯКОВА Наталья Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и философии политики, факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: belnata70@yandex.ru

ПУСТОВОЙТ Юрий Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий, СИУ РАНХиГС (г. Новосибирск).

E-mail: pustovoit1963@gmail.com

РУБАНОВ Виталий Георгиевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии науки и техники института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: rubanw@tpu.ru

РУБАНОВА Елена Витальевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии науки и техники института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: rubanowaelena@tpu.ru

РУМИ Фархад – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Лобачевского (г. Нижний Новгород).

E-mail: farshadroomi@gmail.com

СЕВОСТЬЯНОВ Алексей Владимирович – начальник департамента информационной политики Администрации Томской области (г. Томск).

E-mail: 9410@mail.ru

СДЕЛЬНИКОВ Виталий Андреевич – аспирант кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: dr.saladinn@yandex.ru

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь (г. Пермь).

E-mail: pisatels@mail.ru

СКОЧИЛОВА Вероника Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: veronassk@gmail.com

СКРИПНИК Алена Владимировна – кандидат филологических наук, магистр экономики, доцент кафедры литературы Томского государственного педагогического университета, доцент кафедры экономики и менеджмента Томского института бизнеса (г. Томск).

E-mail: blackstrawberry@mail.ru

СУЗДАЛЕВА Татьяна Романовна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (г. Москва).

E-mail: syzdalev@list.ru

ТРИФОНОВ Юрий Николаевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственной и муниципальной службы Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Тамбов).

E-mail: liony12345@rambler.ru

ТРОШКИНА Ирина Николаевна – канд. филос. наук, заведующая сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан).

E-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

ФИЛЬКИНА Александра Витальевна – канд. социол. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета (г. Томск).

ХАМИТОВ Рамиль Муратжонович – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: rams2601@yandex.ru

ЩЕРБИНИН Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: shai52@mail.ru

ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE**

2016. № 3 (35)

Редактор *В.С. Сумарокова*

Оригинал-макет *Т.В. Дьяковой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 15.09.2016.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ. л.17,25; усл. печ. л. 24,15; уч.-изд. л. 24,65.

Тираж 100 экз. Заказ № 2052. Дата выхода в свет 22.09.2016.

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома

Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49

<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru